Министерство образования и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник научных статей

№ 4 (2015)

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2016

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Редакционный совет:

Рудской А.И., чл.-корр. РАН – председатель;

Арсеньев Д.Г., д-р техн. наук, профессор;

Кораблев В.В., д-р физ.-мат. наук, профессор;

Никифоров В.М., профессор,
Чрезвычайный и полномочный посол РФ;

Прохоренко А.В., д-р филос. наук, профессор;

Тимерманис И.Е., д-р социол. наук,
профессор;

Ягья В.С., д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия:

Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор –
главный редактор;

Малинов А.В., д-р филос. наук, профессор –
ответственный секретарь;

Осипов И.Д., д-р филос. наук, профессор –
заместитель главного редактора;

Жуков А.Ф., д-р ист. наук, профессор;

Павлова О.К., д-р ист. наук, профессор;

Живулин В.П., канд. филол. наук, доцент.

Сборник зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9480.

С 2010 года ежегодный сборник **«Международные отношения и диалог культур»** издавался в виде коллективных монографий преподавателей, ученых и партнеров кафедры «Международных отношений» Санкт-Петербургского политехнического университета.

С 2012 года сборник выпускается как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: **«Международные отношения и диалог культур» = «International Relations and Dialogue of Cultures».**

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52143 от 11 декабря 2012 г.)

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Сборник рассылается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д.28
Телефон: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42
E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Scientific articles selection

№ 4 (2015)

Polytechnic University Publishing House
Saint Petersburg
2016

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Editorial Council:

Andrey I. Rudskoy,
Corresponding Member of
Russian Academy of Sciences – chairman;

Dmitry G. Arseniev,
Doctor of Science, Professor;

Vadim V. Korablev,
Doctor of Science, Professor;

Valentin M. Nikiforov,
Professor, Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russian Federation;

Alexandr V. Prokhorenko,
Doctor of Science, Professor;

Igor Y. Timermanis,
Doctor of Science, Professor;

Vatanyar S. Yagya,
Doctor of Science, Professor.

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin,
Doctor of Science, Professor – Chief Editor;

Aleksey V. Malinov,
Doctor of Science, Professor –
Executive Secretary;

Igor D. Osipov,
Doctor of Science, Professor – Deputy Editor;

Akesey F. Zhukov,
Doctor of Science, Professor;

Olga K. Pavlova,
Doctor of Science, Professor;

Vladislav P. Zhivulin,
PhD, Associate Professor.

Scientific articles selection is registered in the International System of Periodicals ISSN-2304-9480.

Since 2010, the annual compilation of "International Relations and the Dialogue of Cultures" was published in the form of monographs by teachers, scientists and partners of the Department of "International Relations", Saint-Petersburg Polytechnic University.

Since 2012, issued as an independent periodical in Russian and in English under the title: «Международные отношения и диалог культур» = «International Relations and the Dialogue of Cultures».

Scientific articles selection is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication (Certificate of Registration PL № FS 77-52142 December 11, 2012).

In selecting articles the editorial board is guided by the scientific and editorial policy of the scientific articles selection and by the principles of publishing ethics.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

No part of the publication may be reproduced without clear reference to the source.

The collection is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 28, Grazhdansky pr., Saint-Petersburg, Russia, 195220
Phone: **+7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42**
E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 2016

УДК 929

В. М. Никифоров

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОГОДИН – УЧЕНЫЙ И УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРОФЕССОР. К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

НИКИФОРОВ Валентин Михайлович – ***Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации.***
Профессор кафедры «Международные отношения»; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Kmo@imop.spbstu.ru.

В статье рассматривается научная и педагогическая деятельность доктора исторических наук, профессора Сергея Николаевича Погодина, основные темы его исследований: русская историография, международные отношения, миграционные процессы, проблемы формирования национального сознания и др. Дается характеристика его лекционных курсов и учебно-методических работ. Отмечаются заслуги по созданию кафедры международных отношений Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Приведена библиография основных научных работ профессора С.Н. Погодина.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОГОДИН; САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ; НАУКА; ПЕДАГОГИКА.

В начале октября 2016 года кафедра «Международные отношения», созданная 15 лет назад и возглавляемая доктором исторических наук, профессором Сергеем Николаевичем Погодиным, собирает своих коллег по научному сообществу, друзей кафедры на его юбилей. Прежде, чем стать университетским профессором и заведующим кафедрой С.Н. Погодин прошел длительный путь становления ученого,

преподавателя, организатора научно-образовательной работы в вузе. Его незаурядные научные, профессиональные и человеческие качества, коммуникационные способности немало послужили единению не только коллектива кафедры, но и коллег из других российских вузов и научных академических организаций, зарубежных коллег.

Сергей Николаевич Погодин родился 11 октября 1956 г. в Ленинграде, в семье служащих. Его отец – Николай Кузьмич был ведущим инженером, руководителем многих оборонных проектов на заводе «Большевик», мать – Нина Васильевна – инженер-конструктор проектного института.

Ещё в школьные годы у Сергея Погодина сформировался интерес к гуманитарным и социальным наукам. После окончания средней школы в 1973 г., он поступил в Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена на географический факультет. Выбор факультета был не случаен: родители много путешествовали, поэтому желание стать географом было вполне понятным. Во время учебы в институте Сергей Погодин увлекся экономической географией зарубежных стран. Написанная и защищенная им дипломная работа, под руководством доктора исторических наук, профессора В.С. Ягья – «Формирование промышленных зон в развивающихся странах под воздействием экономической помощи СССР», стала в последствие основой для его первой научной публикации [1].

Как научный руководитель **Ватаняр Саидович Ягья** оказал существенное влияние на формирование научного мировоззрения, методологии научного познания начинающего исследователя. Его забота и внимание к своим ученикам создавали благоприятные условия для формирования и развития у них научного потенциала. Учитель умел увлечь своих подопечных новыми направлениями в науке, расширить круг их познания, поддержать в их начинаниях.

Зарекомендовав себя способным к научной деятельности студентом, Сергей Погодин по решению Ученого Совета факультета получил направление в очную аспирантуру, на кафедру экономической географии зарубежных стран. Эта рекомендация позволила ему поступить на работу в Высшую профсоюзную школу культуры ВЦСПС.

В 1980 г. после прохождения срочной службы в рядах Советской Армии, С.Н. Погодин поступил в очную аспирантуру Высшей школы профсоюзного движением им. М.И. Шверника ВЦСПС (Москва) на кафедру зарубежного профсоюзного движения. Там его научным руководителем стала доктор исторических наук, профессор **Раиса Степановна Варфоломеева**, крупнейший специалист по истории французского рабочего движения. Именно благодаря ее требовательности, настойчивости за два года, вместо трех положенных, Сергеем Николаевичем была написана кандидатская диссертация «Борьба Всеобщей конфедерации трудящихся Франции (ВКТ) за социально-экономические интересы французских трудящихся (70-е годы)». Защита состоялась в 1983 г., а в 1985 г. на основе диссертации была опубликована монография «В борьбе за интересы французских трудящихся». В монографии был дан всесторонний анализ деятельности крупнейшего французского профсоюзного объединения, основные направления и приоритеты его работы. Особое внимание уделялось мало тогда исследованному вопросу о деятельности низовых профсоюзных организаций на французских предприятиях. В книге анализировалось влияние научно-технического прогресса на интенсификацию труда наемных работников и рассматривались конструктивные методы защиты интересов французских трудящихся. Монография получила хорошие отзывы [2]. Впоследствии Сергей Николаевич опубликовал ряд статей о рабочем движении во Франции [3, 4].

Вернувшись в 1984 г. после окончания обучения в Ленинград, С.Н. Погодин был принят на работу в Ленинградский государственный политехнический институт им. М.И. Калинина (ЛПИ) ассистентом на кафедру научного коммунизма. Заметное влияние на формирование Сергея Николаевича как преподавателя оказал тогдашний заведующий кафедрой, доктор философских наук, профессор **Алексей Георгиевич Шевелев**. Благодаря его усилиям на кафедре была создана атмосфера творческой деятельности, позволявшая молодым преподавателям успешно заниматься научной и педагогической работой.

Как известно, социально-экономические изменения, начавшиеся в годы перестройки, в корне изменили вузовскую систему образования.

Кафедре, на которой работал С.Н. Погодин, были поставлены новые задачи: изучение политической мысли, освоение новых направлений в политологии. Эти задачи и определили последующее направление исследований Сергея Николаевича – изучение русской политической мысли конца XIX – начала XX в. [5, 6, 7]. Вопросы истории политической мысли в России нашли отражение и в научно-методической сфере деятельности начинающего исследователя. Бесценную помощь С.Н. Погодину в обновлении научной и педагогической деятельности оказал декан Гуманитарного факультета, заведующий кафедрой политологии, доктор философских наук, профессор **Михаил Алексеевич Василик**. В частности, Сергей Николаевич занялся вопросами политической истории периода Великой Французской революции. Он обратился к мало исследованным страницам российской исторической науки – «Русской школе» историков [9]. Это понятие, утвердившееся в западноевропейской науке, обозначало российских ученых, изучавших французскую революцию конца XVIII в.: Николая Ивановича Кареева, Ивана Васильевича Лучицкого, Максима Максимовича Ковалевского.

Исследователь С.Н. Погодин поставил перед собой трудную задачу – определить вклад этих историков в историографию французской революции конца XVIII в., раскрыть методологические принципы их работы, определить их вклад в российскую историографическую науку. В ходе работы над указанной темой были опубликованы статьи, посвященные научной деятельности Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого [10–13].

Не последнее место в историографии занимает определение «научной школы». Словосочетание «научная школа» связывает понятия «школа» и «наука». Следовательно, здесь подразумевается сообщество ученых, которые заняты не только самой «наукой», но и «обучением науке», т.е. передачей знаний и приемов научной деятельности, необходимых ученым следующего поколения, поэтому термин «научная школа» содержит двойственность: образовательной школы и предметного изучения, тем самым выступая на пересечении этих понятий. Представление о коллективе как о научной школе предусматривает в качестве основной функцию обучения научному творчеству в сочетании со

свойственными данной школе своеобразием научного мышления и особенностями в подходах к решению научных проблем. Названный круг вопросов С.Н. Погодин рассматривал в ряде своих статей [14, 15].

Исследуя научное творчество Н.И. Кареева [17–23], И.В. Лучицкого [24, 25], М.М. Ковалевского [26–30], Сергей Николаевич сосредоточился на интеллектуальных портретах историков. В опубликованных статьях он анализировал не только их концепции, но и касался особенностей их личной жизни [31, 32].

Н.И. Кареев и М.М. Ковалевский, как известно, были профессорами Санкт-Петербургского Императорского Политехнического института, поэтому исследование их творчества не могло пройти мимо их преподавательской работы в стенах родного и для самого Сергея Николаевича университета [33, 34]. Итоговой в этом отношении для С.Н. Погодина стала написанная совместно с М.А. Василиком и О.Л. Гнатюк монография «Истоки и традиции гуманитарного образования в Санкт-Петербургском государственном техническом университете» [35].

Из трех представителей «русской школы» значительное внимание Сергей Николаевич уделял Максиму Максимовичу Ковалевскому [36, 37]. С его именем связаны крупные достижения не только в исторической науке, но и в правоведении, и в социологии. Благодаря ему была открыта первая в России кафедра социологии. Не случайно, поэтому его называют отцом русской социологии.

Результатом изучения «русской школы» стала монография «Русская школа историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский» [38]. Работа получила высокую оценку в среде историков [39; 40; 41; 42], что позволило представить ее в диссертационный совет Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН в качестве докторской диссертации. Защита диссертации состоялась в феврале 1998 г. В отзывах официальных оппонентов: Б.С. Кагановича, Ю.В. Егорова, А.Н. Цамутали, была дана положительная оценка проделанной диссертантом работы. В июне 1998 г. Сергею Николаевичу Погодину был вручен диплом доктора исторических наук.

2000 год стал переломным в научной и педагогической деятельности С.Н. Погодина – он получил приглашение возглавить создаваемую в

Институте международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета кафедру международных отношений, которая была открыта по инициативе тогдашнего ректора университета академика РАН **Ю.С. Васильева**. По мнению современников, «Юрий Сергеевич в должности первого лица вуза обладал редким даром руководителя поощрять новые начинания и мыслил всегда по-государственному широко» [160]. Главная задача, которую ставило руководство университета перед новой кафедрой – подготовка высококвалифицированных специалистов в области международных отношений по проблемам приграничных с Санкт-Петербургом районов.

Первый набор студентов на кафедру проходил по специальности «Регионоведение», специализация страны Северной Европы. Студенты изучали дисциплины, дающие представление о данном регионе: история, экономика, культура, религия, политика, юриспруденция, оставляя за собой право выбора языка (финского или шведского). Через три года добавилась новая специализация – Китайская Народная Республика. В 2012 г. было открыто направление – Испания.

Переход на новую кафедру изменил направление и научных, и методических, и преподавательских приоритетов С.Н. Погодина. Лекционными курсами, которые теперь читал Сергей Николаевич, стали: «Всеобщая история», «История стран Северной Европы» и «История Балтийских стран». Они нашли отражение в опубликованных учебных пособиях [43; 44; 45].

По инициативе С.Н. Погодина на кафедре стали практиковаться совместные курсы, которые разрабатывали и последовательно читали несколько преподавателей. Так совместно с **Натальей Юрьевной Маркушиной [**46] был разработан и издан курс «Экономическая и политическая география стран Северной Европы». В творческом содружестве с профессором **Ольгой Константиновной Павловой** было подготовлено учебное пособие по странам Северной Европы [47], в котором основное внимание было уделено вопросам региональной политики, международным отношениям в регионе, связям с Российской Федерацией.

В то же время Сергей Николаевич продолжал заниматься изучением русской историографии. В частности, он обратился к исследованию

творчества выдающего отечественного историка, организатора исторической науки Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского [48–56]. Результатом работы стала монография, написанная в соавторстве с его давним другом – **Алексеем Валерьевичем Малиновым** [57].

Своеобразным продолжением изучения того научного направления, которое было представлено М.М. Ковалевским, стали исследования С.Н. Погодина о русском историке и правоведе Александре Дмитриевиче Градовском [58–68], а также профессоре Харьковского университета Дмитрии Ивановиче Каченовском, который был одним из первых отечественных специалистов по международному праву и учителем М.М. Ковалевского [69–73].

В этом же ключе написана статья С.Н. Погодина о Василии Осиповиче Ключевском [74]. Она посвящена мало исследованному направлению научной деятельности В.О. Ключевского – социологии. Сам историк не считал себя социологом и критически относился к этой науке. Но методы, которыми он пользовался в своих исторических работах, позволили сделать вывод о том, что В.О. Ключевского самого можно причислить к социологам.

Социологическое направление в отечественной историографии рассматривалось в статьях С.Н. Погодина о «государственной школе» [75], социологии права И.А. Ильина [76], о социологических взглядах представителей «русской школы» [77]. Совместно с **И.Д. Осиповым** была подготовлена статья «Историческая аксиология российской культуры» [78]

Последующие работы Сергея Николаевича, продолжающие схоларную тематику, были связаны с именами Владимира Ивановича Герье [79–83] и Павла Гавриловича Виноградова [84–88]. В.И. Герье первым в России стал изучать Французскую революцию конца XVIII в. Он сформировал целую научную школу, к которой принадлежали, в частности, Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов. Результатом исследования биографии и научного творчества В.И. Герье стала совместная с А.В. Малиновым монография [89].

В эти же годы Сергей Николаевич регулярно публиковал рецензии на выходившие исследования историков [90–94], политологов [95], правоведов

[96], печатал обзоры научных конференций [97; 98; 99]. Ряд публикаций были посвящены журналу **«Новая и новейшая история»** [100; 101; 102].

Преподавательская деятельность и, прежде всего, необходимость читать новые дисциплины, стимулировала методическую рефлексию С.Н. Погодина, которая нашла отражение в статьях [103; 104; 105] и опубликованных рекомендациях для студентов [106]. Одним из новых курсов, которые Сергей Николаевич читает на кафедре международных отношений, стал «Актуальные проблемы международных отношений (вторая половина XX века)» [107]. Тематика этого курса получила дальнейшую разработку в статьях, посвященных вопросам международных отношений Европейского континента [108, 109], в частности, стран Северной Европы [110], а также в рецензиях на работы коллег [111].

Регионоведческие исследования привели С.Н. Погодина к изучению вопросов приграничного сотрудничества в Северо-Западном регионе [112, 113], особенностям развития Швеции [114, 115] и Финляндии [116], а после открытия направления «Китайская Народная Республика» – истории и политики Китая [117;118;119].

Научно-педагогическая работа Сергея Николаевича дополняется и успешной организационной деятельностью, в том числе редакционно-издательской. Совместно с **Валерием Павловичем Горюновым** [161], в 2000 г. он выступил инициатором издания социально-теоретического **альманаха «Россия в глобальном мире»**. К настоящему времени вышло 30 номеров. Альманах публикует статьи по широкому спектру социально-гуманитарных проблем.

В 2010 г. отмечалось первое десятилетие кафедры международных отношений. В связи с этим событием был подготовлен сборник научных статей под редакцией И.Д. Осипова и С.Н. Погодина [120].

В 2013 г. решением редакционного совета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета у кафедры международных отношений появилось новое периодическое издание – **ежегодник «Международные отношения и диалог культур»** [121]. С.Н. Погодин был назначен членом редакционной коллегии и одновременно главным редактором издания. В настоящее время вышло три номера ежегодника, в которых Сергей Николаевич опубликовал

исследования о международной деятельности Финляндии в вопросах безопасности [122] и вступления Финляндии в НАТО [123].

В последние годы С.Н. Погодин опубликовал серию статей по проблемам формирования национальной самобытности [124]. Так, на примере фенномании XIX в., он рассмотрел процесс становления финского самосознания [125]. Начало этому процессу положило вхождение Финляндии в 1809 г. в состав Российской империи. Большую роль здесь сыграла автономия, дарованная Финляндии Александром I [126]. Российско-финским отношениям, в период вхождение Финляндии в Российскую империю, были посвящены статьи, опубликованные как в России, так и в Финляндии [127; 128; 129]. Вопросы развития финской культуры в царской России нашли отражение в статье, написанной в соавторстве с А.С. Матвеевской [130]. Не остались без внимания и современные проблемы российско-финских отношений [131; 132; 133], а также различные аспекты современной истории Финляндии [134–137], в том числе гендерные отношения в финском обществе [138] и возрождение идеологии национализма [139; 140; 141]. В круг научных интересов С.Н. Погодина входят и вопросы миграционной политики, прежде всего, в странах Северной Европы [142–145]. Полнее всего эта тематика раскрыта в написанной совместно с А.С. Матвеевской монографии [146]. К ним примыкают публикации, в которых рассматривается формирование образа Финляндии в России и России в Финляндии [147, 148].

Методика преподавания зарубежного регионоведения всегда занимала важное место в работе кафедры международных отношений. Не случайно, Сергей Николаевич посвятил этим вопросам несколько статей [149; 150; 151], а в 2015 г. выпустил учебное пособие по курсу политической географии Северной Европы [152]. Методические разработки С.Н. Погодина дополнялись анализом проблем образования в свете глобальных вызовов современности [153], а также опытом международного сотрудничества кафедры международных отношений с финскими университетами [154].

Исследовательская деятельность кафедры международных отношений неоднократно получала финансовую поддержку научных

фондов. Так в 2015 г. Российский гуманитарный научный фонд одобрил две коллективные заявки сотрудников кафедры [155, 156].

За последние два года при активном участии преподавателей кафедры было проведено несколько международных конференций, организатором и руководителем которых был С.Н. Погодин: «Традиционные институты и государственная политика в современном обществе» [157], «Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях» [158], «Первая мировая война» [159].

Рамки одной статьи ограничивают возможности полноценно отразить всю многогранность деятельности профессора С.Н. Погодина. Избранная библиография, приведенная по окончании данной статьи, лишь отчасти отображает его публикационные достижения за 35 лет научно-педагогической работы.

Подводить даже промежуточный итог научной, педагогической и организаторской деятельности Сергея Николаевича Погодина еще рано. Шестьдесят лет для ученого – пора расцвета. Хочется пожелать Сергею Николаевичу дальнейших свершений в тех делах, в которых он уже столь успешно реализовал свои таланты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Погодин С.Н. Географические аспекты экономического сотрудничества социалистических и развивающихся стран // Известия Всесоюзного географического общества. 1981. № 4. С. 328-333.

2. Рабочий класс и современный мир. 1987. № 2.

3. Погодин С.Н. Бенуа Фрашон видный деятель революционного рабочего и демократического движения Франции//Новая и новейшая история. 1986. № 3. С. 93-111.

4. Погодин С.Н. Французское профсоюзное движение в годы второй мировой войны // Вопросы истории 1987. № 8. С. 49-59.

5. Погодин С.Н. Русская историческая школа и проблема исторического прогресса // Евразийство в контексте современности. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1995. С.9-11.

6. Погодин С.Н. Проблемы прогресса в творчестве Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского // Русская эмиграция во Франции (1850–1950 гг.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1995. С. 25-33.

7. Погодин С.Н. М.М. Ковалевский как историк политической мысли // М.М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли. Сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 119-128.

8. Погодин С.Н. Практикум по политологии (Учебное пособие). СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1996. 69 с.
9. Погодин С.Н. Огюст Конт и русская историческая школа // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 2.
10. Погодин С.Н. М.М. Ковалевский и его работы по Великой французской революции // М.М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли. Сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С.161–173.
11. Погодин С.Н. Вокруг спора двух историков // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С.141-146.
12. Погодин С.Н. Историко-сравнительный анализ работ М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого по проблемам общинного землевладения// Клио. 1997. № 3. С. 31-34.
13. Погодин С.Н. Великая Французская революция в освещении М.М. Ковалевского // Clio moderna. Зарубежная история и историография. Казань, 2003. Вып. 4. С. 41-53.
14. Погодин С.Н. Социология в творчестве историка Ивана Васильевича Лучицкого // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 1. С. 51-61.
15. Погодин С.Н. Понятие «научная школа» в науковедении // Грани культуры. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. С. 29–31.
16. Погодин С.Н. Научные школы в исторической науке (к постановке вопроса) // Клио. 1998. №2 (5). С. 14-26.
17. Погодин С.Н. О личности в истории (по работам Н.И. Кареева) // Поиски исторической психологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 78-82.
18. Погодин С.Н. Революция в России в освещении Николая Ивановича Кареева // 80 лет революции 1917 года в России. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1997. С. 132-134.
19. Погодин С.Н. Философия истории Н.И.Кареева // Философская мысль в России: традиции и современность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 184-187.
20. Погодин С.Н. Социально-политические исследования Н.И.Кареева по истории Франции // Социология истории Николая Кареева. СПб., 2000. С. 324-339.
21. Малинов А.В., Погодин С.Н. Цивилизационное единство истории: философия истории Н.И. Кареева // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 4. С. 99-104.
22. Погодин С.Н. 150 лет со дня рождения академика Н.И. Кареева // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 218-221.
23. Малинов А.В. Погодин С.Н. История всеобщая и философская в творчестве Н.И. Кареева // Николай Кареев – человек, ученый, общественный деятель. Мат-лы всеросс. науч. конф. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. университет, 2002. С. 32–35.
24. Погодин С.Н. Лучицкий Иван Васильевич // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 136-137.

25. Погодин С.Н. И.В. Лучицкий // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 174-192.
26. Погодин С.Н. М.М. Ковалевский (1851–1916) // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 159-178.
27. Погодин С.Н. 150 лет со дня рождения академика М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 2 (18). С. 195-200.
28. Погодин С.Н. Максим Максимович Ковалевский // Портреты историков. Время и судьбы. Том 4. Новая и новейшая история. М.: Наука, 2004. С. 257-282.
29. Погодин С.Н. Политическая деятельность М.М. Ковалевского // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах. 2005. № 9. С. 138-141.
30. Погодин С.Н. Концепция конституционализма М.М.Ковалевского // Философия права в начале XXI века через призму конституционализма и конституционной экономики. Часть первая. / Под ред. В.В. Миронова, Ю.Н. Солонина. М.: Летний сад, 2010. С. 234-245.
31. Погодин С.Н. Несостоявшийся брак // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 142-147.
32. Погодин С.Н. М.М. Ковалевский и его взаимоотношения с близкими // Максим Ковалевский и современная научная мысль. СПб., 2001. С. 48-51.
33. Погодин С.Н. Историки «Русской школы» нового времени – профессора Политехнического института // Научные школы гуманитариев в технических вузах России на рубежах веков. СПб., Изд-во СПбГТУ, 1997. С. 15-17.
34. Погодин С.Н. М.М.Ковалевский – профессор политехнического института // Научно-технические ведомости СПбГТУ. 1997. №3. С. 96-100.
35. Василик М.А., Гнатюк О.Л., Погодин С.Н. Истоки и традиции гуманитарного образования в Санкт-Петербургском государственном техническом университете. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998. 195с.
36. Погодин С.Н. Максим Максимович Ковалевский. СПб.: Изд-во «Нестор», 2005. 158 с.
37. Погодин С.Н. Теория прогресса в трудах М.М. Ковалевского // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С. 639-643.
38. Погодин С.Н. Русская школа историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский, СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 380 с.
39. Проказин В.В. «Русская школа» историков // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С.159-161.
40. Осипов И.Д. С.Н. Погодин. "Русская школа" историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский // Вопросы истории. 2000. № 1.
41. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. Вып. 2. (Отв. ред. Н.Б. Бахтин). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С.171-247.
42. Погодин С.Н. 150 лет со дня рождения академика Н.И. Кареева // Новая и новейшая история. 2001. № 4.

43. Погодин С.Н. История стран Северной Европы. СПб.: Изд-во «Нестор». 2003. 340 с.
44. Погодин С.Н. Всемирная история. Новое время. СПб.: Изд-во «Нестор». 2003. 368 с.
45. Погодин С.Н. История Балтийских стран. СПб.: Изд-во «Нестор». 2009. 208 с.
46. Маркушина Н.Ю., Погодин С.Н. Экономическая и политическая география стран Северной Европы. СПб.: Изд-во «Нестор». 2004. 188 с.
47. Павлова О.К., Погодин С.Н. Страны Северной Европы (региональный аспект). СПб.: Изд-во «Нестор». 2006. 192 с.
48. Погодин С.Н. Русский европеец А.С. Лаппо-Данилевский // Русская и европейская философия: пути схождения. СПб.: Изд-во ООО «ИП Комплекс», 1999. С. 49-69.
49. Погодин С.Н. История России в трудах академика А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) // Клио. 1999. № 2 (8). С. 28-40; Клио № 3 (9). С.44-59.
50. Малинов А.В., Погодин С.Н. Социология в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 4. С.33-47.
51. Малинов А.В. Погодин С.Н. Социология в творчестве академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского // Социология в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 1999. С. 35–37.
52. Погодин С.Н. Творческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 149-159.
53. Погодин С.Н. Исторические работы А.С. Лаппо-Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб.: Изд-во «Северная звезда», 2003. Вып. 1. С. 85-98.
54. Погодин С.Н. Отношение А.С. Лаппо-Данилевского к позитивизму неокантианству // Александр Иванович Введенский и его философская эпоха. К 150-летию со дня рождения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
55. Погодин С.Н. Рец. На монографию Е.А. Ростовцева «А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа» // Клио. 2006. № 1. С. 258-259.
56. Малинов А.В. Погодин С.Н. Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатии частных актов. СПб.: Изд-во «Северная звезда». 2007. С. 3-27.
57. Малинов А.В. Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб. «Искусство-СПб.». 2001. 285 с.
58. Погодин С.Н. Национальный вопрос в работах А.Д. Градовского // Формула России: экономика, политика, национальная идея. СПб., 2000. С. 77-81.
59. Погодин С.Н. Государственная политика в отношении к русской православной церкви в трудах А.Д. Градовского // VERBUM. Вып.3. Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли. СПб., 2000. С. 422-430.

60. Погодин С.Н. О выборе пути развития России (Ф.М. Достоевский и А.Д. Градовский) // Формула Россия: центр и периферия. СПб., 2000. С. 59-63.
61. Погодин С.Н. Реформы Александра II в творчестве А.Д. Градовского // Проблемы социально-экономической и политической модернизации в России. СПб., 2001. С. 28-34.
62. Погодин С.Н. Европейские ценности в мировоззрении А.Д. Градовского // Россия и Европа: на пути к единой формуле. СПб., 2001. С. 268-269.
63. Погодин С.Н. Политические взгляды А.Д. Градовского // Актуальные проблемы современной политической науки. СПб., 2001. С. 47-56.
64. Погодин С.Н. Европейские ценности в мировоззрении А.Д. Градовского // Россия и Европа: на пути к единой формуле. СПб., 2001. С. 268-269.
65. Погодин С.Н. А.Д. Градовский о роли государства в обществе // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах. СПб., 2001. С. 199-203.
66. Погодин С.Н. Публицистическая деятельность А.Д. Градовского // Невский наблюдатель. 2002. № 1(7). С. 17-19.
67. Погодин С.Н. Александр Дмитриевич Градовский // Клио. 2002. № 4 (10). С. 160-170.
68. Погодин С.Н. А.Д. Градовский и Ф.М. Достоевский о политическом выборе России // Россия в глобальном мире. 2006. № 10. С. 188-194.
69. Погодин С.Н. Д.И. Каченовский о политических науках // Россия в глобальном мире. 2002. № 2. С. 40-45.
70. Погодин С.Н. Политические взгляды Д.И. Каченовского // Актуальные проблемы современной политической науки. Вып. 2 СПб., 2002. С. 42-56.
71. Погодин С.Н. Д.И. Каченовский – первый наставник М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский и российская общественная мысль. СПб., 2003. С. 185-193.
72. Погодин С.Н. Д.И. Каченовский – создатель первого русского курса «Международное право» // Философия права в России: теоретические принципы нравственные основания. Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 90-92.
73. Погодин С.Н. Дмитрий Иванович Каченовский и его ученики // Национальные образы прошлого этническая доминанта в историографии и философии истории. СПб.: «Северная звезда», 2008. С. 168-206.
74. Погодин С.Н. Социологический метод В.О. Ключевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1 (25) С.40-49.
75. Погодин С.Н. Социологический метод исследования в государственной исторической школе // Россия в глобальном мире. 2007. № 12. С. 114-119.
76. Погодин С.Н. Социология права И.А. Ильина // // Россия в глобальном мире. 2007. № 12. С. 110-114
77. Погодин С.Н. «Русская школа» историков и социология // Многоликая современность. Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского / отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В.

Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 86-114.
78. Осипов И.Д., Погодин С.Н. Историческая аксиология российской культуры // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3 (227). С.135-144.
79. Погодин С.Н. Владимир Иванович Герье как историк и методолог // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 151-162.
80. Погодин С.Н. В.И. Герье в исторической литературе // Фигуры истории или «общие места историографии. СПб.: Изд-во «Северная Звезда», 2005. С. 248-302.
81. Погодин С.Н. Общественная и просветительская деятельность В.И. Герье // Мир историка: Владимир Иванович Герье. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 97-103.
82. Погодин С.Н. Вопросы позитивизма в исследованиях В.И. Герье // История идей и воспитание историей Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 338-348.
83. Погодин С.Н. Герье Владимир Иванович (1837–1919) // Портреты историков: Время и судьба. Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история. М., 2010. С.31-54.
84. Погодин С.Н. Политические взгляды П.Г. Виноградова // Актуальные проблемы современной политической науки. СПб., 2004. Вып. 4. С. 117-130.
85. Малинов А.В., Погодин С.Н. Павел Гаврилович Виноградов: портрет ученого в историческом интерьере // Клио. 2005. № 2 (29). С. 241-253.
86. Малинов А.В., Погодин С.Н. Теоретико-методологические взгляды П.Г. Виноградова // Клио. 2005. № 3 (30).С. 203-213.
87. Малинов А.В., Погодин С.Н. Виноградов – историк-медиевист и методолог, университетский профессор и общественный деятель // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 144-156.
88. Погодин С.Н. Павел Гаврилович Виноградов (1854 – 1925) // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 174–198.
89. Малинов А.В., Погодин С.Н. Владимир Иванович Герье. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. 400 с.
90. Погодин С.Н. Рец.: Е.И. Чепкевича и Б.С.Кагановича // Вопросы истории. 1997. № 6. С.167-169.
91. Погодин С.Н. Рец.: Кареев Н.И. Французская революция в философии истории. Т. IV. Сыктывкар, 1998.
92. Погодин С.Н. Рец.: Социология истории Николая Ивановича Кареева. СПб., 2000 // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 212-214.
93. Погодин С.Н. Рец.: Акимова Ю.Г. От межколониальных конфликтов к борьбе империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в 1613-1713 гг. СПб., 2002 // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 209-211.
94. Погодин С.Н. Рец.: Кузьмина Ю.С. Общая ассамблея Европейского сообщества угля и стали и развитие европейской интеграции (1952 - 1958). СПб., 2002 // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 213-214.

95. Погодин С.Н. Рец.: Морозова В.Е. Введение в европейские исследования. СПб., 2002 // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 214.
96. Погодин С.Н. Рец.: Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. 680 с. // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 161-162.
97. Погодин С.Н. Конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Николая Иванович Кареева // Клио. 2000. № 3 (12). С. 290-292.
98. Погодин С.Н. 150 лет со дня рождения академика Н.И. Кареева // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 218-221.
99. Погодин С.Н. 150 лет со дня рождения академика М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 2 (18). С. 195-200.
100. Погодин С.Н. Обсуждение журнала «Новая и новейшая история» на гуманитарном факультете Санкт-Петербургского государственного технического университета // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 251.
101. Погодин С.Н. Обсуждение журнала «Новая и новейшая история» в Институте международных образовательных программ СПбГПУ // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 217-218.
102. Погодин С.Н. Обсуждение журнала «Новая и новейшая история» на кафедре международных отношений СПбГПУ // Новая и новейшая история. 2006. № 4. С. 220-221.
103. Погодин С.Н. Системный подход в преподавании «Регионоведения» // Высокие интеллектуальные технологии образования и науки. СПб.,2002.С.100-101.
104. Погодин С.Н. Гуманитарные знания как основа инженерного образования // Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в Техническом Университете. СПб., 2002. С. 179-181.
105. Ерофеев Д.Р., Погодин С.Н. Курс «Обществознание» как основа преподавания иностранным студентам дисциплин гуманитарного цикла // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2005. № 2. С. 256-258.
106. Погодин С.Н. Методологические указания и рекомендации по написанию курсовых и дипломных работ для студентов-гуманитариев. (Учебно-методические материалы). СПб.: Изд-во «Нестор», 2004. – 48 с.
107. Погодин С.Н. Актуальные проблемы международных отношений (вторая половина XX века). СПб.: Изд-во «Нестор», 2003. – 166 с.
108. Погодин С.Н. Дискуссия по проекту конституции Европейского Союза // Россия в глобальном мире. 2004. № 6. Ч. 1. С. 225-230.
109. Погодин С.Н. Роль регионов в интеграционных процессах в Европе // Россия в глобальном мире. 2007. № 13. С. 116-120.
110. Погодин С.Н. Региональное сотрудничество Швеции и России // Россия в глобальном мире. 2004. № 7. С. 272-276.
111. Погодин С.Н. К вопросу о двойных стандартах // Клио. 2015. № 1 (97). С. 226-227.

112. Погодин С.Н. Приграничное сотрудничество Северо-запада России и стран Северной Европы // Россия в глобальном мире. 2008. № 14. С. 81-86.
113. Погодин С.Н. Российско-финляндские приграничные отношения // Современные международные отношения: политика и культура К юбилею кафедры международных отношений ИМОП / Отв. ред. С.Н. Погодин, И.Д. Осипов. СПб.: Изд-во ООО «ИПК Коста», 2010. С. 270-278.
114. Погодин С.Н. «Шведская модель» развития (и по вопросу терминологии и понятия) // Россия в глобальном мире. 2008. № 15. С. 44-45.
115. Погодин С.Н. Отношение между трудом и капиталом в Швеции // Россия в глобальном мире. 2009. № 16. С. 61-68.
116. Погодин С.Н. Современная жизнь и проблемы русских иммигрантов в Финляндии // Россия в глобальном мире. 2011. № 20. С. 54-58.
117. Погодин С.Н. Политическое развитие Тибета до 50-х годов XX века // Актуальные проблемы современной политической науки: сб. науч. трудов. Вып. 9 / Под. ред. проф. И..Е. Тимерманиса. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. С. 75-81.
118. Погодин С.Н. Перспективы стратегического партнерства России и Китая // Актуальные проблемы современной политической науки: сб. науч. трудов. Вып. 10 / Под. ред. проф. И.Е. Тимерманиса. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. С. 186-193.
119. Погодин С.Н. Из истории создания свободной экономической зоны // Россия в глобальном мире. 2011. № 1 (21). С. 28-34.
120. Международные отношения в современном мире: политика и культура. К юбилею кафедры международных отношений ИМОП / Отв. Ред. С.Н.Погодин, И.Д.Осипов. СПб.: Изд-во ОО «ИПК КОСТА», 2010. – 410 с.
121. Международные отношения и диалог культур / под ред. И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – 384 с.
122. Погодин С.Н. Международная деятельность Финляндии в сфере безопасности // Международные отношения и диалог культур. 2013. № 1 (2012). С. 8-26.
123. Погодин С.Н. Вступление Финляндии в НАТО и позиция Россия // Международные отношения и диалог культур. 2014.№ 2 (2013). С. 58-77.
124. Матвеевская А.С., Погодин С.Н. Культура Финляндии в царской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. № 4. С. 121-127.
125. Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской Империи в XIX веке // Международные отношения и диалог культур. 2015. № 3 (2014).С. 347-356.
126. Погодин С.Н. Реформы Александра I в Великом княжестве Финляндском // Россия в глобальном мире. 2015. № 7 (30). С. 314-324.
127. Погодин С.Н. Взаимоотношение царской России и Финляндии (политико-правовой аспект) // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 233-243.
128. Погодин С.Н., Саблина М.А. Российско-финляндские отношения в

последней трети XIX века // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 1(143). С. 190-195.
129. Pogodin S., Sablina M. Political and legal aspects of the relations between Tsarist Russia and Finland // Modern Studies of Russian Society: A collective monograph. Helsinki: Unigrafia, 2014. P. 95-102.
130. Матвеевская А.С., Погодин С.Н. Культура Финляндии в царской России // Вестник Санкт-Петербургского университета Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. Вып. 4. С. 121-127.
131. Погодин С.Н. Финляндско-российские отношения в конце XX века // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 4 (208). С. 42-47.
132. Погодин С.Н. Проблемы финско-российских отношений (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Ежегодный альманах. 2014. Вып. 7. С. 92-100.
133. Погодин С.Н. Роль Финляндии в отношениях Россия – ЕС // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215). С. 49-52.
134. Казарян А.Р., Погодин С.Н. Детские годы Урхо Калева Кекконена // Россия в глобальном мире. 2012. № 2 (22). С. 206-212.
135. Погодин С.Н. Финская историография зимней войны 1939-1940 годы (к постановке проблемы) // Россия в глобальном мире. 2011. № 2 (22). С. 212-217.
136. Агафонов К., Погодин С.Н. Место договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Финляндией в политической доктрине Ю.К. Паасикиви // Россия в глобальном мире. 2012. № 23. С. 163-169.
137. Казарян А.Р., Погодин С.Н. Президент Кекконен и советские тайные спецслужбы // Россия в глобальном мире. 2012. № 23. С. 234-238.
138. Pogodin Sergei. Women in the Political Life of Finland // Investigations in social sciences and humanities: science digest / editors: Sergei Pogodin, Ari Lindeman, Soili Lehto-Kylmanen, Olga Bulavenko. SPb.: Publishing house of Polytechnical Uiniversity, 2013. S. 172-178.
139. Казарян А.Р., Погодин С.Н. Политическая партия «Истинные финны» // Россия в глобальном мире. 2012. № 23. С. 170-179.
140. Погодин С.Н. Партия «Истинные финны» в выборах в Финляндии и отношение к России // Россия в глобальном мире. 2013. № 1 (24). С. 77-84.
141. Погодин С.Н. Партия «Истинные финны» в политической системе Финляндии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 2 (172). С. 146-153.
142. Погодин С.Н. Миграционные процессы в Финляндии // Россия в глобальном мире. 2010. № 18. С. 165-170.
143. Погодин С.Н. Миграционная политика Финляндии как пример

мультикультурализма // Международные отношения и диалог культур / под ред. И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. С. 103-114.

144. Матвеевская А.С., Погодин С.Н. Региональные особенности динамики и направления иммиграционных потоков в странах Северной Европы // Культура России и международные отношения. К 1150-летию российской государственности / отв. ред. И.Д. Осипов, С.Н. Погодин. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 5-25.

145. Погодин С.Н. Методологический подход к анализу интеграции иммигрантов в странах Северной Европы // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 3 (179). С. 124-132.

146. Матвеевская А.С., Погодин С.Н. Социальная адаптация иммигрантов в Швеции: региональная специфика. СПб.: изд-во Политехн. ун-та, 2012. 176 с.

147. Погодин С.Н. Образ России как фактор формирования российской политики Финляндии // Россия в глобальном мире. 2013. № 2 (25). С. 319-326.

148. Погодин С.Н., Саблина М.А. Формирование имиджа Финляндии в России. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 106 с.

149. Краснощеков В.В., Погодин С.Н. Подготовка студентов по направлению «Зарубежное регионоведение» как фактор интернационализации университета // Россия в глобальном мире. 2013. № 1 (24). С. 193-200.

150. Краснощеков В.В., Погодин С.Н. Инновационные методы и формы учебной деятельности при подготовке студентов-регионоведов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 3 (179). С. 54-59.

151. Krasnoshekov V., Pogodin S. Innovative methods and some forms of learning used for the Regional Department students training experience // Changing learning environment. Saimaa university of applied sciences, Saint-Petersburg State polytechnical university. Saimaan ammattikorkeakoulu – Saimaa University of Applied Sciences, 2014. P. 97-105.

152. Погодин С.Н. Политическая география стран Западной Европы. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. -243 с.

153. Горюнов В.П., Погодин С.Н. Образование в условиях глобализации // Россия в глобальном мире. 2014. № 5 (28). С. 5-12.

154. Погодин С.Н. Международное сотрудничество Финляндии с Россией в сфере образования // Россия в глобальном мире. 2014. № 5 (28). С. 136-141.

155. Безлепкин Н.И., Ворочай В.В., Цыб А.В. Исследовательский проект «Становление и институализация философии истории в российских университетах XIX – начала XX века. Историко-культурный анализ» // Россия в глобальном мире. 2015. № 6 (29). С. 250–265.

156. Погодин С.Н., Ван Цзюнь Тао, Терехов А.Э., Цыб А.В., Ягья В.С. Исследовательский проект: «Китай и Россия: идеологии национализма. Сравнительно-исторический анализ» // Россия в глобальном мире. 2015. № 6 (29).

С. 266-278.
157. Атнашев В.Р. Погодин С.Н. Обзор конференции «Традиционные институты и государственная политика в современном обществе» // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 430-437.
158. Атнашев В.Р. Погодин С.Н., Цыб А.В. Обзор докладов конференции «Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях» // Россия в глобальном мире. 2015.№ 7 (30). С. 480-485.
159. Погодин С.Н. К столетию Первой мировой войны // Россия в глобальном мире. 2015. № 6 (29). С.12-14.
160. Иванов А.В. Становление Издательства Политехнического университета: заметки директора // Труды СПбГТУ. 2014. №516. С.90-118.
161. Рогов И.М. Валерий Павлович Горюнов // Россия в глобальном мире. 2015. №6. С. 6-11.

NIKIFOROV, Valentin M. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

SERGEY N. POGODIN, A SCIENTIST AND UNIVERSITY PROFESSOR. TO THE 60 ANNIVERSARY FROM THE BIRTHDAY.

The article discusses the scientific and pedagogical activity of the doctor of historical sciences, Professor Sergei N. Pogodin, the main topics of his research, Russian historiography, international relations, migration, problems of formation of national consciousness and others. The characteristic of his lecture courses and educational works. There have been achievements on creation of the Department of International Relations, St. Petersburg State Polytechnic University. Приведена библиография основных научных работ профессора С.Н. Погодина.

SERGEI N. POGODIN; ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNIC UNIVERSITY; INTERNATIONAL RELATIONS; RUSSIAN HISTORIOGRAPHY; SCIENCE; EDUCATION.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 239

В. С. Ягья

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ: G-3

ЯГЬЯ Ватаняр Саидович – доктор исторических наук, профессор заведующий кафедрой «Мировая политика», факультет международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет.
191060, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд, Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: ZOKOEVAZV@sir.edu.

В статье доказывается необходимость создания формата G-3 в составе России, Китая и США. Его предназначение состоит в трехстороннем обсуждении острых проблем взаимоотношений, достижения взаимоприемлемых договоренностей по ним и выработке рекомендаций по решению актуальных вопросов международных отношений. В своей деятельности G-3 признает центральную глобально-управленческую роль ООН. G-3 будет действовать, привлекая другие крупнейшие центры мировой политики, учитывая складывающуюся конфигурацию международных отношений и содействуя становлению нового мирового порядка, соответствующего запросам, тенденциям, трендам и трекам текущего столетия.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ; РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ; ФОРМАТ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ; ООН; РОССИЯ; КИТАЙ; США.

Современная международная обстановка характеризуется небывалой турбулентностью, хаотичностью, резким ослаблением глобальной и региональной систем управления, выходом на мировую авансцену ислама, ставшего мощным политическим конкурентом иным религиям и государствам с преобладающим немусульманским населением,

иммиграционным кризисом в Европе, подъемом на этом континенте исламофобии и антисемитизма, многочисленными региональными войнами, применением целым рядом стран в своей внешней и внутренней политике двойных стандартов, разжиганием застарелых конфликтов, обид и забытых было обвинений со стороны соседей и их соседей, активизацией международного терроризма, внутристрановой нестабильностью, ростом сепаратизма, этнорасовой непримиримости, национализма и шовинизма, обострением межгосударственных противоречий, разрастанием гибридных войн и цветных революций и прочими дестабилизирующими событиями, процессами и явлениями. Одно лишь их перечисление заняло бы немало места. Суть, однако, не в их количестве и, тем более, не в их терминологическом поименовании, а в том, что они заставляют человечество не только задуматься о своей судьбе, будущности и даже выживаемости, но предпринимать решительные действия по ликвидации возникающих рисков, угроз и вызовов и примирению враждующих государств. На этом пути немало трудностей, преград, взаимного недоверия, опасений, нарушений международного права, амбиций, преувеличения собственных возможностей и потенциала, унижения достоинства одних государств другими, бряцания оружием и даже ядерным, втягивания якобы национальных интересов в череду своих приоритетов, показной демонстрации возросшей военной мощи, небывалого возвеличивания прошлых побед, забвения крупных поражений, раздувания имперского величия, искажения исторической правды и т.п.

Реалии сегодняшнего дня настоятельно требуют поиска новых форматов глобального и регионального управления, избавления уже существующих институтов от присущего им оголтелого и ничем не оправданного противоборства, от предвзятости в отношениях друг с другом, повышения цивилизационного измерения внешней и мировой политики, углубления и расширения полицентричности мироустройства, отражающей многообразие государств и нарастающего числа новых акторов мировой политики, формирования нового мирового порядка, соответствующего модернизационным и инновационным основам текущего столетия и перспективного устойчивого развития, разумного

применения мягкой силы, повсеместной активности гражданского общества. Несомненно, необходима поддержка и укрепление роли ООН как универсального глобального центра регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI в. Это, конечно, не исключает создания иных мирополитических и интеграционно-экономических организаций, которые повышают устойчивость управляемости мирового развития. При этом позиция Российской Федерации четко определена в Концепции её внешней политики 2013 года.

В Москве твёрдо убеждены в том, что глобальное управление «требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношениях и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН» [1]. В этих целях страна наращивает сотрудничество в различного рода форматах международных политических и экономических отношений. Одновременно она и сама активно инициирует их создание. Яркий пример тому – Евразийский экономический союз, начавший свою деятельность с 1-го января 2015 г. Важнейшим его шагом в мировой политике и глобальной экономике явилась договоренность с Китаем о сопряжении своих проектов с провозглашенной Генеральным секретарем ЦК КПК Председателем КНР Си Цзиньпином программой «Один пояс – один путь». Возникающее, таким образом, взаимодействие послужит подъему политического и экономического сотрудничества на обширной территории не только государств ЕАЭС и Китая, но и тех стран, которые войдут в обширную географическую сферу «Одного пояса – одного пути», представляющего собой своеобразное соединение грандиозных планов, в совокупности получивших название в Поднебесной «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Не исключено, что может образоваться какая-то крупная институциональная структура, регулирующая принятие совместных конкретных проектов, их имплементацию и, конечно, наблюдательные функции. Тем более что признаки этого уже налицо. Кстати, в упомянутой Концепции внешней политики России – 2013 не только перечисляются уже известные на время её принятия форматы, в которых участвует наша страна, но и делается

ссылка на использование других структур и деловых площадок. Судя по всему, имеется в виду и появление новых подобных институтов.

В ведущих странах мира также придается немалое значение международным универсальным и региональным организациям, но в них, как правило, то или иное государство стремится сыграть лидирующую роль. Против такого подхода выступает Москва и поддерживающий её Китай, ставший второй экономической державой мира, наращивающий свой внешнеполитический потенциал, серьезно теснящий США с лидирующих позиций в мировом сообществе, отказавшийся при нынешнем руководстве от, как советовал отец китайского чуда Дэн Сяопин, созерцания происходящего в мире [2] и значительно активизировавший свою деятельность на мировой арене, а также обладающий все усиливающейся военной мощью.

Видя в Китае своего главного конкурента в мировой политике, в глобальной экономике и в иных сферах межстрановых отношений, США предпринимают значительные шаги по его сдерживанию, по ограничению растущего влияния Поднебесной в мире. Здесь не только создание в 2016 г. Транстихоокеанского партнерства (ТТП, Trans-Pacific Economic Partnership) в составе 12 стран, к которому собирается, по словам председателя сената этой страны Гусмана, сказанным во время встречи в феврале 2016 г. с Председателем Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В.С. Макаровым[1], присоединиться тринадцатым участником Индонезия. В Китае и России долгое время в академических и политических кругах осуждали это торгово-экономическое объединение, ссылаясь, в частности, на то, что соглашение о ТПП, подписанное в начале октября 2015 г., составлялось без них (без Москвы и Пекина). Выдвинутое Вашингтоном в ноябре того же года приглашение Китаю и России

[1] Это же намерение Индонезии обсуждалось и в марте 2016 г., когда в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга проходила беседа с Председателем Административного комитета индонезийского Совета представителей регионов (сената) Хабибом Али Алви. Он немного задумался, когда был задан соответствующий вопрос, предварительно спросив, как на него ответил Гусман. Узнав о мнении главы сената, Алви стал рассуждать о том, что Индонезия осторожно ведет свою политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ориентируясь при этом на Китай, и поэтому вряд ли вступит в ТТП. По окончании беседы он, что называется кулуарно, заявил о своей любви к России. Иную точку зрения относительно участия Индонезии в ТТП в ходе официальной беседы высказал сенатор Ахмад Наварди. Он не отрицал возможность полноправного членства Индонезии в ТТП, мотивируя это тем, что его страна отдает приоритет прибыли в своих мирохозяйственных связях, а пребывание в ТТП обещает высокий товарооборот и, естественно, немалый доход.

вступить в ТТП было фактически проигнорировано и Москвой, и Пекином, ибо обе столицы еще до этого неоднократно также заявляли о необходимости создания общерегионального (в рамках всего АТР) торгового объединения, а Поднебесная в противовес Вашингтону занимается еще и формированием своего торгово-экономического блока. По-видимому, большим антикитайско-антироссийским подспорьем для США станет образуемое ими совместно с ЕС Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство. В Китае, отвергая предложение о вступлении в ТТП, не забыли слова президента США Барака Обамы о том, что «странам, подобным Китаю, не следует разрешать писать правила глобальной экономики. Нам следует самим писать эти правила» [3]. Да, и в России на это заявление не могли не обратить внимание.

Российско-американские отношения пребывают в настоящее время в глубоком кризисе, который носит фундаментальный характер, определяемый ныне в том числе и противостоянием Запада и России по поводу известных событий в Украине. Вряд ли прав, однако, экс-министр иностранных дел России И.С. Иванов, утверждая, что в этом противостоянии отсутствует идеология по линии советский коммунизм-западная демократия [4]. Слов нет, с коммунизмом Россия покончила, хотя родимые пятна советского периода сохранились, но главное состоит в том, что между Россией и США конфронтационным фундаментом служит противостояние идеологий супердержавности. И никуда от этого не деться ни Москве, ни Вашингтону. Ведь не случайно поименование России региональной державой высшими властями США вызывает неизбывный, скрытый или явный, гнев в официальных и политических кругах России. В Китае же, который стремится сам к супердержавности, спокойно относятся в таким оценкам, хотя и понимают, что ныне страна выдвинулась в число стержневых, лидирующих держав мира, которую за глаза или в глаза порой величают супердержавой. Тем более, что в Пекине не скрывают своих амбиций, выдвинув задачу к 2050 г. добиться «китайской мечты о возрождении величия китайской нации». Важно и то, что у Китая и США глубокая экономическая взаимозависимость и многостороннее финансовое, банковское, военное, торговое и политическое взаимодействие. Все это свидетельствует о глобальности не только позиционирования Китая и

США в мировом сообществе, их ведущей роли в мировой политике и экономике, а также об их суперконкурентности. В китайско-американских отношениях немало острых противоречий, трудноразрешаемых проблем, заметного недоверия друг к другу. И тем не менее показательны слова премьер-министра КНР Ли Кэцяна о том, что китайско-американские отношения будут развиваться стабильно и поступательно. Впечатляет и присутствие Председателя КНР Си Цзиньпина, одного из немногих руководителей более 50 стран-участниц, в Вашингтоне на саммите по ядерной безопасности в конце марта – начале апреля 2016 г. и его встреча с президентом США Бараком Обамой, который далеко не всех удостоил таким вниманием. Нельзя пройти мимо и редакционной статьи «Независимой газеты» под очень примечательным названием «США и Китай не будут наступать на ноги друг другу» (30 марта 2016 г.).

Иной точки зрения придерживается советник президента компании «Роснефть» и член клуба «Валдай», а в недавнем прошлом многолетний разведчик-нелегал А. Безруков. По его мнению, «Объективно американцы хотят настроить против Китая его соседей – Японию, Индию, нас. Поэтому для нас очень важно выстраивать долгосрочные неконкурентные отношения с Китаем и Индией». В этом же интервью он предполагает, что для США, благополучие которых зависит от жизнеспособности глобальной системы, построенной ими, «Россия потенциально может представлять проблему, если она создает конкурентный блок, который станет альтернативной системой как в плане безопасности, так и в плане экономики. Наиболее серьезным ударом для США было бы создание большого евроазиатского блока, например, Россия – Германия. Этот блок по своей ресурсной и военно-политической мощи вывел бы Европу и большую часть Азии из-под контроля американской системы. Стал бы де-факто конкурентом» [5]. Он предсказывает также, что неизбежна смена внешнеполитического курса США в сторону признания происходящих перемен в мировой политике, потеря США нынешней лидирующей роли.

Развитие мира идет в направлении созидания новой модели взаимодействия России и США [6]. Об определенном выправлении российско-американских отношений говорит и В.В. Путин. Президент

России, ведя диалог с россиянами 14 апреля 2016 г., сказал, что Россия хорошо сотрудничает с США в борьбе с терроризмом и по Сирии [7].

Наряду со всеми негативными аспектами развития отношений между тремя странами Россией, Китаем и США есть немало примеров, характеризующих наличие позитивного взаимодействия между ними. Свидетельство тому – визиты, предпринятые в 2015 г. Си Цзиньпином в США и Великобританией [8]. На основе достигнутых договоренностей в Вашингтоне российский журналист В. Скосырев, много пишущий о Китае, опубликовал статью под очень интригующим названием «Китай делает ставку на расширение связей с США» [9]. Да и с ЕС у Китая немалые успехи в сотрудничестве: возникшие экономические отношения, включая внешнеторговый оборот в объеме 529 млрд. долл. в 2014 г., характеризуются беспрецедентной экономической взаимозависимостью Поднебесная является вторым после США крупнейшим торговым партнером ЕС. А итоги визита Си Цзиньпина в Лондон Жан Юнба и Ву Сяо оценили, как рассвет новой эры. Любопытна, в связи с растущим взаимодействием ЕС и Китая, также статья белорусской журналистки И. Плескачевской, в которой дан политологический анализ визита Си Цзиньпина в марте 2016 г. в Чехию. Одновременно автор указывает на огромную роль китайской диаспоры в Венгрии в продвижении интересов Поднебесной и позиционирование Польшей себя как базы китайского развертывания в Европе [10]

В одной из своих статей известный российский востоковед Ю. Тавровский даже назвал инициативу «Один пояс – один путь» КНР Си Цзиньпина «Возвращением на Запад» [11].

Судя по всему, проанализировав контакты Китая с ЕС, с отдельными странами-членами этого объединения Ю. Тавровский предположил, что «Один пояс – один путь» «может стать объединяющей осью для нескольких других интеграционных форматов, включая ЕАЭС, ШОС, БРИКС, АСЕАН, Европейский союз» [12]. Ни в одном из этих форматов нет США. Однако, учитывая значение США для Китая в экономическом и политическом плане, в том числе в области двусторонней торговли, объем которой составляет не менее 560 млрд. долл., наличия у Китая многотриллионнодолларовых государственных облигаций США,

триллионы долларов в золотовалютных накоплениях Китая, инвестиционные капиталовложения США в экономику Китая и масштабы реализации готовности Поднебесной к инвестициям в США, следует допустить, что Вашингтон не останется в стороне от имплементации ряда идей Ю. Тавровского. (Знают их в Белом доме или нет – это другое дело. По крайней мере прогнозы Ю. Тавровского построены не на пустом месте). Что, на мой взгляд, уже нашло свое подтверждение в включении МВФ юаня в число резервных валют, среди которых не значится рубль, хотя и была поставлена задача добиться такого статуса российской денежной единицы еще президентом Д.А. Медведевым.

Тем не менее, Россия – значимая, если не сказать больше, держава в мировой политике и глобальной экономике во втором десятилетии XXI в., несмотря на все трудности и сложности её развития после холодной войны, распада Советского Союза и введения Западом санкции против нее в последние 2 года. Её внешнеполитическая поступь на мировой арене весьма весома, что заставляет мир считаться с ней. Уместно здесь привести суждение заведующей Отделом европейских политических исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН) Н.К. Арбатовой о том, что «отношения России с Евросоюзом, как и с Западом в целом, можно охарактеризовать как гибридные, когда, несмотря на «серьезное похолодание международного климата, сохраняется и экономическое, и торговое сотрудничество, переговорные процессы по наиболее актуальным вопросам международной и региональной безопасности. И совершенно естественно, что международные акторы, будь то ЕС или Россия, руководствуются своими, а не чужими интересами» [13].

Видный политик и экономист У. Энгдаль, живущий последние лет 20 в Германии, считает, что Россия находится в авангарде нового мира [14]. Стоит согласиться с его точкой зрения, что Москва «с помощью блестящих геополитических комбинаций добилась в последние месяцы немалых успехов…» К такому выводу он пришел, проанализировав политику России на Украине. Не все для нее проходит гладко на мировой арене. Так, произошло, например, при принятии 17 марта 2011 г. в Совете Безопасности ООН резолюции 1973, когда Россия предлагала поработать

еще над её текстом, устранить в нем двусмысленности, неясности, неточности и сделать его взвешенным, строго выверенным, но не была поддержана другими членами Совета Безопасности ООН (СБ ООН). Тогда наряду с Китаем, Бразилией, Германией и Индией, Москва, уступая авторам резолюции Франции, США и Великобритании и надеясь все-таки на их государственное благоразумие, воздержалась при голосовании по проекту резолюции 1973, предусматривавшей внешнее военное вмешательство по ликвидации режима Муамара Каддафи [15]. Со временем президент США признал свою позицию в отношении Ливии ошибкой, хотя правильнее было бы назвать ее катастрофой. Попутно отмечу, что В.В. Путин, в то время занимавший пост премьер-министра, резко осудил эту резолюцию, как только она была принята. (Администрация главы государства Д.А. Медведева тотчас же отреагировала, заявив, что внешняя политика находится в ведение президента). Объясняя свою позицию касательно резолюции 1973, МИД РФ ссылался на то, что все-таки предоставлял шанс на мирное урегулирование ливийского кризиса Сотрудники Постоянного представительства России при ООН и других международных организациях в Женеве М. Ходынская-Галенищева справедливо написала, что «судьбу Ливии решила НАТО» и что «позиция Москвы намеренно дискредитируется», в то время как Россия «настаивала на решении конфликта политико-дипломатическими средствами» [15]. Вот почему Россия, убеждаясь, что действия Запада напрямую нарушают или могут нарушить резолюцию 1973, чуть ли не сразу же внесла в СБ ООН свой проект резолюции, предусматривающий приоритетность политического урегулирования в Ливии. Однако западные члены СБ ООН отказались поддерживать данный проект, тем самым еще более сконцентрировавшись на военном решении проблемы Ливии. Имея в виду Ливию и другие арабские страны, подвергшиеся агрессивному вмешательству Запада и внедрению в них насилия, нищеты, социальной катастрофы, президент РФ В.В. Путин на юбилейной 70-й Генеральной Ассамблее ООН обратился с прямым и жестким вопросом: «Так и хочется спросить тех, кто создал такую ситуацию: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?». И он тут же сам дает ответ «Но боюсь, этот вопрос повиснет в воздухе, потому

что от политики, в основе которой самоуверенность, убежденность в своей исключительности и безнаказанности, так и не отказались» [16]. Учтя уроки Ливии, Россия уже по-другому вела себя при разрешении сирийского кризиса, что приводит к благоприятному позитивному разрешению конфликта в Сирии, а также к взаимному выстраиванию военных и политических отношений с Западом, прежде всего с США, касательно ИГИЛ (ДАИШ) и других террористических организаций, творящих зло на территории этой арабской страны.

Россия, с осени 2015 г. пойдя навстречу пожеланиям сирийского руководства по искоренению терроризма в этой стране, обеспечению её суверенитета, наведению порядка в ней и примирению воюющих стран и одновременно защищая свою независимость на дальних рубежах, обрушила авиабомбовые и ракетные удары на позиции террористической организации ИГИЛ (ДАИШ) и её союзников на территории этого арабского государства. Своими активными военными действиями и искусной дипломатической работой Россия добилась больших успехов по организации совместно с США перемирия в Сирии. Не случайно, по сообщению РБК со ссылкой на Интерфакс 8 марта 2016 г., верховный комиссар ЕС по внешней политике Ф. Могерини убежденно заявила, что сотрудничество России и США в Сирии опровергает рассуждения о новой «холодной войне». Взаимодействие США и России в Сирии внушает надежду, что это послужит своеобразной политико-организационной базой для совместного решения других наболевших, острых проблем мировой политики. Кстати, этот условно назовем «сирийский канал» связи России и США – один из немногих еще действующих коммуникационных каналов между ними. Среди них важную роль играет также прямая телефонная линия. В условиях, когда нарушена договорно-правовая база между ними, как пишет экс-министр Иностранных дел России И.С. Иванов, «объективно растут риски возникновения конфликтов в результате случайностей, технических неполадок или неверно истолкованных действий противоположной стороны» [4]. Необходимость возрождения широкомасштабного сотрудничества США и России в мировой политике и глобальной экономике очевидны. Этого настоятельно требуют реалии сегодняшнего дня, содержащие немало угрожающих миру событий,

конфликтов, ядерных намерений КНДР и пр. Еще раз сошлюсь на И. Иванова, справедливо утверждающего, что «ненормальное состояние и негативная динамика отношений между Москвой и Вашингтоном становятся серьезной проблемой не только для наших двух стран, но и для международной системы в целом» [4][2]. Возможно, стоит прислушаться также к мнению А.Л. Кудрина, руководителя Комитета гражданских инициатив, и экспертов Института современного развития, о том, что «политика России найти альтернативу в развороте на Восток [*этот разворот был провозглашен, когда Запад ввел санкции – В.Я.*] не принесет успеха. Разворот на Восток для экономики РФ нереалистичен, поскольку на Востоке, где успешно работают многие западные институты, мы все равно встретимся с Западом» [17]. Резон в этих словах, разумеется, есть. Но не только по причине деятельности там западных институтов. Дело в том, что экономика и политика азиатских стран Востока в целом тесным образом связаны с мировым хозяйством и глобальной политикой. Именно на Запад, прежде всего на Вашингтон, ориентировано большинство стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), куда, кстати, и устремилась Россия, чтобы компенсировать ущерб, причиняемый обструкцией Запада, приобрести мощные импульсы для своего устойчивого развития и занять достойные позиции в АТР, являющегося локомотивом мирового роста. И еще присутствует одно обстоятельство, речь идет о том, что США несколько лет тому назад, еще до заявления Москвы о развороте в Азию, к Востоку, сами объявили о возвращении на этот континент. И в этих

[2] Не стоит полагать, что я согласен со всеми положениями, выдвинутыми И.С. Ивановым, ныне президентом Российского совета по международным делам. Так, например, по его мнению, далеко не аргументированному и, безусловно, исключительно спорному, в «современном мире, если и существует антагонистический конфликт цивилизаций», то «скорее между западным либерализмом и исламским фундаментализмом». Правда, это «скорее» относится к его точке зрения, согласно которой цивилизационный конфликт «уж, конечно, не между США и Россией». Вот здесь-то и зарыта собака. На мой взгляд, написав слово «скорее», автор допускает, что не исключается и цивилизационная конфликтность между США и Россией. По-моему, если она и имеется, то прежде всего в идеологической сфере, о чем говорил А. Безруков. – См.: Сурков Н. Указ. соч. И еще – вряд ли прав И.С. Иванов, выдвигая свою трактовку содержания цивилизационного конфликта. На мой взгляд, точнее говорить о цивилизационном конфликте между, с одной стороны, христианско-иудейскими ценностями и современными моральными нормами бытия и, с другой, - исламским фундаментализмом. Здесь, к сожалению, не место для научной дискуссии по этой проблеме. Многие её аспекты см.: Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Страны Северной и Северо-Восточной Африки // Отв. Ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: ЛЕНАНД, 2015-424 с.; Модестов С.А. Геополитика ислама. М.: Молодая гвардия, 2003, – 191 с.; Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти. Международная конференция. Казань, 29-30 мая 2015 г. Сборник материалов / Сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2016 – 588 с.

разворотных тенденциях обнаруживается соперничество, конкуренция двух великих держав, в которой присутствует и Китай. Да, и Поднебесная, как уже отмечалось выше, не стоит в стороне от движения на Запад.

Следует учитывать также то, что экономика Китая стала развиваться медленнее, чем года два тому назад; сокращается его экспорт; снижаются темпы роста ВВП. Этот процесс в Поднебесной назван «новой нормальностью», а это означает и понижение импорта сырья. Хотя в целом надо признать, что текущее экономическое состояние Китая не несет угрожающего риска самой китайской экономике, но вот для ориентирующихся на нее зарубежный бизнес страдает. Представляется, что руководитель Центра экономического и социального исследования Китая, заместитель Института Дальнего Востока РАН профессор А.В. Островский излишне алармистски настроен, написав «По-настоящему серьезным долгосрочным риском не только для китайской экономики, но и для всего Китая являются три глобальные проблемы: народонаселение, нехватка энергоресурсов и загрязнение окружающей среды, обострение которых может ввергнуть Китай в затяжной экономический, а затем и политический кризис» [18]. Возможно, этот маститый ученый не учел новую демографическую политику Китая, предусматривающую массовую эмиграцию китайцев за рубеж, в том числе на Дальний Восток России и в страны, подпадающие под действие стратегии «Один пояс – один путь», активность Поднебесной в импорте энергоресурсов «которая может уменьшиться в связи с падением развития самого Китая», и обязательства Китая в соответствии Парижским природоохранным соглашениям, уже подписанным 175 странами, в том числе Пекином, конечно, нужно принять во внимание в этом отношении и факторы, соответствующие политике соседей Поднебесной, а также США, пристально следящих за тем, что происходит в Китае. Да, и планы достижения китайского чуда к середине XXI века нельзя сбрасывать со счета, когда речь идет о внутренних и внешних рисках и угрозах Китая. Особо важна здесь линия партнерства, сотрудничества и взаимодействия Китая с Россией и США.

Да и глобальные тенденции периодичности подъема и спада мировой экономики не могут находиться вне учета, когда рассматриваются перспективы Китая в XXI в. Ожидается, например, замедление развития

глобальной экономики в связи со снижением роста ВВП Китая, а российской – даже спад [19]. Китай поступает в отношении России, исходя из конфуцианской мудрости «богатые соседи – мирные границы», и поэтому договоренности, достигнутые на высшем уровне в 2014–2015 гг. действуют, от них никто не отказывается, но и продвигаются они в жизнь с трудом, не без препятствий, порождаемых бюрократией или реальными событиями и фактами.

Как уже отмечалось выше, существует единое видение у Пекина и Москвы целого ряда мирополитических процессов и тенденций, сопряжение национальных интересов и, разумеется, экономических трендов. Но есть и различия в мировидении Китая и России. Многие из них отличны, однако, от проблемности, по сути своей от существа сложных расхождений в концептуальных подходах и взглядах, не лишенных порой конфликтности, во взаимодействии этих стран с США. Но это не означает, что они не должны решаться Наличие различий в миропонимании, в позиционировании на мировой арене, пирамидальном миростроении, в амбициях и устремлениях в формировании нового мирового порядка, во взаимодействии друг с другом и контактах с иными странами – все это и многое другое в цивилизационном измерении мировой политики тем не менее не исключает поиска взаимоприемлемых путей для устранения противоречий, смягчения напряженности взаимоотношений, развития добрососедства, партнерства, культуры и взаимной лингвополитики, а также создания инфраструктуры общего в исторической памяти. Разумеется, имеются общие черты и неодинаковые двустороннего характера (Россия-Китай, Россия-США, США-Китай), но всегда можно найти взаимоприемленность оценок прошлого. Надежды на успешность взаимных контактов не оставляют тех, кто вплотную занимается вопросами стабилизации этих отношений. Так, в России, оценивая взаимное участие в разрешении сирийского кризиса весной 2016 г., твердо убеждены в том, что контакты с США всегда проходят плодотворно. Телефонные переговоры «С. Лавров – Дж. Керри» и «В.В. Путин – Барак Обама» весной 2016 г. – тому яркое подтверждение. Более того, в начале мая стороны договорились о создании в Женеве Центра мониторинга прекращения огня в Сирии. Вообще, сотрудничество в

разрешении сирийского кризиса, возможно, явится залогом нормализации российско-американских отношений, а подключение к этому процессу стало бы прологом к тройственному соучастию в восстановлении мира на Ближнем Востоке. К такой совместной деятельности путь лежит, возможно, через достигнутый Россией и Китаем в самом конце апреля договорённости о координации позиций по сирийской, иранской и ливийской темам. Это может стать первым российско-китайско-американским опытом предотвращения конфликтов, в том числе в Южно-Китайском море: С.В. Лавров определил позицию России в отношении спорных островов в этом море, заявив, что Москва против вмешательства внешних игроков [20]. Втроем «Москва-Пекин-Вашингтон» могли бы, судя по всему, договориться по крайней мере о снижении конфликтогенности в этом районе.

А Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Москве Ли Хуэй, поздравляя читателей журнала «Москва–Пекин» с наступившим годом Огненной Обезьяны, высказал уверенность в том, что в новом году «руководители двух стран приведут ряд встреч, что даст новый импульс практическому сотрудничеству в различных областях». Он имел в виду, прежде всего, предстоящий июньский визит В.В. Путина в Китай. В свою очередь Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Пекине А. Денисов пожелал, «чтобы в этом году рождалось больше интересных идей и проектов, которые открывали бы для нас новые горизонты сотрудничества и помогали укреплению дружеских связей…» [21]. Кстати, эти добрые и весьма напутственные слова можно, без преувеличения, распространить и на всю палитру российско-китайско-американских отношений.

Примечательно, что если российско-американские отношения переживают глубокий кризис, то таковой отсутствует у Китая и США, хотя у них немало серьезных противоречий. Тем более если довериться словам все того же Ю. Тавровского: «Заморское царство – гегемон стало требовать все новых уступок и продвигать войска к рубежам Поднебесной» [22]. В таком случае, как он предсказывает, жди беды. Однако те международные и внутристрановые инициативы, предпринимаемые китайскими властями под руководством товарища Си (в частности, в области экологии), его многочисленные зарубежные поездки, проводимая в Пекине подготовка к саммиту G-20 в сентябре 2016 г.,

повышение расходов на вооружение, по которым Китай занимает второе место в мире после США, а четвертое – Россия; сокращение армии на 300 тыс. чел., происходящая в стране перестройка военного командования и нацеленности вооруженных сил Китая на зарубежные операции, введение новейших технологий, курс на масштабные китайские инвестиции за рубежом, развитие инновационного и модернизационного производства являются залогом того, что Китай еще более повысит свой хозяйственный, политический, мягкосиловой, гуманитарный, военный и цивилизационный потенциал. Такие же цели повышения своего цивилизационного, мирополитического и глобально-экономического могущества ставят перед собой и США, и Россия. В конкурентной борьбе этих трех стран цивилизационное измерение становится одним из важнейших черт их соперничества и сотрудничества.

Особо следует обратить внимание на цивилизационные различия Китая и США, да и России, но это отнюдь не причина для обострения отношений между ними, для возникновения кризисных ситуаций в китайско-американских и российско-американских отношениях, а также ожидать худших сценариев в их развитии. Для знакомства американцев с китайской цивилизацией, её ценностями и ориентирами нынешнее руководство Поднебесной широко использует распространение китайского языка в мире в целом и в США в частности [23], а также уделяется большое внимание диаспоральной политике: ведь в США проживают миллионы китайцев, притом компактно, хорошо организованы и исключительно (как и повсюду в мире) трудолюбивы, являются естественными пропагандистами китайской культуры среди населения США. Слов нет, все это позитивы в китайско-американских отношениях. Но в Пекине не скрывают своих опасений со стороны заокеанской сверхдержавы. Особое беспокойство в Пекине, да и в Москве вызывает развертывание США системы ПРО в регионе. Но и Поднебесная не безгрешна по отношению к США и её союзникам в Восточно-Китайском и особенно Южно-Китайском морях. Это, конечно, уменьшает степень доверия друг к другу, если оно вообще есть, но без него невозможно выстраивать бескризисные, бесконфронтационные, эффективные многосторонние и договорно-правовые отношения всей тройки ведущих

государств мира – России, США и Китая. Оно просто необходимо. Только в таком случае они смогут составить ось мировой политики, точнее одну из осей взаимодействующих, взаимозависимых, взаимовлияющих и взаимодоговорящихся. То есть ось Москва–Вашингтон–Пекин не должна быть единственной. Для современной мировой политики, ориентируемой на многополярный мир, должна быть полиосевая структура. Может быть где-то или в чем-то она смыкается с многополярным, или полицентричным миром [24]. Но все-таки это не одно и то же. Как уже отмечалось, у каждой из этой тройки государств свои интересы, свое мировидение (по крайней мере, с точки зрения одной или двух стран этой тройки), свои проблемы, трудности, свой позитив и свой негатив. Конкуренции, политической, экономической и военной, друг с другом им не избежать. Но с точки зрения мироустойчивости, миротворчества и вопросов глобальной, региональной и национальной безопасности важно, чтобы эта конкуренция не осложнила мирополитические процессы, не перерастала в конфликтные отношения, и все спорные, неоднозначно толкуемые проблемы решались бы политико-дипломатическим путем во имя, в конечном счете, мира на Земле. Разумеется, каждой из стран надо будет проявлять наивысшее искусство дипломатии. Не будет преувеличением сказать, что реалии современности вынуждают эту тройку заниматься поисками возрождения, нормализации, развития и укрепления связей между собой и в масштабе всего мирового сообщества, в том числе через сложившиеся уже или формируемые новые международные институты.

Институциональные возможности трех ведущих государств мира – России, Китая и США во второй половине XXI в. оказались ограниченными, ибо Россию, к сожалению, вывели из G-8, а Китай и не входил в нее, российско-американские отношения на внешнем уровне практически по многим направлениям прерваны, либо чуть-чуть теплятся; предложенная Бараком Обамой на заре его еще первого президентства идея G-2 в составе США и Китая, которая определяла бы основные направления развития мира, провалилась из-за позиции официального Пекина, сославшегося на приверженность принципам многополярного мира [25] и т.д. и т.п. Однако, в академических и политических кругах

Китая нет-нет да возникнут рассуждения о том, как бы было хорошо, если бы организовать это G-2.

И в Москве, и в Пекине, и в Вашингтоне, несмотря на имеющиеся между ними несогласованности, недоверие, противоречия, отказ от перезагрузки, осознают неизбежность диалога, активизации имеющихся и создания более перспективных форматов политического общения, новых подходов друг к другу, к хотя бы сохранению нынешнего статус-кво в мироустройстве, уж если мировой порядок, соответствующий двадцать первому веку, складывается медленно, противоречиво, порой даже провально по многим параметрам. Конечно, многое будет зависеть от того, кто станет президентом США на 2017–2021 гг., кто взойдет на вершину власти в 2018 г. в России и, кто в 2021 г. в Китае. Эта ремарка на несколько отдаленные годы уместна в связи с тем, что тройственное соучастие в налаживании собственных отношений и в воздействии посредством диалога и привлечения заинтересованных акторов в мирополитическоих процессах потребует немало лет напряженной профессиональной работы. Но начинать надо уже сейчас, как бы ни было поздно: пока еще функционируют сохраняющиеся каналы взаимообщения, взаимодействия и совпадения по тематике происходящего. Это, по-моему, составляет инфраструктуру начала очередного подъема межгосударственных отношений. И если для российско-американских отношений это начало связано с выходом из кризисного состояния, в котором они оказались в середине второго десятилетия XXI века, то для китайско-американских отношений оно являлось бы началом позитивной реализации достигнутых договоренностей для искоренения или по крайней мере заметного смягчения имеющейся, притом время от времени нарастающей, напряженности и устранения взаимных опасений, обвинений и недомолвок. Конечно, между этими двумя, как принято в настоящее время, треками межгосударственных параметров есть существенные различия в исходных позициях, их качественных характеристиках. И уж, конечно, разительная картина в сравнении с ними в состоянии и перспективах китайско-российских отношений, которые официально определяются как всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие [26]. В ходу стало употребление термина

«всеобъемлющее партнерство» (При этом, однако, в китайских СМИ и научных трудах нет-нет, да и публикуются карты Поднебесной с включением в её пределы российского Дальнего Востока и соседних к нему сибирских территорий. Хотя в соответствии с договором о добрососедстве 2001 года Китай отказался от территориальных претензий к России). Свидетельством наличия добрососедских отношений, активности и доверительности в бизнесе стал лозунг «Две страны – одно дело», под которым прошел Второй Пекинский Российско-Китайский международный форум BIEF-2015.

Подключение китайско-российской геоэкономической и геополитической парадигмы к двум вышеназванным трекам, несомненно, будет позитивно воздействовать на атмосферу взаимоотношений всей державной троицы. Надо иметь в виду, что от атмосферы российско-китайско-американских отношений зависит общий климат на мировой арене и что их состояние, перспективы и криптограмм воздействуют на тональность жизнедеятельности всего мирового сообщества. У Москвы, Вашингтона и Пекина есть вопросы не только для двустороннего обсуждения, но и для трехстороннего. Итоги двусторонних консультаций, бесед, переговоров, телефонных разговоров благоприятно сказываются на трехстороннем политическом взаимообщении. Тогда вряд ли появятся разглагольствования, подобные тем, о которых поведал ничтоже сумняшеся глава Пентагона Эштон Картер 17 марта 2016 г. на слушаниях в сенатском комитете по вооруженным силам. Тогда он назвал 5 глобальных угроз для безопасности США, поставив на первое место Россию, а на второе – Китай [27].

Все три страны на фоне все ухудшающейся мирополитической обстановки и растущих разногласий между собой, сталкиваются, однако, и с общими вызовами. Их устранение имеет глобальное значение. В последнее время появились обнадёживающие оценки происходящего. 25 марта 2016 г. Телеканал РБК около 12 часов московского времени передал две очень важные информации, находящиеся в русле тематики данной статьи: 1. эксперты Валдайского клуба заявили, что Россия сделала окончательный разворот в сторону Азии (на мой взгляд, это поспешный вывод), и 2. С. Иванов, руководитель администрации Президента, назвал

отношения России и Китая образцовыми для XXI века. В связи с этой оценкой, по-моему, следовало бы России активнее привлекать Китай к её внешнеполитической деятельности, когда решаются судьбоносные вопросы мирового уровня. По-видимому, тогда возникнет б***о́***льшая степень достижения целей российской дипломатии и не исключается момент сговорчивости США (хотя возможен и момент усиления временной неуступчивости американской дипломатии).

Мир оказался на краю пропасти, на грани собственной гибели. Пошли предсказания новой холодной войны и даже начала третьей мировой войны. Председатель Комитета Госдумы РФ по образованию, президент фонда «Русский мир» В.А. Никонов в 2015 г. сказал на круглом столе «Пути российской цивилизации», что «есть ощущение, что мы находимся в состоянии войны, есть такое ощущение… Она ведется на всех фронтах. И, конечно, информационное противостояние – одно из многих, хотя война идет на самых разных направлениях, в том числе на экономическом, политическом, военном». Возможно, эти слова были произнесены под впечатлением выступления депутата Европарламента, председателя Европейского Русского мира Т. Жданок, сетовавшей на то, что ей «кажется, что россияне в отличие от нас [*русскоязычные в постсоветских государствах – В.Я.],* не осознают, что живут сегодня в состоянии войны. По крайней мере информационной» [28]. Думаю, однако, угрозы Северной Кореи заставили россиян серьезно задуматься на счет происходящего. Что же касается приведенных выше новаций В.А. Никонова и Т. Жданок об идущей войне, то на них, судя по всему, оказало влияние мнение начальника Генерального штаба российских вооруженных сил В. Герасимова, еще в январе 2016 г. обобщившего изменения в характере современных военных действий, о том, что «в XXI в. прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира» [29]. Однако, что бы то не сказалось на формирование их точки зрения, она имеет алармистский характер, вызывает страх в обществе, нагнетает боязнь третьей мировой войны, усиливает напряженность в межгосударственных делах. Однако и понуждает руководителей развитых и растущих стран задаться вопросом, а не пора ли одуматься и не приступить к сплочению, компромиссам, разблокированию

миротворческих инициатив, к коллективным действиям по наведению порядка в мире, к отказу от навешивания ярлыков, шараханий, к согласию с неизбежными переменами и установлению подлинного цивилизационного сосуществования, к внедрению в жизнь выверенных сценариев развития, к снижению уровня воинственной и враждебной риторики, причем, прежде всего, на официальном уровне, да и в СМИ и в научных работах не мешало бы сменить тональность суждений. Президент России В.В. Путин после беседы с госсекретарем США Джоном Керри 24 марта 2014 г. подал яркий пример такой смены, заявив, что «контакты России и США всегда проходят плодотворно» [30]. Да и министр иностранных дел России С.В. Лавров смягчил тон своих комментариев. Сам Керри тогда говорил о необходимости более действенного сотрудничества России и США в борьбе с терроризмом ИГИЛ. Все это не могло не понравиться в Москве. Известные политические наблюдатели из газеты «Коммерсантъ» еще накануне визита Джона Керри в российскую столицу С. Строкань и И. Сафронов писали, что его приезд в Москву знаменует собой оживление российско-американских контактов после инициированного президентами РФ В.В. Путиным и США Бараком Обамой прекращения огня в Сирии [31]. Однако на деле вышло далеко не так, как на то надеялись в Москве.

О заметном потеплении российско-американских отношений, о чем заговорили после мартовского 2016 г. визита госсекретаря США Джона Керри в Москву и достигнутых договоренностей относительно Сирии и продолжения борьбы с ИГИЛ, следует сказать все-таки: они не были столь радужными. [32] В их оценке важно принять во внимание комментарии самого госсекретаря, который заявил в интервью телеканалу CBS: «Россия помогла в достижении ядерной сделки с Ираном. Россия помогла вывезти химическое оружие из Сирии. Теперь Россия помогает с прекращением военных действий. И если Россия действительно может помочь нам повлиять на процесс политического урегулирования, это отвечает стратегическим интересам США». Но он твердо ответил «нет» на вопрос «является ли Россия союзником США» [32]. В свою очередь пресс-секретарь президента России Д. Песков, отметив отсутствие в Москве иллюзий по поводу возможности создания антитеррористического союза

России с США и другими странами Запада, прокомментировал итоги этих переворотов, волновавшие больше всего экспертов: «Нельзя сказать, что мы приблизились к сотрудничеству в сфере борьбы с терроризмом. Нельзя сказать, что мы приблизились к созданию альянса для борьбы с теми вызовами, которые перед нами» [31]. И, тем не менее, нельзя вовсе исключить значительность результатов этой встречи после долгих лет отсутствия какой-либо взаимности в сирийском конфликте. В них присутствует позитивность сделанных Россией и США совместных шагов, пусть даже по одной проблеме – Сирии. Начало положено, а дальше все зависит от воли и желания официальных Москвы и Вашингтона. Благоприятные в целом отзывы о плодотворности российско-американских контактов в марте 2016 г. из Москвы уже последовали (см. выше). Однако, как пояснил заведующий сектором военно-политического анализа ИМЭМО РАН С.Ознобищев, отказ Москвы участвовать в глобальном форуме по ядерной безопасности, начавшийся 31 марта 2016 г. в Вашингтоне «доказывает наметившееся потепление в отношениях США и России… может привести к заметным переменам еще нескоро» [33]. В Москве, принимая Джона Керри и обсуждая с ним далеко не полный спектр всех проблем во взаимоотношениях, несомненно, учитывали, что Барак Обама, как заметил заместитель директора ИМЭМО РАН Ф. Войтоловский, «не хочет оставлять в наследство своему преемнику проблемы в отношениях с Москвой». А по словам американского президента, «Владимир Путин заинтересован, чтобы Москву видели партнером Вашингтона» [33]. Оценивая все эти вышеизложенные откровения, связанные с визитом Джона Керри, вероятно, можно отметить, что наметился некоторый, пусть и малозаметный, пусть скрытый от мировой общественности, пусть еле проглядываемый сквозь толщу фактов, суждений, обвинений, нелестных замечаний, откровений, дипломатических уверток, заверений и прочих словесных и политологических официальных откровений, шажок в изменении в лучшую сторону российско-американских отношений, влияющих на всю архитектуру мировой политики, на всю многоликость конфигурации международных отношений.

И это – несмотря на весь скептицизм экспертов и политиков, а также заявления типа «Россия, отказавшись от участия в саммите по ядерной безопасности «сама себя изолировала».

Этот тезис о самоизоляции России в ходу в мире. О нем с грустью недавно поведал, рассуждая о доверии, растущем в результате развития экономических связей, известный польский кинорежиссер Кшиштоф Занусси: «Поэтому то, что Россия в такой степени изолировалась за последние два года, – это огромная потеря для всех, в том числе и для России. Потому что доверие строится медленно. С другой стороны, с самого начала перемен я не понимаю, почему Россия не идет вместе с Европой и Америкой – ведь это ее природное место» [34]. Таковы суждения, распространяемые на Западе. Однако, ратуя за доверие между Россией и Западом, Кшиштоф Занусси ссылается на заявление экс-главы МИД Польши Адама Ротфельда о том, что доверие надо восстанавливать на уровне военных, поскольку они не политики и не идеологи, а говорят о конкретных шагах и фактах. К. Занусси убежден также, что наряду с военными культура должна стать мостиком цивилизационного единения России с Америкой и Европой, ибо она, обладая пророческими качествами всегда «строила то, что общество еще не понимало» [34]. То есть по существу подчеркивается огромная роль мягкой силы для налаживания российско-американских отношений. Этот же ресурс имеет касательство и к китайско-американским отношениям (см.: выше). Конечно, он приемлем и эффективен и для совершенствования и углубления сотрудничества России и Китая.

По весне 2016 г. вновь обострилась застарелая мирополитическая проблема северокорейской ядерной и ракетно-баллистической программы. Пхеньян в нарушение резолюций СБ ООН провел серию ядерных и ракетных испытаний. Более того, КНДР в открытую стала угрожать Вашингтону и Сеулу применением ядерного оружия, если США и Республика Корея проведут масштабные военные учения. Ответственные державы, и прежде всего Россия, которую во многом (но не во всем) на мировой арене поддерживает Китай, обеспокоены складывающимися обстоятельствами на Корейском полуострове.

Поскольку угроза ядерного удара нависла над США и его союзниками в регионе СБ ООН, который единогласно принял резолюцию, осуждающую Северную Корею и вводящую новые санкции против нее. Нависшая над миром катастрофа вольно или невольно сплотила Россию, США и Китай. Все три страны действовали в русле формулы академика А.В. Торкунова, «зафиксированной в подзаголовке его статьи «Семьдесят лет спустя», а именно: «нынешняя враждебность между Западом и Россией не является естественным состоянием» [35]. Как бы там ни было, как бы ни складывалась атмосфера взаимной неприязни или, наоборот, как бы позитивно ни выстраивались подходы друг к другу, в геополитическом треугольнике Россия–КНР–США «в действительности объединяющих факторов гораздо больше, чем разъединяющих». Эти слова принадлежат видному российскому политику М. Маргелову, сказанные им будучи председателем Комитета по международным делам в Совете Федерации Федерального Собрания РФ [36].

Весьма любопытно мнение бывшего заместителя министра иностранных дел России Г. Кунадзе о том, что «в глубине души мы сами хотим стать Америкой… вездесущими и всевидящими… поучать и наставлять остальных. Мы, одним словом, не против привилегированного статуса Америки в мире. Мы за то, чтобы иметь такой же статус самим» [37]. Может быть, в этом кроется убежденность официальных лиц России и, добавлю, Китая, в том, что чтобы они не делали на мировой арене, все это безгрешно, справедливо, верно, не должно оспариваться. Только потом, спустя годы, начинаются признания в ошибочности той или иной акции. Вышеприведенные слова Г. Кунадзе можно отнести и к Китаю, который прилагает немало усилий, чтобы стать ведущим лидером в глобальной политике. Не случайно общим местом в рассуждениях о будущем мирового сообщества стало мнение о том, что произойдет смена «американского века» на «китайское столетие».

В Вашингтоне, однако, не готовы смириться с таким оборотом истории, но в Москве, правда, не реагируют муссируемых предположений о восшествии Поднебесной на вершину мировой политики. Москва видит в Поднебесной самого стойкого и последовательного своего партнера, отстаивая принципы многополярности мира. (Хотя в научной сфере есть и

скептики в отношении многополярного мира, ибо, как полагает А.В. Малашенко, «не существует внятных критериев того, что представляет собой такой полис» [38]. Россия – великая держава, не желающая терять свои важные позиции на мировой политической карте XXI в., и, наоборот, стремящаяся наращивать свое присутствие в мировом сообществе и повышать роль в международных делах. Генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД) А. Кортунов написал, что «любая страна или группа стран, теряющих свои былые позиции в международной системе, относится к этому весьма болезненно». То же самое свойственно и Китаю, несмотря на все заверения в преследовании иных не ведущих целей на мировой арене. В свою очередь США во чтобы то ни стало пытаются не лишиться лидирующего положения, если уж не вернуть себе доминирующей роли в мировом сообществе. В любом случае прав генеральный директор РСМД А. Кортунов, написав, что «военная сила, даже самая современная, сама по себе не решает проблемы лидерства» [39].

Интересно в этой связи мнение британского историка, военного и государственного деятеля Джона Глабба (1897–1986) о том, что «во все времена существовали одно или два господствующих государства, которые в свое время вызывали восхищение или, по крайней мере, молчаливое подражание со стороны других». И более того, он далее продолжает, выдвигая любопытную точку зрения, «эта фаза лидерства переходила от одного государства к другому, и за всю историю еще ни один народ не получал этой возможности дважды» [40]. Если верна эта точка зрения, то «возрождение величия китайской нации» станет первым случаем, когда Китай спустя столетия снова вернет себе лидерство. Да, собственно говоря и Россия не в стороне от этого процесса возвращения в лоно первенствующих держав. Первые полтора десятилетия XXI в. – тому подтверждение: Россия после распада Советского Союза как его правопреемница потеряла приобретенные им позиции в мире, но довольно быстро воспряла, заняв на новой основе решающее место на мировой арене. И Поднебесная, и Россия уже многого добились на этом пути. Мир отдает должное высокой роли этих стран в глобальной и региональной

политике, видя в них защитников международного права и справедливости, готовых всегда отстаивать интересы человечества.

Вашингтон противится тому, что недолго пробыл на вершине пирамидального миростроения, доминируя после распада СССР, да и лидерство стало убывать. Россия пытается вернуть былое величие Советского Союза, с которым считался весь Запад, а многие государства «третьего мира», как тогда называли освободившиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, вместе взятые, с вожделением смотрели на Москву, видя в ней свою защитницу, заступницу, и, чего греха таить, кормилицу. Да и царское время дает нам немало свидетельств того, что Александр I распоряжался в Венском концерте стран-победителей Наполеона Бонапарта, а Александр III с гордостью вещал, чтобы Европа подождала, пока русский царь ловит рыбу.

Это было все в прошлом, но оно не исчезло из памяти русского народа и тех народов, что все вместе строили Российское государство. Аналогичная ситуация в Китае. Что же касается США, то их население живет в атмосфере текущего воспреобладания американского государства над миром, да и былое у американцев, что называется, не за горами.

Былое, помнится, дает о себе знать, к нему обращаются власти, когда надо объяснить своему народу и миру позицию в отношении того или иного события, своих действий. Более того, в них создается и развивается инфраструктура исторической памяти, выделяя при этом как общемировые компоненты, так и внутристрановые либо межстрановые представления. В совокупности все это, функционируя на коллективном уровне, воздействует на внутреннюю и внешнюю политику [41]. Вместе с тем, факты исторической памяти могут помочь в поиске общих черт, общих характеристик, общих событийных восприятий, одинаковости в жизненных условиях, судьбоносных предназначений, цивилизационной схожести. Яркий пример тому – празднование 70-летия победы во второй мировой войне (в России великой Победы в Великой Отечественной войне), торжества по случаю 70-летия ООН, ежегодный праздник в России День единства 4 ноября; 4 июля – День независимости США; 2 сентября – окончание второй мировой войны и день Победы Китая в этой войне и пр. Конечно, в эти историко-памятные даты каждая страна вносит свой

патриотический смысл, отвергает или укрепляет устаревшие шаблоны исторической оценки, а также стремится за счет напоминания о выдающихся и славных делах дней минувших поднять свой имидж за рубежом и трансформировать былое в позитив для межгосударственных отношений. Это направлено, в конечном счете, на создание адекватных механизмов странолюбия за рубежом и, конечно, внутри самого государства, особо опекающего историческую память (в моих рассуждениях речь идет о России, Китае и США). Вероятно, настало время скоординировать между ними цели и задачи высокочтимых историко-памятных дат и деяний, чтобы не наносить труднопоправимый вред от неверных, надуманных и провокативных толкований, избавив тем самым от перекосов в понимании мировой истории (однако это – не призыв к однообразию, единомыслию, трафаретности в характеристике пройденного пути развития). Опираясь на историю, содержащую немало совместных благородных дел, эти три державы, обладающие высоким статусом великих держав, должны еще в большей степени понимать свою ответственность за судьбы мира. Попутно замечу, что и те государства, которые стремятся заполучить подобный статус, должны сейчас взять на себя такую же ответственность. Это и Индия, и Пакистан, и Израиль, и КНДР, и другие государства, располагающие ядерным оружием или находящиеся на пороге его создания. А здесь очень важны позиция России, Китая, США, а также Великобритании, Франции. И если эти две последние из названных стран вместе с Россией ратифицировали Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), то США, Китай, Индия и Пакистан, уже не говоря о КНДР и Израиле, этого не сделали. А следовало бы, чтобы добиться стабильности и безопасности в мире. Примечательно, что со стороны Пхеньяна, такой шаг явился бы знаком примирения и устранения того, что МИД РФ назвал угрозой «полномасштабного военного конфликта» [42]. Да и США, вероятно, стоило бы прислушаться к призыву Пхеньяна о подписании договора о ненападении и отреагировать на него позитивно, разумеется, а не отмалчиваться.

Должно быть ответственное поведение на мировой арене всех государств, независимо от их места в пирамидальном строении мирового

сообщества [43], вершину которого в настоящее время уже занимает США в гордом одиночестве.

Каков бы ни был расклад сил между Россией, Китаем и США, как бы их идеологи и прагматики, руководители и советники, ученые и политики не оценивали ход истории, современную мировую политику, как бы не реагировали на конфликтные и кризисные ситуации, цивилизацилионные столкновения, как бы не ссылались на славянские и православные основы институционального единения, либо на конфуцианство или на евроатлантические ценности, эта тройка государств являются стержневыми в современно мироустройстве, и от них зависит многое на планете.

Все три страны, хотя противоположны по многим жизненным параметрам, и политически, и экономически, и стратегически, и в мягкосиловом, культурном и гуманитарном отношениях, тесно взаимосвязаны. Каждая может преуспеть в своем развитии только если преуспеют две другие, иначе быть не может, ибо, во-первых, в глобальном мире многое (если не все) переплетено и в нем растет взаимозависимость и взаимодействие стран, а не отторжение их друг от друга, чтобы не говорили по этому поводу ретивые политики и шелкоперы, и, во-вторых, в геополитическом треугольнике Россия-Китай-США взаимообразно действуют немало факторов (ТНК, автомобильные компании, нефтяные и газовые трубопроводы, поставки сырья фирмами, где присутствует капитал того или иного участника геотреугольника, торговля, золотовалютные запасы в долларах и юанях, технологии и пр.). Следует учитывать также притягательную силу Поднебесной, Америки и России в мировом пространстве. К ним, к их военной, политической, технологической и экономической мощи тянутся малые, средние и крупные государства, видя в них опору своей независимости, суверенитета, развития, безопасности и стабильности. Словом, в мировом сообществе существуют объективные мотивы (*о них указано на предшествующих страницах*), чтобы образовалась G-3 в составе России, Китая и США. Это будет действенный формат их взаимодействия и взаимообщения, обладающий институциональными механизмами, позволяющими им обсуждать и решать прежде всего вопросы их собственного сотрудничества, устраняя противоречия на основе

договоренностей. Это будет эффективный политико-теоретический формат, в котором будут собираться те, кому поручат президенты трех стран вести конкретные переговоры по тем актуальным проблемам и кризисам, какие сложившиеся реалии международных отношений требовали бы незамедлительно разрешить. Этот формат – не в обход ООН, G-20 и других международных организаций, а, наоборот, в дополнение к ним. Иное дело, что со временем G-3 станет более значимым форматом, но не сможет заменить ООН. Это будет креативной, быстрорастущей площадкой мирового уровня.

Эту идею автор статьи высказал ещё в 2013 г. [25. С. 63, 69 ,70]. К числу доводов, приведенных тогда, следует добавить следующие:

G-3 стала бы мощным инструментом коллегиального глобального управления, в том числе в АТР;

G-3, в которой каждая из сторон, преследуя свои национальные интересы и учитывая складывающиеся тенденции современного мирового развития, налаживала бы контакты друг с другом, с изменяющимся миром, а не отвергала бы сходу, а то и по истечении какого-то времени, происходящие перемены;

в G-3 разговор между ее участниками был бы не враждебный, а заинтересованный в поисках выхода из создавшегося трудноразрешимого положения;

в G-3 предлагались бы к развитию взаимоприемлемые компоненты мягкой силы, включая экспертные оценки и сферу распространения русистики, американистики и китаистики;

в G-3 со временем, возможно, исчезли бы взаимные претензии друг к другу по поводу гегемонии, доминации и лидерства. Лидером выступала бы эта тройка, но действовала бы она в конечном счете через ООН и другие международные и региональные организации, и не в ущерб остальному миру;

G-3 отстаивала бы принципы состязательности и конкурентности без применения военной силы, угроз и посредством партнерства между собой и в мире в целом;

G-3 разрабатывала бы концепции мироустройства для обсуждения в ООН;

G-3 стала бы преобразующей силой, своеобразным геополитическим местом распространения бесконфликтных и неконфликтогенных идей, плацдармом для стратегических размышлений в области мироустройства и миротворчества;

G-3 стала бы форматом межгосударственного взаимодействия для выработки мейнстрима глобализации, комфортного для всех стран мира, и при их участии;

G-3, куда войдут три великие державы, хотя и с многими неодинаковыми показателями экономического развития, будет тем не менее своеобразным стержнем экономического роста для мира в целом, ибо Россия, Китай и США смогли бы совместно предпринимать своевременные шаги по предотвращению или по крайней мере смягчению кризисных явлений. Разумеется, им нужно было бы к этому привлекать и другие страны, экономические и политические объединения.

G-3 вследствие проведения так называемой умной политики смогла бы устранить при привлечения ЕС, Индии и других акторов мировой политики современный хаос в межгосударственных отношениях и в мирополитическом развитии. Тем самым «Группа – 3» укрепила бы ведущую роль в мировом сообществе ООН, ибо она действовала бы в ее рамках, уставных норм и в соблюдении международного права.

G-3 вплотную занялась бы проблемами падающих (failing) и несостоявшихся (failed) государств, серьезно подрывающих в настоящее время стабильность мирового сообщества.

G-3, вероятно, успешно действовала бы в отношении принятия эффективных мер касательно так называемых непризнанных государств [44];

G-3 возможна и просто необходима, несмотря на то, что Россия в настоящее время, да и Китай, выступают как реальные противники американских устремлений к доминации в мире или ,по крайней мере, сохранению своего лидирующего положения, которое подвергается, к сожалению для Белого дома, сильной коррозии. В Вашингтоне прекрасно осведомлены о том, что Евросоюз, следующий в целом его курсом в мировой политике, по рассуждениям сингапурского исследователя К. Махбубани, одновременно является гигантом и карликом [45].

В ведении G-3 оказались бы вопросы не только трехсторонних отношений, но и проблемы трансформации мир-системы;

Не обошла бы своим внимание G-3 острейшие проблемы исламофобии, христианофобии, антисемитизма, шиито-суннитского антагонизма и, конечно, международного терроризма, а также выхода ислама на мировую арену, требований исламских государств признания за ними мирообразующей силы, а это означало бы включение наиболее развитых мусульманских стран в ведущие международные организации (в ООН они все представлены, но их деятельность там в целом незаметна);

G-3 будет признаваться центральная и координирующая роль ООН и главная ответственность её Совета Безопасности по поддержанию мира на Земле.

G-3, несомненно, взаимодействовала бы с ЕС, трудности которого со временем останутся позади. Все три страны чрезвычайно заинтересованы в развитии долгосрочных и взаимовыгодных отношений с ЕС. Во-первых, нельзя забывать, что геополитически США еще с послевоенных лет рассматривают Европу с точки зрения продолжения своей территории и, естественно, своих интересов. Во-вторых, Россия, несмотря на утрату значительного территориального массива в Европе из числа союзников – бывших социалистических стран в результате распада СССР и вместе с этим потерю фактора своего присутствия там, в том числе военного, именно в ЕС видит один из важнейших рычагов подъема своей экономики, возможной поддержки своих начинаний на мировой арене. По мнению экс-председателя Еврокомиссии Романо Проди, высказанному в интервью по завершении визита в Москву, «будущее России и Европы взаимосвязано» [46]. Доказывая свою правоту такого взгляда, он сослался на то, что «процесс модернизации России не может быть произведен без взаимодействия с Европой». И тотчас Романо Проди отозвался скептически об альтернативе Китая, вместо Европы, заявив об отсутствии перспективы долгосрочных отношений Поднебесной и России. Вряд ли можно было услышать от него что-то иное в отношении китайско-российских связей, в том числе в технологической и инновационной областях. Этот антикитайский выпад был сделан на фоне активизации контактов Китая с ЕС, его странами, в том числе с Италией, которой Си Цзиньпином были

обещаны 50 миллиарднодолларовые заказы. Тем более что заинтересованность Китая в ЕС, включая и в связи с «Одним поясом – одним путем», общеизвестна.

G-3 занялась бы формирование политической карты в космическом пространстве, о чем уже пишут или говорят даже отечественные ученые [47]. В этой связи уместно здесь привести высказывание профессора О. Цыганкова касательно притязания ведущих держав на освоении Луны: «Проект «Договора о Луне», подготовленный ООН в 1979 году, где была сделана попытка запретить коммерческое использование небесных тел, включая Луну, так и остался проектом. США, СССР, Китай, Индия и Япония его не подписали, что свидетельствует о намерениях этих государств сохранить за собой приоритет в использовании природных ресурсов небесных тел, в том числе и Луны. В исторической перспективе Луна становится целью колонизации и одновременно попадает в сферу геополитики как концепции, объединяющей политические, географические и исторические факторы, оказывающие влияние на ресурсный потенциал и геополитику государства» [47]. Конечно, здесь без ООН не обойтись будет. Тем более, что свой кусок пирога отхватить захотят и другие крупные государства или их объединения. Теоретически важен введенный в науку О. Цыганковым термин «политическая карта Луны». Представляется целесообразным вообще говорить о «политической карте космоса» и о науке «политическая география космоса». По мнению автора статьи, G-3, сочетая национальные интересы каждого из участников этого формата с потребностями мировой политики, глобальной экономики и принципов сотрудничества и партнерства, могла бы приступить к формированию основ структурирования подходов к политико-пространственному размежеванию в космосе, но не в ущерб всему человечеству.

Конечно, перечисление одних только острейших проблем современного мира, которые совместно могла бы решать в G-3 Россия, Китай и США, заняло бы немало места. Но суть не в их количестве, а в том, что их наличие придает неустойчивость всему современному мирозданию и не может не беспокоить участниц G-3. Главное в случае реализации идеи G-3 между Россией, Китаем и США образовался бы формат, где они смогли бы обсуждать или смягчать имеющиеся, или

возникающие между собой противоречия, недоверие, недопонимание, и рекомендовать решение узловых проблем мироустройства. Разумеется, G-3 не должна быть замкнутым форматом. К своей деятельности она должна привлекать ЕС, другие крупные страны, региональные интеграционные группировки и, конечно, широко практиковать для расширенного диалога и взаимодействия формат «аутрич». Тогда только можно будет достигнуть объективности в решении мировых проблем.

Взаимодействие в рамках G-3 благоприятно сказалось бы на всей мирополитической обстановке, в том числе и, пожалуй, в наибольшей степени в отношении простых людей к странам-участникам этого формата как в них самих, так и в мире в целом. Ведь никуда не годится, когда к США только 2% россиян в январе 2016 года относились хорошо и 21% – в основном хорошо, а 65% – очень плохо.

Одновременно с этими удручающими показателями можно, конечно, положительно воспринять, что 54% россиян считает, что России следует укрепить связи с Западом, но в 2003г. такое мнение было присуще 77%; если в самом начале текущего века 11% респондентов полагали необходимость дистанцироваться от Запада, то теперь – 31%. Столь нелестная оценка населением России Запада настораживает и должна заставить задуматься западные государства, и прежде всего США. Зато к Китаю относились в основном и очень хорошо 72% россиян и только 13% – очень плохо. Хотя и здесь в сравнении с январем 2015 г. произошло снижение числа «хорошистов» с 80% до 72%. Возможно, в этом сказались сообщения СМИ о трудностях во взаимоотношениях в бизнесе, а также недостатках в проведении Россией курса на присутствие в ряде стран, и особенно в Центральной Азии, где позиции РФ оспариваются США, Китаем и Турцией. Однако при оценке негативного отношения россиян к той или иной стране Запада уместно принять во внимание идеи исследователя С.Н. Погодина, неоднократно излагавшиеся на Круглых столах, проводимых в Санкт-Петербургском государственном университете, о том, что нашей стране свойственно по-доброму воспринимать то или иное зарубежное государство, если оно действует в рамках миролюбия, странолюбия и не враждебно России. 30% россиян считает также, что большинство развитых стран мира сейчас относится к России как к врагу, а в январе 2007 г. – так

полагали только 7%. [48]. Такой сдвиг в сознании россиян произошел не случайно: этому послужили антироссийские действия Запада начиная с 2013 г. В стране широко распространилось мнение, что Россия окружена врагами и что над нами нависла угроза Третьей мировой войны. Прав был премьер-министр России Д.А. Медведев, выступая на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в феврале 2016 г., когда с искренним чувством сожаления обратился к ее участникам, задав вопрос: «Неужели нам нужна еще одна, третья мировая встряска, насколько сейчас необходимо сотрудничество, а не конфронтация» [49]. И далее он на поставленный им же самим вопрос «есть ли у нас шанс наконец объединиться, чтобы ответить на вызовы «текущих лет», ответил с уверенностью «да».

Исходя из этих заявлений Д.А. Медведева и предложений, сделанных президентом России В.В. Путиным в речи на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г., вполне оправдана инициатива о создании формата G-3. Принятые в этом формате рекомендации мировому сообществу, судя по всему, будут поддержаны союзниками всех трех участников G-3. Они не будут представлять собой односторонние действия, которые, как говорил В.В. Путин в 2007 г., «не помогают снизить напряженность в международных отношениях, а только усиливают ее» [49]. Реалии сегодняшнего дня подтверждают эту точку зрения. Так, по мнению министра иностранных дел Армении Э. Налбандяна, «карабахская проблема – тот редкий случай, когда Россия, США и Франция сформулировали общий подход к урегулированию и выступили с предложениями, на основе которых можно выйти на разрешение конфликта [50].

Примером могут служить также договоренности России, Ирана и Сирии, касательно использования российской авиации и советников для достижения мира на сирийской земле и ликвидации ИГИЛ (ДАИШ). Можно привести еще немало конкретных примеров многостороннего согласования в разрешении кризисных проблем в мировой политике и глобальной экономике. Конечно, создание формата G-3, учитывая внешнеполитический потенциал каждого участника, придало бы еще

большую эффективность и своевременность принятия решений, а также надежность в полной реализации обговоренных инициатив и шагов.

Китаю, России и США, сталкиваясь с возникающими противоречиями по тем или иным проблемам и событиям в мировой политике и глобальной экономике и отстаивая при этом свои интересы, как писал директор Центра политических исследований А. Федоров, в начале 90-х годов XX в. занимавший пост заместителя министра иностранных дел России, «важно понимать, какую цену каждая из них готова заплатить и насколько эта цена соответствует возможностям остаться на пути развития, а не быть отброшенной назад» [51].

Проект G-3, кажущийся мне наиболее эффективным форматом взаимообщения и взаимодействия в коллективной системе глобального управления будет оправдан самой практикой мирополитического развития, будет реализован или, наоборот, отвергнут самой жизнью, практикой мирополитического, регионального и национального развития в последующие десятилетия. Кто мог, кстати, предполагать, что наступит время, когда Россия, после многолетних ее попыток добиться полноправного членства в G-7, превратившегося с ее допуском в G-8, исключат из этого формата. А это произошло как реакция прежней G-7 на возвращение Крыма в состав России по волеизъявлению его населения и разразившийся масштабный украинский кризис, в инициировании которого Запад обвинил Москву. Все же, несмотря на заявление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова по поводу ничего не значившей G-8 в управляемости мирового развития, отсутствие России в работе G-7 ограничило российское мирополитическое влияние, в том числе Москва потеряла канал доведения своего мнения до ведущих государств мира. Если прав глава внешнеполитического ведомства России, то, как тогда понять пункт 30-й Концепции внешней политики страны 2013 года, где записано, что Россия, придавая «большое значение обеспечению устойчивой управляемости мирового развития… при полном уважении центральной и координирующей роли ООН… будет наращивать взаимодействие в таких форматах… как «Группа восьми»… Верно, что в настоящее время, по указанию президента России В.В. Путина, министерство иностранных дел готовит новую концепцию внешней

политики, исходя из текущих перспективных событий и процессов. В ней, конечно, будут новые оценки, новые идеи, новые концептуальные положения. Но, когда пишутся эти строки, приходится учитывать только то, что имеется. Это наша история, но она поучительна и позволяет повысить внешнеполитическую эффективность и конкурентоспособность, упрочить её мягкосиловой потенциал, создать прочную базу осознанного движения вперед [52].

В связи со сказанным по поводу G-8 уместно напомнить, как достойно, оперативно и высоко результативно Россия провела саммит G-8 в 2006 г. в Санкт-Петербурге.

Вслед за антироссийской акцией по поводу ее членства в этой организации чуть ли не произошло то же самое в G-20 в 2014 г., но предложение премьер-министра Австралии не прошло благодаря благоразумию большинства стран G-20.

Приведенные факты убедительно демонстрируют, что международная жизнь полна неожиданностей и что тот или иной формат взаимодействия держав не вечен, уже не говоря о судьбе предлагаемых инициатив создания новых проектов межгосударственного диалога, в том числе и G-3. Таковы возможные сущностные повороты в практике мировой политики. Тем не менее, выдвигая идею создания G-3 и подкрепляя ее вышеизложенной аргументацией, выношу на суд научной общественности свое предложение. Каковы бы ни были результаты соответствующих дискуссий, считаю в целях исключения хаотичности и небывалой турбулентности современной мирополитической практики государств, гражданских обществ, неправительственных организаций и других акторов необходимо создание G-3.

Эта группа вследствие увеличивающейся многоликости мировой политики, включая деятельность различных значимых международных интеграционных организаций G-20, БРИКС, ШОС, НАФТА, ЕС, ЕАЭС и других, не сможет навязывать мировому сообществу свою волю, свою доминацию и сверхдержавность. Да, и ее создание и функционирование не предусматривает подобного предназначения. Таков вызов истории XXI века. И мир тогда, когда произойдут базовые институциональные перемены, в том числе за счет G-3, и сложится новый миропорядок, где

будет отсутствовать «западный комплекс триумфализма» и тщательно скрываемый ныне «восточный комплекс догнать и перегнать», поистине станет многополярным. Не возникнет ли в это отдаленное время коллективный вершитель судеб мира и, переиначив немного слова М.Ю. Лермонтова, будет ли этот судия справедлив.

Если да, то надолго ли, ибо, на личный взгляд автора, сохраняющаяся в исторической памяти имперскость не истребима. Но это уже далекое будущее, предугадать его параметры сейчас, по-видимому, можно, но вряд ли суждения будут точны и исторически достижимы, так как в мире экономическое, демографическое, территориальное, природно-ресурсное, политико-влиятельное и географическое неравенство между странами никуда не денется, даже если, как предполагается, к концу XXI в. на политической карте мира будет до 500 государств [53]. Отсюда интересы у них не совпадут с теми государствами, что существуют ныне.

Возможно, когда возникнет G-3, появится в сознании мирового сообщества миф о новом витке всемогущества «тройки». Это уже будет, однако, не миф, а реальность, но распорядиться ею она должна будет справедливо в интересах всего мирового сообщества, больших и малых государств, с многомиллиардным или несколькотысячным населением, занимающих многомиллионно-километроквадратные площади или очень небольшими в сравнении с ними территориями. Не исключены также государствообъединительные процессы, вследствие которых число стран на политической карте мира уменьшится или, по крайней мере не так приумножится, как предсказывают. В любом случае интеграционные и дезинтеграционные процессы в государствообразовании в предстоящие десятилетия XXI века неизбежны. Будут происходить и перемены в политической и геостратегической ориентации новых и прежних стран. По-видимому, на поверку окажется реальным формирование «Нового Запада» как противовес уже сложившейся политико-географической и идеологической общности «Запад», о чем поведал миру Лулу в бытность свою президентом Бразилии. А может быть Россия совместно с Китаем приступят к образованию «Нового Востока», куда непременно будет включен и мусульманский мир, что придаст «Новому Востоку» больше мирополитической весомости и значимости. Представляется, что

предсказываемые новозападные и нововосточные тенденции становлении предстоящих групп государств, признаки которых можно найти уже сейчас в мироустройстве или по крайней мере предположить, исходя из наличия кое-каких элементов, тоже станут предметом обсуждения G-3.

Сама G-3, еще раз подчеркнем, должна будет руководствоваться не только национальными интересами друг друга, достигая при этом консенсус посредством учета основополагающих ценностей общемировой цивилизации, норм и установок поведения, выработанных в международном и внутристрановом общении народов, правительств, гражданских обществ, экономик и исторического опыта. Несомненно, ее участникам придется, выполняя свое предназначение, не игнорировать золотое правило «не делай другим то, что не хотел бы для самого себя». Иначе G-3 не выполнит свою историческую миссию.

Выполняя свое предназначение и содействуя дальнейшему укреплению глобально-управленческой роли ООН, G-3 сумеет организовать становление глубоких перемен в выработке баланса сил, интересов и перспектив в XXI веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации // URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/6d84ddededbf7da644257b160051bf7f (25.04.2016)
2. Коростиков М. «Китайцам дали команду выйти из режима пассивности» // Коммерсантъ. 1 марта 2016.
3. Fu Jing. US ‘erred in leaving China on sidelines’ // China Daily, October 23-29, 2015
4. Иванов И. Российско-американские отношения: границы возможного // Независимая газета – Дипкурьер, 14 марта 2016.
5. Сурков Н. Экс-разведчик Безруков: США на пороге смены курса. // URL: http://izvestia.ru/news/607987 (25/04/2016)
6. Гарбузов В. Россия – США: к новой модели взаимодействия // Независимая газета, 28 марта 2016.
7. РБК: Бегущая строка, 15 апреля 2016. 7.30-8.00 моск.времени.
8. Browne A. Xi offered the US a Slight Shift in Tone // The Wall Street Journal, September 30,2015; **Zhang Yunsi, Wu Jiao.** Dawn of a new era // China Daily European Weekly. October 23-29, 2015.
9. Скосырев В. Китай делает ставку на расширение связей с США // Независимая газета. 6 октября 2015.
10. Плескачевская И. Прага под китайским флагом // СБ. Беларусь сегодня, 31 марта 2016.

11. Тавровский Ю. Новый Шелковый путь пройдет через Уфу. // Независимая газета. – Дипкурьер, 29 июня 2015.
12. Тавровский Ю. Китайская мечта и её составляющие // Независимая газета, 4 декабря 2015.
13. Арбатова Н. Пять принципов отношений ЕС с Россией: тактика взамен стратегии // Независимая газета. 16 марта 2016.
14. Энгдаль У. Россия – в авангарде создания нового мира // Невское время. 15 июля 2015.
15. Ходынская-Голенищева М. «Ливийский урок». Цель оправдывает средства? – М.: ЗАО «ОЛМА «Медиа Групп», 2013, С. 45-99.
16. http: // special.kremlin.ru/events/ president/news/50385
17. Соловьева О. Развернувшись на Восток, Россия все-равно столкнется с Западом // Независимая газета, 30 сентября 2015.
18. Островский А. Китай в условиях «новой нормальности» // Независимая газета. 30 марта 2016.
19. Едовина Т., Шаповалов А. Миру не хватило китайского роста // Коммерсантъ, 20 января 2016
20. РБК: Бегущая строка, 29 апреля 2016 г., около 7.00 московского времени.
21. Поздравления читателям журнала «Москва-Пекин» // Международный журнал Москва-Пекин, 2016, март-апрель, с.4.
22. Тавровский Ю. Путем Великого Юя // Независимая газета – Дипкурьер, 14 марта 2016.
23. Ягья В.С., Ли Минфу. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке // Международная жизнь. 2015. № 7.С. 84-93; **Ли Минфу**. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политики КНР в XXI в. //автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. 23.00.04. СПбГУ. 2016. С. 24.
24. Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М.: Институт Африки РАН, 2010. С 251. ISBN 978-5-91298-058-9.
25. Ягья В.С. Мир и Россия в начале второго десятилетия XXI века // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке / отв.ред. В.С. Ягья, Т.С. Немчинова / Вып.6., СПб.: Изд-во СПбГУ. 2013.С.58 ISBN: 978-5-94396-109-0
26. Лихачев В.Н. Россия и Китай: вектор международного права // Международная жизнь. 2015. № 10. С. 148-156.
27. Паниев Ю. Китай, Россию и Трампа записали в глобальные угрозы // Независимая газета, 21 марта 2016.
28. Пути российской цивилизации. Круглый стол. // Стратегия России, 2016, февраль, №2 (146), с. 7-9.
29. Неклесса Александр. Смысл слов // Независимая газета. 2016-03-16 050 (6664).
30. РБК: Бегущая строка, 25 марта 2016 около 12.00 моск. времени.
31. Строкань С., Сафронов И. Джон Керри продвигает ограниченное партнерство // Коммерсантъ, 18 марта 2016.

32. Медведев Е. Керри не считает Москву ни другом, ни партнером // Независимая газета, 29 марта 2016.
33. Строкань С. Расщепление ядерного саммита // Коммерсантъ, 31 марта 2016. См. также: **Черненко Е.** Американские оценки необъективны и продиктованы эмоциями». Интервью с директором департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД РФ М. Ульяновым // Коммерсантъ, 31 марта 2016; **Литовкин В.** Вашингтон не откажется от ядерных испытаний // Известия, 18 апреля 2016; **Рябков С., Зербо Л.** «Договор о запрещении ядерных испытаний не должен становиться заложником ни одной из стран» // Коммерсантъ, 18 апреля 2016.
34. Дудина Г. «То, что Россия в такой степени изолировалась, – это огромная потеря для всех» // Коммерсантъ, 28 марта 2016.
35. Торкунов А. Семьдесят лет спустя, или Fulton revisited // Независимая газета, 18 марта 2016.
36. Семме Т. СПбГУ – мост между Россией и Америкой // Санкт-Петербургский университет. 2011. №8 (3833). С.44.
37. Кунадзе Г. Цена вопроса// Независимая газета, 15 ноября 2012.
38. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Отв.ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: ЛНАНД, 2015, с. 95
39. Кортунов А.В., Фролов А. В. Политика США в меняющемся мире // Международная жизнь. 2015. .№11. С. 1-26.
40. Глабб Дж. Б. Арабская империя. Пер. с англ. А.П. Саниной. СПб.: Евразия. 2009, с. 6
41. Глезерев С. Памяти нужны ритуалы // Санкт-Петербургские ведомости. 5 ноября 2015; **Столяров А.О**. Влияние исторической памяти на польско-российские отношения (1989-2009 гг.) // Автореф. дисс….уч. ст. канд. ист. наук. 07.00.15. СПбГУ.: 2015. 27с.; May I 'Lessons' from the Past: The Use and Misuse of History in American Foreign Policy. New York: Oxford University Press. 1973, 24 op.: Yuen Foong Khong. Analogies at War Koreas. Munich. Dien Bien Phu and the Vietnam Decissions of 1965. Princeton: Princeton University Press 1992, 304 p.
42. РБК: Бегущая строка. 18 апреля 2016 г., около 7.00 москов.вр.
43. Ягья В.С. Венец пирамидального строения мира (размышления в канун саммита) // Консул. 2006. № 5 (2). июль – сентябрь. С. 48-51.
44. Добронравин Н. Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX-начале XXI века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2013, 252 с.
45. Mahbubani K. Europe is a Geopolitical Draft// The Financial Times, 21 August 2008. См.также: **Гаджиев К.С.** Размышления о перспективах мир-системы // Власть. 2016. №2. С.5-13
46. Байкова Т. «Будущее России и Европы взаимосвязано» // Известия, 21 марта 2016.

47. Дорожкин Н. Интервью с профессором главным сотрудником РКК «Энергия» им. С.П. Королева О. Цыганковым. Как работает геополитика в космическом пространстве // Наука, 12 апреля 2016.
48. Россияне об отношении к другим странам // НГ-Сценарии, 29 февраля 2016
49. Байкова Т. «Мы скатились во времена новой холодной войны» // Известия, 15 февраля 2016
50. Кузнецова О. «В том, что решение конфликта до сих пор не найдено, виноваты не посредники и не Европа» // Коммерсантъ, 9 марта 2016 – В заголовок статьи вынесены слова армянского министра, которые подразумевают виновность Азербайджана. Тем более что в самом интервью он без всяких обиняков обвиняет Баку. Но в построении этой фразы заключен смысл виновности не только одного Азербайджана, но и самой Армении и любой другой страны, замешанной в конфликте. Таков русский язык, тонкости которого следовало бы знать.
51. Федоров А. Цена вопроса // Коммерсантъ, 29 сентября 2014
52. Дождиков А. В. История как наука для будущего // Власть. 2013. № 11. С. 130-132.
53. Никонов В.А. Россия в поисках места в мире // Вестник РАМИ. 2001. №2. С.21.

YAGYA, Vatanyar S. – St. Petersburg State University. 191060, Smolnogo 1/3, 8 entrance, St. Petersburg, Russia. e-mail: ZOKOEVAZV@sir.edu.

ON THE AGENDA: G-3.

The article proves the need to establish the format of G-3 as a part of Russia, China and the United States. Its mission consists in a tripartite discussion of acute problems of relationships, achievement of mutually acceptable agreements on them and make recommendations to address the pressing issues of international relations. In its activities the G-3 recognizes the central global-managerial role of the UN. G-3 would act, involving other major centers of world politics, taking into account the evolving configuration of international relations and promoting the establishment of a new world order, the relevant requests, trends, trends and tracks of the current century.

INTERNATIONAL RELATIONS; INTERNATIONAL ORGANIZATIONS, REGIONAL AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS; INTERNATIONAL COOPERATION FORMAT; THE UN; RUSSIA; CHINA; USA.

УДК 327.8

Д. Р. Ерофеев, М. Х. Мукбиль

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ЕРОФЕЕВ Дмитрий Романович – старший преподаватель кафедры «Международные отношения», Гуманитарный институт;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: derofeev03@gmail.com.

МУКБИЛЬ Мансур Хассан – кандидат экономических наук, доцент кафедры базовой подготовки иностранных граждан,
Институт международных образовательных программ,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: Mansour@list.ru.

Подводя итоги можно сказать, что современный мир переживает фундаментальные и динамичные перемены, глубоко затрагивающие интересы Российской Федерации и ее граждан. И Россия – активный участник этого процесса. Обладая значительным потенциалом и ресурсами во всех областях жизнедеятельности, поддерживая интенсивные отношения с ведущими государствами мира, она оказывает существенное влияние на формирование нового мироустройства.

Российская Федерация проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику. Она основывается на последовательности и предсказуемости, а также на взаимовыгодном сотрудничестве. Эта политика максимально прозрачна, учитывает законные интересы других государств и нацелена на поиск совместных решений.

РОССИЯ; БЛИЖНЫЙ ВОСТОК; КОНФЛИКТ; СИРИЯ; ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО; САУДОВСКАЯ АРАВИЯ; УКРАИНА; СССР; ИРАН; КАТАР; США.

В последнее время в России активно происходит процесс обсуждения внутриполитических событий в ряде арабских стран, названных «арабской весной», а также того, как Россия реагирует на те политические события, которые происходят в регионе Ближнего Востока.

Итак, почему Ближний Восток важен с точки зрения национальных интересов РФ, и почему нашей стране выгодно поддерживать официальное правительство Сирии во главе с Башаром Асадом?

В первую очередь в сфере экономических интересов, в регионе сосредоточенно 62% мировых запасов нефти и 40% мировых запасов газа. Соответственно, любая политическая нестабильность в регионе приводит к повышениям цен на нефтегазовые ресурсы, что положительно сказывается на экономике РФ, которая ориентирована на экспорт нефти и газа. А наличие в регионе высокой степени милитаризации и нерешенных конфликтов, усугубленных последними событиями «арабской весны», вынуждает промышленно развитые страны Европы и Азии ориентироваться на российский рынок сбыта энергоресурсов.

Во-вторых, наличие в регионе стран как обладающих ядерным оружием (Израиль), что в конечном счете может привести к нарушению режима нераспространения оружия массового поражения, и послужить началом создания ядерного оружия другими странами региона (Саудовская Аравия, Турция, Египет). И в соответствии с задачами внешней политики РФ, Россия должна активно бороться за нераспространение оружия массового уничтожения, что обязывает нашу страну активно отстаивать свои позиции в регионе Ближнего Востока.

В ближневосточном векторе российской внешней политики Сирия играет центральную роль, так как именно эта страна остается последним стратегическим партнером России в регионе. Можно предположить, что окончательная дестабилизация Сирии, посредством устранения президента Башара Асада, вызовет ряд негативных последствий для позиции России в регионе. Во-первых, устранение Башара Асада с большой долей вероятности повлечет за собой новую фазу гражданской войны между этнорелигиозными группами. Сирия может оказаться на грани утраты государственности и войти в фазу внутриполитической нестабильности на долгий период. Во – вторых, в случае устранения Башара Асада, новое

политическое руководство Сирии будет ориентироваться в своей внешней политике на ряд стран (США, Турция, страны ЕС, Саудовскую Аравию, Катар). Это может иметь крайне негативные последствия для России. Как показали переговоры сирийской оппозиции в Москве (9–11 июля 2012 года), оппозиция не намерена поддерживать прежний уровень российско-сирийского партнерства. Это повлечет за собой потерю российской базы материально-технического обеспечения ВМФ в г. Тартус, а также разрыв (как показали события в Ливии) долгосрочных российско-сирийских контрактов в военно-промышленной и торговой сферах [6].

Второй фактор заключается в том, что перемена сирийской внешней политики повлечет за собой разрыв как называемого «шиитского пояса», что приведет к строительству нефтегазовых трубопроводов из стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) напрямую, через Иорданию и Сирию в Европу, а это негативно отразится на российской экономике [7].

Третий фактор – это участие исламских радикальных организаций в гражданской войне и их победа в Сирии, что позволяет им создать прочную материально-техническую базу по вербовке и подготовке террористов.

Нарастание нестабильности на Ближнем Востоке включает распад традиционной государственности в Магрибе, странах Африканского Рога и Машрике, а также борьбу умеренных монархий и авторитарных светских режимов с исламистами в арабском мире и Пакистане. Региональные центры силы – Иран, Катар, Королевство Саудовская Аравия и Турция конкурируют между собой в борьбе за влияние. Ситуация на Ближнем Востоке сегодня ухудшается вплоть до геноцида этноконфессиональных групп в зонах конфликтов. Подъем племенного фактора дестабилизирует не только сам Ближний Восток, но и его африканскую и центральноазиатскую периферию [3].

Изменения в мировой политике после окончания «холодной войны», а также начавшаяся в стране демократизация поставили Россию в положение страны, которая должна заново определить свое место в мировой политике, выявить те приоритеты своей внешнеполитической деятельности, которые определят ее роль и влияние на мировой арене. Выработка же такой стратегии и тактики определяется не только

перспективными планами обновления страны, она в полной мере испытывает на себе влияние политических традиций, массовых и элитарных стереотипов, современных внешнеполитических отношений. В настоящее время можно говорить о трех основных направлениях (путях, вариантах) выработки Россией своей линии поведения на международной арене [1].

Первый вариант выбора внешнеполитической стратегии связан с попытками сохранения статуса великой державы и продолжения прежней экспансионистской политики, направленной на расширение зоны политического влияния и контроля над другими государствами. Несмотря на несбыточность такого рода альтернативы, можно констатировать наличие в стране определенных ресурсов для ее воплощения. Прежде всего такая политика возможна на основе угрозы использования государством своего военного, прежде всего атомного, потенциала, воплощения определенных амбиций части политического руководства, а также непреодоленных массовых стереотипов (антизападнических, шовинистических и др.).

Второй путь предполагает обретение Россией статуса региональной державы. В одном случае ее влияние может основываться по преимуществу на факторах силового давления на соседние государства и по сути дела повторять логику поведения «сверхдержавы» в локальном политическом пространстве. При другом варианте завоевание политического влияния страной может основываться на налаживании ею равноправных и взаимовыгодных отношений с соседями, отказом от военных и силовых угроз по отношению к ним и сознательным уходом от вовлечения в мировые конфликты и противоречия.

Третий путь предполагает, что Россия может занимать сугубо прагматическую внешнеполитическую позицию, основанную на принципиальной равно удаленности от тех или иных блоков сил и прагматическом сближении или отдалении от конкретных коалиций и государств. Тем самым ее общегосударственные интересы будут формироваться на неидеологической основе, видоизменяясь в зависимости от конкретной складывающейся ситуации. При таком подходе к

внешнеполитическим задачам страна сможет сделать упор на решение экономических и других внутренних проблем [2].

В реальной политической деятельности государства переплетаются элементы каждой из трех возможных стратегий, и каждая из них предполагает непременное решение задач, связанных с выработкой принципиальных отношений как минимум к трем группам своих внешнеполитических контрагентов: своим союзникам, Западу и странам «третьего мира».

Среди приоритетных направлений внешней политики России можно выделить следующие:

– создание новой системы взаимоотношений с бывшими социалистическими странами;

– вхождение в европейское и мировое сообщество;

– разработка новых принципов межгосударственных отношений с бывшими республиками СССР;

– разработка новой военно-политической доктрины в изменившемся геополитическом пространстве;

– активизация отношений с Китаем, странами Юго-Восточной Азии;

– равноправное развитие отношений с США;

– противодействие установлению «однополюсного» мира под эгидой США;

– участие в миротворческих акциях прекращения вооруженных конфликтов под эгидой ООН.

2015 год начался терактами в Париже в редакции «Шарли Эбдо», продолжился эскалацией насилия в Сирии, взрывом российского самолета над Синаем и новыми терактами во французской столице. Эти события заставили вспомнить о работе Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций», которая появилась в начале 90-х годов XX века. Хантингтон выдвигает тезис о неизбежном противостоянии западной цивилизации и остального мира, при этом одним из возможных соперников для Запада названы исламские страны [5]. В последнее время восприятие мира, как охваченного войной цивилизаций становится востребованным. Но любая война требует наличия противоборствующих

сторон, требует наличия врага. Россия, безусловно, участвует в этой войне и осознание того, кто является её врагами и союзниками, становится насущной задачей. Кроме того, необходимо понять идеологическую сущность этой войны, чтобы решить, действительно ли мы являемся свидетелями конфликта цивилизаций. В этой связи одним из важных вопросов, который требует теоретического осмысления, становится вопрос о том, можно ли поставить знак равенства между деятельностью террористических организаций, в частности ИГИЛ, и исламской цивилизацией.

Общим местом в политической науке стало разделение понятий исламизм и ислам, принятие как факта тезиса о том, что религиозные лозунги становятся лишь прикрытием для достижения политических и экономических целей различных сил. На наш взгляд в истории человечества вообще трудно найти примеры чисто религиозных конфликтов. Любой конфликт, который содержит в себе элементы религиозного противостояния, обусловлен, прежде всего, социальными, экономическими или политическими причинами. Однако нельзя не отметить, что в последнее время идеи, предлагаемые радикальными организациями, востребованы в мусульманском обществе. Поэтому проблема разделения ислама и исламизма представляется более сложной, чем кажется на первый взгляд. Конечно, ИГИЛ не является полномочным представителем исламской цивилизации, терроризм не имеет государственной и национальной принадлежности, но вместе с тем существует ряд объективных причин, которые, на наш взгляд, привели к определенной популярности радикальных организаций в исламском мире.

Существует несколько причин радикализации современного мусульманского общества. На наш взгляд, можно выделить два основных момента, первый из которых связан с внутренним развитием арабских государств, второй имеет скорее внешнеполитические причины.

В исламском мире традиционно существовали два альтернативных проекта. Один из них можно условно назвать «арабским национализмом». В какой-то степени реализацией этого проекта являлся процесс формирования арабских светских режимов после распада Османской империи и окончания II мировой войны. Второй проект, условно

обозначаемый понятием «исламский фундаментализм», связан с различными радикальными организациями, которые пропагандируют идею возвращения к первоначальному, «чистому» исламу, в частности, идею о справедливых взаимоотношениях между мусульманами и объединении всех мусульман в единую общность (умму). В последнее время популярность первого проекта снизилась, что было обусловлено, в первую очередь, проблемами внутриполитического развития стран региона. Длительное существование авторитарных режимов, наличие закрытых элит, часто образованных по клановому признаку, отсутствие социальных лифтов, экономических и политических перспектив стало причиной явного или скрытого недовольства многих социальных групп, особенно молодежи. Во многом такая ситуация стала причиной тех общественно-политических потрясений, которые охватили арабский мир в последнее время и были объединены под общим названием «арабской весны». Одним из основных требований, которые выдвигались протестующими, было реформирование политической системы, демократизация общества. Однако, поскольку реальной демократизации в большинстве стран не произошло, то альтернативная светскому государству идея справедливого мусульманского общества, предлагаемая исламистами, приобрела большое количество новых сторонников. В этой связи феномен ИГИЛ нельзя рассматривать только как пример террористической организации, это своеобразная реализации мечты о справедливости, свойственная фактически всем религиозным идеям.

Кроме этого немалую роль в активизации исламизма сыграла и политика Запада по отношению к исламскому миру. В период холодной войны страны региона имели возможность лавировать между двумя сверхдержавами, что придавало определенный политический вес этим государствам. Распад СССР и окончание идеологического противостояния двух систем были восприняты Западом как возможность для создания нового мирового порядка, основанного на принципах либеральной демократии и поддерживаемого гегемонией США. При этом, с одной стороны, провозглашался тезис о неизбежной победе демократии, проводилась мысль о том, что только демократические государства имеют какие-либо перспективы в современном мире. С другой стороны, в самом

исламском мире Запад делал ставку на авторитарные режимы, поскольку они воспринимались как препятствия на пути исламизации общества. Такие противоречия не могли не вызывать определенного недоверия к политике, проводимой Западом и, как следствие, к западным идеям и ценностям, рассматриваемым как ценности «для своих». После терактов 11 сентября 2001, когда стало ясно, что авторитарные режимы не в состоянии эффективно противостоять радикальным организациям, политика США в отношении стран региона изменилась. Был взят курс на поддержку демократических преобразований, распространение демократии в исламском мире. Однако те методы, которыми осуществлялась эта политика, использование военной силы в Афганистане и Ираке привели к тому, что действия Запада стали восприниматься как новый «крестовый поход», попытка навязывания исламскому миру западного видения международных отношений. Это привело к тому, что и демократические ценности, имеющие общечеловеческое значение, стали восприниматься частью исламского общества как ценности чуждые, враждебные, навязанные извне. Поэтому оказались востребованными те идеи, которые предлагались радикалами, а тезис о войне цивилизаций стал основой пропаганды исламистов.

В последнее время точкой, в которой переплелись различные политические, религиозные, цивилизационные противоречия, стала Сирия. Акции протеста, которые начались в стране в 2011 году, привели к полномасштабной гражданской войне и вмешательству в ситуацию различных внерегиональных игроков. Если попытаться выделить основных действующих лиц, то мы получим следующую картину:

1. Режим Башара Асада, который заявляет о том, что борется с террористами различных мастей, которые пытаются дестабилизировать ситуацию в регионе. Параллельно, и, вероятно, в первую очередь, решая свои задачи сохранения власти.

2. Так называемая «умеренная оппозиция», которая заявляет, что борется с диктатурой Асада и стремятся к созданию свободной демократической Сирии.

3. Курды, целью которых является создание курдской автономии на северо-востоке Сирии, что в перспективе может привести к провозглашению независимого Курдистана.

4. ИГИЛ, которое провозгласило создание исламского государства в регионе и ведет борьбу за расширение его территории со всеми противниками.

5. Исламистские организации, связанные с Аль-каидой, недовольные тем, что ИГИЛ во многом перехватывает у них идею создания исламского государства.

6. Иран, действующий через Хезболлу, который нуждается в сохранении шиитского (алавитского) режима Асада как опорной точке своего присутствия на Ближнем Востоке.

7. Саудовская Аравия, которая выступает как защитница «правильного» суннитского ислама в противостоянии с алавитами.

8. Турция, которая стремится перехватить роль лидера исламского мира и кроме того не может допустить возникновения Курдистана.

9. Израиль, для которого дестабилизация ситуации в Сирии является угрозой национальной безопасности и который не может допустить усиления Хезболлы.

10. Соединенные Штаты, которые поддерживают умеренную оппозицию, но пытаются противостоять исламистам. И которые, с одной стороны, должны сохранить лицо, но, с другой стороны, не стремятся ввязываться в проблему полностью.

11. Европейский Союз (и в первую очередь Франция), который в последнее время стремится проводить активную внешнюю политику и поддерживает сирийскую оппозицию, но при этом столкнулся с миграционным кризисом и террористическими вызовами, которые напрямую связаны с ситуацией в Сирии.

В этих условиях политика России на Ближнем Востоке требует взвешенности и осторожности. Действия России в 90-е годы многими в арабском мире воспринимались как предательство. Советский Союз долгое время считался основным партером для многих арабских государств. Даже вторжение СССР в Афганистан не привело к резкому падению популярности СССР в регионе, хотя, несомненно, способствовало росту

антисоветских настроений. В начале 90-х происходит снижение российской активности в международных отношениях и, в какой-то степени, переориентация позиции Российской Федерации в арабо-израильском конфликте в сторону если не поддержки Израиля, то, во всяком случае, равного отношения к обеим сторонам, что вызывало, мягко говоря, непонимание среди многих арабских государств. Действия России рассматривались не как самостоятельные, а как продиктованные теми же Соединенными Штатами. При этом схожая оценка событий сложилась и у современной российской политической элиты. Поэтому не случайно, что определенное напряжение в отношениях с Западом, которое возникает у России в начале 2000-х, позиционирование Российской Федерации, как государства, противостоящего американской гегемонии и проводящего независимую внешнюю политику, неизбежно привело к активизации действий России в ближневосточном регионе. Кроме этого события в Украине привели к осложнению отношений между Западом и Российской Федерацией, определенному развитию антиамериканской и антиевропейской истерии, педалированию тезиса о моральной деградации Запада и защите Российской Федерацией традиционных ценностей. Таким образом, решение руководства Российской Федерации о вмешательстве в сирийский конфликт во многом вытекало из предшествующей внешней политики нашего государства. При этом Россия, вступив в конфликт на стороне режима Асада, апеллировала к образу давнего друга сирийского народа, защитницы закона и порядка и страны, действующей в соответствии с международным правом.

В этих условиях России недостаточно просто заявлять о борьбе с терроризмом и поддержке законно избранного президента. России необходим собственный позитивный проект в этом регионе и вопрос в том, кто мог бы стать союзником России в этих условиях.

В последние месяцы роль России на Ближнем Востоке значительно усилилась. Как пишет газета «Файнэншл Таймс», политика Москвы сделала ее непререкаемым авторитетом в регионе. Такое изменение сил стало возможным благодаря уверенной дипломатической линии, которую вел президент РФ Владимир Путин. «В результате от изоляции из-за

ситуации на Украине страна пришла к тому, что стала непререкаемым авторитетом на Ближнем Востоке», – отмечает газета.

В числе основных достижений российской дипломатии «Файнэншл Таймс» отмечает роль в урегулировании украинского и сирийского кризисов, а также подписании иранского ядерного соглашения – трех ведущих тем международной повестки дня.

Для России важно сохранить существующую международную правовую систему. На Ближнем Востоке РФ защищает не отдельные режимы, а существующее международное право, потому что, если оно будет уничтожено, мир погрузится в хаос и будет руководствоваться только правом силы. Поэтому для России целесообразно продолжить блокирование попыток США, ряда западноевропейских и арабских стран свергнуть легитимные режимы посредством поощрения оппозиционных сил, зачастую связанных с радикальными исламскими и террористическими группировками.

В сложившейся ситуации продвижение интересов России в регионе должно проходить на фоне смены прежних способов влияния. Для нашей страны имеет смысл увеличивать качество и количество инструментов мягкой силы, особенно посредством укрепления торгово-экономических контактов. Необходимо осуществить прорыв в хозяйственных связях с регионом, что вполне реально, учитывая стремление многих ближневосточных государств диверсифицировать свои внешнеэкономические связи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Политология в вопросах и ответах: учебное пособие для вузов / Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. М., 2001.
2. Теория политики: Курс лекций: В 3 ч. / Авт.-сост. Н.А. Баранов, Г.А. Пикалов. СПб., 2003.
3. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. М.: Научная книга, 2010.
4. Фельтхэм Дж. Настольная книга дипломата. - Минск, 2008.
5. Хантинготон С. Столкновение цивилизаций. –М.: АСТ, 2014
6. Подцероб А.Б. Восстания арабов в XXI веке: что дальше? Институт Ближнего Востока. URL: http//www.iimes.ru/rus/stat/2011/12-03-11a.htm.
7. :LRU الـمـنـتـدى الـعـربـي الاول لـمـناهضة الـعـولمة اسلام ويـب http://www.islamweb.net/media/print.

YEROFEYEV, Dmitry R. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St.-Petersburg, Russia; e-mail: derofeev03@gmail.com.

MUKBIL, Mansour Hassan – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St.-Petersburg, Russia; e-mail: Mansour@list.ru.

RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE MIDDLE EAST IN THE CONTEXT OF INTERCIVILIZATIONAL INTERACTION.

Summarizing it can be said that the modern world is going through fundamental and dynamic changes that profoundly affect the interests of the Russian Federation and its citizens. And Russia – an active participant in this process. With great potential and resources in all areas of life, and maintaining intensive relations with the leading countries of the world, it has a significant influence on the formation of a new world order.

Russia pursues an independent and constructive foreign policy. It is based on consistency and predictability, as well as mutually beneficial cooperation. This policy is maximally transparent, takes into account the legitimate interests of other states and is aimed at finding joint solutions.

RUSSIA; MIDDLE EAST; CONFLICT; SYRIA; ISLAMIC STATES; SAUDI ARABIA; UKRAINE; USSR; IRAN; QATAR; UNITED STATES.

УДК 130.2: 659.1

Е. Н. Демидова

БРЕНДИНГ СТРАНЫ КАК РЕКЛАМНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

ДЕМИДОВА Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: elena_demidova@mail.ru.

В статье рассматривается реклама в эпоху информационного общества. Показывается обусловленность рекламы уровнем развития информационных технологий, анализируются проявления рекламы как социокультурного явления, показывается виртуализация общественного бытия и ее проявления в международном пространстве. Демонстрируется важность учета информационной среды во внешней политике государства.

РЕКЛАМА; РАЗВИТИЕ РЕКЛАМЫ; ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО; БРЕНДИНГ СТРАНЫ; ВИРТУАЛИЗАЦИЯ.

В конце двадцатого столетия человечество вступило в новый период развития – фазу информационного общества. Ряд философов именуют эту ступень развития как постиндустриальное общество, но в целом большинство ученых характеризует данную фазу существования человечества как период, которому свойственно резкое возрастание роли информационных технологий и существенного сдвига спектра активности человеческой жизнедеятельности в сферу глобального расширения информации как определяющего фактора прогресса земной цивилизации. Повсеместное усиление роли информации во многих аспектах жизнедеятельности людей стало основой выдвижения данной сферы на передовые позиции в бытие человека, что повлекло существенное

изменение в повседневной жизни сотен миллионов членов общества во всех странах мира. Новые технологии, которые быстро развиваются последние десятилетия в наиболее развитых странах мира, определяют их роль в международном сообществе. «В современных экономических условиях большое значение имеет расширение научно-технического и технологического обмена. В центре внимания становятся новые технологии, которые определяющие развитие экономики. Под технологией можно рассматривать как международную торговлю, с ее специфическим товаром (торговля патентами, лицензиями, "ноу-хау") и международное передвижение производства, необходимое для производства другого товара. Технологию можно рассматривать как человеческий ресурс, который используется для создания товаров» [1, с. 83].

Все общественные деятели отмечают, что продукция информационной деятельности занимает все б***о***льшее место в ВВП наиболее развитых государств мира, материальное производство отступает на второй план. В результате чего все возрастающее количество членов общества заняты созданием продукции информационного характера. Распространение информационных технологий в мире в последнее время создает новые условия повседневного бытия человека, которые во многом характеризуются насыщенностью знаниями и возможностями реализовать себя при использовании сети коммуникационных связей, охватывающих разнообразные стороны деятельности всего человечества.

Реклама как социокультурное явление до эпохи распространения новейших информационных технологий, предназначенная для продвижения к массам потребителей конкретных результатов материального и духовного производства, в последние десятилетия двадцатого столетия и в начале двадцать первого века в значительной степени существенно изменило свои приоритеты. Основным направлением внедрения рекламой в потребительские массы стало распространение различного рода симулякров – образцов, замещающих предметы и вещи. «Речь идет о субституции, замене реального знаками реального, то есть об операции по предупреждению любого реального процесса с помощью его оперативной копии, метастабильного механизма образов» [2]. Виртуализация процессов социокультурного характера в обществе повлекла за собой переключение внимания миллионов людей с

материальных воплощений результатов общественного производства на их символические, знаково-содержательные образные подобия. В рамках рекламных технологий виртуализация наглядно проявляется в том, что люди связывают с определенными образами и символами удовлетворение каких-то потребностей в разнообразных областях своей жизнедеятельности. Создаваемые рекламой образы товаров становятся более важными для масс потребителей, чем сами материальные носители. Виртуализация социокультурных процессов в современном обществе приводит к тому, что большие контингенты людей ориентируются, прежде всего, не на сам реальный результат общественного производства, актуализированный в конкретной вещи или предмете, а на представление об этих товарах, которые создаются рекламой. Сами рекламные обращения носят все более явно выраженный виртуальный характер, объективно не связанный с качеством материальных предметов и вещей, их функциями и техническими параметрами.

Реклама в настоящее время – это процесс симуляции, создающий на базе мнимых преимуществ предпочтения у большого контингента потребителей или у ограниченной социальной группы по отношению к тем или иным видам продукции материального или духовного производства. Все большая роль виртуальных реальностей в социокультурной жизни людей ведет к тому, что человек часто оказывается в плену мнимых представлений о необходимости ему товаров и услуг в повседневной деятельности. Реклама, формируя виртуальные образы распространяемых продуктов человеческого труда, оказывает манипулирующее воздействие на приоритетность поведения людей при осуществлении выбора. Виртуальная реальность, как пространство, в поле которого попадает человек с расширением воздействия современных технологий на социокультурное бытие личности, создает новую конфигурацию человеческих интересов и желаний, слабо связанную с объективными потребностями. В виртуальном мире человек становится субъектом псевдосоциальных отношений, которые под влиянием все возрастающего информационного натиска, в рамках какового активно присутствует реклама, и переносит их в реалии общественного бытия. Реклама, используя тенденции виртуализации общества, создает у большого количества людей устойчивые представления об престижности

потребления или обладания тех или иных групп товаров материального и духовного производства. С ее помощью формируются потребности, якобы, отражающие социальный статус личности, подчеркивающие принадлежность людей к тем или иным социальным группам и слоям общества. Виртуальный характер очень многих рекламных обращений проявляется в навязывании массовому потребителю моделей одного и того же вида предметов и вещей, отличающихся только мнимыми качествами. Виртуализация социокультурных сторон жизнедеятельности общества распространяется на отдельные области человеческой духовной культуры и реклама, являясь составной частью культуры человечества, вбирает в себя эти тенденции. Она, опираясь на достижения современных технологий, изменяет свою содержательность, приобретая целостность, композиционную законченность и более глубокую степень влияния на сознание миллионов людей. Передовые приемы и методы рекламы в своем построении эффективно используют свойства виртуальной реальности и сами рекламные обращения становятся частью виртуальных реальностей, что обеспечивает им высокую степень привлекательности со стороны масс потребителей. В практике современной рекламы широкое распространение получили технологии брендинга. Они базируются на принципах создания всеобъемлющих связей между сознанием потенциальных потребителей и торговой маркой. Если раньше реклама была нацелена на продвижение конкретных видов продукции материального производства, то в последние десятилетия двадцатого века и в начале двадцать первого столетия реклама в полной мере, используя приемы виртуализации, ориентирована на продвижение торговых марок определенных видов продукции. Получается некоторый парадокс, рекламные технологии сейчас, в настоящее время все более нацелены на продвижение брендов, то есть не самих результатов общественного производства, а символических форм, олицетворяющих ту или иную вещь, предмет. Потребитель, в результате оказывается перед проблемой выбора не готовой продукции, а брендов известных фирм и корпораций. "Онтологическая канва бренда обуславливается его возможностью как отражать ресурсы и репрезентирующие преимущества их обладателя, так и создавать "виртуальное" пространство, трансформируя при этом ценностно-нормативную основу стиля жизни" [3, с. 4]. Сами по себе бренды – это укоренившиеся в сознание миллионов членов общества

представления о той продукции, которая в полной степени может удовлетворить их ожидания в определенных областях жизнедеятельности. Создаваемые рекламой бренды как воплощение какой-то части виртуальной реальности, являются очень устойчивыми, что и добивается любая рекламная кампания, направленная на формирование предпочтений у большого контингента лиц в отношении результатов деятельности ведущих товаропроизводителей. Бренд как результат детально разработанных и длительное время проводящихся рекламных кампаний, проявляя элементы виртуализации, существует не в тесной связи с конкретной продукцией, выпускаемой какой-либо компанией. Как отмечают многие исследователи в области рекламных технологий, бренды по истечении некоторого времени с момента их создания начинают жить самостоятельной жизнью в социокультурном пространстве, и не всегда они соединены в сознании массового потребителя с определенным предметом или вещью. Бренд становится символом преимуществ, возникающих у людей, приобретающих продукцию данной компании, или бренд воплощает в себе достоинства известной торговой марки. "Бренды, как современные символы потребительской культуры становятся важным средством демонстрации идентичности, маркером социального пространства, зеркалом социальной реальности" [4, с. 3].

Одним из важных направлений в международных коммуникациях в эпоху информационного общества становится страновой брендинг. Данное направление наименее разработано на сегодняшний день и чрезвычайно актуально. Тенденцию увеличения значимости тщательного планирования, разработки и продвижения имиджа страны отмечают авторы С.Н. Погодин и М.А. Саблина: «Эти тенденции объективно проявляются в сфере взаимодействия отдельных стран по всему спектру разнообразных связей, существующих между народами. В последние десятилетия в условиях бурного развития информационного общества значительно повысилась значимость конструирования имиджевых характеристик государств как необходимая составляющая их успеха в глобальном и региональном политическом и экономическом пространстве» [5, с. 71].

Особенно данное обстоятельство характерно для народов, находящихся в непосредственной близости на территории земного шара. Используя возможности коммуникаций, в наше время можно в сознании

широких слоев населения государств – соседей формировать представление о стране. Необходимо отметить, что этот процесс будет влиять на политические приоритеты руководства того или иного государства. Так, в статье С.Н. Погодина отмечается, что «В силу исторических причин в современных условиях образ России в Финляндии имеет если не решающее, то чрезвычайно важное значение в определении политики страны в отношении восточного соседа. Тема образа России в Финляндии и его эволюции вызывает постоянный интерес в научном сообществе и находит отражение в СМИ». [6, с. 319] Следует отметить, что сформированный таким путем образ нашей страны внутри соседнего государства не всегда позитивно отражается на многообразных аспектах взаимодействия между РФ и Финляндией. Кроме того, автор ссылается на то, что «Финские СМИ, с одной стороны выступая как индикатор общественных настроений, с другой являются определяющим фактором формирования общественного мнения. То есть, в конечном счёте представления о России, создаваемые финскими СМИ, перекочёвывают в общественные дискуссии, которые СМИ направляют и регулируют. От того, как освещается российская тематика в финских средствах массовой информации, напрямую зависит восприятие России в финском обществе» [6, с. 322] Данный подход автора освещает одну из важных граней международных коммуникаций в эпоху информационного общества. Здесь нужно отметить и возможность неконструктивного использования рекламных технологий. В монографии авторы С.Н. Погодин и М.А. Саблина показывают уже существующую тенденцию «всемирной битвы имиджей государств», «что нашло свое выражение уже в появлении такого феномена, как контр-маркетинг. Фактически речь идет о создании с помощью СМИ и публичной дипломатии негативного имиджа тех государств, которые по тем или иным причинам (политическим, экономическим, туристической привлекательности и т.д.) конкурентно опасны» [5, с. 76]. О важности целенаправленной работы по отстаиванию своих международных имиджевых позиций также упоминает и Н.С. Тихонова: "комплексный маркетинг и брендинг территории являются важнейшими государственными задачами" [7, с. 3].

Сложности процессов коммуникационного характера в современном мире не позволяют однозначно определить векторы дальнейшего развития

рекламы в международном пространстве. Однако на сегодняшний день невозможно не согласится с высказыванием: «государства нуждаются для своего конкурентного выживания не только в развитии материальных основ экономики, но и в таких виртуальных политико-экономических факторах, как имидж государства и его бренд-маркетинг, которые в совокупности образуют необходимые предпосылки выхода государства на лидирующие позиции в мировом рейтинге» [5, с. 91].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Погодин С.Н. Рынок технологий в Финляндии: состояние и перспективы // Россия в глобальном мире. 2013. № 3 (26) С. 83-93.
2. Бодрийяр Жан. Симулякры и симуляции. – М.: Изд-во Постум, 2015. – С.240. ISBN 978-5-91478-023-1, 978-5-386-07870-6
3. Старцева А.С. Культурный брендинг имиджа российских регионов: традиции и новации: автореф. дис. ... канд. культурологии. 24.00.01. / Москва, 2015. 24 с.
4. Костылева Н.В. Бренд как социокультурный феномен: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. / Екатеринбург 2006, 20 с.
5. 5.Погодин С.Н. Формирование имиджа Финляндии в России / С.Н.Погодин, М.А. Саблина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. – 106 с. ISBN 978-5-7422-4511-7
6. 6.Погодин С.Н. Образ России как фактор формирования российской политики Финляндии // Россия в глобальном мире. 2013. № 2(25). С. 319-326.
7. 7.Тихонова Н.С. Брендинг территории и оценка его эффективности: автореф. дис. ... канд. экон.наук. 08.00.05 / Санкт-Петербург 2007, 20 с.

DEMIDOVA Elena N. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: elena_demidova@mail.ru.

BRANDING OF THE COUNTRY AS ADVERTIZING TECHNOLOGY DURING AN ERA OF INFORMATION SOCIETY.

The article deals with advertising in the era of information society. Showing conditionality advertising level of development of information technologies, analyzes the manifestations of advertising as a sociocultural phenomenon is shown virtualization social life and its manifestations in the international space. Importance of the accounting of the information environment in foreign policy of the state is shown.

ADVERTISING; DEVELOPMENT OF ADVERTISING; INFORMATION SOCIETY; BRANDING THE COUNTRY; VIRTUALIZATION.

ДК 342.732

Е. Л. Болдырева, Е. П. Вопиловская

ПОЛИТИКА И СВОБОДА ПЕЧАТИ В ШВЕЦИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

БОЛДЫРЕВА Елена Леонардовна – кандидат политических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: elena1971@yandex.ru.

ВОПИЛОВСКАЯ Екатерина Павловна – магистрант кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: katevopilovskaya@gmail.com.

Данная работа посвящена исследованию законодательного регулирования свободы прессы в Швеции. Рассматривается роль прессы в политической системе этой страны. Обосновываются предпосылки того, что СМИ в Швеции могут стать средством политического манипулирования.

ПОЛИТИКА; СВОБОДА ПЕЧАТИ; ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ; ШВЕЦИЯ; РИКДАГ; КОНСТИТУЦИЯ.

Свобода слова, политика и средства массовой информации тесно взаимосвязаны между собой и считаются характерными признаками любого демократического государства. Однако повсеместно продолжает происходить злоупотребление свободой самовыражения в виде цензуры в средствах массовой информации, преследованиях журналистов,

политической пропаганды [1]. Основной работой, внесший наибольший вклад в определение места СМИ в современной политической системе, с полным основанием можно считать книгу Сиберта, Фреда, Шрама и Питерсона «Четыре теории прессы» [20], опубликованную в 1956 году. В ней авторы выделяют четыре основные теории прессы: авторитарную, либералистскую, теорию социальной ответственности и советскую, коммунистическую. Каждая из моделей характеризуется собственным пониманием свободы слова, взаимоотношением СМИ и властных структур, ролью СМИ в политической системе той или иной страны. В связи с этим интерес к данной теме до сих пор является актуальным во всем мире, в особенности – в скандинавских странах.

Для того чтобы понять роль средств массовой информации в Швеции, необходимо дать краткую характеристику политической системы этой страны. Швеция может быть классифицирована как конституционная (парламентская) монархия. Во всех европейских монархиях «король царствует, но не правит», в Швеции же полномочия монарха урезаны в наибольшей степени. В частности, к полномочиям короля здесь относятся следующие: он посещает другие страны и принимает представителей разных стран в Швеции, возглавляет Консультативный Совет по внешней политике и открывает своей речью сессии Риксдага.

Риксдаг играет ключевую роль в политической системе Швеции. Он состоит из 349 депутатов, избираемых сроком на 4 года. Распределение мест в парламенте происходит по пропорциональной системе (методу Лагу). Во главе Риксдага находится его председатель – тальман. Полномочия и структура шведского парламента в общем и целом являются стандартными для европейских однопалатных парламентов. Основные политические партии Швеции делятся на два блока – 1) Альянс за Швецию, в который входят Умеренная коалиционная партия (Модераты), Партия центра, Народная партия и Христианско-демократическая партия; и 2) Красно-зеленая коалиция, в составе Социал-демократической партии, Партии зеленых и Левой партии. Кроме того, 49 мест после выборов 2014 г. получила националистическая партия Шведские демократы, не входящая ни в одну из коалиций.

Правительство Швеции возглавляет систему исполнительной власти. Число министерств и министров не совпадает, руководить одним

министерством могут несколько министров, каждый из которых отвечает за свой участок работы. Швеция является родиной такого института, как уполномоченный по правам человека – омбудсман. В стране действуют омбудсманы по защите прав потребителей, по гендерному равенству, по вопросам этнической дискриминации, по прессе, по делам инвалидов, детский омбудсман [13].

Конституция Швеции устанавливает основополагающее право на свободу выражения мнений и свободу информации [13]. Существуют четыре основных закона, чьи основополагающие принципы были закреплены правительственной реформой (Regeringsformen = RF) [2]. Любому гражданину Швеции гарантировано право на свободу выражения, т.е. свободу слова, письма или изображения, и право любым иным образом доводить информацию и выражать свои идеи, мнения и чувства (2 гл. 1 § RF). В правительственной реформе подчеркивается тесная взаимосвязь между демократическим принципом управления и свободой выражения: «Все государственная власть исходит от народа. Шведская демократия построена на свободе убеждений и всеобщем и равном избирательном праве» (1 гл. 1 § RF) [2].

Из четырех основных законов Швеции более конкретно регламентируют свободу выражения в средствах массовой информации следующие два: Закон о свободе печати (Tryckfrihetsförordningen = TF) и Закон о свободе слова (Yttrandefrihetsgrundlagen =YGL) [3]. YGL регулирует свободу выражения мнений на радио, телевидение и кино, а также, в некоторой степени, в Интернете.

TF регулирует право на самовыражение в письменной форме, например, в книгах, журналах и т.д. Введенный в 1766 году, он был первым в своем роде в мире; ныне действующий закон введен в 1949 г. после некоторых доработок [3]. Этот закон является одним из самых либеральных в мире в этой области: он запрещает цензуру печатных изданий и защищает информаторов (свобода информации). Закон также регламентирует принцип гласности, который обеспечит свободный доступ к государственным документам. С 1991 г. он также регулирует свободу слова в аудио и визуальных средствах массовой информации, предназначенных для еще более широкого круга зрителей.

В Законе о свободе печати содержится семь общих принципов изъятия из гласности, а также входят и детализированные нормы Закона о секретности, который предусматривает лишь две категории сведений: те, что содержатся в открытых для просмотра архивах, и те, разглашение которых карается в уголовном порядке. Однако в законодательстве есть и такая норма, которая практически позволяет многочисленные утечки закрытой информации, так как конституция гарантирует законодательный “щит” тем, кто поставляет информацию журналистам. Государственные органы обычно не имеют возможности установить личность виновного в утечке информации в прессу, и тем более – возбудить против него судебное преследование [19].

Такая ситуация есть прямой результат двух важных положений Закона о свободе печати. Первое из которых заключается в том, что юридическую ответственность за опубликованный материал несет только одно лицо – как правило, редактор газеты либо автор книги. Второе положение предусматривает особый “суд присяжных”, рассматривающий судебные иски в рамках данного закона. Хотя основные принципы шведской модели достаточно просты, некоторые ее важные детали имеют весьма сложный характер. Эта сложность усугубилась с вступлением в силу 1 января 1981 г. нового Закона о секретности. В последнее время шведскому законодательству присуща тенденция к расширению пределов секретности и в особенности к ужесточению санкций за утечки информации по вине государственных служащих. Эта тенденция объясняется, по крайней мере отчасти, реакцией на происшедшую в 1973 г. утечку информации, имеющей отношение к национальной безопасности страны [19].

Развитие технологий послужило образованию новых СМК и привело к многолетним исследованиям и спорам на тему, нужно ли заменить основные законы свободы выражения одним общим законом, который будет применяться ко всем СМИ независимо от технологии. Швеция была в числе первых стран, разработавших законодательные меры защиты компьютерных данных. В 1973 г. был принят всеобъемлющий Закон об охране данных, регулирующий проблемы, относящиеся к компьютерным досье с информацией личного характера, находящимся в государственном либо частном ведении. Стимулом к принятию закона была озабоченность общества этими проблемами, возникшая отчасти под влиянием переписи

населения 1970 г. В недавнем докладе 2012 года, шведское правительство пришло к выводу, что законы о свободе печати должны быть сохранены, хотя и в упрощенной и более доступной форме [2].

Свобода выражения гарантируется в ключевых документах по правам человека, в том числе Всеобщей декларации прав человека 1948 года, которая гласит в статье 19, что каждый имеет право на собственное мнение и может свободно выражать его в речи, тексте или изображении. Соответствующее право закреплено в статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, который был принят в 1966 году [4].

В Европейской конвенции от 4 ноября 1950 года о защите прав человека и основных свобод (Europakonventionen или ЕКПЧ), права о свободе выражения сформированы немного по-другому. Статья 10 гласит, что каждый имеет право на свободу мнений и их выражения, включая свободу распространения и получения информации и идей. Европейская конвенция по правам человека является одним из главных документов Совета Европы и с 1995 года применяется шведским законодательством [2].

В Швеции также действуют правила саморегулирования (этические кодексы), первые из которых касались темы справедливости в прессе. В 1916 году был создан Совет прессы, изначально названный как «суд чести» для редакторов и журналистов [5]. Постепенно правила расширялись, особенно во второй половине XX века. В 1968 году Профсоюз шведских журналистов (SJF) утвердил профессиональный кодекс поведения. Сегодня в основу этических кодексов информации в Швеции входит 3 набора правил [9]:

1) Правила публикаций (правила хорошей журналистской практики) регулируют справедливость предоставляемой информации, уважение к частной жизни, права информаторов и так далее. Эти правила являются старейшей частью кодекса.

2) Правила профессиональной журналистики главным образом касаются профессионального поведения и репутации журналиста, порицая подтасовку материалов, отношения с новостными источниками и так далее.

3) Руководящие принципы редакционной рекламы охватывают отношения между рекламой и редакционными материалами. Они заявляют, что новости должны быть судимы по значению новости, а не рекламной стоимости. Реклама не должна выглядеть как редакционные полосы газет.

В 1970 году эти правила были инициированы Ассоциацией издателей (TU). Все правила являются добровольными, созданными по инициативе независимых организаций, в целях предотвращения нарушений законодательства. Правила хорошей журналистской практики, которые рассматриваются в качестве главных, контролируются Советом по прессе и омбудсменом по делам прессы; а правила профессиональной журналистики – специальной комиссией, назначаемой советом SJF. Совет по прессе состоит из судьи-председателя, представителей Национального пресс-клуба, Союза журналистов и Ассоциации издателей газет.

Институт омбудсмана по прессе был создан в 1969 году. Омбудсман назначается специальным комитетом, состоящим из представителей Национального пресс-клуба, Шведской ассоциации адвокатов и парламентских омбудсманов. Любой заинтересованный гражданин может обратиться к омбудсману по прессе с жалобой по поводу любого опубликованного материала, не соответствующего, по его мнению, журналистской этике.

Хотя за послевоенные годы количество газет в Швеции резко сократилось, тем не менее, если верить статистике по состоянию даже на 2012 год, 59% населения страны в возрасте от 16 до 85 лет ежедневно читают газету, хотя в 2007 году таких читателей было 80%. Причем активнее всего печать теряет свою аудиторию у самой активной возрастной категории – от 25 до 44 лет. Подписка же пока держится – 95% утренних газет поступают к читателям именно через нее. Все это происходит на фоне как всегда наращивающего свое присутствие интернета [16].

Положение газет в Швеции, Финляндии, Норвегии, на первый взгляд, остается по-прежнему стабильным. По количеству газет на 1000 человек Норвегия и Финляндия входят в первую тройку мировых лидеров (вместе с Японией). Именно поэтому финские ежедневные газеты остаются главным рекламоносителем: более 50% финской рекламы уходит в газеты, что обеспечивает весьма высокую долю оборота прессы – 30% – в обороте всей медиа-индустрии. Сходная ситуация сохраняется в Швеции и Норвегии [18].

Шведские газеты традиционно были склонны симпатизировать программам и идеологиям политических партий и даже активно

поддерживать их, хотя политические позиции газет и не совпадали с политическими предпочтениями избирателей: социал-демократы и коммунисты получали голоса почти половины избирателей, хотя на их издания приходилась лишь пятая часть совокупного тиража [17].

Тем не менее, шведские СМИ нередко обвиняют в предвзятости и сокрытии фактов, в частности, касательно иммиграционной политики и связанных с ней финансовых издержек. Критика была сосредоточена на том, что общественное мнение формируется за счет СМК на основе идеологических конструкций и демонстрирует отсутствие полной осведомленности о текущих социальных проблемах. Критики СМК указывают на то, что журналисты и редакторы проживают преимущественно в сегрегированных районах выше среднего класса. Что касается вопросов внешней политики, то шведские СМК часто осуждают за симпатию США, а также поддержку Израиля конфликте с Палестиной [6].

Периодически шведские медиа обвиняют в смещении в сторону левого политического крыла. Кафедра журналистики и массовых коммуникаций Гётеборгского университета (JMG) ежегодно опрашивает членов шведского Профсоюза журналистов (SJF) на тему политических симпатий партиям. Опрос, проведенный в 1999 году, показал высокий процент поддержки левоцентристских политических партий (в основном Левой партии и Партии зеленых) по сравнению с поддержкой этих партий населением Швеции. Например, 31% журналистов выступали за Левую партию, по сравнению с 15% от общей численности населения [10; 16].

После выборов 2010 года, при исследовании более тысячи статей из крупнейших газет Швеции был обнаружен сильный уклон в сторону правого политического крыла. 43% всех статей, написанных о красно-зеленых, были отрицательными, по сравнению с 27% статей, написанных про правоцентристские партии Альянса. При описании лидеров этих двух политических блоков, большинство всех статей (53%) были отрицательными при описании красно-зеленого кандидата Моны Салин, в то время, как только 30% статей о кандидате Альянса Фредерика Рейнфельдта были негативными [11].

Непосредственно же перед парламентскими выборами 2014 года газета «Афтонбладет» опубликовала сведения, компрометирующие тогдашнего министра иностранных дел и одного из лидеров Альянса Карла

Бильдта и «касающиеся многомиллионного контракта между властями Грузии при бывшем президенте Саакашвили и пиар-агентством «Креаб», председателем правления которого был Карл Бильдт» [8]. Очевидно, что именно вброс этой информации непосредственно перед выборами стал решающим фактором, приведшим к поражению правоцентристов.

Очевидно, что СМИ могут стать одним из инструментов политического манипулирования, поскольку обладают богатыми и практически бесконечными ресурсными возможностями для воздействия на массовое сознание. Без определенного рода борьбы, многие официально провозглашаемые государством демократические принципы, могут сойти на «нет» [12; 15]. Важно помнить, что Швеция является одной из немногих стран, где на журналистов трудно оказывать влияние, и шведские СМИ не зря называют «четвертой» властью в стране. Эта скандинавская страна служит наглядным примером воплощения в жизнь конституционной гарантии прав человека и свободы выражения, чему следует поучиться целому ряду других демократических (и не только) государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Болдырева Е.Л., Вопиловская Е.П. Распространение мультикультурализма и антирасизма в Европе на примере деятельности шведской организации «ЭКСПО» // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 18-25.

2. Политика Швеции в сфере СМИ [Электронный ресурс] //Сайт Шведской службы госбезопасности SAPO – Источник доступа: http://www.sakerhetspolitik.se/Sakerhetspolitik/Media/

3. Свобода слова и печати в Швеции. [Электронный ресурс] //Правительственный сайт о правах человека в Швеции. – Источник доступа: http://www.manskligarattigheter.se/sv/de-manskliga-rattigheterna/vilka-rattigheter-finns-det/yttrandefrihet

4. Central Intelligence Agency (CIA). "Sweden Communications 2001." [Электронный ресурс] //The World Factbook 2001. – Источник доступа:http://www.cia.gov

5. Sweden: Code of Ethics for Press, Radio and Television." [Электронный ресурс] //International Journalists' Network. – Источник доступа: http://www.ijnet.org

6. Sweden. [Электронный ресурс] // World Press Freedom Review.– Источник доступа:http://www.freemedia.at

7. Ylva Lindahl. Massmedier i Sverige[Электронный ресурс] // Landguiden. Utrikespolitiska institutet. – Источник доступа: https://www.landguiden.se/Lander/Europa/Sverige/Massmedier

8. Georgisk ex-minister: «Carl Bildt är korrupt» [Электронный ресурс] // Aftonbladet. – Источник доступа: http://www.aftonbladet.se/nyheter/article19502468.ab

9. Melanie Moore. Sweden Press, Media, TV, Radio, Newspapers [Электронный ресурс] – Источник доступа: http://www.pressreference.com/Sw-Ur/Sweden.html
10. Virtual Sweden: Broadcast Media. [Электронный ресурс] //Swedish Institute, 21 December 2001. – Источник доступа: http://www.sweden.se
11. Lennart Weibull, Anna Maria Jönsson, Ingela Wadbring. Media Landscapes: Sweden. [Электронный ресурс] – Источник доступа: http://ejc.net/media_landscapes/sweden
12. Schechter, Danny. Sleepless in Stockholm: Dissecting the Media in Sweden. [Электронный ресурс] // News Dissector. 16 March 2000. – Источник доступа: http://www.mediachannel.org
13. Болдырева Е.Л. Социально-политическая система стран Северной Европы // учеб. пособие; С.-Петерб. гос. политехн. ун-т, СПб., 2004.
14. Гришина Н.Ю. Международный опыт исследования когнитивной мобилизации // Международные отношения и диалог культур. 2013. № 1 (2012). С. 177-184.
15. Матвеевская А.С. Социальная адаптация иммигрантов в Швеции // автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. геогр. наук, 25.00.24 / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2011 С.19.
16. Волкоморов В. Швеция – журналистика, газеты, медиа. [Электронный ресурс] – Источник доступа: http://www.volkomorov.com/2015/03/blog-post.html
17. Михайлов С.А. Журналистика стран Северной Европы. СПб, 2003, с. 28
18. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран. М., 2003
19. Джеймс М. Открытое правление: опыт скандинавских государств и некоторых других стран. [Электронный ресурс] – Источник доступа: http://www.hrights.ru/text/b6/Chapter2.htm
20. Сиберт Ф.С., Фред С.; Шрамм У.; Питерсон, Т. "Четыре теории прессы" Издательство: М.: Вагриус; 1998.

BOLDYREVA, Elena L. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: elena1971@yandex.ru.

VOPILOVSKAYA, Ekaterina P. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: katevopilovskaya@gmail.com.

THE POLICY AND THE FREEDOM OF PRESS IN SWEDEN: LEGISLATIVE REGULATION.

This research analyzes legislative regulation of press freedom in Sweden. Media role is considered in the context of Swedish political system. The authors prove the possible background for mass-media in Sweden to became a means of political manipulating.

POLICY; FREEDOM OF PRESS; LEGISLATIVE REGULATION; SWEDEN; RIKSDAG; CONSTITUTION.

УДК 338(100):338(47)

Т. С. Ягья

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РОССИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

ЯГЬЯ Талие Саидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория»;
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ».
197376, ул. Проф. Попова, 5, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: talie2006@mail.ru.

В работе рассматривается современное положение России в мировой экономике. Анализируются важнейшие показатели экономического развития, такие, как ВВП, ВВП на душу населения, внешнеторговый оборот, экспорт, импорт. Сказано и о доле РФ в мировой торговле, в мировом экспорте, в мировом импорте. Также уделяется внимание вопросам конкурентоспособности, инвестиций, инвестиционной привлекательности. Отмечается, что современное положение страны в мировой экономике остается скромным и не соответствует ее потенциалу.

ВАЛОВОЙ ВНУТРЕННИЙ ПРОДУКТ; ВАЛОВОЙ ВНУТРЕННИЙ ПРОДУКТ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ; ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ОБОРОТ; ЭКСПОРТ; ИМПОРТ; ИНВЕСТИЦИИ; ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ; ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ; ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ; КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ.

Россия на мировой арене сегодня выступает как правопреемник СССР, который не входил в рейтинговые оценки конкурентоспособности стран мира, тем не менее по отдельным позициям в 80-гг. имел конкурентные преимущества: крупные запасы минерального сырья и топливно-энергетических ресурсов; значительный научно-технический потенциал; высокий общеобразовательный уровень населения; потенциально емкий внутренний рынок при хроническом дефиците

товаров и услуг и пр. Однако после распада СССР позиции России в мировой хозяйстве ухудшились, что связано прежде всего с изменением ее и геополитического, и геоэкономического положения (так, например, ограничился доступ России к портам Балтийского и Черного морей, возникла необходимость транзита через территории вновь образованных независимых государств, были разорваны производственные и научно-технические связи, формировавшиеся в СССР и т. д.). Следует признать, что Россия имеет объективно благоприятное геополитическое положение, поскольку находится между двумя динамично развивающимися регионами мира: Западной Европы и Азиатско-Тихоокеанским регионом. И для нее стоит задача в эффективности использования этого обстоятельства.

Начиная с 90-х годов и по сей день Россия предпринимает меры по решению трех взаимосвязанных между собой задач: системной трансформации, перехода к цивилизованным рыночным отношениям; структурной перестройки экономики; эффективного включения российской экономики в мировое хозяйство на всех уровнях. И следует отметить, что после выхода России из августовского кризиса 1998 года в стране начался некоторый экономический рост, который вызвал надежду на улучшение ее позиций в мировой экономике. К тому же в 2002 году России был присвоен статус страны с рыночной экономикой Министерством торговли США и Комиссией ЕС. Это обстоятельство значительно улучшает ее позиции в рейтинге конкурентоспособности. Однако после августа 1998 года условия внешнеэкономической деятельности существенно изменились. Так, например, резко сократилась эффективность экспорта и сбыта, и соответственно и объема импорта, а также сократился приток в страну иностранного капитала.

Напомним, что в наследство России перешло лишь 70% внешнеэкономических связей СССР. К тому же в 90-е годы внешнеэкономический сектор российской экономики находился и в глубоком кризисе, и в процессе реформирования в целях создания необходимых предпосылок для вхождения в мировое хозяйство и его структуры. Кризисные явления проявились: во внешней торговле страны, а именно в падении более, чем в два раза, доли российского экспорта в мировом товарном экспорте, в том числе на традиционных для страны

мировых рынках первичных ресурсов, сырья, энергоносителей, драгоценных металлов, вооружения и т. п.; в сокращении общего количества стран, на рынках которых преобладали российские товары и услуги; понижении общей платежеспособности страны вследствие большой внешней задолженности, неконвертируемости рубля, отсутствии необходимого притока зарубежных инвестиций, золотовалютных средств, неуплаты процентов по кредитам в срок; существенном замедлении процесса структурных преобразований во внешней торговле страны и международной торговле в соответствии с общемировыми тенденциями, направлениями и формами. Следует напомнить, что еще в составе СССР в 1986–1991 гг. внешнеторговый оборот РФ сократился примерно вдвое, и эта тенденция падения сохранялась и в последующие годы. Однако, начиная с 1994 г., внешнеторговый оборот стал показывать значительный рост. Так, например, внешнеторговый оборот страны в 1996 г. составил 157,8 млрд. долл. против 145,0 млрд. долл. в 1995г. [1]. В современное время влияние мирового финансового кризиса, падение цены на нефть, экономические санкции в отношении нашей страны сказались и на российской экономике, на основных макроэкономических показателях. Так, внешнеторговый оборот России в 2014 году снизился на 6,9 % (по сравнению с 2013 годом) и составил 804,7 млрд. долларов США [1]. В 2015 г. внешнеторговый оборот уменьшился в 1,5 раза (по сравнению с 2014 годом) и составил 530,4 млрд. долларов США. Заметим, что в первом полугодии 2015 года он составил 314,1 млрд. долларов США и по сравнению с январем–июлем 2014 года снизился на 34,0% [2].

Благоприятные конъюнктурные условия на мировых рынках в определенной мере способствовали расширению российского экспорта. И к середине 90-х гг. имело место увеличение российского экспорта, однако темпы этого роста существенно снизились. Так, экспорт в 1996 г. составил примерно 89,6 млрд. долл. против 82,4 млрд. долл. в 1995 г. Однако около 80% экспорта (71 млрд. долл.) по-прежнему направлялось в страны дальнего зарубежья и около 18,5 % – в страны СНГ [1].

Экспорт России в 2014 году составил $ 496,7 млрд. и по сравнению с 2013 годом упал на 5,1 % [2]. В 2015 году экспорт составил 345,9 млрд. долларов и упал в 1,4 раза по сравнению с 2014 годом (импорт – 184,5 млрд.

долларов). Экспорт в страны дальнего зарубежья составил 298,7 млрд. долларов, в государства-участники СНГ – 44,8 млрд. долларов [2].

В товарной структуре российского экспорта в 90-е гг. и в наше время сколько-нибудь существенных изменений не происходило и не происходит. Все еще сохраняется его сырьевая направленность. Что касается российского импорта, то его основу по-прежнему составляют продовольственные товары и продукция машиностроения. В целом, можно сказать, что современное положение России в мировой экономике характеризуется противоречивыми направлениями. Россия, обладая значительными природными, трудовыми ресурсами, большим производственным потенциалом, имея сильный научно-технический потенциал и высокий образовательный уровень населения, лидируя в производстве и экспорте многих товаров топливно-сырьевой направленности, не в состоянии на данный момент времени разрешить свои внутренние экономические проблемы и вывести страну на новый качественный уровень экономического развития, который бы позволил значительно улучшить позиции России в мировом хозяйстве. Поэтому Россия сегодня по многим показателям занимает промежуточное место в мировой экономике между развитыми и развивающими странами. Россия занимает скромные позиции и в мировом товарообороте. (Доля СССР в мировой торговле составила 3,4 % в 1983 г., а затем снижалась, составив в 1990 г. 1,8%, а в 2004 г. эта доля тоже была на уровне 1, 8 %, отражая степень вовлечения России в мирохозяйственные связи [3].) В 2014 году доля России в мировой торговле составляла 3,3% [4].

Это есть свидетельство широкого участия России в мирохозяйственных процессах и в различных интеграционных группировках.

Доля ее в мировом экспорте и импорте продолжала и продолжает оставаться на очень низком уровне, что обусловлено резким сокращением в предшествующие годы присутствия России на многих важных мировых региональных и товарных рынках как в результате сложного социально-экономического положения в стране, так и низкой конкурентоспособности продукции российских товаропроизводителей на основных мировых товарных рынках. (Причем отрицательное воздействие на конкурентоспособность российской продукции оказывают: технологическое

отставание от промышленно развитых стран, недостаточная инновационная активность; относительно низкая производительность труда; весьма устаревшее оборудование; высокая энергоемкость производства; бюрократизация и криминализация экономики и преобладание экстенсивного развития). (По оценке Всемирного экономического форума и Международного института менеджмента и развития в 1995г. Россия по уровню конкурентоспособности заняла последнее 48 место из 48 рассматриваемых стран.) В 2015 году, согласно последнему рейтингу глобальной конкурентоспособности (составлен Всемирным экономическим форумом), Россия занимает 45 место из 140 стран [5].

Заметим также, что вначале XXI века на Россию приходилось лишь 1,2% (19-е место) мирового товарного экспорта. В 2014 году доля России в мировом экспорте составляла 2,7% (11-е место), в то время как доля Китая – 12,6%, США – 8,7%, Германии – 8,1%, Японии – 3,7% [6].

А доля России в мировом товарном импорте вначале этого века составляла 0,5% (27-е место), что можно объяснить в определенной мере неудачной реализацией начатых в начале 90-х годов реформ и отсутствием со стороны государственных органов должного внимания предприятиям, производящих экспортную продукцию. В 2014 году доля России составляла 1,5% (17-е место), США же – 12,9%, Китай – 9,5%, Германия – 6,5%, Япония – 4,4% и Великобритания – 3,7% [6].

Распад СССР обернулся для России ухудшением ее возможности взаимодействия с мировым хозяйством, а также положением ее в мировой экономике, что и отразилось на основном макроэкономическом показателе – ВВП России.

По разным оценкам, РФ занимает от 7 до 11 места в мире. По данным МВФ Россия в 2010 году находилась на 11-м месте ($ 1,49 трлн.) [7]. Разрыв между Россией и лидерами – США, Китаем и Японией – значителен: в 2010 году размер ВВП США составил ($ 14,498 трлн.), Китая ($ 5,930 трлн.), Японии ($ 5,488 трлн.) (Радует тот факт, что ВВП РФ в 2012 году составил уже $ 2,147 трлн. и его рост по итогам первого полугодия 2013 года составил 1,7%.) [8].

По данным Всемирного банка, в 2015 году Россия занимала 10 место ($ 1,8 трлн.) после США ($ 17,4 трлн.), Китая ($ 10,35 трлн.), Японии ($ 4,6

трлн.), Германии ($ 3,868 трлн.), Великобритании ($ 2,988 трлн.), Франции ($ 2,829 трлн.), Бразилии ($ 2,346 трлн.), Италии ($ 2,14 трлн.) и Индии ($ 2,048 трлн.). [9] Как мы видим, разрыв между Россией и ведущими странами велик: от США Россия отстает на $ 15,6 трлн., от Китая – на $ 8,55 трлн., т. е. размер ВВП России в настоящее время меньше ВВП США в 9,7 раза, Китая – в 5,8 раза. Как было выше сказано и подтверждено некоторыми данными, место России в мировой экономике в начале перестройки и сегодня остается пока скромным.

Показатель – объем ВВП на душу населения – характеризует уровень благосостояния граждан страны и эффективность экономики. При анализе этого показателя однозначные выводы делать сразу не стоит, а следует учесть различия в структуре экономики, в природе роста ВВП, а также в структуре затрат разных стран. Однако вполне возможно составить некоторое представление о позициях каждой страны. И так, по объему ВВП на душу населения сегодня лидирует ни первая, ни вторая экономика мира, т.е. не США и Китай, а Люксембург ($ 127.8 тыс.), далее идут Катар ($ 101 тыс.), Норвегия ($ 100,3 тыс.), Швейцария ($ 83,8 тыс.) и ОАЭ ($ 74,4 тыс.). США занимает 11 место ($ 54.6 тыс.), Россия – 50 место ($ 14.4 тыс.) [10].

Что касается России, то она еще в 90-е годы по объему ВВП на душу населения замыкала шестую десятку среди всех стран мира (4850 доллара) [11]. Ситуация на сегодня изменилась в лучшую сторону, но не на много. Эта ситуация есть следствие крайне недостаточного роста ВВП и снижения покупательной способности рубля. Важным фактором роста производства и, соответственно, ВВП мог стать приток иностранных инвестиций, способствующий повышению эффективности и качества производства за счет использования новейших зарубежных технологий, современного оборудования и управленческого опыта. К тому же в тот период времени перспективы инвестиций в России оценивались как весьма привлекательные для иностранных инвесторов. Однако в тот период в стране отсутствовал необходимый инвестиционный климат, соответствующая правовая база и должная инфраструктура. И отсюда весьма незначительная доля России в международных инвестициях в нарождающиеся рынки – всего 0,5% [3]. Привлечение иностранных инвестиций на сегодня рассматривается как один из приоритетов

деятельности российского правительства. Следует подчеркнуть, что место и роль любой страны в мировой хозяйстве определяется степенью вовлеченности страны в процесс инвестирования.

Известно, что в начале рыночного пути правительства развивающихся стран с осторожностью относились к зарубежным инвестициям, принимали меры ограничения и контроля, а уже в 80-е годы многие страны встали на путь либерализации, осознавая важность и необходимость инвестирования.

Таким образом, страны мира придают существенную значимость процессу инвестирования для экономического подъема своих стран. Особенно это касается развивающихся стран, которые чаще всего являются основными получателями иностранных инвестиций и имеют хорошие перспективы роста, в последние годы это Китай и Индия. Можно даже сказать, что на мировой арене развернулась некая борьба за получение весомой доли международных инвестиций. Что касается России, можно сказать, что, начиная с 2000-х годов иностранные инвестиции стали довольно резко возрастать. Объясняется это эффективной работой правительства и представителей российского бизнеса. Так, если объем иностранных инвестиций в российскую экономику в 1995 году составлял 3млрд. долларов, в 2001 году –14,3млрд. долларов, а уже в 2007году – 120 млрд. долларов [12]. В первом полугодии 2013 года в экономику РФ поступило 98 млрд. долл. иностранных инвестиций, что на 32,1% больше, чем в первом полугодии 2012 года [13]. Таким образом, положение России в сфере иностранного инвестирования менялось к лучшему.

Однако сегодня сложная экономическая ситуация в стране, обусловленная мировым экономическим кризисом, миграционными явлениями, падением цены на нефть, экономическими санкциями, не могла не привести к резкому сокращению объема иностранных инвестиций в Россию. И уже в первом полугодии 2015 г. объем иностранных инвестиций в Россию составил лишь 2,81 млрд. долларов, сократился на 46,1% по сравнению с 2014 г. (По данному показателю Россия уступает, к примеру, Боснии и Герцеговине (2,83 миллиарда), Марокко (2,87 миллиарда) [14].

Тем не менее, общий объем прямых иностранных инвестиций по всему миру вырос в 2015 году на 36% по сравнению с 2014 г. и составил $1,7 трлн. В то же время в России он сократился на 92%, что отражено в докладе о мировых инвестициях, подготовленном Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

Отметим, что по инвестиционной привлекательности по данным Всемирного Банка наша страна в 2011 году занимала лишь 116-е в мире место из 191-й страны, по соседству с Сейшеловыми островами и Бурунди [15]. При этом наблюдался рост доверия инвесторов к России под влиянием устойчивого потребительского спроса, присоединения России к ВТО в середине 2012 года и очередного этапа приватизации. И сегодня, несмотря на сложную экономическую ситуацию, Россия по инвестиционной привлекательности занимает 100 место (2015 год), а в 2014 г. занимала 104 место.

Следует заметить, что в 2015 году США удалось вернуть себе традиционное первое место по объему полученных иностранных инвестиций, потеснив Китай ($ 136 млрд.) с Гонконгом ($ 163 млрд.). Приток прямых иностранных инвестиций в американскую экономику составил $ 384 млрд. [16].

В целом, можно сказать, что по-прежнему повышение инвестиционной привлекательности РФ связано с увеличением потребительского рынка, развитием производственной базы и принятыми правительством мерами по борьбе с бюрократией, коррупцией. Кроме того, природные ресурсы как основное конкурентное преимущество России на мировой арене способствуют повышению ее инвестиционной привлекательности для международных инвесторов. Кроме того, высокий уровень образования, растущий потребительский рынок, соответствующая квалификация трудовых ресурсов, сбалансированная стоимость рабочей силы, развитие телекоммуникационной инфраструктуры являются факторами привлечения иностранных инвестиций в нашу страну.

Можно сказать, что иностранные инвестиции в настоящее время не оказали существенного влияния на изменение макроэкономических показателей в РФ, где по ныне наблюдается их умеренный рост. Однако, их приток позволил создать дополнительные рабочие места в целом ряде

регионов нашей страны, а также увеличить поступления как в региональные, так и в общероссийские бюджеты.

Россия также инвестирует в иностранные государства. Так, в первом полугодии 2013 года из страны было направлено за рубеж $ 126,4 млрд. инвестиций – это почти в два раза больше, чем за первое полугодие 2012 года. (Крупнейший получатель российских инвестиций – Британские Виргинские острова (BVI) – $ 59,6 млрд.) [17].

Однако за первое полугодие 2015 года Россия инвестировала за рубеж лишь $ 10,25 млрд., то есть Россия инвестировала в заграничные активы в 2,4 раза больше денег, чем другие страны вложили в российские. При этом объемы инвестиций с той и с другой стороны откатились на уровень 2005–2006 гг. [18].

Столь скромные позиции России на мировой арене, в системе международных экономических отношений обусловлены созданием и внедрением собственной модели перехода к рыночному обществу, разработкой и реализацией своих реформ. Сегодня в продолжение реализации реформ России следует усилить позиции государства в управлении процессом перехода к рынку. Выше изложенное позволяет сказать, что современное положение России в мировой экономике не соответствует ее потенциалу. Имеющаяся природно-ресурсная база, пока еще сохранившейся производственный и научно-технический потенциал, высокий уровень образования и квалификации кадров должны быть эффективно использованы и послужить основой ускоренного экономического роста в XXI веке. И это позволит выйти России на новые качественные рубежи мирового развития и занять лидирующие позиции в мировой экономике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Внешняя торговля Российской Федерации товарами. Статистика. – [Электронный ресурс] – Центральный банк Российской Федерации – http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.aspx?file=trade.htm.

2. Экспорт-импорт важнейших товаров за январь-июль 2015 года – [Электронный ресурс] – Федеральная таможенная служба – http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=21621:-2015-&.

3. Абрамов В.Л. Мировая экономика. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2007. – 312 с. ISBN: 5-91131-315-4.
4. ТАСС: ВТО: объем мировой торговли вырастет на 4,7% в 2014 году – [Электронный ресурс] – http://tass.ru/ekonomika/1119633.
5. Индекс глобальной конкурентоспособности – Центр Гуманитарных Технологий. Информационно-аналитический портал – [Электронный ресурс] – http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info.
6. Россия в международной торговле – World Trade Center Moscow – [Электронный ресурс] – http://tradestat.wtcmoscow.ru/#.
7. Оценка номинального ВВП стран мира (2010-2012 года) от МВФ – rusfact.ru – [Электронный ресурс] – http://rusfact.ru/node/5929.
8. Рост ВВП в России по итогам первого полугодия составил 1,7% МВФ – Блог финансиста – [Электронный ресурс] – http://finansiko.ru/vvp_rossii_i_stran_mira_2013.
9. Рейтинг стран мира по уровню ВВП – Центр Гуманитарных Технологий. Информационно-аналитический портал – [Электронный ресурс] – http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info.
10. Топ-50 стран. ВВП на душу населения – EREPORT.RU Мировая экономика – [Электронный ресурс] – http://www.ereport.ru/stat.php?table=grecia&h=50&d=1
11. Малинский Г. Таблица ВВП, которую никто не видел – Проза.ру – [Электронный ресурс] – https://www.proza.ru/2009/10/01/311.
12. Поступления иностранных инвестиций по типам – Федеральная служба государственной статистики – [Электронный ресурс] – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/in_inv1.htm.
13. Королева А. Нефть и ритейл притянули инвесторов – Эксперт Online – [Электронный ресурс] – http://expert.ru/2013/08/23/neft-i-ritejl-prityanuli-investorov/.
14. Прямые инвестиции в Россию сократились в два раза – Lenta.ru – [Электронный ресурс] – https://lenta.ru/news/2015/09/15/investfallrus/
15. Индексный рейтинг инвестиционной привлекательности стран – Национальное рейтинговое агентство – [Электронный ресурс] – http://www.ra-national.ru/?page=index-raiting.
16. Прямые иностранные инвестиции в Россию в 2015 году – Интерфакс – [Электронный ресурс] – http://www.interfax.ru/business/490758.
17. Офшоры, лучшие друзья России – Газета.ru – [Электронный ресурс] – http://www.gazeta.ru/business/2013/08/22/5602385.shtml.
18. Лебедева В. Инвестиции России в зарубежные активы – Деловой Петербург, 2015 – [Электронный ресурс] – http://www.dp.ru/a/2015/10/07/Investicii_Rossii_za_rube/.

YAGYA, Talie S. – Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI". 197376, Pr.Popov street, 5, St. Petersburg, Russia. e-mail: talie2006@mail.ru.

THE QUESTION OF RUSSIA'S PLACE IN THE GLOBAL ECONOMY.

The article describes Russia's present place in the global economy. The main aspects of economic development, such as GDP, GDP per capita, foreign trade turnover, export, import are analyzed. It is said about Russia's part in the world trade, international export and import. Attention is also given to competitiveness, investment, investment attractiveness issues. It is reported that country's present place in the global economy remains modest and does not match its potential.

GROSS DOMESTIC PRODUCT; GROSS DOMESTIC PRODUCT PER CAPITA; FOREIGN TRADE TURNOVER; EXPORT; IMPORT, INVESTMENT; FOREIGN INVESTMENT; FOREIGN DIRECT INVESTMENT; INVESTMENT ATTRACTIVENESS; COMPETITIVENESS.

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 1 (091)+ 930.85

А. Э. Терехов

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРСОНИФИКАЦИИ СОВЕРШЕННЫХ МУДРЕЦОВ (*ШЭН*) В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ[1]

ТЕРЕХОВ Антон Эдуардович – младший научный сотрудник;
Институт восточных рукописей Российской академии наук.
191186, Дворцовая наб, 18, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: aterekhoff@gmail.com

Совершенные мудрецы (шэн) – одно из ключевых понятий древнекитайской мысли, используемое для обозначения идеальной личности. Проблема персонификации их образов, рассматриваемая в данной статье, связана с многообразием трактовок этой концепции в древнекитайских текстах. В самом общем виде интерпретации этих образов можно свести к двум основным традициям: шэны могли соотноситься с конкретными персонажами реальной или легендарной истории, а могли оставаться неперсонифицированными. Каждая из этих традиций имела свои достоинства и недостатки, однако в конечном итоге они являлись не столько противопоставленными, сколько взаимодополняющими.

СОВЕРШЕННЫЕ МУДРЕЦЫ; ДРЕВНИЙ КИТАЙ; ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ; ЛЕГЕНДАРНАЯ ИСТОРИЯ; ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА.

Идеал «совершенномудрого человека» (*шэн жэнь* 聖人) или «совершенного мудреца» (*шэн* 聖) занимает уникальное место в философской традиции Древнего Китая. Он разделялся практически всеми

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

мыслителями вне зависимости от их убеждений и использовался в самых разных контекстах: в связи с этикой, политикой, космологией, религией и т. д. Хотя использование знака *шэн* прослеживается с середины второго тысячелетия до н. э., формирование и активное развитие представлений о «совершенных мудрецах» как о личностях особого типа пришлось на периоды Чжаньго 戰國 (Борющихся царств, 453–221 гг. до н. э.) и Хань 漢 (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.)[2]. *Шэн* как термин встречается практически во всех дошедших до нас текстах этого периода, причём в каждом из них он понимается по-своему, так что его смысл значительно варьируется даже среди памятников, традиционно относимых к одной и той же «школе» (*цзя* 家) древнекитайской мысли[3]. Соответственно, представления о том, какими были или должны быть совершенные мудрецы, в Древнем Китае сильно различались: *шэны* могли быть правителями, могли быть чиновниками, а могли и вовсе не состоять на государственной службе; могли относиться к далёкому прошлому, а могли – к близкому будущему; могли характеризоваться различными добродетелями, а могли – сверхъестественными способностями; могли служить живым воплощением морали, но могли и не ограничивать себя ею; могли действовать в рамках социума, а могли и оказывать влияние на мироздание в целом. В некоторых трактовках этот идеал был достижимым, а в некоторых – нет; согласно одним, совершенным мудрецом мог стать каждый человек, согласно другим – лишь обладающий определённой предрасположенностью; в каких-то говорилось о том, как сделаться *шэном*, а в каких-то – лишь о том, как ему следует себя вести. При этом практически каждый текст сочетает несколько различных трактовок, и в то же время ни одна трактовка не является уникальной для какого-либо отдельного текста[4].

[2] Знак *шэн* (или его протоформы) появляется ещё в надписях на гадательных костях (*цзягувэнь* 甲骨文, XIV–XI вв. до н. э.), а впоследствии используется в надписях на бронзовых сосудах (*цзиньвэнь* 金文, XI–VIII вв. до н. э.) и в древнейших китайских сочинениях (X–VI вв. до н. э.), таких как «Ши-цзин» 詩經 («Канон стихов») и «Шу-цзин» 書經 («Канон документов», другое название – «Шан шу» 尚書, «Древнейшие документы»). О зарождении и ранних этапах развития этого термина см. [50: 196; 38: 410–414; 52: 131–133; 54: 626–630].

[3] О проблеме древнекитайских философских «школ» и различных трактовках термина *цзя* см. [45; 39; 42].

[4] Попытку классификации трактовок образа совершенных мудрецов в Древнем Китае см. в [51: 199–200].

Однако за множеством различных мнений о качествах, способностях, стремлениях и поступках *шэнов* таится не менее важный вопрос об их личностях, т. е. о непосредственном наполнении обозначающего их термина. Кто именно подразумевался под «совершенными мудрецами»? Назвать известных персонажей, относимых к их числу, несложно: Хуан-ди, Яо, Шунь, Конфуций... Тем не менее, такой ответ порождает множество новых вопросов. Являлись ли эти герои лишь частными примерами *шэнов* или же исчерпывали собой их множество? Всегда ли совершенными мудрецами признавали одних и тех же людей? Как идеал «совершенномудрых людей» мог разделяться подавляющим большинством древнекитайских мыслителей, несмотря на различные, зачастую диаметрально противоположные взгляды? Всегда ли авторы текстов имели в виду конкретных персонажей, или же за этим понятием мог скрываться абстрактный идеал, не сводимый к определённым личностям? Для ответа на эти вопросы необходимо отстраниться, насколько это возможно, от идеологического наполнения этого термина (подробный анализ соответствующих представлений в том или ином тексте зачастую равнозначен изложению большинства основных его идей) и обратиться к формальному моменту его соотнесённости с конкретными персонажами.

По-видимому, первым памятником, в котором *шэн* начинает использоваться как категориальный термин, является трактат «Мо-цзы» 墨子 (V–III вв. до н. э.). Представления о совершенномудрых царях (*шэн ван* 聖王) активно разрабатываются в наиболее ранних, так называемых «центральных главах» (core chapters, гл. 8–37, V–IV вв. до н. э.) этого сочинения[5], придя на смену более древним и, по-видимому, более аморфным представлениям о «прежних царях» (*сянь ван* 先王) [см. 37: 151–166][6]. При этом важно, что этот идеал, в отличие от его более ранних аналогов, изначально находит своё воплощение в конкретных персонажах: в тексте «Мо-цзы» неоднократно встречается сочетание *сань дай шэн ван* 三代聖王 («совершенномудрые цари Трёх эпох»), причём использование его практически всегда сопровождается перечислением правителей, которые

[5] Относительно датировки центральных глав см. [44: 337–338; 37: 150]

[6] Ещё одним «предшественником» термина *шэн ван* можно считать сочетание *чжэ ван* 哲王 («мудрые цари»), один раз встречающееся в «Ши-цзине» и пять раз (в форме *сянь чжэ ван* 先哲王 – «прежние мудрые цари») – в древнейших главах «Шан шу».

имеются в виду. Всего к ним относится шесть персонажей – Яо 堯, Шунь 舜, Юй 禹, Тан 湯 (Чэн Тан 成湯), Вэнь-ван 文王 и У-ван 武王 – которые и считаются «каноническим» для этого текста набором совершенных мудрецов [см. 37: 144, 150–151, 156–166].

Тем не менее, есть основания предполагать, что изначально в число «совершенномудрых царей Трёх эпох» входили только четыре персонажа: Юй, Тан, Вэнь-ван и У-ван. Во-первых, в целом ряде случаев (9 из 22) после сочетания *сань дай шэн ван* перечисляются не все шесть, а только эти четыре правителя. Во-вторых, именно эти четверо считались основателями государств, периоды господства которых называются Тремя эпохами (*сань дай* 三代): Юй рассматривался как первый монарх легендарного Ся 夏 (трад. XXIII – XVIII вв. до н. э.), Чэн Тан воспринимался в качестве основоположника Шан 商 (XVII–XI вв. до н. э.), а отец и сын Вэнь-ван и У-ван почитались как основатели Западного Чжоу 周 (XI–VIII вв. до н. э.); что же касается Яо и Шуня, то их правление традиционно относилось к додинастическому периоду, предшествовавшему Трём эпохам. Наконец, в тексте Мо-цзы неоднократно (11 раз) встречается антонимичное *сань дай шэн ван* сочетание *сань дай бао ван* 三代暴王 («жестокие цари Трёх эпох»), которое также сопровождается перечислением подразумеваемых персонажей. К ним неизменно относятся четыре монарха, – Цзе 桀 (трад. XVII в. до н. э.), Чжоу 紂 (XI в. до н. э.), Ю-ван 幽王 (787 – 771 гг. до н. э.) и Ли-ван 厲王 (877 – 841 гг. до н. э.), – из которых первые два привели к гибели, соответственно, государства Ся и Шан, а третий – Западное Чжоу, ослабевшее в эпоху правления четвёртого. Характерный для китайской письменной традиции принцип параллелизма заставляет предположить, что и «совершенномудрых царей» изначально должно было быть четыре: по одному для первых двух эпох и два – для последней. По-видимому, лишь позже к этой четвёрке добавились додинастические правители Яо и Шунь, игравшие в моистской традиции особую роль – в частности, в связи со знаменитой легендой о передаче престола[7].

В любом случае, обращает на себя внимание тот факт, что все личности, отнесённые в центральных главах «Мо-цзы» к числу

[7] Об этой легенде и её связи с моизмом см. [53; 35; 46; 47].

совершенных мудрецов, во-первых, оказываются правителями, и, во-вторых, достаточно далеко отстоят от времени составления трактата. Оба этих обстоятельства обеспечивали *шэнам* высокий авторитет, причём первое неразрывно связывало их с идеей верховной власти[8], а второе позволяло моистам использовать недостаток достоверных свидетельств о древних монархах для создания новых, выгодных школе трактовок истории [см. 37: 166–173]. Таким образом, под совершенными мудрецами изначально понимались вполне конкретные персонажи легендарной и полулегендарной истории Китая. Очевидно, главной причиной создания этой концепции стала необходимость определения конкретных «образцов для подражания», предания о которых могли бы служить аргументом для обоснования собственных идей моистов.

Идея «совершенных мудрецов» довольно быстро получила широкое распространение: в философских текстах IV–III вв. термин *шэн* используется повсеместно, независимо от идеологических предпочтений их авторов. При этом растёт и число персонажей, относимых к совершенным мудрецам. Например, в трактате «Мэн-цзы» 孟子, помимо уже упоминавшихся Яо, Шуня, Юя и Вэнь-вана, как *шэн жэнь* определяются Чжоу-гун 周公, Бо-и 伯夷, И-инь 伊尹, Лю-ся Хуэй 柳下惠 и Конфуций [10: 6 (2А.2) /215–216, 9 (2Б.9) /292, 12 (5Б.10)/672]. Стоит отметить, что ни один из этих пятерых не являлся правителем[9]; таким образом, совершенномудрыми начали считать не только монархов, но и некоторых других известных личностей, способных выступать в качестве примера идеального поведения и рупора для тех или иных идей. Кроме того, глубокая древность также перестала быть определяющей характеристикой относимых к числу *шэнов* персонажей: двое из пяти перечисленных выше персонажей жили в эпоху Чуньцю 春秋 (Вёсны и

[8] Достаточно красноречив тот факт, что в «Мо-цзы», в отличие от большинства прочих древних текстов, сочетание *шэн ван* («совершенномудрый царь») упоминается значительно чаще, чем *шэн жэнь* («совершенномудрый человек») – почти в два с половиной раза в тексте памятника в целом и в пять раз в его центральных главах.

[9] Чжоу-гун (XI в. до н. э.) был регентом при малолетнем сыне У-вана, Бо-и (XI в. до н. э.) – отшельником, отказавшимся принять власть Чжоу, И-инь (трад. XVII в. до н. э.) – советником Чэн Тана, а Лю-ся Хуэй (720–621 гг. до н. э.) – сановником в княжестве Лу 魯, в котором родился и, согласно преданию, занимал ряд должностей знаменитый Конфуций (Кун-цзы 孔子, трад. 551–479 гг. до н. э.).

осени, VIII–V вв. до н. э.), всего за несколько столетий до времени составления текста.

Тенденция к объявлению совершенными мудрецами людей, не являвшихся государями, и, в том числе, живших в не столь отдалённом прошлом, повлияла и на моистов: в более поздних главах «Мо-цзы» (кон. IV–III вв. до н. э.) к числу *шэнов* начинают относиться такие персонажи, как Цзи-цзы 箕子, Вэй-цзы 微子 и Чжоу-гун [9: 48/454][10], а также и сам основатель моистской школы Мо Ди 墨翟 (V в. до н. э.) [9: 48/463]. В некоторых текстах имеются также свидетельства того, что совершенными мудрецами моисты считали и лидеров своей организации – так называемых «колоссов» (*цзюй-цзы* 鉅子, тж. 巨子) [см. 25: 33/290]. Не чуждыми этой тенденции оказываются и памятники, далёкие от конфуцианской и моистской традиций: так, в трактате «Хань Фэй-цзы» 韓非子 (III–II вв. до н. э.), считающемся квинтэссенцией «легизма», совершенномудрыми называются, в частности, И-инь и циньский министр Байли Си 百里奚(VII в. до н. э.) [16: 12/92].

Тем не менее, большинство этих «нецарственных» *шэнов* не получило широкого распространения за пределами отдельных текстов: хотя эти персонажи регулярно упоминаются в прочих сочинениях, они практически никогда не называются там совершенномудрыми[11]; лишь Чжоу-гун и Конфуций оказались достаточно авторитетными для того, чтобы их статус *шэнов* стал общепризнанным[12].

В большинстве текстов наибольшим авторитетом по-прежнему пользовались именно совершенномудрые монархи. В то же время, использование для своих целей таких персонажей, как Яо, Шунь и основатели династий, осложнялось тем, что их образы к этому времени уже устоялись, и поэтому им нельзя было приписать действия или высказывания, которые шли бы вразрез со сложившимися представлениями о них как об исторических правителях. Соответственно,

[10] Цзи-цзы и Вэй-цзы (оба – XI в. до н. э.) – дядя и сводный брат последнего правителя государства Шан, потерпевшие неудачу в попытках увещевать своего царственного родственника и в результате перешедшие на сторону Чжоу.

[11] Большинство текстов относят упомянутых выдающихся министров к категории «достойных» (*сянь* 賢 / *сянь чжэ* 賢者), т.е. ставят их ниже *шэнов*.

[12] Так, Конфуций называется совершенномудрым даже в таком «антиконфуцианском» трактате, как «Хань Фэй-цзы» [см. 16: 49/446].

авторы новых текстов, содержащих далёкие от конфуцианства и моизма идеи, были вынуждены искать других претендентов на роль совершенных мудрецов. В результате в памятниках появляется ряд новых образцовых персонажей, призванных служить выразителями тех или иных идей; изначально являясь, по-видимому, божествами и/или предками аристократических родов, к этому времени большинство из них начинает восприниматься в качестве государей, период правления которых относится, однако, к более ранним временам, нежели эпоха господства *шэнов*, чьи образы сформировались в рамках предшествующей традиции. Так, в комментарии «Привязанных слов» («Си цы чжуань» 繫辭傳, IV в. до н. э.) к «И-цзину» 易經 («Канон Перемен», VIII–VII вв. до н. э.) разрабатывается образ создателя триграмм (*гуа* 卦) Фу-си伏羲 (тж. 宓犧/虙戲, Бао-си 包犧, Пао-си 庖犧) [43: 197–209; 49: 86–90; см. тж. 31: 647–648], в традиции т. н. «аграриев» (*нун-цзя* 農家) – образ Шэнь-нуна 神農 («Божественного земледельца») [41: 69–70; см. тж. 31: 756–757], а в рамках некоторых направлений, традиционно относимых к «даосизму» и «легизму» – Хуан-ди 黃帝 («Жёлтого владыки/императора») [см. 31: 663–665]. Хотя в дошедших до нас текстах эпохи Чжаньго эти персонажи очень редко называются *шэнами* эксплицитно, функционально они близки к ним, и потому неудивительно, что со временем они также начинают восприниматься в качестве совершенных мудрецов.

Параллельно с осмыслением в качестве образцовых личностей и правителей, эти новые персонажи начинают выстраиваться в определённую последовательность, занимая свои места в складывающихся как раз в этот период представлениях о древнейшей истории государства. Эта история мыслилась китайцами как «политическая генеалогия» [43: 129], последовательность выдающихся монархов, составлявших определённые группы; при этом процесс её «конструирования» двигался в обратном направлении, постепенно углубляясь всё дальше и дальше в древность [30: 361–362].

Судя по всему, к IV–III вв. окончательно устоялись представления о Трёх царях (*сань ван* 三王), т.е. уже упоминавшихся выше основателях государств Трёх эпох[13]. Чуть позже оформляются представления о

[13] Наличие в случае с Чжоу сразу двух основателей (Вэнь-вана и У-вана), рассматривавшихся

предшествующей ей эре правления Пяти владык (*у ди* 五帝), к которым относились, согласно наиболее авторитетной версии, зафиксированной в «Ши цзи» 史記 (II–I вв. до н. э.), Хуан-ди, Чжуань-сюй 顓頊, Ди-ку 帝嚳, Яо и Шунь (в других вариантах те или иные правители из этой пятёрки могли заменяться на Тай-хао 太昊, Янь-ди 炎帝 или Шао-хао 少皞[14]) [56: I/382].

Стоит отметить, что совершенномудрыми в Древнем Китае считались, по-видимому, все правители, входившие в эти две группы[15]. Так, в одном из пассажей «Чжуан-цзы» 莊子 (IV–II вв. до н. э.) ученик Конфуция Цзы-гун 子貢, беседуя с мудрецом Лао Данем 老聃, отождествляемым со знаменитым Лао-цзы 老子, спрашивает его: «Три царя и Пять владык правили Поднебесной по-разному, [но] слава, которой они пользуются, одинакова. Почему же лишь Вы, учитель, не считаете их совершенномудрыми людьми?» [25: 14/129]. Соответственно, можно утверждать, что отнесение *сань ван* и *у ди* к числу *шэнов* к тому времени действительно являлось общепринятым. При этом, именно Пять владык ассоциировались с совершенной мудростью в первую очередь: так, в одной из речей, включённых в памятник «Чжань го цэ» 戰國策 (IV–I вв. до н. э.), перечисляются различные типы людей с указанием характерных для них качеств, неспособных уберечь их от смерти; при этом Пять князей (*у бо* 五伯 правители периода Чуньцю) названы там достойными (*сянь* 賢), Три царя – гуманными (*жэнь* 仁), а Пять владык – совершенномудрыми [см. 24: 5.9/286][16].

Наконец, в конце Чжаньго картина древней истории, представленная эрой господства Трёх царей и Пяти владык, дополняется представлениями

традицией как равные, вызывал некоторую путаницу. В результате, порой в состав *сань ван* включалось четыре человека [см., например, 10: 16 (4Б.20) /569–571]; в таком случае возможно переводить этот термин как «цари-основатели Трёх [династий]».

[14] О Тай-хао и Янь-ди, чьи образы впоследствии были связаны с Фу-си и Шэнь-нуном соответственно, см. [57: 239; 31: 770; 40: 115–122]. О Шао-хао, чей образ разработан значительно хуже, см. [31: 739]. О формировании когорты *у ди* см. [57: 246–265].

[15] В то время как все правители, входящие в когорту *сань ван*, считались *шэнами* изначально, из монархов, относимых к *у ди*, «общепризнанными» совершенномудрыми являлись лишь Яо, Шунь и Хуан-ди; по-видимому, именно благодаря их авторитету к *шэнам* в конечном итоге стала причисляться вся группа, включая таких государей, как Чжуань-сюй, Ди-ку и Шао-хао, чьи образы были разработаны значительно хуже.

[16] Похожая связь прослеживается в приведённом в «Хань шу» докладе Чао Цо 晁錯 (200–154 гг. до н. э.), где качествами, характерными для Пяти владык, названы «божественность и совершенная мудрость» (*шэнь шэн* 神聖) [18: 49/2293].

о Трёх августейших (*сань хуан* 三皇), правление которых относилось к ещё более раннему периоду; в их число изначально включались достаточно абстрактные, по-видимому, Тянь-хуан 天皇, Ди-хуан 地皇 и Тай-хуан 泰皇 (Жэнь-хуан 人皇) [см. 55: 94–102]. Вероятно, именно неразработанность образов этих правителей привела к тому, что, в отличие от Пяти императоров, Трое августейших практически никогда не называются *шэнами*. Тем не менее, к I в. н. э. к *сань хуан* стали относить конкретных героев: первыми двумя стали уже упоминавшиеся выше Фу-си и Шэнь-нун, а в роли третьего выступали различные мифологические персонажи: то Чжу-жун 祝融, то Нюй-ва 女媧, то Суй-жэнь 燧人, то – реже – Хуан-ди [56: I/216; см. тж. 55: 121–134; Ян, 1938: 185–186; 34: 220, пр. 39], причём в отличие от всех вышеперечисленных персонажей претенденты на роль третьего августейшего (за исключением Хуан-ди) в перечнях совершенномудрых обычно отсутствовали[17].

В результате, к концу Чжаньго – началу Хань наряду с представлениями о древней истории в общих чертах сложился и консенсус относительно того, кого из древних правителей и министров можно отнести к числу совершенных мудрецов. Хотя поначалу каждое направление древнекитайской мысли признавало совершенномудрыми своих «героев», довольно быстро стал формироваться общий «пантеон», в который включались *шэны*, восходящие к различным традициям, но почитаемые большинством образованных людей. По-видимому, первой стадией в его формировании стали попытки объединения совершенных мудрецов в группы, подобные *сань ван, у ди* и *сань хуан*. Они начинаются с середины Чжаньго и активно продолжаются на протяжении всей эпохи Хань и даже последующих периодов, а их результаты отличаются разнообразием как в плане численности и состава участников, так и в плане оснований для их объединения.

Например, группы из «Трёх совершенномудрых» (*сань шэн* 三聖) обычно составлены из персонажей, в чьих образах прослеживается

[17] Последнее обстоятельство, равно как и наличие среди Пяти владык персонажей, изначально к совершенным мудрецам не причисляемых, позволяет предположить, что когорты *сань ван, у ди* и *сань хуан* формировались исходя не столько из морально-нравственных качеств правителей (как то утверждалось впоследствии), сколько из их «исторической» роли.

определённое сходство в плане заслуг или обстоятельств жизни. Так, в «Мэн-цзы» Тремя совершенномудрыми называются Юй, Чжоу-гун и Конфуций, поборовшие соответственно всемирный потоп, варваров за пределами страны и мятежных сановников внутри неё [10: 13 (3Б.9)/459–461], в «Мо-цзы», «Чуньцю фаньлу» 春秋繁露 (II–I вв. до н. э.) и «Хань шу» 漢書 (I в. н. э.) – Яо, Шунь и Юй как правители, передававшие друг другу власть [9: 25/185; 26: 1/20–21; 18: 16/529, 530 пр. 4], а в различных главах «Лунь хэн» 論衡 (I в. н. э.) и «Хань шу» – Фу-си, Вэнь-ван и Конфуций как авторы «Чжоуских перемен» («Чжоу и» 周易, т.е. «Канона перемен» и комментариев к нему) [7: 36/558; 18: 30/1704], Вэнь-ван, У-ван и Чжоу-гун как совершенномудрые эпохи Чжоу [7: 57/821; 18: 14/392], а также Тан, Вэнь-ван и Конфуций как совершенномудрые, претерпевавшие различные невзгоды [7: 19/235]. Сюда же примыкают группы из Двух совершенномудрых (*эр шэн* 二聖), которые либо подразумевают третьего *шэна* (например, Яо и Шунь выступают в качестве образца для Юя [1: 3/102], а Вэнь-ван и У-ван называются начинателями дела установления чжоуской династии, доведённого до конца Чжоу-гуном [26: 71/416]), либо представляют собой акцидентное сопоставление двух совершенномудрых (например, Яо и Тана объединяют катастрофы, – наводнение и засуха, – случившиеся во времена их правления [7: 53/769]). Лишь в «Цянь фу лунь» (II в. н. э.) Яо и Шунь упоминаются как «два совершенномудрых, которые, помогая друг другу, достигли такого результата, как Великое спокойствие» [23: 29/324–325][18].

Состав когорты Четырёх совершенномудрых (*сы шэн* 四聖) более стабилен. В большинстве случаев костяк его складывается из Яо, Шуня и Юя, к которым примыкает то Гао-яо 皋陶[19], то Чэн Тан, то Ди-ку [17: 9.18/323; 22: 2.14/653; 7: 30/458]. Впрочем, встречаются и другие варианты, например, Шунь, Юй, Чжоу-гун и Конфуций [6: 7/231] или Чжуань-сюй, Ди-ку, Яо и Шунь [28: 130/3301][20]. Наиболее оригинальный перечень *сы*

[18] О концепции Великого спокойствия (*тай пин* 太平) см. [31: 600–602].

[19] Гао-яо – легендарный министр правосудия времён Яо и Шуня. Подробнее о нём см.: [32: 137–138].

[20] В последнем случае *сы шэн* оказываются практически синонимичными *у ди*, недостаёт только Хуан-ди, который упоминается в начале фразы: «В старину Хуан-ди следовал примеру Неба и Земли, и Четыре совершенномудрых, в свою очередь, шли по его стопам...» [28: 130/3301].

шэн встречается в процитированном в ряде текстов сочинении «Мин-тан чжи вэй» 明堂之位 («Расположение Пресветлого зала»)[21], где Четырьмя совершенномудрыми названы Чжоу-гун, Тай-гун 太公, Шао-гун 召公 и астролог Ши佚, сыгравшие важную роль в установлении чжоуской династии [5: 48/54–55; 13: 5/185; 19: 37/1255][22].

Сочетание «Пять совершенномудрых» (*у шэн* 五聖) встречается в древнекитайском письменном наследии не так часто, как того можно было ожидать от культуры, полной «пятеричных» классификаций. Оно появляется в одной из глав памятника «Хуайнань-цзы» 淮南子 (II в. до н. э.), где указывает на Шэнь-нуна, Яо, Шуня, Юя и Тана [20: 19/1311]. Далее в той же главе говорится о «Девяти достойных» (*цзю сянь* 九賢), среди которых выделяются Пять совершенномудрых (Яо, Шунь, Юй, Вэнь-ван и Гао-яо) и Четыре талантливых (*сы цзюнь* 四俊 – Ци 啟, Се 契, Ши-хуан 史皇 и И 羿)[23] [20: 19/1335–1337]. Как можно заметить, во втором перечне совершенных мудрецов Тан уступает место Гао-яо. Таким образом, даже в рамках одной главы состав *у шэн* совпадает не полностью. В двух других случаях он вообще не определён, и словосочетание, очевидно, обозначает совершенномудрых «вообще». Так, в «Лунь хэн» сказано: «Если признаки [какого-либо процесса] уже появились, то даже Пять совершенномудрых и десять достойных, сообща останавливая этот [процесс], в конечном итоге не смогут [его] прервать» [7: 18/216]. В «Шо юань» 說苑 (I в. до н. э.) говорится о «планах Пяти совершенномудрых», которые по важности «уступают благоприятному моменту» [29: 16/401][24].

[21] В «Хоу Хань шу» 後漢書 (V в. н. э.) источник цитаты обозначен просто как «Ли цзи» 禮記. Соответственно, текст «Мин-тан чжи вэй» мог являться утерянной ныне главой этого памятника.

[22] В последующие эпохи сочетанием *сы шэн* также обозначались четверо выдающихся правителей династии Тан 唐 (618 – 907 гг.), четверо легендарных врачевателей, четыре древних правителя, почитаемых в даосской традиции, а также четыре бодхисатвы и четыре степени святости в буддизме [56: III/594].

[23] Ци, сын знаменитого Юя, в дошедшей до нас версии этого перечня не упомянут, зато о его отце там говорится дважды; в результате «достойных» получается не девять, а восемь. Поэтому я принимаю исправление Ван Инь-чжи 王引之 (1766 – 1834 гг.), который убедительно доказал, что вместо второго упоминания Юя в этом отрывке должно стоять имя Ци [20: 19/1337–1338].

[24] Впоследствии сочетанием *у шэн* могли обозначаться также пять выдающихся правителей династии Тан 唐 (618 – 906 гг.) [56: I/382], а также Пять духов, популярных в классическом и позднеимперском Китае [31: 636–637].

О Семи совершенномудрых (*ци шэн* 七聖) говорится в «Чжуан-цзы», где в качестве таковых выступают Хуан-ди и его спутники, по другим источникам не известные [25: 24/212]. Ещё раз это сочетание встречается в «Сань го чжи» (III в. н. э.), но там не уточняется, о ком именно идёт речь [11: 16/500]. Однако, та же фраза процитирована в знаменитом сунском сочинении «Цзы чжи тун цзянь», и комментарий Ху Сань-сина 胡三省 (1230 – 1302 гг.) утверждает, что в данном случае имеются в виду Яо, Шунь, Юй, Тан, Вэнь-ван, У-ван и Чжоу-гун [21: 73/2327]. Так или иначе, данная когорта, очевидно, также не являлась канонической[25].

Девять совершенномудрых (*цзю шэн* 九聖), принявших участие в составлении «И-цзина», упоминаются в составленном уже в IV в. н. э. трактате «Баопу-цзы» 抱朴子; согласно комментарию, в их число входили Фу-си, Шэнь-нун, Хуан-ди, Яо, Шунь, Юй, Вэнь-ван, Чжоу-гун и Конфуций [2: 8/153–154, 161 пр. 63]. В ещё более позднем сочинении «Суй шу» 隋書 (VII в.) неназванным Девяти совершенномудрым приписывается авторство тридцати глав полулегендарных текстов «Хэ ту» 河圖 и «Ло шу» 洛書 [14: 27/941].

Группы из десяти и одиннадцати *шэнов* встречаются в схожем контексте – при перечислении наставников совершенных мудрецов. «Десять совершенномудрых» (*ши шэн* 十聖) упомянуты в дошедших до нас памятниках лишь однажды – в «Люй-ши чуньцю» 呂氏春秋 (III в. до н. э.); там к ним относятся Шэнь-нун, Хуан-ди, Чжуань-сюй, Ди-ку, Яо, Шунь, Юй, Тан, Вэнь-ван и У-ван [8, 4.3/414-421][26]. Что же касается Одиннадцати совершенномудрых (*ши-и шэн* 十一聖), то их перечень встречается в популярной в эпоху Хань истории, где он вложен в уста Цзы-ся 子夏, одного из известных учеников Конфуция; в эту группу включаются Хуан-ди, Чжуань-сюй, Ди-ку, Яо, Шунь, Юй, Тан, Вэнь-ван, У-ван, Чжоу-гун и

[25] Помимо этого, в более поздние эпохи сочетание *ци шэн* могло обозначать семь выдающихся правителей династии Тан, семь даосских божеств и семь этапов самосовершенствования в буддийской традиции [56: I/163].

[26] В данном случае к *шэнам* примыкает группа Шести достойных (*лю сянь* 六賢), к которой отнесены правители эпохи Чуньцю, входящие в разные варианты перечня Пяти гегемонов (*у ба* 五霸).

Конфуций [17, 5.28/195-196; 12: 5.1/642–648; 1: 6/255][27]. Добавлением одного персонажа – Гао-яо – отличается от неё когорта «Двенадцати совершенномудрых» (*ши-эр шэн* 十二聖), упоминаемая в некоторых главах «Лунь хэн» [7: 11/112, 15/163, 50/722, 51/ 742, 79/1098][28].

Наконец, самая большая группа *шэнов* встречается в «Люй-ши чуньцю», где говорится о «Семидесяти одном совершенномудром» (*ци-ши-и шэн* 七十一聖), владевшем Поднебесной в древности»; при этом полный перечень персонажей, входивших в неё, в текстах отсутствует (и, скорее всего, в действительности никогда не существовал) [8: 15.8/1777, 22.5/2745][29]. Тем не менее, в некоторых источниках упоминаются двенадцать из них, а именно Ухуай-ши 無懷氏[30], Фу-си, Шэнь-нун, Янь-ди[31], Хуан-ди, Чжуань-сюй, Ди-ку, Яо, Шунь, Юй, Тан и сын У-вана Чэн-ван 成王(1042 – 1021 гг. до н. э.) [4: 50/952-953; 28: 28/1361; 18: 25A/1196-1197].

Значительное количество перечисленных выше групп совершенномудрых и нестабильность их численности и состава свидетельствуют о том, что они использовались преимущественно для обобщения случайного набора персонажей, о которых шла речь в том или ином памятнике. В результате, сколь бы то ни было общепринятой группы *шэнов* наподобие «исторических» когорт в древнекитайской культуре так и не сложилось. Тем не менее, достаточно полный список персонажей, признанных в конечном итоге совершенными мудрецами даёт нам «Таблица людей древности и современности» (Гу цзинь жэнь бяо 古今人表), включённая в династийную историю «Хань шу» 漢書 (I в. н. э.). В этой таблице перечислено множество личностей, оставивших след в

[27] Те же персонажи (хотя и с иными в большинстве случаев наставниками) перечислены в «Цянь фу лунь», где они называются «одиннадцатью господами (*цзюнь* 君)», которые являются «совершенномудрыми высшей категории» (*шан шэн* 上聖) [23: 1/1]. Возможно, в основе данного перечня лежит фраза из трактата «Сюнь-цзы», где в том же контексте упомянуты только Яо, Шунь и Юй [15: 27/489]; впрочем, не исключено, что и список Одиннадцати совершенномудрых, и фрагмент из «Сюнь-цзы» базируются на каком-то общем источнике.

[28] Те же двенадцать персонажей перечислены один за другим в одной из глав «Бай ху тун», хотя Двенадцатью совершенномудрыми они там не называются [1: 7/337–340]. Подробнее о когорте Двенадцати совершенномудрых см. [32].

[29] В «Хуайнань-цзы» в том же контексте упоминаются «семьдесят с лишним» (ци-ши юй 七十餘) совершенномудрых [см. 20: 11/196].

[30] Об Ухуай-ши известно лишь то, что он был древним монархом, правившим ещё до Фу-си.

[31] Примечательно, что в данном случае Шэнь-нун и Янь-ди, часто объединяемые в один образ, представлены в виде двух персонажей.

китайской истории от легендарной древности и до падения династии Цинь, причём все они распределены по девяти категориям в зависимости от их морально-нравственных и интеллектуальных качеств[32]. К категории «лучших из лучших» (*шан шан* 上上), т.е. совершенномудрых людей, там отнесено 14 человек, а именно: Фу-си, Янь-ди, Хуан-ди, Шао-хао, Чжуань-сюй, Ди-ку, Яо, Шунь, Юй, Тан, Вэнь-ван, У-ван, Чжоу-гун и Конфуций [см. 18: 20/863, 866–867, 869–870, 872, 875, 878, 880, 884, 891–892, 894, 924]. Причина того, что к совершенным мудрецам в конечном итоге были отнесены именно эти персонажи, довольно проста: фактически, *шэн* в «Гу цзинь жэнь бяо» оказывается составной категорией, в которую включаются уже существующие наборы персонажей, то есть рассмотренные выше «исторические» когорты. Так, из четырнадцати указанных там совершенных мудрецов двое (Фу-си и Янь-ди) относятся к числу Трёх августейших, шестеро (Хуан-ди, Шао-хао, Чжуань-сюй, Ди-ку, Яо и Шунь) – к различным версиям группы Пяти владык, четверо (Юй, Тан, Вэнь-ван, У-ван) – к Царям трёх эпох, и лишь Чжоу-гун и Конфуций отнесены к *шэнам* исключительно благодаря собственному авторитету[33].

Таким образом, можно утверждать, что традиция обращения к образам совершенных мудрецов древности пользовалась значительной популярностью с момента появления самой идеи *шэнов* и сохранила её в последующие эпохи; группа персонажей, считавшихся воплощениями этого идеала, сложилась в общих чертах уже в период Чжаньго, была окончательно канонизирована при Хань и продолжила активно использоваться на протяжении всей истории традиционного Китая.

Тем не менее, подобный подход к образам совершенных мудрецов имел ряд недостатков: в частности, попытки различных мыслителей использовать одних и тех же образцовых персонажей для придания авторитета своим суждениям со временем начали приводить к появлению заметных противоречий в трактовках их образов; в то же время, вызывала вопросы и сама практика приписывания тех или иных речей и действий персонажам, о которых заведомо не было известно никаких подробностей.

[32] Подробнее об этой таблице см. [36: 148–160].
[33] Приведённые выше данные о различных группах совершенномудрых представлены в виде таблицы в Приложении к данной статье.

Наиболее систематично эти претензии выражены в одной из глав трактата «Хань Фэй-цзы»:

> Конфуций и Мо-цзы оба говорили о Яо и Шуне, однако [то, что они] отбирали и отбрасывали, было не одинаковым; каждый утверждал, что [именно] его Яо и Шунь – истинные. Яо и Шунь не вернутся к жизни, так кто же установит правдивость [рассказов] конфуцианцев и моистов? [Со времён] Инь и [Западного] Чжоу [прошло] семьсот с лишним лет, [со времён] Юй[34] и Ся – две с лишним тысячи лет, однако истинность [утверждений] конфуцианцев и моистов [об этих эпохах] установить невозможно. Ныне же [они] желают выяснить, [каким был] Путь Яо и Шуня три тысячи лет назад, [и за истинность их утверждений] о нём, по-видимому, поручиться нельзя. Ручаться за что-то без проверки – глупость, а использовать что-то в качестве аргумента, будучи неспособным поручиться за это, – ложь. Поэтому тот, кто использует в качестве очевидного аргумента [Путь] прежних царей и, ручаясь, устанавливает [истинность речей о Пути] Яо и Шуня, если не глупец, то лжец. [Что же касается] глупых и лживых учений и сумбурных и противоречивых поступков, то мудрый государь не приемлет их [16: 50/457].

Ещё более любопытна критика в адрес традиционного представления о совершенных мудрецах в уже упоминавшемся трактате «Чжуан-цзы». Так, в некоторых его главах персонажи, воспринимаемые традицией в качестве *шэнов*, высмеиваются как глупцы и самозванцы, причём комичность ситуации усугубляется эксплицитными упоминаниями об их «совершенной мудрости». Так, в одном фрагменте некий «пограничный военачальник из Хуа» (*Хуа фэн жэнь* 華封人) пять раз подряд называет Яо *шэном*, прежде чем понять, что в действительности он таковым не является [25: 12/102–103]; в другом легендарный злодей Разбойник Чжи 跖 отчитывает Конфуция, утверждая, в частности, что тот «считает себя талантливым учёным и совершенномудрым человеком», – само собой, незаслуженно [25: 29/263].

В одном фрагменте автор трактата издевается над Хуан-ди и ещё шестью неизвестными по другим источникам персонажами, которые, несмотря на всю свою мудрость, сбиваются с пути и вынуждены спрашивать дорогу у подвернувшегося пастуха:

[34] Юй 虞 – родовое имя Шуня, часто используемое вместо его имени или вместе с ним. В данном случае обозначаемая этим знаком эпоха, очевидно, не совпадает с периодом правления Шуня, который, как мы узнаём ниже, жил «три тысячи лет назад». Возможно, здесь имеются в виду его потомки, хотя они, насколько нам известно из других памятников, монархами не являлись; не исключено, что мы имеем дело с отголосками каких-то специфических представлений о древнейшей истории Китая.

> Хуан-ди собрался увидеться с Да-гуем 大隗 на горе Цзюйцы 具茨. Фан Мин 方明 был его возницей, Чан Юй 昌宇 – сопровождающим, Чжан Жо 張若и Си Пэн 謵朋 ехали впереди на лошадях, Кунь Хунь 昆閽 и Гу Цзи 滑稽 следовали позади на колеснице. [Когда они] прибыли в окрестности Сянчэна, все семь совершенномудрых заблудились и нигде [не могли] спросить дорогу. В это время [они] встретили мальчика, пасущего лошадей, и [Хуан-ди] спросил у него дорогу, сказав: «Ты знаешь гору Цзюйцы?» [Мальчик] ответил: «Да». [Хуан-ди снова спросил]: «Ты знаешь, где живёт Да-гуй?» [Мальчик] ответил: «Да» [25: 24/212; ср. 33: 215–216].

В результате Хуан-ди начинает беседовать с мальчиком об управлении Поднебесной, в процессе разговора постепенно переходит с фамильярного «ты» (*жо* 若) к уважительному «Вы» (*у цзы* 吾子) и заканчивает тем, что «дважды отвешивает [ему] земной поклон и называет [его] Небесным наставником (*тянь ши* 天師)» [25: 24/212].

Наконец, в одной из глав «Чжуан-цзы» утверждается, что совершенные мудрецы «уже умерли»:

> Хуань-гун桓公 читал книгу в зале, а колёсник Бянь扁 обтёсывал колесо у подножия [этого] зала. Отложив молот и долото, [он] поднялся [в зал] и спросил Хуань-гуна: «Осмелюсь спросить, что за слова читает князь?» Князь ответил: «Слова совершенномудрых людей». [Бянь] сказал: «[Эти] совершенномудрые люди живы?» Князь ответил: «Уже мертвы». [Бянь] сказал: «В таком случае то, что Вы, Ваше величество, читаете – всего лишь муть, [оставшаяся после] древних людей» [25: 13/120; ср. 33: 143].

Фразу о «смерти совершенномудрых» можно понять не только буквально – как признание того, что конкретных авторов мудрых сочинений уже нет на свете, но и в более общем смысле – как констатацию несостоятельности самой идеи обращения к фигурам древних мудрецов, способных служить образцом и выразителями тех или иных идей.

Встречается в «Чжуан-цзы» и открытая критика самого понятия *шэн жэнь*. Она уникальна для китайской традиции и даже в самом памятнике ограничена лишь так называемыми «примитивистскими» главами (гл. 8–11), составленными, по-видимому, в конце III в. до н. э. [44: 56][35]. Там неоднократно говорится об «ошибках совершенномудрых людей» (*шэн жэнь чжи го* 聖人之過) [25: 9/83, 84, 10/87], а сами они ставятся в один ряд

[35] Все негативные высказывания о *шэн жэнь* сосредоточены в гл. 8–10; в гл. 11 совершенные мудрецы упоминаются лишь однажды и, к тому же, в позитивном контексте [см. 25: 11/98]. Данный факт говорит в пользу предположения А. Ч. Грэма о том, что к числу «примитивистских» относится только первая часть гл. 11 [44: 56].

с «мелкими людишками» (*сяо жэнь* 小人) [25: 8/80] и сравниваются с разбойниками и «острым оружием» [25: 10/85–87]. Апелляция к конфуцианскому по преимуществу понятию *сяо жэнь*, равно как и некоторые другие особенности пассажей, о которых идёт речь, позволяет говорить о том, что критике в них подвергаются «совершенные мудрецы» именно конфуцианской традиции.

В то же время, авторы «Чжуан-цзы» не отказываются от концепции *шэнов* полностью. В некоторых главах этого трактата встречаются и «истинные» совершенномудрые, однако таковыми чаще всего оказываются неизвестные по другим сочинениям (и, скорее всего, выдуманные авторами текста) персонажи. Так, в одной из глав упоминается одноногий калека Ван Тай 王駘, которого называет совершенномудрым сам Конфуций[36] [25: 5/47], в другой – обладающий «Дао-Путём совершенномудрого человека» (*шэн жэнь чжи дао* 聖人之道) Жу Юй 女偶 и наделённый «талантами совершенномудрого человека» (*шэн жэнь чжи цай* 聖人之才) Бу Лян-и 卜梁倚 [25: 6/61], а в третьей – некий Дай Цзинь-жэнь 戴晉人, названный «великим человеком» (*да жэнь* 大人), с которым «неспособны сравниться [даже] совершенные мудрецы» [25: 25/228–229]. Подобные попытки создать новых *шэнов*, в уста которых можно вкладывать свои идеи, с одной стороны служат иллюстрацией важного для «Чжуан-цзы» тезиса, что истинная мудрость может скрываться где угодно и обнаруживаться в самых неожиданных людях, но с другой в очередной раз подчёркивают несостоятельность самой концепции «образцовых персонажей», каковыми можно объявить кого угодно.

Одним из способов преодоления ограниченности концепции «совершенномудрых» в «Чжуан-цзы» оказывается разработка представлений о других типах идеальной личности, таких как «совершенные люди» (*чжи жэнь* 至人), «божественные люди» (*шэнь жэнь* 神人), «истинные люди» (*чжэнь жэнь* 真人), «люди Дао» (*дао жэнь* 道人), «великие люди» (*да жэнь* 大人) и т. д.; в трактате не даётся каких-либо критериев для разграничения этих понятий, и потому неясно, обозначают ли они различные уровни совершенства или же являются синонимами. В

[36] Ещё в одной главе он называет «совершенномудрым человеком» безымянного рыбака, с которым повстречались его ученики [25: 31/273].

любом случае, обращение к ним имеет своей целью не вытеснение идеи *шэн жэнь* (в действительности, последние нередко упоминаются бок о бок с другими совершенными личностями), но её переосмысление. Новые идеальные типажи оказываются неперсонифицированными, то есть не соотносятся ни с какими историческими или квазиисторическими персонажами, и *шэн жэнь*, смешиваясь с ними, также лишается привязок к определённым людям: неслучайно в первой же главе трактата утверждается, что «совершенномудрый человек не имеет имени» [25: 1/4]. Таким образом, авторы текста избирают принципиально иной по сравнению с обращением к образам совершенных мудрецов древности путь: вместо того, чтобы приспосабливать под свои идеи уже известные образы или создавать новых протагонистов, они лишают термин *шэн* связи с конкретными личностями.

В этом отношении «Чжуан-цзы» не уникален: хотя идея множественности типов совершенства получает развитие в относительно небольшом числе «даосских» текстов с религиозным уклоном, таких как «Хуайнань-цзы», «Вэнь-цзы» и т. д., отказ от персонификации *шэн жэнь* встречается во множестве памятников, относящихся к самым разным традициям. Вообще, идея обезличивания совершенных мудрецов едва ли является изобретением авторов «Чжуан-цзы»: тенденция к этому проявляется вскоре после распространения самой концепции «совершенных мудрецов» и обнаруживается, хотя и в незначительных масштабах, даже в таких ориентированных на конкретные образцы текстах, как «Мо-цзы» и «Мэн-цзы».

В наиболее последовательном виде идея неперсонифицированных *шэнов* представлена в двух текстах IV–III вв. до н. э. – «Дао дэ цзине» 道德經 («Лао-цзы» 老子) и «Шан цзюнь шу» 商君書, относимым, соответственно, к даосской и легистской традициям. В первом из этих текстов упоминания конкретных персонажей отсутствуют в принципе; второй в ряде случаев говорит об определённых древних правителях – Шэнь-нуне, Хуан-ди, Яо, Шуне, Юе и прочих, – однако они в тексте *шэнами* не называются[37] и зачастую служат мишенью для критики.

[37] Мне удалось найти в «Шан цзюнь шу» лишь один случай, когда древние правители (Яо, Шунь, Чэн Тан и У-ван) упоминаются как «те, кого на протяжении десяти тысяч поколений величают совершенномудрыми царями» [27: 15/95], однако стоит заметить, что и в данном

Идеалом же в обоих сочинениях оказывается безликий «совершенномудрый человек», восседающий на троне и претворяющий в жизнь определённые политические меры.

Отказ авторов этих текстов от обращения к известным личностям исторической и легендарной древности может быть объяснён не только несовместимостью их учений со сложившимися образами древних правителей, но также и другими обстоятельствами. Во-первых, такой подход подчёркивал принципиальную достижимость описываемого идеала: в то время как рассказы об образцовых персонажах позволяли подражать им и, следовательно, лишь имитировать совершенных мудрецов, использование обезличенного сочетания *шэн жэнь* уже на риторическом уровне подразумевало, что этот идеал может быть в полной мере воплощён любым правителем, готовым беспрекословно следовать содержащимся в трактатах поучениям, независимо от его персональных качеств; можно сказать, что подобная форма подчёркивала практический характер изложенных в текстах рекомендаций[38]. Во-вторых, обращение к неперсонифицированным *шэнам* не влекло за собой никаких лишних коннотаций, которые могли бы возникнуть в случае обращения к образам конкретных персонажей, что позволяло авторам трактатов сконцентрироваться на принципиально важных для них моментах. Помимо этого, оба памятника разделяют, хотя и по разным причинам, негативное отношение к идее исторического прецедента как такового: согласно «Дао дэ цзину», вся история человеческой цивилизации представляет собой отступление от идеального состояния первобытной гармонии и, соответственно, не заслуживает внимания [см., например, 3: 67 (80)/150–153], в то время как в «Шан цзюнь шу» развивается тезис о том, что каждая эпоха своеобразна и потому опыт древних неприменим в настоящем [см. 27: 7/53, 8/62–63, 15/95]. В отличие от «образцовых персонажей», встроенных в определённый исторический контекст и,

случае они не названы *шэнами* напрямую.

[38] Не исключено, что именно это обстоятельство стало одной из причин популярности «обезличенных» *шэнов* в текстах религиозной направленности, таких как, например, т. н. «протодаосские» главы трактата «Гуань-цзы» 管子 («Нэй е» 內業, «Синь шу» 心術 и «Бай синь» 白心, IV – III вв. до н. э.); возможно, обращение к фигуре неперсонифицированного совершенного мудреца должно было подталкивать адептов к достижению этого идеала.

соответственно, связанных с определённой эпохой, безликий *шэн жэнь* мог выступать и в качестве пребывающего вне времени слившегося с Абсолютом мудреца (как в «Дао дэ цзине»), и в качестве способного приспособиться к той или иной исторической реальности администратора (как в «Шан цзюнь шу»). Вообще, неперсонифицированные *шэны* по-своему раздвигают границы истории: в некоторых текстах они могли относиться к прошлому, причём гораздо более далёкому, чем время правления образцовых государей, и в этом случае они зачастую выступали в роли создателей человеческой цивилизации[39], а в некоторых – связываться с ближайшим будущим, играя роль своеобразного политического мессии, скорое появление которого должно прекратить царящий в мире хаос[40].

Помимо этого, обращение к безличным *шэнам* позволяло отделить идею совершенного мудреца от образа правителя: в то время как подавляющее большинство образцовых персонажей воспринималось, как уже было сказано, в качестве монархов, неперсонифицированный *шэн жэнь* мог быть, в зависимости от контекста, кем угодно. Именно это обстоятельство могло быть одной из причин обращения к идее «безликих» совершенных мудрецов в текстах, ориентированных не только на правителей, но также и на обычных людей – например, в памятниках, посвящённых религиозным практикам.

Характерно обращение к «обезличенным» совершенным мудрецам и для некоторых конфуцианских текстов. Так, эта тенденция проявляется в «Сюнь-цзы» 荀子 (III в. до н. э.). Хотя в этом трактате упоминается целый ряд персонажей, традиционно относимых к числу *шэнов*, в большинстве случаев «совершенные мудрецы» остаются неперсонифицированными. Во многом это связано с контекстом их упоминания: речь идёт не столько о деяниях известных *шэнов* прошлого, сколько о том, каким вообще должен быть совершенный мудрец, что он должен делать и чего делать не должен.

[39] Подобная интерпретация их образов зафиксирована в целом ряде текстов IV–II вв. до н. э., в частности в «Си цы чжуань» 繫辭傳, «Мо-цзы» (в особенности в главе «Цы го» 辭過), «Ли-цзи» 禮記 (в первую очередь, в главе «Ли Юнь» 禮運), «Чжоу ли» 周禮 (глава «Као гун цзи» 考工記), «Хуайнань-цзы» 淮南子 и т.д. Блестящий анализ восприятия культурных инноваций в Древнем Китае см. в: [49]. Также см. [43: 127–129].

[40] О «мессианской» трактовке образа *шэн жэнь* см. [48: 259–263].

Соответственно, значительное внимание уделяется вопросу о том, как стать *шэном*: достигнуть состояния совершенного мудреца может, согласно «Сюнь-цзы», любой человек вне зависимости от своего происхождения и статуса, а единственным путём к достижению этого состояния оказывается учёба. Естественно, речь в данном контексте идёт не столько о политической, сколько о морально-этической составляющей концепции *шэн жэнь*.

Продолжается традиция обращения к неперсонифицированным совершенным мудрецам и при Хань. Пожалуй, наиболее ярко она выражена в приписываемом Дун Чжун-шу 懂仲舒 (179 – 104 гг. до н. э.) трактате «Чуньцю фань лу». В нём также можно обнаружить упоминания о Яо, Шуне, Юе и прочих совершенномудрых древности, однако чаще всего там встречаются обезличенные *шэны*, пребывание которых на троне является необходимым условием мироустроения, понимаемого как приведение Поднебесной к состоянию абсолютной гармонии: «Лишь совершенномудрый человек способен привести Десять тысяч вещей к единству» [26: 4/68, 13/147]. Соответственно, воплотить этот идеал в жизнь должны были ханьские императоры, к чему их, по-видимому, должна была подталкивать форма, в которую были облечены изложенные в тексте рекомендации.

В результате, как и в случае с практикой персонификации совершенных мудрецов, тенденция к их обезличиванию постепенно стала неотъемлемой частью китайской традиции и в результате регулярно встречается в текстах последующих эпох.

Таким образом, можно утверждать, что концепция совершенных мудрецов служила в Древнем Китае важным риторическим инструментом: одно только упоминание о них зачастую избавляло авторов текстов от необходимости доказывать тот или иной тезис. Однако различные авторы использовали эту концепцию различными путями.

По-видимому, уже к середине периода Чжаньго в Китае сложилось две традиции восприятия *шэнов*. В рамках первой совершенные мудрецы ассоциировались с конкретными историческими и квазиисторическими персонажами, преимущественно с древними монархами или, реже, министрами; этим персонажам могли приписываться те или иные

высказывания, действия или качества, благодаря которым они становились выразителями определённых идей и образцом для подражания в рамках традиции, разделяемой авторами повествующего о них текста. Число таких «образцовых» *шэнов* постепенно росло, однако в ходе оформления представлений о древней истории и отсечения недостаточно значимых для общекитайской традиции личностей оказалось ограниченным десятью с лишним персонажами (в первую очередь теми из них, которые входили в «исторические» когорты *сань хуан, у ди* и *сань ван*), в то время как прочие претенденты на роль совершенных мудрецов (такие, как, например, Гао-яо) обрели маргинальный характер. Это обстоятельство до известной степени затрудняло апелляцию к образам совершенных мудрецов, поскольку требовало согласовывать свои идеи с уже сложившимися представлениями о том или ином известном *шэне*. Тем не менее, соблюсти это условие удавалось не всегда, и в результате трактовки одних и тех же образов могли значительно различаться, что вело к появлению сомнений относительно их истинности.

Пути к преодолению этих сложностей предлагала вторая традиция, в рамках которой образы совершенных мудрецов были неперсонифицированными, то есть не связывались с конкретными историческими или легендарными деятелями; это предоставляло авторам текстов значительную свободу, избавляя их от необходимости искать нужный исторический прецедент и вписывать новые идеи в канву существующих образов. Кроме того, использование обезличенных *шэнов* подчёркивало принципиальную достижимость воплощаемых ими идеалов: подобные формулировки подразумевали возможность не просто уподобиться совершенному мудрецу, но стать им, а также служили своего рода побуждением к действию; именно поэтому к такой форме часто прибегали авторы текстов, ориентированных на практику, будь то политическую или религиозную. Обратной стороной этой особенности является тот факт, что обезличенные *шэны* практически никогда не выступают в роли выразителей каких-либо идей: в текстах описывается лишь их поведение.

Тем не менее, дошедшие до нас письменные памятники показывают, что эти две традиции восприятия совершенных мудрецов являлись не

столько противопоставленными, сколько взаимодополняющими: в подавляющем большинстве древнекитайских текстов под *шэнами* подразумеваются, в зависимости от конкретных целей того или иного пассажа, то заслуживающие подражания образцовые личности древности, то предлагающие непосредственное руководство к действию неперсонифицированные совершенные мудрецы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Источники на китайском языке

1. Бай ху тун шу чжэн 白虎通疏證 («Исчерпывающий [дискурс в зале] Белого тигра» с аргументированным комментарием) / Сост. Бань Гу 班固 (32–92), комм. Чэнь Ли 陳立 (1809–1869). В 2-х тт. – Пекин: Чжунхуа, 1994. – 812 с.

2. Баопу-цзы нэй пянь цзяо ши 包朴子內篇校釋 (Сверенный текст внутренних глав «Баопу-цзы» с разъяснениями) / Сост. Гэ Хун 葛洪 (283–343), комм. Ван Мина 王明 (1911–1992). – Пекин: Чжунхуа, 1986. – 399 с.

3. Бошу Лао-цзы цзяо чжу 帛書老子校注 (Сверенный текст «Лао-цзы» на шёлке с комментариями) / Ред. Гао Мин 高明 (1909–1992). – Пекин: Чжунхуа, 1996. – 466 с.

4. Гуань-цзы цзяо чжу 管子校注 (Сверенный текст «Гуань-цзы» с комментариями) / Комм. Ли Сян-фэна 黎翔鳳 (XIX в.). В 3-х тт. – Пекин: Чжунхуа, 2004. – 1545 с.

5. Да Дай ли цзи цзе гу 大戴禮記解詁 («"Записи о ритуалах" старшего Дая» с толкованием) / Комм. Ван Пинь-чжэня 王聘珍 (XVIII в.). – Пекин: Чжунхуа, 1983. – 261 с.

6. Ле-цзы цзи ши 列子集釋 («Ле-цзы» со сводными объяснениями) / Комм. Ян Бо-цзюня 楊伯峻 (1909–1992). – Пекин: Чжунхуа, 1985. – 350 с.

7. Лунь хэн цзяо ши 論衡校釋 [фу Лю Пань-суй цзи цзе 附劉盼遂集解] (Сверенный текст «Весов суждений» с разъяснениями [со сводным толкованием Лю Пань-суя]) / Сост. Ван Чун 王充 (27–102?), комм. Хуан Хуэя 黃暉 (1909–1974) и Лю Пань-суя 劉盼遂 (1896–1966). В 4-х тт. – Пекин: Чжунхуа, 1990. – 1366 с.

8. Люй-ши чунь цю чжу шу 呂氏春秋注疏 («Вёсны и осени господина Люя» с комментарием и субкомментарием) / Ред. Ван Ли-ци. 王利器 (1912–1988). В 4 тт. – Чэнду: Ба-Шу, 2002. – 3249 с.

9. Мо-цзы сянь гу 墨子閒詁 («Мо-цзы» с комментариями в тексте) / Комм. Сунь И-жана 孫詒讓 (1848–1908). В 2-х тт. – Пекин: Чжунхуа, 2001. – 762 с.

10. Мэн-цзы чжэн и 孟子正義 (Истинный смысл «Мэн-цзы») / Комм. Цзяо Сюня 焦循 (1763–1820). В 2-х тт. – Пекин: Чжунхуа, 1987. – 1052 с.

11. Сань го чжи 三國志 (Записи о Трёх государствах) / Сост. Чэнь Шоу 陳壽 (233–297). В 5 тт. – Шанхай: Чжунхуа, 1959. – 1510 с.

12. Синь сюй цзяо ши 新序校釋 (Сверенный текст «Новых повествований» с разъяснениями) / Сост. Лю Сян 劉向 (77–6 до н. э.), комм. Ши Гуан-ин 石光瑛 (1880–1943). В 2-х тт. – Пекин: Чжунхуа, 2001. – 1405 с.

13. Синь шу цзяо чжу 新書校注 (Сверенный текст «Новой книги» с комментарием) / Сост. Цзя И 賈誼 (200–168 до н. э.), комм. Янь Чжэнь-и 閻振益 и Чжун Ся 鍾夏. – Пекин: Чжунхуа, 2000. – 617 с.

14. Суй шу 隋書 (Книга [об истории династии] Суй) / Сост. Вэй Чжэн 魏徵 (580–643) и др. В 6 тт. – Пекин: Чжунхуа, 1982. – 1904 с.

15. Сюнь-цзы цзи цзе 荀子集解 («Сюнь-цзы» со сводным толкованием) / Комм. Ван Сян-цяня 王先謙 (1842–1918). В 2-х тт. – Пекин: Чжунхуа, 1988. – 559 с.

16. Хань Фэй-цзы цзи цзе 韓非子集解 («Хань Фэй-цзы» со сводным толкованием) / Комм. Ван Сянь-шэня 王先慎 (2-я пол. XIX – нач. XX в.). – Пекин: Чжунхуа, 1998. – 478 с.

17. Хань ши вай чжуань цзи ши 韓詩外傳集釋 («Внешний комментарий Хань [Ина] к "Стихам"» со сводными объяснениями) / Сост. Хань Ин 韓嬰 (II в. до н. э.), комм. Сюй Вэй-юя 許維遹 (1900–1950). – Пекин: Чжунхуа, 1980. – 365 с.

18. Хань шу 漢書 (Книга [об истории династии Ранняя] Хань) / Сост. Бань Гу 班固 (32–92). В 12 тт. – Шанхай: Чжунхуа, 1964. – 4273 с.

19. Хоу Хань шу 後漢書 (Книга [об истории династии] Поздняя Хань) / Сост. Фань Е 范曄 (398–445) и др. В 12 тт. – Шанхай: Чжунхуа, 1973. – 3684 с.

20. Хуайнань-цзы цзи ши 淮南子集釋 («Хуайнань-цзы» со сводными разъяснениями) / Комм. Хэ Нина 何寧. В 3-х тт. – Пекин: Чжунхуа, 1998. – 1553 с.

21. Цзы чжи тун цзянь 資治通鑑 (Всеобъемлющее зерцало, управлению помогающее) / Сост. Сыма Гуан 司馬光 (1019–1086), комм. Ху Сань-сина 胡三省 (1230–1302). В 20 тт. – Шанхай: Чжунхуа, 1956. – 9612 с.

22. Цзяо-ши и линь 焦氏易林 («Лес перемен» господина Цзяо) / Сост. Цзяо Гун 焦贛 (I в. до н. э.) // Бай цзы цюань шу 百子全書 (Все книги ста философов). – Ханчжоу: Чжэцзян гуцзи, 1998. Т. 1, с. 629–694.

23. Цянь фу лунь цзянь цзяо чжэн 潛夫論箋校正 (Сверенный и выправленный текст «Суждений затворника» с комментарием) / Сост. Ван Фу 王符 (90 – 165), комм. Ван Цзи-пэя 王繼培 (1775–?). – Пекин: Чжунхуа, 1997. – 492 с.

24. Чжань го цэ цзи чжу хуэй као 戰國策集注彙考 («Планы воюющих царств» со сводным комментарием и собранием исследований) / Сост. Лю Сян 劉向 (77–6 до н. э.), ред. Чжу Цзу-гэн 諸祖耿 (1899–1989). В 3-х тт. – Янчжоу: Цзянсу гуцзи, 1985. – 1934 с.

25. Чжуан-цзы цзи цзе 莊子集解 («Чжуан-цзы» со сводным толкованием) / Комм. Ван Сян-цяня 王先謙 (1842–1918). – Пекин: Чжунхуа, 1987. – 299 с.

26. Чуньцю фаньлу и чжэн 春秋繁露義證 («Нефритовые нити, спускающиеся с венца "Вёсен и осеней"» с аргументированным толкованием) / Комм. Су Юя 蘇輿 (1874–1914). – Пекин: Чжунхуа, 1992. – 476 с.

27. Шан цзюнь шу чжуй чжи 商君書錐指 («Книга правителя [области] Шан» с элементарным комментарием) / Комм. Цзян Ли-хуна 蔣禮鴻 (1916–1995). Пекин: Чжунхуа, – 164 с.

28. Ши цзи 史記 (Записи историографа) / Сост. Сыма Цянь 司馬遷 (145/135 – ок. 86 до н. э.) и др. В 10 тт. – Шанхай: Чжунхуа, 1963. – 3322 с.

29. Шо юань цзяо чжэн 說苑校證(Критически сверенный текст «Сада словес») / Сост. Лю Сян 劉向(77–6 до н. э.), комм. Сян Цзун-лу 向宗魯(1895–1941). – Пекин: Чжунхуа, 1987. – 553 с.

Источники на русском языке

30. Бодде Д. Мифы Древнего Китая // Мифологии древнего мира: Сборник очерков. / Пер. с англ и др. – СПб.: Азбука-классика, 2005. С.327-363.

31. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006–. Т. 2: Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. – 2007. – 869 с.

32. Терехов А.Э. Формирование древнекитайской когорты Двенадцати совершенномудрых // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1(167). 2013. С. 136–140.

33. Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. в. в. Малявина. – М.: Мысль, 1995. –

34. Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 248 с.

Источники на английском языке

35. Allan S. The Heir and The Sage: Dynastic Legend in Early China. – San Francisco: Chinese Materials Center, 1981. – 165 pp.

36. Bodde D. Types of Chinese Categorical Thinking // *Idem.* Essays on Chinese Civilization. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981 (1939). Pp. 141–160.

37. Brown M. Mozi's Remaking of Ancient Authority // Defoort C., Standaert N. (eds.) The Mozi as an Evolving Text – Different Voices in Early Chinese Thought. – Leiden, Boston: Brill, 2013. Pp. 143–174.

38. Chen Ning. The Etymology of Sheng (Sage) and its Confucian Conception in Early China // Journal of Chinese Philosophy 27.4, 2000. Pp. 409–427.

39. Csikszentmihalyi M., Nylan M. Constructing Lineages and Inventing Traditions through Exemplary Figures in Early China // T'oung pao 89, 2003. Pp. 1–41.

40. Henricks R. G. Fire and Rain: A Look At Shen Nung (The Divine Farmer) and His Ties With Yen Ti (The 'Flaming Emperor' or 'Flaming God') // Bulletin of the School of Oriental and African Studies 61.1, 1998. Pp. 102–124.

41. Graham A. C. The "Nung-chia" 農家School of the Tillers' and the Origins of Peasant Utopianism in China // *Ibid*. Studies in Chinese Philosophy and Philosophical Literature. Albany: State University of New York Press, 1990 (1979). Pp. 67–110.

42. Smith K. Sima Tan and the Invention of Daoism, "Legalism," *et cetera* // The Journal of Asian Studies 62.1, 2003. Pp. 129–156.

43. Lewis M. E. Writing and Authority in Early China. – Albany: State University of New York Press, 1999. – 544 pp.

44. **Loewe M.** (ed.). Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide. – Berkeley: The Society for the Study of Early China and The Institute of East Asian Studies, University of California, 1993. – 545 pp.
45. **Petersen J. Ø**. Which Books did the First Emperor of Chi'n Burn? On the Meaning of Pai Chia in Early Chinese Sources // Monumenta Serica 43, 1995. Pp. 1-52.
46. **Pines Yu**. Disputers of Abdication: Zhanguo Egalitarianism and the Sovereign's Power // T'oung Pao 91, 2005. Pp. 243–300.
47. **Pines Yu.** Subversion Unearthed: Criticism of Hereditary Succession in the newly Discovered Manuscripts // Oriens Extremus 45, 2005/06. Pp. 159–178.
48. **Pines Yu.** The Messianic Emperor: A New Look at Qin's Place in China's History // Birth of an Empire. The State of Qin Revisited / Pines Yu., Shelach G., von Falkenhausen L., Yates R. D. S. (eds.). – Berkeley, L.A., L.: University of California Press, 2013. Pp. 258–279.
49. **Puett M.** The Ambivalence of Creation: Debates Concerning Innovation and Artifice in Early China. – Stanford: Stanford University Press, 2001. – 299 pp.
50. Qiu Xigui. Chinese Writing / Trans. by Gilbert L. Mattos and Jerry Norman. – Berkeley: The Society for the Study of Early China and The Institute of East Asian Studies, University of California, 2000. – 547 pp.
51. **Terekhov A.** The Sage of Qin: The First Emperor's Use of the Pre-Imperial Notions of Sagacity // The Silk Road. Collection of Papers from the Third International Conference on Chinese Studies "The Silk Road", organized by Confucius Institute in Sofia (04-05 June, 2015). – Sofia: Confucius Institute in Sofia, 2015. Pp. 198–202.

Источники на китайском языке
52. Гу Цзе-ган 顧頡剛. Чуньцю шидай дэ Кун-цзы хэ Хань-дай дэ Кун-цзы 春[illegible]的[illegible]孔[illegible]的[illegible] (Конфуций эпохи Чуньцю и Конфуций эпохи Хань) // Гу ши бянь 古史辨 (Споры о древней истории). В 7 тт. – Шанхай: Шанхай гуцзи, 1982 (1926). Т. 2, с. 130–139.
53. Гу Цзе-ган顧頡剛. Шанжан чуаньшо ци юй мо-цзя као 禪讓傳說起於墨家考 (Легенда об отречении возникла в школе моистов) // Гу ши бянь 古史辨 (Споры о древней истории). В 7 тт. – Шанхай: Шанхай гуцзи, 1982 (1936), т. 7, ч. 3, с. 30–109.
54. Гу Цзе-ган顧頡剛. Шэн сянь гуаньнянь хэ цзыи дэ яньбянь "聖"、"賢"觀念和字義的演變 (Эволюция концепций совершенных и [обычных мудрецов] и значения [используемых для их обозначения] иероглифов) // Гу Цзе-ган цюань цзи 顧頡剛全集 (Полное собрание сочинений Гу Цзе-гана). В 62 тт. – Пекин: Чжунхуа, 2010 (1979). Т.1, с. 626–642.
55. Гу Цзе-ган 顧頡剛, Ян Сян-куй 楊向奎. Сань хуан као 三皇考 (Изыскания о Трёх августейших) // Гу ши бянь 古史辨 (Споры о древней истории). В 7 тт. – Шанхай: Шанхай гуцзи, 1982 (1936). Т. 7, кн. 2, с. 20–282.
56. Ханьюй да цыдянь **漢語大詞典**(Большой словарь китайского языка). В 13 тт. – Шанхай: Шанхай цышу, 1986–1994.

57. Ян Куань 楊寬 Чжунго шангу ши даолунь 中國古史導論 (Введение в древнейшую историю Китая) // Гу ши бянь 古史辨 (Споры о древней истории). В 7 тт. – Шанхай: Шанхай гуцзи, 1982 (1938). Т. 7, ч. 1, с. 65–421.

Приложение.

Таблица составов, упоминаемых в древнекитайских памятниках групп совершенных мудрецов

Группа	Источник	Фу-си 伏羲	Шэнь-нун 神農	Хуан-ди 黃帝	Чжуань-сюй 顓頊	Ди-ку 帝嚳	Яо 堯	Шунь 舜	Юй 禹	Чэн Тан 成湯	Вэнь-ван 文王	У-ван 武王	Гао-яо 皋陶	Чжоу-гун 周公	Конфуций 孔子	Другие
«Совершенномудрые цари Трёх эпох» (сань дай шэн ван 三代聖王)	9: passim						X	X	X	X	X	X				
Двое совершенномудрых (*эр шэн* 二聖)	1: 3/102 23: 29/324–325						X	X								
	26: 71/416										X	X				
	7: 53/769						X			X						
Три совершенномудрых (*сань шэн* 三聖)	10: 13 (3Б.9)/459–461								X					X	X	
	9: 25/185 26: 1/20–21 18: 16/529, 530 пр. 4						X	X	X							
	7: 36/558 18: 30/1704	X									X				X	
	7: 57/821 18: 14/392										X	X		X		
	7: 19/235									X	X				X	
Четыре совершенномудрых (*сы шэн* 四聖)	17: 9.18/323						X	X	X				X			
	22: 2.14/653						X	X	X	X						
	7: 30/458					X	X	X	X							
	6: 7/231							X	X					X	X	
	28: 130/3301				X	X	X	X								
	5: 48/54–55 13: 5/185 19: 37/1255													X		Тай-гун 太公, Шао-гун 召公, астролог Ши 佚
Пять совершенномудрых (*у шэн* 五聖)	20: 19/1311		X				X	X	X	X						
	20: 19/1335–1337						X	X	X		X		X			
Семь совершенномудрых (*ци шэн* 七聖)	25: 24/212			X												Фан Мин 方明, Чан Юй 昌宇, Чжан Жо 張若, Си Пэн 謵朋, Кунь Хунь 昆闇, Гу Цзи 滑稽
	21: 73/2327						X	X	X	X	X	X		X		
Девять совершенномудрых (*цзю шэн* 九聖)	2: 8/153–154, 161 пр. 63	X	X	X			X	X	X		X	X		X		
Десять совершенномудрых (*ши шэн* 十聖)	8, 4.3/414-421		X	X	X	X	X	X	X	X	X	X				
Одиннадцать совершен-номудрых (*ши-и шэн* 十一聖)	17, 5.28/195-196 12: 5.1/642–648 1: 6/255			X	X	X	X	X	X	X	X	X		X	X	
Двенадцать совершенномудрых (*ши-эр шэн* 十二聖)	7: 11/112, 15/163, 50/722, 51/ 742, 79/1098			X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
Двенадцать из Семидесяти одного совершенномудрого	4: 50/952-953 28: 28/1361 18: 25A/1196-1197	X	X	X	X	X	X	X	X	X						Ухуай-ши 無壞氏, Янь-ди 炎帝, Чэн-ван 成王

Группа	Источник	Фу-си 伏羲	Шэнь-нун 神農	Хуан-ди 黃帝	Чжуань-сюй 顓頊	Ди-ку 帝嚳	Яо 堯	Шунь 舜	Юй 禹	Чэн Тан 成湯	Вэнь-ван 文王	У-ван 武王	Гао-яо 皋陶	Чжоу-гун 周公	Конфуций 孔子	Другие
(*ци-ши-и шэн* 七十一聖)																
Совершенномудрые люди из «Таблицы людей древности и современности» (Гу цзинь жэнь бяо 古今人表)	18: 20/863, 866–867, 869–870, 872, 875, 878, 880, 884, 891–892, 894, 924	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X		X	X	Шао-хао 少皞

TEREKHOV Anthon E. –Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (RAS). 191186, Dvortsovaya emb.18, St. Petersburg, Russia. E-mail: aterekhoff@gmail.com.

ON THE PERSONIFICATION OF THE SAGES (*SHENG*) IN ANCIENT CHINESE THOUGHT.

The idea of the sages (sheng) is one of the key notions of Ancient Chinese thought which is used to designate a perfect person. The problem of the personification of the sages, which is analyzed in this paper, is caused by the multiplicity of their depiction in Ancient Chinese texts. Most generally the interpretations of these notions may be melted down to two fundamental traditions: sheng could refer to particular figures of the real or imagined past or could stay impersonal. Each of these traditions had its advantages and drawbacks, yet in the end they were not juxtaposed, but rather complementary.

SAGES; ANCIENT CHINA; ANCIENT CHINESE THOUGHT; LEGENDARY HISTORY; POLITICAL RHETORIC.

УДК 94(470)

О. К. Павлова

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ И ТОРГОВОГО СОСЛОВИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ПАВЛОВА Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Гуманитарный институт;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: pavlovaok55@mail.ru.

В статье исследуются исторические условия и истоки зарождения торговли и торговых отношений в Древнерусском государстве. Привлечение к обмену различных слоев населения, постепенное выделение обособленной группы торговцев, формирование объединений торговых людей. Рассматривается рост городов и развитие ремесел, как факторов развития торговли, показан транзитное значение Русского государства, имевшее значение для международной торговли. Отмечено значение и роль государства и церкви в развитии торговли в период средних веков.

ИСТОРИЯ; ТОРГОВЛЯ; ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО; ТОРГОВЛЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ.

История начала товарообмена, заложившей основы развития внутренней и внешней торговли, корнями уходит в глубокую древность. Еще в период общинного строя, получив благодаря своей деятельности некоторые излишки от охоты, бортничества, земледелия и т.п. труда, население стремилось обменять их на нужные продукты или изделия.

В летописях отмечается, что в период раннего средневековья, восточные славяне, предки населения Русского государства сходились «на

игрища межно селы». На игрищах решались важные общинные, племенные вопросы. Однако основной составляющей игрищ был обмен предметами своей деятельности. Во время обмена формировались основы и традиции ярмарочной торговли. Особенностями этой наиболее ранней формы обмена была периодичность, большое скопление народа в местах проведения, определенная длительность – от нескольких дней до нескольких недель, наличие разнообразных товаров местного производства и привозных. Изначально, согласно летописям, подобный обмен сопровождался увеселениями, что вошло в традицию проведения ярмарок в полоть до настоящего времени.

С образованием государства, в период классического средневековья на Руси сохранялись традиции ярмарочного обмена. Торговля была одним из самых распространенных видов деятельности. Торговлей занимались ремесленники, охотники, бортники и даже войны. Иногда черты ярмарочной торговли принимала передвижная торговля купцов-войнов. Она начиналась с прибытием торгового каравана в определенный пункт и заканчивалась с их отбытием. Товарообмен проходил под открытым небом, как правило, на берегах рек или озер, так как именно водный путь был самым распространенным.

По мере увеличения производства и роста потребности в обмене торговля стала происходить в постоянных местах, где останавливались для торга бродячие торговцы. Сюда приносили продукцию своей деятельности местные крестьяне и ремесленники.

В VII–VIII веках славяне стали выходить из рамок патриархального родового строя. На смену родовой общине приходит территориальная. Поселения приобретают вид и характер деревни, а население в основном занималось земледелием, которое быстро развивалось. Наряду с этим некоторые места «игрищ» и «торговищ» постепенно огораживаются, в них поселяются люди, основным занятие которых наряду с земледелием становится ремесло и обмен. Эти пункты постепенно превращались в города, вокруг которых формировались деревни. Часть прежних родовых поселений, расположенных на водных путях, превращаются в крупные торговые города. Например, на известном пути «из варяг в греки» в IX веке выросли такие города как Киев, Смоленск, Новгород и др.

Сформировавшееся в IX–X вв. Древнерусское государство находилось на транзитных путях между Западом и Востоком, что бесспорно способствовало развитии внутренней и внешней торговли. Транзитная торговля между Азией и Северной Европой способствовала укреплению и процветанию Киевской Руси.

Развитие русской государственности не случайно связывается некоторыми историками, например, В.О. Ключевским, с развитием торговли и торговых отношений. Первые города, появившиеся на Руси – это не только крепости, но и торговые центры. Большинство городов возникало на берегах рек, которые являлись водными торговыми путями, как для внутреннего обмена, так и для внешнего. Торговый промысел был широко распространен среди населения Древнерусского государства. Однако, уже в X веке в летописях упоминаются сведения о выделении особой группы населения, занимавшиеся торговлей. Элиту, как правило, участвовавшую во внешней торговле называли «гостями». Гости занимались не только товарообменом, они открывали новые земли и пути, осваивали их. Нередко им приходилось защищать свои родные места от нападения соперников и пиратов. На торговых путях имелись многочисленные конкуренты. Поэтому не случайно, летописи упоминают о купцах-войнах. А русский эпос придает героические черты торговым людям, таким как Василий Буслаевич, Садко богатый гость, Иван гостиный сын, Добрыня Никитич и др.

Рискованная заморская торговля привлекала, тем не менее, различные слои населения: ремесленников, княжеских и боярских слуг, войнов-дружинников. Для последних характерна личная заинтересованность в торговых операциях. Войны получали часть прибыли от торговли, так как выполняли роль посредников, они имели возможность отстоять с оружием в руках интересы торговцев, обеспечивали относительную стабильность, защищали от разграбления караваны. Однако исследователи считают, что профессиональными торговцами становились лишь единицы дружинников. Для большинства из них торговля служила лишь временным попутным занятием.

Таким образом, в период IX–X веков наряду с формированием древнерусской государственности и развитием феодальных отношений на

Руси выделяется группа населения, которая специализируется на торговле. Появлению такой группы способствует отделение ремесла от сельского хозяйства, накопление излишков сельскохозяйственной, ремесленной и продукции лесных промыслов в отдельных руках, появление и развитие ремесленных поселений – городов.

Города возникали и быстро развивались, прежде всего те, которые находились на торговых путях. Летописи указываю наличие 24 городов IX–X веках и 119 – в XII веке. Они становились центрами ремесла, внутренней и внешней торговли.

В города на торг собирались окрестный люд, прибывали гости и заморские купцы. На торгу продавали и покупали, заключали сделки, слушали распоряжения властей и решения суда.

Первоначально торги слабо были связаны между собой, однако известны данные о развитии межобластной торговли. Так, в Новгородской земле не хватало своего хлеба. Поэтому с юга на север постоянно везли хлеб, а в обратном направлении новгородские и иноземные ремесленные изделия. Торговали мехами, скотом, воском, медом, рабами.

Существовали различные торговые пути водные и сухопутные, внутренние и внешние. В VIII–X веках торговля шла по Волге и Каспию с обширным Арабским халифатом, непосредственно со столицей Багдадом. Как отмечает историк С.И. Сметанина: «По Волге шел поток арабских дирхемов. Клады здесь встречаются до сих пор, тогда как в Средней Азии и Ираке их давно уже не находят. Но больше всех монет находят на острове Готланд в Балтийском море. А Готланд и был тем пунктом, где встречались потоки восточных и западных товаров» [1, с. 23].

По Неве, Ладожскому озеру, Волхову, Ловати и Днепру проходил знаменитый водный путь «из варяг в греки», соединявший море Варяжское (Балтийское) с морем Русским (Черным). В результате действия этого пути Киев стал центром международной торговли Восточной Европы. «Киев и русских купцов – «рузариев» – хорошо знали в Центральной и Северной Европе, предоставляли им значительные льготы, так как они с оружием в руках пробивались через кочевнические заслоны хазар, мадьяр, печенегов, внутренних болгар и снабжали европейцев роскошью восточных базаров.

Вплоть др крестовых походов Киев не утратил своего значения важного торгового центра» – считает Б.А. Рыбаков [2, с. 376].

Оживление торговли связывают со сбором дани – полюдьем. «Ежегодно весной, – отмечает Б.А. Рыбаков, – Киевская Русь осуществляла свою вторую государственную задачу – вывоз огромного количества товаров, полученных за полгода объезда – полюдья. Сборщики дани превращались в мореплавателей и караван-башей, в воинов, пробивавшихся через кочевнические заслоны, и в купцов, продававших привезенное с собой и закупавших все то, что производил богатый Восток, ослеплявший тогдашних европейцев своей роскошью» [2].

Наиболее тесные торговые контакты Древнерусское государство поддерживало с Византией. Успешные походы князей Олега и Игоря обеспечили благоприятные для русских купцов условия торговли и пребывания на территории Византии. В Византию каждый год отправлялись вооруженные караваны. Пунктом сбора туда отправлявшихся караванов из Новгорода, Смоленска, Чернигова и других городов был Киев. Оттуда на специально подготовленных судах – лодках – долбленках караван отправлялся по Днепру к Черному морю. Путь тяжелый и опасный. Тем не менее, торговля с Византией стала регулярной. Об этом свидетельствуют заключенные договора 907, 911, 944 гг. Договора закрепляли успех русского оружия и обеспечивали возможность мирного торга. Договора заключались Византией от имени императора, а с русской стороны от имени великого князя киевского и от имени его вассалов.

Например, в 907 году после победоносного походя князя Олега, византийцы обязались создать условия, то есть обеспечивать русских купцов продовольствием и вином в течение шести месяцев ежегодно нахождения каравана на территории Византии. Русские купцы могли без ограничений пользоваться банями, а на обратную дорогу принимающая сторона обязывалась снабдить караван якорями, парусами и продовольствием. В 907 г. только русские пользовались правом беспошлинной торговли. Межгосударственные договора регулировали отношения меду купцами, однако они часто нарушались, возникали конфликты, как между русскими купцами, так и между византийцами и русскими купцами. Договора 911 и 944 годов содержали значительное количество юридических статей, связанных с имущественным и уголовным правом.

В правовом кодексе Русского государства «Русской правде» (1054 и 1073 гг.) были определены и защищены права купечества. Так, например, статья 44 свидетельствовала о распространении торговли в кредит и о защите прав купцов-кредиторов. Последние имели право требовать возвращения долга даже без привлечения свидетелей заключенной сделки. Что означает или подразумевает доверие и честность купца.

Столица Русского государства – Киев находился на пересечении пяти магистральных торговых путей – цареградского, закаспийско-багдатского, булгарского, регенсбургского и новгородско-скандинавского. Наиболее важными, имевшими государственное значение были два первых пути. Бурная торговля обеспечивала экономическое процветание столицы и княжества. К X веку торговля Руси с Востоком приобрела транзитный характер. В получении восточных товаров были заинтересованы многие государства Северной Европы и Франция, не имевшие прямого к ним доступа. «Только крестовыми походами XI–XIII вв. западноевропейское рыцарство пробило себе путь на Восток, а до крестовых походов только Киевская Русь была в силах провести свои «бремены тяжкие» через кочевнические заслоны и в Багдад, и в Царьград, и в Раффельштеттен или в Регенсбург на Дунае», – отмечает Б.А. Рыбаков. [2, с. 376]. (*Раффельштеттен – старинное название города Щецин в Польше*).

Развитие торговли и расширение торговых связей привело к развитию денежного обращения. Как и в других странах, денежная система на Руси прошла несколько этапов: начиная с кун (меха куницы), затем до второй половины X века использовались византийские и арабские монеты, а в конце X – начале XI веков чеканили собственные монеты. В XI–XIII веках входу были гривны – серебряные слитки или бруски, как правило, прямоугольной формы. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне развития товарно-денежных отношений.

В XI–XII вв. торговые люди постепенно обособляются в привилегированную группу городского населения, выделявшуюся имущественным положением и поддержкой княжеской власти, заинтересованной в пополнении казны за счет торговли. Кроме этого, княжеско-боярская верхушка использовала купцов не только как организаторов и участников торговли, но и как дипломатов и «лазутчиков».

В это время возникают первые купеческие объединения. Сохранившийся устав новгородской торговой корпорации, основанной в XII в. – Ивановская община, объединявшая крупных оптовых торговцев воском. «Иванское сто» – так ее называли в те времена, владело монопольным правом взвешивать и мерить некоторые товары, взимая за это соответствующую пошлину, таким образом получая дополнительную прибыль. Представители общины участвовали в заключение важнейших торговых договоров и были членами Совета Новгородской республики. Право членства в общине передавалось по наследству, для этого требовалось заплатить взнос в 50 гривен, что соответствовало примерно десяти килограмм серебра.

Другой известной формой объединения купцов были складнические товарищества. Эти товарищества объединяли купцов, которые совместно осуществляли торговые операции, «складывая» капитал и товары.

В XII в. успешно развивалась торговля Новгорода. Новгородские купцы отправлялись на остров Готланд, в Швецию, Данию, позднее расцветала торговля с союзом немецких городов – Ганзой. И.М. Кулишер отмечает: «В XIII в. поездки новгородцев на Запад составляли, по-видимому, явление более частое: в договоре 1229 г. говорится, что никто не должен препятствовать новгородским купцам, если бы они пожелали из Готланда ехать в Любек, точно так же полоцкий князь в 1265 г. выговаривает для своих купцов право торговли не только на Готланде и в Риге, но и в Любеке. Торговля эта направлялась по преимуществу в Готланд, где новгородские купцы имели свои склады, Любек же являлся для новгородцев крайним пунктом» [3, с. 294].

Однако, следует отметить, что ганзейцы часто ограничивали деятельность русских купцов, запрещали вступать с русскими купцами в компании, принимать их товар на немецкие суда. То же ганзейцы делали и по отношению к шведам, норвежцам, вероятно, оберегая таким образом, свои привилегированные права в торговом промысле [4].

Развитие получила не только внешняя, но и внутренняя торговля. Установлены были связи между княжествами. Так, например, владимиро-суздальские и новгородские купцы имели свои организации с патронатными церквями. Предметами торговли были соль, хлеб,

некоторые заморские товары. Новгород в основном кормился хлебом, привезенным и ростово-суздальской земли.

Расцвету торговли в XII–XIII вв. способствовали рост и развитие городов и ремесла. Известно, что в это время на Руси было известно более 60 ремесленных специальностей.

Особенно ценились изделия из эмали, тончайшего литья. Мастера работали на заказ и на рынок, имели возможность сбывать свои изделия как внутри княжеств, так и за границу, преимущественно в Польшу, Швецию, Болгарию.

Однако расцвет ремесла и торговли в Русском государстве был нарушен междуусобными войнами и как следствие – иностранными завоеваниями. Лишь на рубеже XIII–XIV вв. начался процесс возрождения городов, ремесел, торговли. Наметился рост численности населения торгово-промышленных центров Руси – Москвы, Твери, Новгорода, Пскова, Вологды. Постепенно города становились центрами ремесла и торговли, вокруг них складывались и расширялись местные рынки. Шел обмен между городом и деревней. Так, из Поволжья через Великий Устюг, Вологду и Кострому вывозили в другие земли государства меха, рыбу и другие товары, а из Рязанской земли везли, как правило, хлеб.

Росту городов Волжско-Окского бассейна способствовало их расположение на пересечении торговых путей. Прежде всего это касается Москвы, где сложились две корпорации: гостей-сурожан (Сурож-генуэзский город в Крыму, опорный пункт торговли), торговавшие воском, шелковыми тканями и др. часто заморскими товарами; и корпорация «суконников» торговавшие соответственно суконными тканями. Центром корпорации «гостей-сурожан» являлась церковь Иоана Златоуста, при которой находились торговые подвалы и амбары, хранилась купеческая казна. Московские купцы приложили максимум усилий для освоения одного из самых доходных торговых путей – Крымского. Ведущую роль в организации этой торговли играли «гости-сурожане». Самым важным направлением деятельности корпорации была подготовка и осуществление торговых операций на этом пути. Существовала сложная организация этих предприятий. Купцы собирались в караваны, численность которых колебалась от 7–10 человек до 120. Большие караваны имели больше

возможностей для защиты от нападений разбойников, кроме того и тогда было необходимо оформление соответствующих документов (например, проездных грамот), что организаторам большого каравана было сделать легче. Во главе каждого каравана избирался «головной гость». В его функции входила обязанность вести переговоры с властями, следил за порядком организации каравана. Человек этот имел непререкаемый авторитет. Корпорация создавала условия для ведения полноценной торговли, однако закупка, продажа товара были личным делом каждого купца.

Среди вывозимых товаров самым распространенным был мех. Особо дорогим считался соболь. Черный соболь ценился дороже серого. На втором месте по ценности был горностай. Менее дорогими, но, тем не менее, востребованными были меха рыси, лисы. Самым дешевым был мех белки. Кроме мехов русские купцы вывозили кожу, седла, стрелы. Имелся и штучный товар, продав который можно было получить целое состояние. К таким товарам относились охотничьи птицы (самый дорогой из них была кречет), рыбий зуб и моржовая кость.

Более разнообразными были привозимые из-за границы товары. Из Крыма везли ткани, пряности, вина, драгоценные камни и ювелирные изделия, галантерейные товары, бакалейные товары – имбирь, перец, гвоздику, шафран.

Продолжала развиваться и внутренняя торговля, которая была менее опасна, чем внешняя. В XIV–XV вв. сформировался крупный хлебный рынок в Москве. Иностранцев удивляло, что цены на зерно в Москве были даже ниже, чем в Костроме или Нижнем Новгороде, откуда его везли. На внутренних рынках торговали сельскохозяйственной и ремесленной продукцией. В это время сохранялась традиция, когда торговыми операциями занимались разные слои населения: свободные и зависимые от феодалов крестьяне, княжеские и боярские слуги, холопы, торговавшие излишками продуктов и изделий с барских хозяйств. Основным торговым сословием оставались купцы, торговавшие не только своим товаром, но и выполнявшие роль посредников, реализовывая товар, данный им князьями или боярами. Была и еще одна функция, которую часто приходилось выполнять по заданию властей «гостям», они собирали информацию, их называли «лазутчики» – разведчики в современном понятии.

Серьёзным конкурентом в торговых делах была церковь. Имея большие земельные владения, и получая значительные излишки, церковнослужители особенно в XV веке активно втягивались в сферу обмена.

Еще при князе Дмитрии Донском и его сыне Василии (XIV в.), представители митрополита, торговавшими излишками обширного натурального хозяйства, были освобождены от уплаты торговой пошлины.

Следует отметить, что первоначально таможенные пошлины внешние и внутренние на Руси были неразличимы. По мнению П.Б. Струве внутренние торговые пошлины представляли собой сборы, составляющие вознаграждение или оплату за услуги государства. [5,с. 43]. Пошлины взимались за покрытие расходов при взвешивании и измерении товаров, а также пошлины «взимаются за доставление средств или помощи со стороны государства при перевозке товаров через реки и волоки» [6, с. 91]. П.Б. Струве справедливо отмечает, что: «Пошлины всегда прикреплялись к мерам благоустройства и к моментам политическим, неотделимыми от них были и моменты фискальные. Не только на монету, но и на меры, вес, пути сообщения у государства были реальные и доманиальные права». [5, с. 44].

Таким образом, освобождение от уплаты пошлин, создавали государством для церкви благоприятные условия, приоритетные по сравнению с другими слоями торговых людей. Неслучайно широкий размах приобретает торговля монастырей. Складывается даже некая специализация монастырской торговли. Так, значительную торговлю хлебом, солью, рыбой вели Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастырь. Поддержку торговли монастырей оказывала и центральная власть. При Иване III (конец XV века) имевшиеся большие запаса зерна в княжеских землях под Вологдой были проданы Кирилло-Белозерскому монастырю. А к монастырю на Белоозеро съезжались для торговли приказчики бояр, монастырские служащие, торговые люди из Москвы, Твери, Новгородской земли, а также местные торговцы, ремесленники и крестьяне. У многих монастырей складывался ярмарочный торг.

По мере завершения объединения русских земель вокруг Москвы и укрепления централизованной власти, Иван III и его последователи пытались ограничивать привилегированную торговлю церкви. Однако

изворотливые церковные торговцы ухитрялись, нарушая запреты, доставлять беспошлинно не только перевозимые в монастыри продукты их вотчинного хозяйства, но и купленные для перепродажи товары. Это вызывало зависть и недовольство купцов и других торговых людей, лишенных таких привилегий.

В укрепившемся и развивающемся Московском царстве появлялись новые города: Архангельск (1584), Самара (1586), Саратов (1590) и другие. Восстанавливались Курск и Тула. Расширяется ремесленная специализация, в XVI веке известно наличие более 200 ремесленных специальностей. Больших успехов достигло оружейное дело. Известно, что Крымских хан просил московского Великого князя Ивана III прислать ему доспехи, изготовленные русскими мастерами.

В XVI веке Москва стала торгово-ремесленным центром. Через нее шли торговые пути. В самой Москве торг проходил у стен кремля, формировался хаотично. Торг состоял из рядов, объединенных в линии в зависимости от ассортимента товара. У каждого торговца в рядах имелось свое место. С начала XVI века, по указу Ивана III (1504), приезжим русским и чужестранным торговцам запрещалось останавливаться и торговать на дворах частных лиц. Для приезжих торговцев стоились гостиные дворы, где легче было вести учет прибывших товаров и людей, собирать пошлину, пополнявшую княжескую казну. Практика строительства гостиных дворов распространилась и в другие города государства.

Торговля постепенно приобретала более организованный характер. В конце XVI века купечество обосабливается в группу городского населения и в зависимости от величины капитала подразделяется на три корпорации: гостей, торговых людей гостиной сотни, торговых людей суконной сотни. Каждая корпорация имела выбранных из своих рядов «голов» и старшин для управления, пользовалась определенными правами в области торговли. Купцы достигают экономической стабильности, приобретают возможность влиять на структуры власти. Купцы оказывают материальную помощь князьям, которые становились их должниками. Однако редко торговые люди получали благодарность от власть держащих. При Василии III и Иване IV состоятельные торговцы вынуждены подчиняться тем правилам торговли, которые устанавливались

государственной властью. Жесткое, централизованное правление Ивана Грозного сильно повлияло на купеческое сословие. Например, звание «гость большой» устанавливался членами корпорации, при Иване IV звание это жаловалось царем. Серьезно пострадало купечества в ходе политики опричнины. Больше всех понесли материальный и моральный урон гости Москвы и Новгорода, самые крепкие, зажиточные слои купечества. Политика, проводимая грозным царем, ликвидировала самостоятельности и элитность купечества. Они слились с другими слоями городского населения в одно сословие посадских людей, которое было обязано нести две главные повинности в отношении государства – отбывать казенную службу и платить подати.

Тем не менее, не считаться с экономически укрепляющимся купечеством власти уже не могли. Не случайно представители российского купечества были приглашены для участия в Земском соборе 1566 года, обсуждавшего вопрос о продолжении Ливонской войны. Поддержка купечества в этом вопросе была необходима Ивану IV, так как для продолжения войны нужны были средства. Царь рассчитывал на купеческий капитал. Торгово-ремесленная верхушка посада была представлена и на Земских соборах 1598 и 1613 годов, избиравших на царство соответственно Бориса Годунова и Михаила Романова. Участвовали купцы и в последующих сословно-представительных совещаниях XVII века.

Однако земские соборы собирались не регулярно. Единственным способом решения насущных вопрос было обращение к царю путем подачи челобитной. Только таким путем купцы могли отстаивать свои интересы, все громче заявляя о себе как социальной группе.

Рост численности и укрепление экономической самостоятельности, а также значения населения городов в XVII веке привели государственную власть к необходимости четко определить права и обязанности торгового сословия. Во времена правления царя Алексея Михайловича среди русских и иностранных торговцев имелась определенное неравенство. В 1646 году торговые люди подали царю челобитную. Как отмечал Н.И.Костомаров, челобитная «была за множеством подписей торговцев разных городов, представляли, что иноземцы в прошедшее царствование наводнили собою

все государство, построили в столице и во многих городах свои дворы, торговали беспошлинно, рассылали свиох агентов закупать из первых рук русские произведения, не хотели покупать их от русских торговцев, сговаривались, назначали на свои товары какую хотели цену и вдобавок насмехались над русскими купцам… Русские торговцы умоляли царя «не дать им, природным государевым холопам и сиротам, быть от иноверцев в вечной нищете и скудости», запретить всем иноземцам торговать в Московском государстве, кроме одного Архангельска, и также не давать иноземцам на откуп промыслов…»[7, с. 672–674]. Эта челобитная не сразу получила поддержку царя, что вызвало недовольство торговых людей политикой правительства. Лишь в 1649 году Алексей Михайлович исполнил давнюю просьбу торговых людей, «английской компании поставили в вину, что купцы ее тайно провозили чужие товары за свои, привозили свои дурные товары и «заговором» возвышали на них цены, а русским за их товары стакивались (сговаривались заранее) платить менее, чем следовало. За все эти права компании уничтожались, всем англичанам велено было уехать в отечество; приезжать с товарами могли они впредь не иначе, как в Архангельск, и платить за свои товары пошлины» [7, с. 675–676]. Кроме этого, Уложение 1649 года, регулировала отношения и внутренней торговли. Так, пашенным крестьянам и лично не свободным людям запрещалось заниматься в Москве промыслами, свои заведения они должны были продать торговым или посадским людям. Ослушавшихся ожидало наказание кнутом и конфискация заведения в пользу казны. В 1653 году в России был введен первый Торговый устав, согласно которому взамен множества существовавших ранее торговых сборов, вводилась единая, так называемая рублевая пошлина – по 10 «денег» от рубля проданного товара. Взамен отменялись разные мелкие пошлины, но далеко не все.

Кроме того, если раньше, при Иване Грозном, иностранные торговцы пользовались привилегиями и льготами, то теперь их торговая деятельность на территории России облагалась более высокой пошлиной, чем у русских купцов. Исключением был только Архангельск, где налоги взимались равные с русских и иностранных торговцев.

Однако, нехватка средств в государственной казне вынуждало правительство стеснять торговых людей и увеличивать налоги, так в

1666 году прежняя рублевая пошлина была заменена двойной (по 20 денег с рубля). Но в 1667 году была возобновлена прежняя десятая пошлина с разными видоизменениями.

В 1667 году был издан новый Торговый устав, еще более стеснявший торговцев-иностранцев. Им запрещалась розничная торговля, увеличивалось торговое бремя.

С укреплением самодержавной власти, государство в лице царя все более вмешивалось в дела торговые, контролировало и управляло торговым сословием. Согласно тому же Уставу, заведование делами торговых людей передавалось Приказу большого прихода. В его ведение, кроме контроля за организацией торговли и деятельности торговых людей, входила обязанность не допускать превышения сбора налогов, взимаемых с торговцев. Эта мера государственной власти имела одну цель – пополнять казну не разоряя плательщиков.

Таким образом, в средневековом Русском государстве сначала хаотично, позднее все более организовано развивалась торговля, формировался слой профессиональных торговцев. В ранней истории государства в торговых операциях принимали участия различные слои населения от крестьян до воинов. Характерные для них черты сложившегося менталитета оказали влияние на формирование торгового сословия. Для него характерны: смелость и находчивость, терпение и смекалка, бережливость и осторожность, обязательно честность. Об этом свидетельствуют самые ранние торговые договора, заключенные на основе честного слова торговца. К концу XVII века в России сформировалось и укреплялось экономически самостоятельное торговое сословия, роль которого не могли недооценивать государи. Царское правительство все более активно проводило протекционистскую политику, ставшую традиционной в последующий период. Российское купечество развивалось при содействии, но и контроле государственной власти, что скажется на менталитете торгового сословия, которое никогда не станет самостоятельным классом. Роль государственной власти будет возрастать, значение этой особенности развития для торговли и купечества нельзя оценить однозначно. Особенно политика протекционизма получит развитие в XVIII веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Сметанина С.И. История предпринимательства в России. М., 200
2. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М.: Наука. 1993
3. Кулишер И.М. История экономического быта западной Европы. Т.1-2. Челябинск. 2008
4. См. подробнее: **Павлова О.К.** Ганзейское сообщество и средневековая торговля // Россия в глобальном мире. 2006. № 10. С.194-202
5. См.: **Струве П.Б.** Торговая политика России. Челябинск.2007
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории права. Киев-СПб. 1900
7. Цит. по: **Костомаров Н.И.** Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1995

PAVLOVA, Olga K. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, **St. Petersburg**, Russia; e-mail: pavlovaok55@mail.ru.

THE STORY OF TRADE AND TRADING ESTATE FORMATION AND DEVELOPMENT IN MEDIEVAL RUSSIA.

The article studies the beginning of historical conditions, and sources of trade and trade relations in ancient Russian state. It describes the attraction of different layers of society towards the process of exchange, the isolation of the special group of traders, and the formation of the union of trading people. The growth of towns and the development of trades as the factor of the trade development are described, the position of Russian state as the transit country is emphasized. This position was especially important for international trade. The importance and the special role of the state and the church in the development of trade during the medieval time is pointed out.

HISTORY; TRADE; OLD RUSSIAN STATE; TRADE AS A DEVELOPMENT FACTOR.

УДК 94(470:94)

А. Я. Массов

РОССИЙСКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ В МЕЛЬБУРНЕ М.М. ГЕДЕНШТРОМ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОТНОШЕНИЯ АВСТРАЛИИ К РОССИИ И ВОЗМОЖНОМ РАЗВИТИИ РУССКО-АВСТРАЛИЙСКИХ СВЯЗЕЙ

МАССОВ Александр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологи.
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет.
Профессор магистерской программы «Исследования Тихоокеанского региона» СПбГУ.
190008, ул. Лоцманская, 3, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail amassov@gmail.com.

В статье анализируются донесения российского генерального консула в Мельбурне в 1908–1910 гг. М.М. Геденштрома, содержащие оценку внешнеполитической ситуации, в которой оказался Австралийский Союз после Русско-японской войны. Новые геополитические реалии в бассейне Тихого океана создают, по мнению М.М. Геденштрома, предпосылки для преодоления характерного для всей второй половины XIX в. негативного отношения Австралии и австралийцев к России. Отмечается, что консул сумел не только увидеть начавшуюся эволюцию взаимоотношений России в Австралии, но и правильно предсказал вектор дальнейшего развития связей двух стран.

РОССИЙСКО-АВСТРАЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ; М.М. ГЕДЕНШТРОМ; А. ДИКИН; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАССЕЙНЕ ТИХОГО ОКЕАНА.

На протяжении всей второй половины XIX в. в австралийских переселенческих колониях Великобритании господствовало подозрительное, а временами и откровенно враждебное отношение к России. Антирусские настроения в Австралии были, по сути дела, неизбежны в условиях крайне острого соперничества России и Англии на международной арене. В Австралии было широко распространено

убеждение о неизбежности рейдов русского флота к австралийским берегам и обстрела крупнейших портовых городов в случае начала англо-русской войны (подробнее см [1]). Об этом говорили и писали английские и австралийские военные специалисты, политические деятели, публицисты. Так, например, Дж.К. Крейг, один из наиболее убежденных австралийских алармистов, не только считал неизбежным и само собой разумеющимся нападение русского флота на австралийские города в случае начала англо-русской войны, но и совершенно безосновательно утверждал, что русские уже несколько раз пытались осуществить такое вторжение [2, p. 8]. Более того, со ссылкой на некие известные ему русские планы, Дж.К. Крейг указывал, что целью России в южной части Тихого океана является колониальный захват Новой Зеландии и района вокруг города Кулгарди в Западной Австралии, где были найдены исключительно богатые месторождения золота [2, p. 55, 56]. В начале XX в. «русская угроза» все еще представлялись австралийцам достаточно серьезной. В 1903 г. премьер-министр Австралийского Союза Э. Бартон, выступая в федеральном парламенте, обозначил Россию как одного из наиболее опасных врагов Австралии (отметив, впрочем, наряду с русской угрозой наличие угрозы со стороны Германии, Франции и США) [3, p. 133].

В России, разумеется, знали о крайне негативном отношении австралийцев к России и русским. Информацию об этом пересылали в российское министерство иностранных дел русские консулы в Мельбурне[1]. Уже первый российский штатный консул в этом городе А.Д. Путята в январе 1894 г. в самом первом своем донесении из Мельбурна сообщал, что «с первых же дней моего пребывания здесь я имел случай заметить, что в местном обществе держится ... опасение, что Россия в будущую войну, в близость которой все здесь ... твердо верят, непременно изберет Австралию одним из пунктов своего нападения» [4, с. 74].

Интерес российского внешнеполитического ведомства к вопросу об отношении к России в Австралии не был предметом праздного любопытства. В Петербурге понимали, что Австралийский Союз – новый британский доминион, созданный в 1901 г., представляет собой

[1] Первые нештатные вице-консульства России в Мельбурне и Сиднее были учреждены в 1857 г. С 1894 г. нештатное консульство в Мельбурне было преобразовано в штатное. В 1902 г. статус русского представителя в Мельбурне был повышен до генерального консула.

государственное образование, хотя и остающееся частью Британской империи, однако имеющее уже четко очерченные собственные внешнеполитические ориентиры и колониальные притязания в юго-западной части Тихого океана. Вскоре после своего образования австралийцы приступили к строительству собственных вооруженных сил. Наращивание военной мощи Австралийского Союза, а, стало быть, и Британской империи в целом, могло изменить баланс сил великих держав в бассейне Тихого океана.

После поражения России в Русско-японской войне вопрос о позиции Австралийского Союза по отношению к царской империи приобрел новое измерение. С одной стороны, русское правительство отчетливо осознавало утрату Россией большей части своих позиций в бассейне Тихого океана. С другой – налицо было несомненной усиление влияния Японии, что не могло не вызвать определенных опасений со стороны США и Австралии. Действительно, несмотря на наличие Англо-японского союзного договора 1902 г., который, казалось, давал гарантии безопасности в том числе и Австралийскому Союзу, на антиподах с нескрываемым опасением относились к росту военной мощи Японии и наращиванию ее экономической и политической экспансии. Для адекватной оценки расстановки политических сил в бассейне Тихого океана, сложившейся после Русско-японской войны, Петербург нуждался в получении достоверной информации об отношении к новым тихоокеанским реалиям и новому месту России в бассейне Тихого океана всех основных игроков на внешнеполитической сцене Пацифики.

Наиболее обстоятельное освещение эти вопросы получили в донесениях генерального консула России в Мельбурне в 1908-1910 гг. (реально работал в Австралии до октября 1909 г.) М.М. Геденштрома. Этот человек обладал умом исследователя и склонностью вникать в мельчайшие детали изучаемого явления. Все его донесения необычайно пространны и аналитичны. Еще до назначения в Мельбурн, будучи в 1900-1904 гг. консулом России в японском городе Хакодате, он выполнял, по сути дела, разведывательные функции. С началом Русско-японской войны М.М. Геденштром был направлен в порты Красного моря для участия в «профилактических мерах по линии МИДа» с целью обеспечить безопасный проход кораблей русской эскадры через Суэцкий канал и

Красное море на Дальний Восток [5, с. 22]. (Подробнее о М.М. Геденштроме и его работе в Австралии см. [6]).

7 апреля 1908 г., вскоре после прибытии в Мельбурн, М.М. Геденштром получил аудиенцию у премьер-министра Австралийского Союза А. Дикина. Встреча, которая видимо, планировалась, как протокольная, приобрела, однако, неформальный характер. Беседа консула и австралийского премьер-министра продолжалась два часа и носила, как пишет сам М.М. Геденштром, «исключительно политический характер» [4, с. 193]. Главной темой стало изменение международной обстановки после Русско-японской войны, новые угрозы для безопасности Австралии и, в контексте этого, изменение отношения Австралии к России и перспективы развития русско-австралийских связей. И сам факт встречи российского генерального консула и премьер-министра Австралийского Союза, и политический характер состоявшегося обмена мнениями были достаточно необычны для уровня отношений Австралии и России того времени. Все это произвело сильное впечатление на М.М. Геденштрома. «Разговор…, – писал он в донесении от 27 марта (8 апреля) 1908 г. директору Второго департамента МИД. А.К. Бентковскому, – представляется, на мой взгляд, столь интересным, что я считаю долгом довести о том до сведения Вашего превосходительства для доклада г-ну министру иностранных дел» [4, с. 193]. Консул даже пошел на определенное нарушение субординации, направив свое донесение непосредственно в Петербург: генеральные консулы должны были обращаться в Императорское российское посольство в Лондоне, которое уже само решало, что следует, а что не следует переправлять в российское министерство иностранных дел.

А. Дикин начал разговор с фактического признания разворота Австралии по отношению к России. Он не отрицал, что в годы прошедшей войны России с Японией Англия оказывала японцам поддержку, но заявил, что при этом «в Австралии даже и тогда симпатии были всецело на стороне русских». Австралийский премьер высказал убеждение, что «заблуждение относительно японцев, в котором некоторые государства находились до упомянутой войны, ныне уже рассеялось» и с большою достоверностью он может сказать, то в случае новой войны с России с Японией последняя будет предоставлена исключительно самой себе без

всякой посредственной или непосредственной помощи с чьей бы то ни было стороны» [4, с. 193]. В этом высказывании А. Дикина, с одной стороны, была доля лукавства – в годы Русско-японской войны правительство Австралии безоговорочно поддержало Англию. С другой стороны, действительно, значительная часть австралийцев симпатизировала русским. «Общераспространенное мнение и чувства вне официальных кругов ..., – пишет в этой связи видный австралийский историк Р. Уард, – были глубоко антияпонскими» [7, p. 59]. Эти симпатии, однако, могут быть объяснены не любовью к России, а соображениями расистского порядка. Настроения такого рода отчетливо просматриваются, например, в строках стихотворения выдающегося австралийского поэта Г. Лоусона, написанного во время Русско-японской войны: «Дайте же мне сделать один выстрел за русских, даже если этот выстрел станет для меня последним... Отряды русских – это отряды Белого человека!» [7, p. 60]. В любом случае М.М. Геденштром вполне справедливо расценил высказывание А. Дикина как изменение в позитивную сторону официальной позиции Австралийского Союза по отношению к России и как свидетельства роста опасений австралийцев в связи с японской экспансией.

Косвенным, но в то же время достаточно ясным свидетельством стремления австралийской стороны к установлению более взвешенных отношений с Россией М.М. Геденштром посчитал высказанное А. Дикином сожаление, что ни одна эскадра русского флота не находится в данный момент на пути в Тихий океан. В противном случае австралийский премьер «позволил бы себе пригласить ее посетить Австралию по примеру американского флота» [4, с. 194]. Возможно, это неявное приглашение русским было сделано А. Дикином всего лишь по соображениям дипломатической вежливости, но М.М. Геденштром посчитал эту идею не лишенной актуальности, ибо визит кораблей русского военного флота мог позволить России продемонстрировать свой флаг в водах Пацфики и вновь заявить о себе как о тихоокеанской державе. «Если бы поэтому г-н министр иностранных дел признал полезным появление в Австралии русского военного флота, то, мне кажется, я мог бы устроить, дабы со стороны австралийского правительства было сделано приглашение при посредстве, конечно, английского правительства», – пишет

М.М. Геденштром в своем донесении [4, с. 194]. Идея о посещении русским флотом австралийских вод возникла не на пустом месте. С начала 1908 г. в Австралийском Союзе шла подготовка к визиту в Сидней и Мельбурн кораблей военного флота США. Сам визит состоялся в конце августа – начале сентября 1908 г. в ходе большого кругосветного плавания американского флота под командованием контр-адмирала Ч. Сперри. Это плавание не только должно было продемонстрировать растущее военно-морское могущество США и наличие у них флота открытого моря, но и имело отчетливо выраженную антияпонскую направленность. США, как уже отмечалось, также были обеспокоены чрезмерным, по их мнению, усилением позиций Японии в бассейне Тихого океана. Австралийское правительство, даже не испросив предварительного согласия Великобритании, пригласило американских военных моряков посетить Австралию. Для австралийцев визит американского флота был своего рода зондажом в попытках обрести в лице США нового внешнеполитического защитника и покровителя [8, с. 163–166]. Антияпонская демонстрация, каким должен был стать и в действительности стал визит военного флота США в Австралию, в случае участия в ней также России, могла принести последней определенные дипломатические дивиденды. Предложение М.М. Геденштрома, однако, последствий не имело. У России еще не было сил для участия в подобного рода военно-дипломатических акциях.

Большой интерес у русского консула во время беседы 7 апреля с австралийским премьер-министром вызвало заявление последнего о намерении Австралийского Союза учредить постоянную армию. Для этого А. Дикин собирался провести через австралийский парламент закон о всеобщей воинской повинности[2]. Для М.М. Геденштрома антияпонская направленность военных приготовлений Австралии была очевидна. Русский консул впоследствии не раз возвращался к этой теме, акцентируя внимание на стремительном росте антияпонских настроений в Австралии. «Не только возможность, но и намерение японцев воспользоваться первым удобным случаем для военного завоевания Австралии считается здесь фактом, почти не вызывающим сомнения», – сообщал он в донесении от 28 августа (10 сентября) 1908 г. [4, с. 234]. «Страх перед японским

[2] К 1911 г. в Австралии была введена система обязательной военной подготовки для мальчиков.

нашествием здесь всеобщий, – читаем в донесении от 1(14 декабря) 1908 г., – его не скрывают даже такие авторитетные лица, как два бывшие федеральные премьер-министры Deakin и Watson (*А. Дикин и К. Уотсон – А.М.*)… Убеждение австралийцев в намерении японцев взять их страну превратило инстинктивное их отвращение к желтым расам в нескрываемую и непримиримую ненависть» [4, с. 259]. Чуть позднее не меньшее волнение в Австралии стала вызывать растущая мощь германского флота в бассейне Тихого океана, о чем М.М, Геденштром также информировал Петербург (см., например, его донесение «О настроении общественного мнения Австралии в виду военно-морских вооружений Германии» от 7(20) августа 1909 г. [4, с. 262–268]). Появление у Австралии новых векторов внешнеполитической опасности, по мысли М.М. Геденштрома, не только создает предпосылки для более ровных отношений России с Австралией, но и облегчает геополитическое положение царской империи в бассейне Тихого океана в целом. Рассуждая о формировании противоречий в Тихом океане между Японией, США, Германией и Британской империей, прежде всего, в лице ее доминионов Австралии и Новой Зеландии, М.М. Геденштром с удовлетворением констатировал: «Не имея никаких прямых интересов на месте, роль русского правительства в готовящихся здесь событиях наиболее благоприятная. Она, вероятно, будет состоять в спокойном наблюдении за тем, что взоры наших западных и дальневосточных соседей отклоняются от наших собственных границ по совсем другому направлению» [4, с. 257–258].

Разумеется, русский консул ни в коей мере не идеализировал эволюцию, имевшую место в умах австралийцев по отношению к России. «До Русско-японской войны, – писал он 28 августа (10 сентября) 1908 г. в специальном донесении о визите в Австралию флота США, – в общественном мнении Австралии, как это ни покажется невероятным, существовало убеждение, что Россия имеет виды на Австралию и страх перед нашествием русского флота еще более усиливал ту вековую ненависть, которую англичане питают к русским. После несчастной войны страх прошел, – недружелюбие осталось» [4, с. 234]. Тем не менее, по мысли русского представителя в Мельбурне, Россия может и должна развивать отношения с этим заморским доминионом Великобритании. Пока «торговый обмен между Россией и Австралией самый ничтожный, и

страна эта представляет для нас интерес почти исключительно с точки зрения политической» [4, с. 195], однако «для русского правительства интересно то положение, которое Австралия уже занимает среди государств, и, главным образом, та роль, которую она призвана играть, быть может, не в очень отдаленном, будущем, так как неминуемо она должна служить предметом соревнования» – читаем в донесениях русского представителя в Мельбурне [4, с. 248]. В этой связи консул рассуждает о перспективах обретения Австралией полного суверенитета. Пока Австралийский Союз «с точки зрения дипломатической, представляет собою лишь английскую провинцию» [4, с. 205], однако нельзя не обратить внимание на ту «фактическую независимости, которою пользуется Австралийская федерация» и на то, «насколько слабы связи, соединяющие ее с метрополией» [4, с. 248]. Законы Австралии уже нередко противоречат английским, причем в таких случаях в Лондоне, как правило, «предпочитают удовлетворять ходатайства, исходящие от Федерального правительства» Австралии. Поэтому в случае возникновения каких-либо неясностей или недоразумений в отношениях России и Австралийского Союзка М.М. Геденштром рекомендует обращаться к властям Австралии, а не метрополии [4, с. 208].

В своей практической деятельности М.М. Геденштром предпринимал усилия по активизации отношений России и Австралии в торгово-экономической области. Ко времени начала его работы генеральным консулом в Мельбурне объем русско-австралийской торговли был действительно совсем небольшим. В незначительном количестве из Австралии на русский Дальний Восток вывозилось замороженное мясо, а из России в Австралию ввозился лес. «В магазинах Мельбурна, – отмечал российский консул в донесении от 1(14) декабря 1908 г., – имеется некоторое количество русских товаров, именно мебели» [4, с. 246]. Она пользовалась хорошим спросом, и несколько ранее, в августе 1908 г., М.М. Геденштром попытался выступить посредником между австралийскими торговцами и русскими производителями мебели Ф. Мельцером и Ф. Фишером [4, с. 210–211; 9, л. 129–138об.]. В сентябре 1908 г. М.М. Геденштром направил в российский МИД информацию о возможности и целесообразности начала продаж в Австралии русских табачных изделий [4, 237–238; 9, л. 343–346об.]. Однако в российских

деловых кругах эти предложения были восприняты с равнодушием. Министерство торговли и промышленности, куда в конечном итоге попадали эти донесения, пересылало информацию о возможности коммерческой деятельности на австралийском рынке Совету съездов представителей промышленности и торговли. Однако там этой информации, как правило, не придавали должного значения. В качестве курьеза отметим, что в ответе Совета съездов представителей промышленности и торговли на письмо о возможности торговли с Австралией (март 1909 г.) министерству торговли и промышленности выражается благодарность за информацию о рынках Австрии (!) [10, л. 29]. Для развития торговли между «Австралией и Россией, – писал М.М. Геденштром, – необходимо, чтобы русские торговые люди сами приезжали сюда для изучения на месте условий рынка» [4, с. 246].

Еще одним существенным направлением развития отношений Австралии и России М.М. Геденштром считал расширение русской консульской службы в Австралии. Это было необходимо в связи с постепенным ростом на пятом континенте числа эмигрантов – выходцев из Российской империи, а также увеличением количества ходивших под русским флагом финских кораблей, которые занимались посреднической торговлей между Англией, Австралией и странами Латинской Америки. Нередко эмигранты из России и финские матросы попадали в ситуации, требующие вмешательства и защиты их интересов со стороны русских консулов. Так, М.М. Геденштром должен был заниматься урегулированием денежных проблем финского матроса А. Линдберга, который еще в 1907 г. попал в австралийских госпиталь в г. Уоллару (Южная Австралия) и умер там от дизентерии [11]. В 1908 г. русский консул организовал юридическую защиту для другого русского финна – А. Зафиридиса, замешанного в пьяной драке с поножовщиной [12, 13].

Усилия М.М. Геденштрома по расширению русского консульского представительства в Австралии привели к тому, что помимо уже имевшихся штатного генерального консула в Мельбурне и нештатного консула в Сиднее, русские нештатные консулы появились в Аделаиде и Брисбене, а в Мельбурн в помощь М.М. Геденштрому был назначен нештатный вице-консул [14, с. 44; 15, с. 44].

Немало сделал Российский генеральный консул в Мельбурне и для развития российско-австралийских контактов в области науки. Так, в 1908 г. он содействовал в приобретении этнографических экспонатов приват-доценту Санкт-Петербургского университета В.В. Святловскому, который был отправлен в командировку на острова Океании, в Новую Зеландию и Австралию Петербургской Академией наук. Собранные им коллекции сейчас хранятся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) РАН [16, с. 127, 136–137]. Усилия М.М. Геденштрома на поприще поддержки науки были оценены в России. За «значительные услуги Музею по пополнению его коллекций», он был избран корреспондентом Музея антропологии и этнографии [17, л. 402].

В заключение отметим, что в своих оценках М.М. Геденштром не только сумел увидеть и верно оценить изменения в отношении Австралийского Союза к России, но и правильно предсказал вектор дальнейшего развития связей двух стран. С начала второго десятилетия XX в. отношения России и Австралии развивались по восходящей. Этому во многом способствовала практическая деятельность как самого консула М.М. Геденштрома, так и его преемника генерального консула в Мельбурне А.Н. Абазы. Союзничество России и Австралии в годы Первой мировой войны стало новым фактором роста симпатий австралийцев к России. Однако эти позитивные тенденции оказались кратковременными. Революционные события 1917 г. в далекой северной стране вновь ухудшили отношение австралийцев к России и свели практически к нулю начавшие было успешно развиваться российско-австралийские связи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Массов А.Я. О реальности «русской угрозы» пятому континенту во второй половине XIX – начале XX вв. // Новый часовой. 1999. № 8–9. С.126-136.
2. Craig G.C. The Federal Defence of Australasia. Sydney: George Robertson, 1897. 356 p.
3. Australia and the World. A Documentary History from the 1870s to the 1970. Ed. by N. Meaney. Melbourne: Longman Cheshire, 1985. 806 p.
4. Российская консульская служба в Австралии, 1857–1917 гг. (Сборник документов). Сост. и авт. ввод. ст. и коммент. А.Я. Массов и М. Поллард. М.: Международные отношения, 2014. 352 с.
5. Павлов Д.Б. Российская контрразведка в годы русско-японской войны // Отечественная история. 1996. № 1. С. 14–29.

6. Олтаржевский В.П. Российская консульская служба начала XX века: Матвей Геденштром // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 4(63). С. 318–323.
7. Ward R. A Nation for a Continent. The History of Australia 1901–1975. Richmond Heinemann, 1977. 515 p.
8. Грудзинский В.В. На повороте судьбы. Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1996. 310 с.
9. Архив внешней политики Российской империи. Ф.155 (II Департамент, I–5). Оп. 408. Д. 484.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 25. Д. 88.
11. Deaths at Hospitals // The Advertiser. 7.08.1908. P.9.
12. Zaphiridis Sentenced. Twelve Months' Imprisonment // The Advertiser. 8.06.1908. P. 8.
13. The Case of Zaphiridis // The Register. 17.06.1908. p. 4.
14. Ежегодник министерства иностранных дел России, 1909. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1909. 297 с.
15. Ежегодник министерства иностранных дел России, 1911. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1911. 311 с.
16. Розина Л.Г. В.В. Святловский – собиратель коллекций из Океании // Сборник Музея антропологии и этнографии (Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая). Т.30. Л., 1974. С. 127–139.
17. Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 155.

MASSOV, Alexander Ya. – St. Petersburg State Marine Technical University. 190008, Lotsmanskaya str., 3, St. Petersburg, Russia. E-mail amassov@gmail.com.

RUSSIAN CONSUL GENERAL IN MELBOURNE M.M. HEDENSTROM CONCERNING THE CHANGING IN AUSTRALIA'S PERCEPTIONS OF RUSSIA AND POSSIBLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-AUSTRALIAN RELATIONS.

The article analyzes the reports of the Russian Consul General in Melbourne in 1908-1910 M.M. Hedenstrom with an assessment of the foreign policy situation in which the Commonwealth of Australia found itself after the Russian-Japanese war. According to M.M. Hedenstrom, the new geopolitical reality in the Pacific produces conditions to overcome the typical for the second half of the XIX century negative attitude of Australia and the Australians towards Russia. It is noted that the Consul was able not only to see the beginning of evolution in Russian-Australian relations, but also correctly to forecast the vector of further development of two countries' mutual contacts.

RUSSIAN-AUSTRALIAN RELATIONS; M.M. HEDENSTROM; A. DEAKIN; INTERNATIONAL RELATIONS IN THE PACIFIC.

УДК 929 (092)

В. И. Мусаев

РУССКАЯ ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. И ФИНЛЯНДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Гуманитарный институт;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: vmusaev62@mail.ru.

В статье речь идет о развитии Карельского перешейка, составлявшего часть автономного Великого княжества Финляндского, в конце XIX – начале XX в. в качестве зоны дачного и курортного отдыха для жителей С.-Петербурга и других частей Российской империи. Приобретение и аренда выходцами из России домов и участков на Перешейке, обслуживание отдыхающих приносили немалый доход финляндской казне и местным жителям. С другой стороны, приток выходцев из России вызывал недовольство части местной общественности, которая выступала против усиления русского культурного влияния в Финляндии.

РОССИЯ; ФИНЛЯНДИЯ; КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК; ФИНЛЯНДСКАЯ АВТОНОМИЯ; ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ; ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ.

Со второй половины XIX в. летний отдых на природе, за пределами города, становился всё более популярным среди жителей столицы Российской империи других крупных российских мегаполисов. Всё в большем числе петербуржцы предпочитали выезжать на летний сезон из пыльного и шумного города и проводить свое свободное время в его пока еще не затронутых урбанизацией окрестностях, таких как Шувалово – Озерки, Лахта, Лисий Нос, Парголово и др. Со временем не меньшей популярностью стал пользоваться отдых в чуть более отдаленных

живописных местностях финской части Карельского перешейка. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что ближайшие пригороды российской столицы во второй половине XIX в. были уже в значительной мере застроены дачами, цены на приобретение или аренду домов и участков были весьма высоки. На финляндской же стороны, границы соответствующие расценки были тогда значительно ниже. Финляндские государственные органы также были заинтересованы в притоке отдыхающих, который сулил казне немалую прибыль [1, S. 522–523].

Интерес россиян к Финляндии как к месту для отдыха начал расти после ввода в строй Сайменского канала. Однако наиболее существенным стимулом для притока русских дачников на Карельский перешеек было завершение в 1870 г. строительства связавшей российскую столицу с Великим княжеством железной дороги Петербург – Выборг –Риихимяки. Именно тогда началось освоение прилегающей к железной дороге и к побережью Финского залива территории как курортной зоны. Начало этому процессу положила продажа принадлежавшего Артиллерийскому управлению донационного имения Линтула. Часть имения оказалась, в конечном итоге, в собственности зарегистрированного во Франции акционерного общества “La Société anonyme des hauts fournaux, forges, mines, domaines et forêts de Raivola et Lintula” («Общество с ограниченной ответственностью доменных печей, горнов, шахт, полей и лесов Райволы и Линтулы»). Общество, в свою очередь начало продавать и сдавать в аренду земельные участки жителям Петербурга [1, S. 519–520]. Уже осенью 1874 г. выходившая в Петербурге на финском языке газета ”Pietarin Lehti” писала, что поселок Терийоки на Карельском перешейке превратился в популярнейший курорт для жителей Петербурга [2].

Вскоре на Перешейке начался настоящий дачный бум. Территория, прилегающая к железной дороге, особенно ее прибрежная часть, т. н. Северная Ривьера, интенсивно застраивалась виллами и дачами петербургских жителей, дачные поселки росли как грибы после дождя. Активизации процесса приобретения дачных участков и дачного строительства в Финляндии способствовало высочайшее постановление от 16 февраля 1891 г., согласно которому российским подданным, кроме евреев, было дано право свободно приобретать в Великом княжестве недвижимые имущества и владеть ими [3, л. 41]. Тогда же, в начале 1890-х гг., в

Финляндии были введены некоторые правила, имевшие целью облегчить положение временного русского населения. В частности, рубль был принят в качестве платежного средства при уплате таможенных пошлин и налогов, для расчетов на станциях и почте, в других местах вводился льготный курс обмена валюты; от официальных лиц в курортных местностях стали требовать владения русским языком, неприятная необходимость уплачивать таможенную пошлину при ввозе на территорию Финляндии спиртных напитков была ликвидирована благодаря открытию в дачных районах торговых точек, где можно было обзавестись спиртным [4, s. 25–26].

Поначалу дачные поселения концентрировались в основном либо вблизи от железной дороги в волостях Кивеннапа (Кивинеб) и Уусикиркко (Новая Кирха), либо в окрестностях Выборга. При этом в Кивеннапа дачи располагались в основном по берегу Финского залива, в Уусикиркко же, где железная дорога проходила дальше от берега, немало дач находилось во внутренней части Перешейка, по берегам озер, которыми изобиловала территория волости. К концу XIX в. дачное строительство заметно распространилось вширь, охватив, в частности, приходы Эюряпяя и Ранта [5, s. 98]. Наиболее популярным до конца периода автономии оставался все же отдых на Северной Ривьере. Самым крупным русским курортом на побережье стал поселок Терийоки, в недавнем прошлом – небольшое рыбацкое поселение. Благодаря наплыву русских отдыхающих заметно разрослись также небольшие прежде деревни Куоккала, Тюрисевя, Ваммелсуу, появились и чисто русские дачные поселения, такие как Оллила или Келломяки. В 1901 г. в Выборгской губернии насчитывалось 1438 дачных участков, которыми владели «иностранцы» или «пришлые» (”vierasmaalaiset”), т. е. главным образом российские подданные. К 1908 же году, по данным губернского сельскохозяйственного комитета, в волостях Кивеннапа, Уусикиркко, Муолаа, Куолемаярви и Койвисто российским подданным принадлежало в общей сложности 4730 дач (в том числе 3643 в Кивеннапа, 778 в Уусикиркко и 271 в Муолаа), 230 дачных участков и 333 надела без построек. Больше всего дач – около 1400 – насчитывалось в поселке Терийоки, относившемся тогда к волости Кивеннапа (в 1913 г. поселок и его окрестности были выделены в отдельную волость) [1. S. 527]. В той же волости находились и другие крупнейшие дачные поселки: в Куоккала на тот же момент имелось 762 дач, в Райвола – 757, в

Келломяки – около 500, в Оллила – около 440, в Тюрисевя – около 200 [6, s. 162]. По данным, сообщенным в 1909 г. Выборгским губернским правлением, по губернии числилось 2273 владельца недвижимости, не принадлежавшие к числу финляндских граждан [3, л. 42].

В отдельные периоды, впрочем, в дачной жизни на Перешейке наблюдались кризисные явления. В частности, в 1908–1909 гг. в прессе отмечалось снижение спроса на дачи в курортной зоне Карельского перешейка. Отчасти это было связано с повышением тарифа на пассажирские перевозки. «Финляндская газета» в мае 1909 г. писала, что в текущем году дачи вдоль Финляндской железной дороги заселялись крайне неохотно. «В ближайших от финляндской границы местах – Оллила, Куоккала, Келломяки, Терийоки – есть еще целые улицы, из которых не сдано ни одной дачи. Домовладельцы переживают небывалый кризис. <…> Гостиница “Ривьера” (В Терийоки – В. М.), обставленная по европейскому образцу, в нынешнем году не функционирует» [7]. Кризис, видимо, в дальнейшем был преодолен, и вплоть до начала мировой войны в развитии дачных поселений наблюдалась положительная динамика. В 1913 г. численность наделов на территории Выборгской губернии, принадлежавших российским поданным, достигла цифры 775 (в том числе 367 в Уусикиркко, 134 в Кивеннапа и Терийоки, 74 в Куолемаярви). 6229 небольших участков сдавались россиянам в аренду (в том числе 3649 в Кивеннапа и Терийоки, 1725 в Уусикиркко, 531 в Муолаа, 250 в Куолемаярви). Общая площадь всех этих наделов и участков составляла почти 54 000 га. В Уусикиркко наделы, принадлежавшие «пришлым», составляли 35,6 % всей земельной собственности, в Кивеннапа и Терийоки – 16,2 % [8, s. 128].

Появление русских дачников в деревнях и поселках Выборгской губернии, безусловно, наложило отпечаток на внешний облик и на жизнь этих мест. Русская речь на улицах звучала все чаще, на стенах домов, улицах и железнодорожных станциях в Терийоки, Куоккала, Келломяки и других поселках появились вывески и указатели на русском языке, для отдыхающих устраивались концерты и вечера, на которых выступали русские артисты, певцы, иногда довольно известные. Александр Блок и его супруга Любовь Дмитриевна летом 1912 г. организовали в Терийоки театральную труппу, в которую в качестве режиссера были приглашен молодой В.Э. Мейерхольд. Для представлений был арендован летний

павильон отеля «Казино», которым владел шведский подданный В. Юнкер. Хотя труппа имела экспериментальный характер и большого притока зрителей ожидать не приходилось, билеты на её представления продавались очень неплохо. В репертуар труппы входили, в частности, пьесы А. Стриндберга, О. Уайлда, М. Сервантеса, несколько пантомим. В частности, 12 июля 1912 г. состоялось представление в память А. Стриндберга, умершего двумя месяцами ранее. Была поставлена его пьеса «Brott och brott» («Преступление и преступление», озаглавленная в русском варианте «Виновны, невиновны»). В качестве почетных гостей были приглашены дочь драматурга Карин и зять Владимир Смирнов. [4, s. 33]. В некоторых поселках приезжие в сезон отдыха составляли большинство населения. В лексических формах южно-карельского диалекта стало появляться все больше заимствований из русского языка [9, с. 177]. Владельцы дач привозили с собой и русскую прислугу, которая подчас проживала там круглый год. Помимо дач, на перешейке строились санатории и пансионы. В 1891 г. недалеко от Терийоки доктором Дитманом был открыт санаторий «Халила», который существовал при поддержке финляндского правительства, но вскоре закрылся из-за недостатка средств. По велению Александра III санаторий был куплен и расширен на личные средства государя. К 1900 г. в нем находилось 118 больных туберкулезом, из которых 65 лечились бесплатно. Частный санаторий Н. Волковой для полных дам действовал в Уусикиркко [10, с. 82].

Численность русских отдыхающих на курортах Карельского перешейка с трудом поддается определению, так как их состав был слишком переменчив, некоторые приезжали на несколько дней, другие жили по несколько месяцев. К тому же статистические сведения первые годы вообще не собирались, лишь с 1892 г. ленсманы начали проводить сбор соответствующих данных. О численности русских дачников имеются лишь приблизительные предположения. Так, в 1880 г. в прессе сообщалось о том, что численность жителей дачных поселков в летний сезон доходила до 30 тысяч. Исследователь истории волости Кивеннапа П. Киуру оценивал численность дачного населения волости в 1906 г., исходя из сведений, предоставленных ленсманами, в 31 342 человека (25 285 в Терийоки и 6 057 – в Райвола) [6, s. 162]. Своего максимума число отдыхающих достигло накануне первой мировой войны. Только в

Терийоки в 1911 г., согласно полицейским данным, количество отдыхающих (предъявивших российские паспорта) составило 45 960 человек, в июле 1912 г. – 46 500 человек, а летом 1914 г. оно доходило до 75 000 человек (при том, что постоянное население Кивеннапа и соседней волости Уусикиркко составляло лишь около 35 000 человек), в целом же по Перешейку, по некоторым данным, число отдыхающих превышало 100 000 человек [5, s. 205, 216; 1. S. 187–188]. Оживлению дачной жизни на Перешейке заметно способствовало строительство форта Ино на побережье залива, которое началось в 1912 г. и продолжалось до 1916 г. Сюда приехали тысячи рабочих, много военных инженеров, чиновников, инспекторов, писарей, подрядчиков и поставщиков разных товаров. Они размещались на постоянное или временное жительство, увеличив во много раз население Карельского перешейка. Для подвозки стройматериалов была проложена новая одноколейная железная дорога Терийоки – Койвисто с ответвлением к форту Ино [10, с. 32].

Представляет интерес динамика количества железнодорожных билетов, приобретенных на Финляндском вокзале для поездки в дачные местности Карельского перешейка: в 1890 г. было продано 152 612 таких билетов, в 1895 – 164 719, в 1900 – 295 735, а в 1905 – 509 712 [5, s. 105]. Конечно, рост количества проданных билетов говорит не столько об увеличении численности более или менее постоянных жителей дачных поселков (хотя, косвенно, и об этом), сколько об интенсификации пассажирского движения по линии Петербург–Выборг, однако и сама эта тенденция весьма примечательна. Пассажирское движение между Россией и Финляндией продолжало расти и в последующие годы: по приблизительным подсчетам правления железной дороги, число пассажиров, выехавших в Финляндию и въехавших из Финляндии, в 1910 г. составило от 1 400 000 до 1 500 000 человек и в 1911 г. от 1 600 000 до 1 700 000 человек [11, л. 271 об.]. Развитие железнодорожного движения на участке Петербург – Терийоки вызвало необходимость строить здесь новые станции. С 1870 г., года завершения строительства железнодорожной линии, действовал лишь вокзал в поселке Терийоки. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. две платформы были построены на территории деревни Куоккала; одна из них стала станцией в 1897 г., вторая – в 1906 г., получив названия соответственно «Куоккала» и

«Оллила». В 1901 г. появилась платформа у холма Келломяки, в районе которого тогда же начинал расти одноименный дачный поселок; в 1903 г. эта платформа также стала станцией. В 1917 г. по проекту известного архитектора Бруно Гранхольма было возведено большое каменное здание вокзала в Терийоки. В том же году перед самой административной границей с Россией была построена станция Раяйоки, здание вокзала которой также было построено по проекту Б. Гранхольма [12, с. 104, 107, 112].

Вполне естественно, что среди владельцев и съемщиков дач на Карельском перешейке преобладали жители Петербурга, однако исследования финских авторов показали, что стереотипное представление о том, что на Перешейке отдыхали исключительно или почти исключительно петербуржцы, не совсем верно. Так, по данным диссертационной работы Л. Пююкёнен, на которые ссылается исследователь истории русских дач на Перешейке В. Хямяляйнен, из 1683 русских владельцев недвижимости в Терийоки 860 человек происходили из Петербурга, 102 – из других местностей Петербургской губернии, о происхождении 355 человек сведения отсутствуют, 366 же человек был родом из других российских губерний, в том числе даже из причерноморских и северокавказских [8, s. 120–121]. Л. Пююкёнен исследовала также социальное происхождение владельцев домов и дач. Среди них самую большую группу – 534 человек – составляли торговцы и промышленники; второе место занимали общественные деятели и лица свободных профессий, которых насчитывалось 340 человек, за ними следовали лица, занимавшиеся физическим трудом – их было 280 человек; только 211 владельцев дач имели дворянское происхождение [8, s. 121].

Среди лиц, приобретавших или снимавших дома и дачи на Перешейке, встречались и известные деятели науки и культуры. Более чем хорошо известно о доме И.Е. Репина «Пенаты» в Куоккала, который художник приобрел в 1906 г. Также в Куоккала имели свои дачи А.М. Горький (с 1904 г.) и К.И. Чуковский. Выдающийся художник В.А. Серов в 1901 г. приобрел дачу в деревне Инонкюля. Именно здесь он создал свои всемирно известные полотна: «Дети», «Купание лошади», «Люди на взморье», «Похищение Европы», «Одиссей и Навсикая» и многие другие. В этом же месте дачами владели военный министр России А.Н. Куропаткин и известный политический деятель и историк

П.Н. Милюков. Писателю Леониду Андрееву с 1908 г. принадлежал дом в Ваммелсуу, где он жил до своей смерти в 1919 г. Здесь же находилась дача лесопромышленника и биолога М. С. Воронина, возведенная в 1909 г. по проекту архитектора П.П. Брука. Это очень интересное в архитектурном отношении сооружение сохранялось вплоть до недавнего времени и сгорело в 1992 г. [10, с. 30, 56–57]. Среди владельцев дач и вилл на Перешейке заслуживают упоминания известный архитектор Г.В. Барановский, профессора В.М. Бехтерев, С.П. Боткин и А.И. Войеков, автор официальных трудов по истории Финляндии Ц.Ф. Ордин, энциклопедист Эфрон, ювелир К. Фаберже [9, с. 177; 1, S. 521]. Некоторые особо состоятельные хозяева дач и вилл не жалели средств на декоративное убранство своих летних резиденций, вокруг которых разбивались парки с фонтанами и скульптурами. Особой изысканностью, в частности, отличались вилла «Замок Арфа» в Келломяки, построенная по проекту Г.В. Барановского, дача Сахарова в Терийоки, усадьба «Каунисранта» в Тюрисевя, владельцем которой был действительный статский советник В. К. Орловский [12, с. 33].

Для периода 1900-х – начала 1910-х гг. было характерно также более пристальное внимание со стороны руководства Финляндской православной епархии к удовлетворению духовных потребностей временного русского населения Карельского перешейка. 18 июня 1906 г., при участии архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского), была заложена церковь во имя Святого Духа в дачном посёлке Келломяки; новый храм строился на деньги, собранные местными дачниками. В ноябре 1909 г. по постановлению Синода при церкви во имя Святого Духа в Келломяки был открыт самостоятельный приход [13]. В октябре 1910 г. епархиальным начальством было дано разрешение на строительство храма в другом дачном посёлке – Оллила. Участок земли под строительство пожертвовал настоятель Преображенского собора в Петербурге протоиерей С. Голубев. Церковь была освящена летом 1911 г. и приписана к Казанской церкви в Терийоки [14; 15]. В районе станции Мустамяки дачевладельцы супруги Петровы в 1911 г. пожертвовали участок земли для постройки храма. Другие дачевладельцы и дачники на строительство будущей церкви собрали до 5000 рублей и разные предметы церковной утвари. Инженер Г.Г. Волков, проживавший на даче близ

Мустамяки, взялся безвозмездно составить план, смету и осуществлять технический надзор за строительством. В том же году епархиальным начальством было дано разрешение на строительство ещё двух дачных церквей – в Уусикиркко и в местности Чёрная речка, где дачевладельцы также сами жертвовали земельные участки. Храм в Уусикиркко был достроен и освящён в 1912 г., в том же году был закончен постройкой храм около Мустамяки, который был освящён в 1913 г. [15; 16; 17].

Развитие Карельского перешейка как курортной зоны имело существенное значение для экономики Великого княжества. Приток русских дачников приносил средства в финляндскую казну, давал возможность для заработка многим жителям Перешейка. Местные крестьяне сдавали помещения в наем приезжим, снабжали дачников хлебом, молочными продуктами, мясом, рыбой, грибами, ягодами и другими продуктами [18, s. 187]. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» следующим образом изображала то, как изменилась жизнь коренных жителей поселка Терийоки благодаря дачному буму: «Постройка многими петербуржцами собственных дач дала возможность териокским крестьянам распродать свои лесные болота и свои прибрежные пески по ценам, которые им никогда и не снились. Сверх того, постройка и наем дач стали для них источником таких доходов, которые, по сравнению с такими же от рыболовства, вырубки леса, засева горсточки годной земли и т. д., являются королевскими» [19]. Для части местных жителей деятельность по обслуживанию отдыхающих из России и дачных поселков (или, говоря современным языком, занятость в индустрии туризма) стала основным промыслом, который приносил большие доходы, чем их традиционные занятия.

Отношения русских дачников с местными жителями и властями не всегда, однако, складывались безоблачно. Трения иногда возникало в силу незнакомства приезжих с местными традициями и обычаями, несоответствия традиционных привычек русских местному укладу жизни. В очерке «Православная Карелия» отмечалось: «Самый процесс укоренения в Финляндии был для русских владельцев довольно трудным и болезненным, как по незнанию ими местных порядков, так и по недоброжелательству к ним некоторой части местных обывателей и властей» [3, л. 42]. Определенные проблемы и известное недовольство

части финляндских общественных деятелей вызывала практика продажи в дачных местностях спиртных напитков, тогда как на остальной территории Великого княжества в силе был сухой закон. Сам по себе запрет ввоза спиртного из России в Финляндию, впрочем, оказывался бессмысленным. Как отмечалось в докладе начальника С.-Петербургского таможенного округа, «строго преследуемый на границе вывоз спирта совершается совершенно свободно пассажирами, т.к. останавливающиеся на 1-2 минуты пассажирские поезда никогда не досматриваются чиновниками за их недостатком и опять предоставляются единоличному усмотрению досмотрщиков. При таковой постановке воспрещение вывоза спирта в Финляндию является фикцией» [11, л. 274 об.] Отчасти на отношении финнов к русским дачникам (как, собственно, к русскому населению в Финляндии в целом) сказывалось раздражение против имперского центра, вызванное в начале XX в., в так называемый «период угнетения» (”sortokausi”), мероприятиями правительственной политики, направленными на ограничение финляндской автономии (начало которым было положено «февральским манифестом» 1899 г.).

Несмотря на все трудности, процесс приобретения недвижимости российскими подданными в Выборгской губернии в начале XX в. продолжался, соответствующие сделки совершались на сумму в среднем около миллиона марок в год [3, л. 43]. Это вызывало тревогу и беспокойство националистически настроенных финских кругов. В печати и в высказываниях некоторых общественных деятелей звучали протесты против продажи российским подданным земли, которая якобы таила в себе угрозу постепенного обрусения края. Выборгская газета «Карьяла», особенно активно выступавшая против приобретения земельных участков на Перешейке выходцами из России, указывала и на неблагоприятные социальные последствия этих процессов: немало местных крестьян быстро растрачивали деньги, вырученные от продажи своей земли, и разорялись. В одном из октябрьских за 1905 г. номеров газеты, в частности, была помещена редакционная статья под претенциозным названием «Финскость в опасности – идите на помощь!» (”Suomalaisuus vaarassa – tulkaa apuun!”) [1, S. 529]. Негативное отношение к наплыву на Перешеек русских дачников выразила, в частности, в нескольких своих стихотворениях известная финско-шведская поэтесса Эдит Сёдергран, проживавшая в

Райвола [4, s. 36]. Поэт Эйно Лейно в своем стихотворении ”Karjalan kannas” («Карельский перешеек»), написанном в августе 1911 г., писал о Карелии как о передовом европейском бастионе против русской угрозы [4, s. 26]. В 1911 г. в Выборге была издана брошюра М. Уотинена, одного из финских националистических активистов, проживавшего в Терийоки, под названием ”Uhatut pitäjät” («Угрожаемые волости»). Её автор, в частности, утверждал: «Чужие привычки и обычаи влияют на людей, проявляясь в одежде, манерах, языке и т. д. Народ не всегда способен разделить национальности, когда высший образованный класс является совершенно вненациональным» [6, s. 73].

Комитет по делам Карельского перешейка, образованный в Выборге в 1906 г., считал необходимым издать закон, который положил бы конец продолжавшейся практике продажи земель иностранцам (т.е. русским). Считалось возможным, впрочем, дозволить сдавать русским землю в аренду и строить дачные помещения для отдачи им в наем. Выдвигалось также предложение, чтобы общины скупали продающиеся земли на свой счет и затем передавали их в аренду финнам [3, л. 44]. В номере газеты «Карьяла» от 12 января (н. ст.) 1907 г., в статье за подписью «Ренк Вилле», перепечатанной «Финляндской газетой», отмечалось, что почти весь приход Кивеннапа заселен русскими. «Но колонизация на этом еще ничуть не остановилась: она твердыми шагами движется к западу по железнодорожной линии, и в настоящее время грозит захватом также и всей полосы до Уусикиркко. Весь район около станции Лоунатйоки обречен на отчуждение, и если не сегодня, то завтра мы увидим его в русских руках». В статье предлагалось средство борьбы против дальнейшего распространения русского землевладения на Перешейке: «Для осуществления же этого средства должно быть вменено в обязанность финскому народу стремиться к тому, чтобы были основываемы общества на акционерных началах для покупки земель, продаваемых в Карелии. Это самое может скоро создать твердую преграду русской колонизации». Автор заканчивал статью воззванием к финским капиталистам и патриотам энергично приняться за дело, говоря, что «лучше бросить капитал, нежели видеть, как русские вытесняют из Карелии финнов, благодаря чему последние из землевладельцев собственников превращаются в кучеров, разносчиков и простых русских»

[20]. Русская националистическая пресса не оставалась в долгу и развернула ответную кампанию, тон в которой задавала газета «Новое время», которая обращала внимание на враждебность и неблагодарность финнов по отношению к русским дачникам, приносившим немалый доход финляндской казне и частным лицам [21].

Наличие русских дачных поселков на Карельском перешейке было одним из обстоятельств, которое принималось во внимание при рассмотрении вопроса о присоединении части территории Выборгской губернии к коронным российским землям. Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского, созванное в ноябре 1910 г. под председательством главы правительства П.А. Столыпина, приняло решение приступить к разработке законопроекта о присоединении волостей Кивинеб (Кивеннапа) и Новая Кирха (Уусикиркко) к Петербургской губернии. Основную роль в принятии такого решения играли военно-политические соображения, однако в качестве одного из мотивов выдвигалось также намерение устранить неудобства для местных русских дачников, «вынужденных в настоящее время иметь дело с таможенными учреждениями при переездах из империи и обратно» [22, л. 52].

Не последнюю роль в принятии этого решения сыграло то обстоятельство, что в дачной зоне Карельского перешейка, буквально под боком имперской столицы, вольготно чувствовали себя русские революционеры. Один из большевистских лидеров, Л.Б. Красин, жил в поселке Куоккала и заведовал денежными средствами, которые ему передавались от комитета помощи политическим беженцам. В 1908 г. Красин был арестован в связи с событиями на хуторе Хаапала недалеко от Куоккала (где весной 1907 г. была раскрыта лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ), однако за недостаточностью улик его пришлось освободить [23, s. 116]. На даче «Вилла Вааса» в Куоккала, владельцами которой были проживавшие в Петербурге финляндские подданные Эдвард и Рут Энгестрём, с августа 1906 до конца ноября 1907 г. проживал В.И. Ленин. Здесь также бывали Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, С. Тер-Петросян (Камо) [6, s. 37–38]. Дачный поселок Терийоки был одной из важнейших опорных баз революционеров в Финляндии. Здесь с конца лета 1907 г. располагалась конспиративная дача ЦК РСДРП. В 1906–1907 гг. здесь же проводились конференции Петербургской организации партии. Поселок,

наряду с Выборгом, служил перевалочной базой оружия на пути его нелегальной транспортировки в Россию [24, с. 188–200, 204–206]. Железнодорожные станции и поселки Карельского перешейка служили перевалочными базами, местами временного хранения литературы. Оттуда нелегальные издания переправлялись в российскую столицу либо через Белоостров, либо через таможенный пост Кирьясало, который находился на территории имения, сын владелицы которого, Н. Е. Буренин, был участником подпольной революционной работы. Помимо литературы, на территории Финляндии хранились и затем переправлялись в Россию оружие и взрывчатые вещества; известны перевалочные базы оружия в Выборге и Терийоки. [24, с. 121–131].

В период первой русской революции 1905–1907 гг. Терийоки был известен как место проведения оппозиционных митингов, на которые приезжали многие петербуржцы. Один из таких митингов, состоявшийся в июне 1907 г., был описан в донесении МВД: «4 сего июня в общественном саду у станции Териоки по Финляндской железной дороге состоялся митинг, устроенный по инициативе членов "трудовой группы", представителей партий социалистов-революционеров, социал-демократов русских и финляндских и финляндской красной гвардии. После обоюдных приветствий толпа, выстроившись у вокзала и подняв красные флаги с разными революционными надписями на русском и финском языках, двинулась к общественному саду с пением "Марсельезы", "Варшавянки" и других революционных песен, а проходя мимо финского рабочего дома, остановилась на несколько минут и спела "Интернационал". <…> Все речи отличались крайне революционным содержанием, и почти каждый из ораторов заканчивал свою речь призывом к активной борьбе с правительством, после чего присутствующие аплодировали и кричали: "да здравствует вооруженное восстание"» [25, л. 29 – 29 об.].

Межведомственная комиссия, составленная из представителей нескольких министерств, под председательством сенатора С. Е. Крыжановского, разработала законопроект о передаче волостей Кивинеб и Новая Кирха в состав Петербургской губернии к концу 1913 г. В Финляндии законопроект вызвал однозначно отрицательную реакцию. Протестные настроения отразились и на отношении части местного населения к русским дачникам, которое стало меняться не в лучшую

сторону [8, s. 124]. При этом реакция некоторых российских подданных, владевших недвижимостью на территориях, которые подлежали передаче в состав России, на известия о грядущем переносе границы была несколько неожиданной: по сообщениям финских газет, они заявляли, что в этом случае они продадут свою собственность и будут искать возможность для новых приобретений в глубине финской территории, в случае необходимости вплоть до берегов озера Сайма [5, s. 205]. Финляндский сенат обратился к императору с ходатайством, в котором высказывалась точка зрения, что отделение указанных волостей от Финляндии нецелесообразно, тем более что и сами русские дачники не поддерживают эту идею [1, S. 534]. Начало мировой войны не позволило приступить к практическому осуществлению выработанного законопроекта.

С началом войны прибрежные финляндские области, в том числе дачный район Карельского перешейка, были объявлены на военном положении. Это обстоятельство, а также обострение политической ситуации в самой Финляндии, вызвали отток отдыхающих с Перешейка и рост интереса к окрестностям Петрограда как к местам для летнего отдыха. Строительство в пригородах Петербурга активизировалось, впрочем, еще в предвоенные годы: уже в 1912–1913 гг. в районе между Петербургом и Белоостровом отмечалось усиление спроса на бревна, доски, оконные рамы, двери и т. п. [11, л. 271 об.] Некоторые дачники, однако, не спешили покидать насиженные места и в продолжение войны оставались на территории Великого княжества, так как в Петрограде и в России в целом уже начинались перебои со снабжением продовольствием, в Финляндии же это пока не так ощущалось. Еще в мае 1916 г. полицейские органы сообщали, что число отдыхающих в Терийоки «чрезвычайно велико». [5, s. 210]. В эти годы в дачных районах Перешейка наблюдалось заметное развитие контрабанды, которая была застарелой проблемой российско-финляндского приграничья, причем в этот раз поток контрабандных товаров направлялся в основном в сторону России. Со временем экономические трудности, вызванные войной, стали ощущаться и в Финляндии. Русские дачники, пока еще располагавшие средствами, активно скупали продовольственные товары, что вело к их значительному удорожанию и явилось новым поводом для недовольства со стороны местных жителей [5, s. 211]. Революционные события весны и осени 1917 г. в России отнюдь не заставили всех владельцев

вилл и дач, находившихся в Финляндии, поспешить с отъездом на родину. Напротив, часть из них предпочитала наблюдать за развитием событий из Финляндии, надеясь переждать политические потрясения в России в остававшемся пока еще сравнительно спокойным финляндском приграничье. Некоторые русские дачники оставались на территории Финляндии и в декабре 1917 г., когда свершившимся фактом стало провозглашение финляндской независимости.

С 1918 г. власти независимой Финляндии стали принимать меры к тому, чтобы прибрать к рукам недвижимую собственность российских подданных на Карельском перешейке. 21 марта 1918 г., когда гражданская война в стране еще не закончилась, сенат уже обратил внимание на русские дачи на Перешейке и учредил комитет для рассмотрения вопроса о принудительном отчуждении недвижимости, принадлежавшей российским подданным, в пользу Финляндского государства. Осенью того же года был образован Комитет общин Карельского перешейка, члены которого считали своей главной задачей ликвидацию «чужого поселения на Карельском перешейке». Указом правительства от 22 октября 1918 г. были отменены постановления 1891 и 1893 гг., предоставлявшие российским подданным право свободного приобретения недвижимости в Финляндии и владения ею. Наконец, 24 октября 1919 г. в парламенте, после некоторых дебатов, был одобрен закон, согласно которому иностранным гражданам и организациям запрещалось приобретать недвижимость на территории Выборгской губернии без особого согласования с Финляндским государством [5, s. 210]. Все эти меры вели к постепенному исчезновению русских дачных поселений на Перешейке. К тому же многие владельцы дач, испытывая материальные лишения, вынуждены были сами продавать свою собственность и в поисках средств к существованию перебираться в другие районы страны или вообще уезжать из Финляндии. «Дачный вопрос» затрагивался даже на межгосударственном уровне: в протоколе одного из заседаний советской и финской делегаций на мирных переговорах в Тарту летом 1920 г. было записано, что «Советская Россия не имеет каких-либо претензий относительно находящейся в Финляндии собственности российских граждан» [1, S. 535]. Отдельные пустовавшие дачи в течение некоторого времени находились в пользовании школ и учебных групп, в которых обучались дети эмигрантов и беженцев из России, или

использовались как жилые помещения учителями этих школ. Однако к середине 1930-х гг. почти все русские школы на Перешейке прекратили свое существование. К концу 1936 г. в распоряжении комитета управления находились 4786 участков, из которых 2973 уже перешли в собственность государства [1, S. 537]. К концу 1930-х гг. проблему российской собственности в Финляндии можно было считать несуществующей. Точка была поставлена осенью и зимой 1939 г., накануне и во время советско-финляндской («зимней») войны, когда из приграничных местностей Карельского перешейка вглубь Финляндии было эвакуировано почти всё местное население, в том числе остававшееся русское.

Возрождение Карельского перешейка как дачной и курортной зоны для жителей России началось уже со второй половины XX в., после того как эта территория была уступлена Финляндией Советскому Союзу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Hämäläinen V. Die russische Sommerhausbesiedlung auf der Karelischen Landenge am Ende des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Band 34. 1986. Heft 4.
2. Pietarin Lehti, 1874, 7. syyskuuta.
3. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499.
4. Bodin P.-A. Karelska Näset som mötesplats för nordiskt och ryskt // Sverige och Petersburg. Vitterhetsakademiens symposium 27-28 april 1987. Stockholm, 1989.
5. Hämäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere, 1974.
6. Kiuru P. Kivennapa. Muistelmia ja kuvia entisestä kotiseudusta. Pieksamäki, 1961.
7. Финляндская Газета, 1909, 12 (25) мая.
8. Hämäläinen V. Vanhan Suomen venäläiset huvilaasukkaat // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Historiallinen Arkisto. 83. Helsinki, 1984.
9. Балашов Е. А. Русское население на Карельском перешейке (XVIII – первая половина XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Мат-лы ежегодной науч. конф. СПб., 2002.
10. Григорьева Н. А. Путешествие в русскую Финляндию. Очерки истории и культуры. СПб., 2002.
11. РГИА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 133.
12. Балашов Е.А. Карельский перешеек. Земля неизведанная. Вып. 1. СПб., 1996.
13. Финляндская Газета, 1909, 21 ноября (4 декабря)
14. Финляндская Газета, 1910, 18 ноября (1 декабря).
15. Финляндская Газета, 1912, 22 января (4 февраля).
16. Финляндская Газета, 1911, 18 (31) октября.

17. Финляндская Газета, 1913, 8 (21) января.
18. Katajala K. Rautatie suuntaa Itä-Suomen alueiden tuotantoa // Itä-Suomi ja Pietari. Kirjoituksia toimeentulosta suurkaupungin vaikutuspiirissä. Joensuu, 1997.
19. Санкт-Петербургские Ведомости, 1908, 2 июля.
20. Финляндская Газета, 1907, 4 (17) января.
21. Новое Время, 1907, 18 июня.
22. РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 921.
23. Kirby D. Suomi ja Venäjän vallankumouksellinen liike // Historiallinen aikakauskirja. 1970. № 2.
24. Усыскин Г. С. Из революционной истории Карельского перешейка 1820–1920. Л., 1987.
25. РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 16.

MUSAEV Vadim I. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: vmusaev62@mail.ru.

RUSSIAN COUNTRY LIFE IN THE KARELIAN ISTHMUS IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY AND THE FINNISH PUBLIC OPINION.

The article deals with the history of development of the Karelian Isthmus, which was a part of the autonomous Great Duchy of Finland, as an area of country and resort recreation for the residents of St. Petersburg and other parts of the Russian Empire. Considerable revenues to the Finnish treasury and to the local residents were brought by purchase and rent of estates and houses by the Russian subjects and by maintenance of the vacationists. On the other hand, influx of the Russians caused discontent of some strata of the local society who spoke out against growth of Russian cultural influence in Finland.

RUSSIA; FINLAND; KARELIAN ISTHMUS; FINNISH AUTONOMY; COUNTRY LIFE; PUBLIC OPINION.

УДК 94(47).082-083

Е. А. Ростовцев, Д. А. Баринов

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИМПЕРАТОРСКОГО ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1819-1917): ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ[1]

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатоьевитч – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до XX в., Институт истории СПбГУ;
Санкт-Петербургский государственный университет.
199034 Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

БАРИНОВ Дмитрий Андреевич – кандидат исторических наук, инженер-исследователь, кафедра истории России с древнейших времен до XX в., Институт истории СПбГУ;
Санкт-Петербургский государственный университет
199034 Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: barinov@spbu.ru

Статья посвящена истории физико-математического факультета Петербургского университета, являвшегося одним из наиболее крупных учебных и научных центров Российской империи. Одной из основных задач, решаемых данным исследованием – это рассмотрение структуры факультета, а также изменений, которые она претерпевала. Вторым ключевым моментом, на который мы обращаем внимание в статье – это особенности коллективного

[1]Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 23.38.328.2015 / The authors acknowledge Saint-Petersburg State University for a research grant 23.38.328.2015

портрета преподавателей университета, его сравнение с другими факультетами и университетов в целом.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ; КОЛЛЕКТИВНАЯ БИОГРАФИЯ; ВЫСШАЯ ШКОЛА; ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ; ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ; РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ.

Физико-математический факультет университета был образован на основе соответствующего факультета (отделения) Главного Педагогического института, к введению которого были отнесены следующие науки и кафедры – чистая и прикладная математика, астрономия, физика, химия, зоология, ботаника, минералогия и геодезия [0, с.112; 2].По Университетскому уставу 1835 г. его кафедры перешли в состав II Отделения философского факультета, однако затем, после реформы 1849 г., вновь образовали физико-математический факультет, который просуществовал до 1931 г., когда на его базе возникли т.н.«секторы подготовки кадров» по различным специальностям, на основе которых в свою очередь, в 1932–34 гг. был создан ряд факультетов – химический, математики и механики, физический и др. Нет сомнения в том, физико-математический факультет Петербургского университета императорского периода – одно из мест формирования ведущих российских научных школ в разных отраслях знания: математики, физики, химии, биологии, геологии, географии.

Во второй половине XIX – начале XX в. факультет стал общепризнанным науки в мировом масштабе. Достаточно, упомянуть, что на факультете в этот период работали ученые, имена которых по сей день составляют «визитную карточку» российской науки в мире: А.Н. Бекетов, П.И. Броунов, А.М. Бутлеров, А.В. Васильев, А.И. Воейков, Х.Я. Гоби, В.В. Докучаев, А.А. Иностранцев, А.О. Ковалевский, В.Л. Комаров, Э.Х. Ленц, А.А. Марков, Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, В.И. Палладин, Ф.Ф. Петрушевский, Д.С.Рождественский, С.С. Ростовцев, В.А. Стеклов, И.М. Сеченов, В.Е. Тищенко, А.А. Ухтомский, А.Е. Фаворский, А.С. Фаминцын, О.Д. Хвольсон, П.Л. Чебышев, Л.А. Чугаев, В.Т. Шевяков, В.М. Шимкевич и другие. Как отмечалось в литературе, факультет стал центром формирования ведущих российских научных

обществ (Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, Русское физико-химическое общество, Общество землеведения и др.) [См. напр.: 3].

Неудивительно, что литература, посвященная как отдельным персоналиям, работавшим на физико-математическом факультете, так и его научным школам огромна [См.: 4]. Интересно, что в корпоративной памяти универсантов образ «золотого века» науки, в котором корифеи прошлого выступают в роли «гигантов», на плечах которых существует современный ЛГУ утверждается во второй половине 1940-50-х гг. [5–18] несмотря на тяжелую обстановку в советском обществе и университете рубежа 1940–50-х гг. (борьба с космополитизмом, политические репрессии, «Ленинградское дело», т.н. факультетские «дискуссии» и т.п.) [19–21]. Показательно, что этот образ вполне сочетался с теми представлениями о «расцвете» русской науки предреволюционных десятилетий, который утверждался в западной научной литературе, в частности в текстах известного историка-эмигранта (и ех приват-доцента Петербургского университета) Г.В. Вернадского [22–23]. Разумеется, что изучение различных сторон научной истории факультета продолжилось и в более в работах более позднего времени [24–32] и по нашим наблюдениям значительно превосходит по крайне мере с библиографической точки зрения число работ, посвященных трем другим дореволюционным факультетам [См.: 33].

Однако следует отметить, что попыток составления коллективного портрета корпорации физико-математического факультета пока в литературе не предпринималось [За период с 1884 по 1916 г. определенные данные можно почерпнуть в нашей статье: 34]. Одной из причин этой ситуации является очевидная тенденция отраслевого изучения различных отраслей научного знания и биографики в сфере точных и естественных наук, которая доминировала в историографии XX – начала XXI вв. [См., напр.: 35–38]. Между тем, просопографические исследования, связанные с анализом коллективной биографии университетских преподавателей дореволюционной России, являются одной из важных тем, находящихся в центре научных штудий современной историографии [39, 40]. Причина этого интереса понятна – формальные университетские корпорации, основной структурной единицей которых в дореволюционной России

являлись *факультеты,* были основным центром научной жизни: защиты диссертаций, оставления при университете, избрания на преподавательские и научные должности, присуждение премий, принятие решений об организации кафедр, лабораторий и научных обществ и т.п. В этом контексте для понимания путей развития науки изучение *факультетской истории* исключительно важно. Среди тем, которые находятся в сфере внимания исследователей, – численность преподавателей, образование, прохождение карьеры и социальное происхождение, этнорелигиозный состав [См., напр.: 41]. Изучение этой проблематики по отношению к академической коллегии столичного университета, игравшей особую роль не только в российской науке, но и в обществе, позволяет лучше понять жизненный мир и мотивацию преподавательской корпорации одного из крупнейших университетов Российской империи. В настоящей статье мы хотим лишь наметить некоторые черты и проблемы коллективной биографии преподавательской коллегии физико-математического факультета столичного университета. Источники составления коллективной биографии разнообразны и включают в себя как печатные справочные издания МНП [42; 43; 44] и Университета [45; 46; 47], так и архивные материалы [В корпусе архивных материалов для составления коллективной биографии особое значение, разумеется, имеют формулярные списки: [48]. Авторы отдают себе отчет в том, что некоторые приведенные ниже данные в дальнейшем будут скорректированы по мере насыщения источниковой базы исследования. Однако, на наш взгляд, наши данные вполне достаточны с точки зрения отражения общих черт и тенденций коллективной биографии.

Важными для настоящей статьи являются следующие темы: численность профессоров и младших преподавателей, развитие карьеры, образование, сословное происхождение, семейное положение, публикационная и педагогическая активность. Разумеется, для нас было важно попытаться проследить эволюцию корпорации, выявить изменение ее статистических характеристик. В этом контексте мы выделили три хронологических отрезка деятельности физико-математического факультета примерно равные по времени: 1819–1850 гг. (*первый период*); 1851–1884 гг. (*второй период*) и 1884–1917 гг. (*третий, последний*

период). Такое деление обусловлено знаковыми институциональными переменами в университетской жизни: административной реформой 1849–1850 гг. и введением нового университетского устава в 1884 г. Другое разделение связано с различным статусом преподавателей, порожденным университетскими уставами 1804, 1835, 1863 и 1884 гг., – профессоров и т.н. младших преподавателей (учителя, лекторы, адъюнкты, приват-доценты, доценты, преподаватели и т.п.). При всех отличиях университетского устройства в разное время граница между этими двумя группами носила принципиальный характер: первые входили в факультетский и университетский советы и принимали решения, связанные с различными сторонами факультетской жизни, вторые этими правами не обладали. Поэтому переход из разряда «младших» в «старшие» являлся поворотным пунктом карьеры каждого университетского ученого; дальнейшие этапы повышения статуса в университетской иерархии (например, по Уставу 1884 г. получение званий ординарного профессора, заслуженного профессора) играли значительно меньшую роль, отражаясь только на жаловании. Еще меньшее влияние на академический статус ученого оказывало продвижение по табели о рангах, поскольку оно практически никак не меняло ни его положение в корпорации, ни размер вознаграждения. Впрочем, и эта тема заслуживает определенного внимания хотя бы потому, что, как показывают современные исследования, на момент введение в действие Университетского устава 1884 г. большинство профессоров российских университетов имели чины III–V класса, т. е. занимали высокое место в чиновной иерархии империи [49, с 141–142].

Структура факультета и дифференциация наук

Несмотря на то, что факультет представлял собой единую корпорацию с общей структурой и системой принятия решений, разумеется, вопрос о дифференциации наук, изучаемых и преподаваемых на факультете, является важным. Можно сказать, что эта дифференциация проходила по двум параллельным направлениям – кафедрам (связанным с академической жизнью преподавателей) и разрядами, направлениями, группами преподавания (связанными с специализацией студентов). Если углубление кафедральной специализации являлось общим трендом для

всего университета, то тенденции, связанные с дифференциацией преподавания были различными. Например, юридический факультет в пореформенный период отказался от традиционного деления на разряды, в противоположность остальным факультетам, в том числе физико-математическому, где специализация студентов усиливалась – составляя в 1880-х –1910-х гг. в разное время от 6 до 16 направлений (см. таблица 1 [Таблицы и диаграммы сост. по: 48, 50-58]). Важно, что университетские уставы не регулировали прямо направления преподавания, эти вопросы решались в разное время на уровне МНП или университетских советов.

Таблица 1.

Отделения, разряды, направления преподавания физико-математического факультета (1819-1917)

периоды	**отделения**	**направления преподавания**
1819–1850	Физико-математический разряд, естественноиспытательский разряд	
1851–1861	Разряд математических наук, разряд естественных наук	
1863–1884	Математический разряд, естественный разряд	
1885–1917	Математический разряд	До 1904 г. – по группам наук (8) 1904–1906: математика, астрономия, физика 1906–1912: математика, астрономия, физика (подгруппы: физика, физическая география и метеорология) 1912–1917: математика, астрономия, физика
	Естественный разряд	До 1904 г. – по группам наук (8) 1904–1906: химия, зоология, физиология животных, гистология, минералогия, геология, агрономия, техническая химия, география, метеорология 1906–1912: химия (подгруппы: физикохимия, минеральная химия, органическая химия), минералогия и геология, биология, география, агрономия 1912–1917: химия, география, агрономия

В то же время напомним, что в российской университетской системе (закрепленной университетскими уставами) основной научной единицей являлся не разряд, а кафедра, которая, впрочем, сама по себе не была самостоятельной административной структурой с собственными сотрудниками. К кафедре как направлению науки относились профессора и младшие преподаватели, при этом все они избирались факультетом и понятия «заведующий кафедры» не существовало. Если до 1884 г. количество кафедр фактически соответствовало числу профессоров, то по уставу 1884 г., ликвидировавшему должности штатных доцентов, оно стало их существенно превышать. Из факультетов российских университетов наиболее заметным расхождение между численностью кафедр и профессуры было как раз на физико-математическом факультете – на 10 кафедр по уставу 1884 г. полагалось по штату целых 17 профессоров [59, стб. 1003**]**. При этом решение о том, какую кафедру следует заместить одним, а какую большим количеством профессоров принимал совет факультета. Расписание кафедр физико-математического факультета представлено в таблице 2.

Таблица 2.

Кафедры физико-математического факультета (1819-1917).
Распределение преподавательского состава

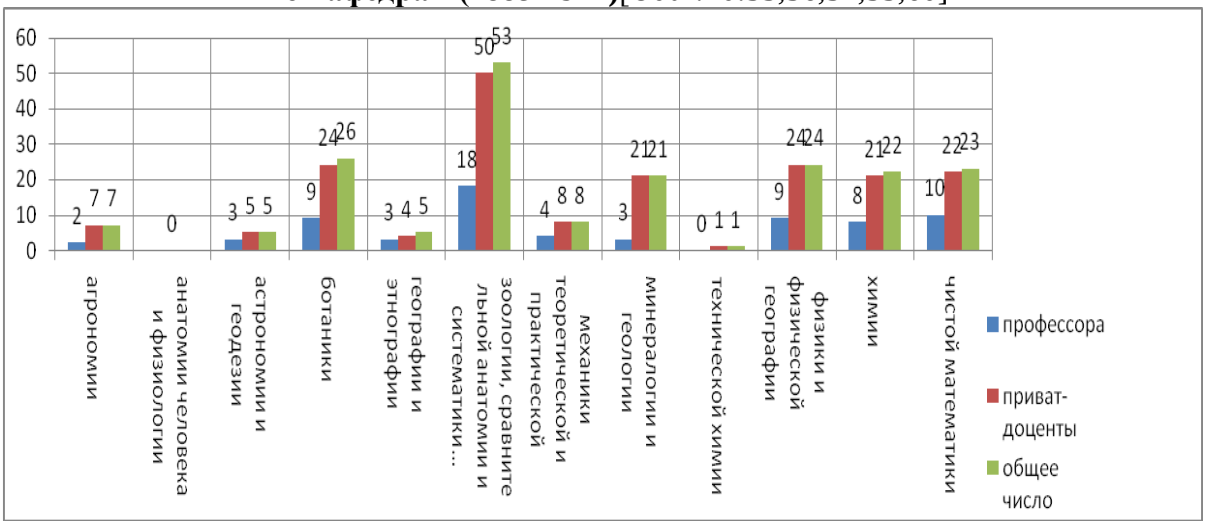
Названия кафедр	Хронологические рамки	Количество профессоров	Количество младших преподавателей	Общее число преподавателей
Ботаники	1819–1917	11	27	31
Химии	1819–1917	9	23	24
Зоологии	1819–1917	14	60	63
Географии и этнографии	1890–1917	1	6	7
Минералогии и геогнозии	1819–1884	5	8	9
Минералогии и геологии	1884–1917	3	18	20
Астрономии	1819–1863	1	4	5
Астрономии и геодезии	1863–1917	4	6	7
Агрономии	1835–1917	4	8	8
Сельского хозяйства	1859–1884	1	0	1
Механики практической и аналитической (практической и теоретической)	1863–1917	5	8	8
Технологии	1843–1846	1	0	1
Технологии и технической химии (*с 1884 г. – технической химии)*	1855–1860, 1886–1888	1	2	2
Физики и физической географии	1835–1863, 1884–1917	9	22	25

Физики		1819–1835, 1863–1884	6	13	14
Математики	Всего	15	33	35	35
	Чистой и прикладной математики	3	7	8	8
	Прикладной математики	2	1	2	2
	Чистой математики	11	27	28	28
Гражданской архитектуры и строительного искусства		1842–1843, 1851–1853[2]	1	1	2

Следует иметь в виду, что до введения в действие Университетского устава 1863 г. общее количество преподавателей почти целиком предопределялось штатным расписанием. С введением в 1863 г. института приват-доцентуры положение постепенно стало меняться. Однако кардинальные изменения произошли после начала действия следующего устава 1884 г., нормы которого, как отмечалось выше, предопределили перелом в кадровой ситуации в университете. Таким образом, в руках факультетов (в том числе физико-математического) оказалась возможность определять не только персональный состав, но и количество приват-доцентов по разным кафедрам (важно отметить, что от факультета зависело не только формальное разрешение преподавания, но и размер денежного вознаграждения каждого приват-доцента). Поскольку количество профессорских магистратур превышало число кафедр, закрепленных в уставе, факультеты также в определенной степени могли сами определять численность профессоров по разным кафедрам. В этом контексте для последующего периода данные о численности преподавателей отражают как приоритеты университета, так, до некоторой степени и академического заказа в науке на ученых разных специальностей. Распределение профессоров и приват-доцентов факультета по кафедрам в этот период представлено в диаграмме 1.

[2] С 1853 г. – на юридическом факультете.

Диаграмма 1.
Распределение преподавателей физико-математического факультета по кафедрам (1885-1917)[Сост.по:55,56,57,55,60]



Комментируя Диаграмму 1, следует отметить, что наиболее интенсивно развивались кафедры естественно-научного цикла: зоологии, ботаники, химии. Это положение в целом соответствовало и студенческим предпочтениям пореформенной эпохи – традиционному количественному доминированию естественников над математиками, начиная с середины 1890-х гг. [61].

Количество и качество: численность и научные регалии

Надо отметить, что физико-математический факультет делил первое место по общему количеству преподавателей с историко-филологическим факультетом: в изучаемый период на юридическом факультете трудилось 195 преподавателей, на физико-математическом факультете 251 (без учета лаборантов и ассистентов), на факультете Восточных языков 116, на историко-филологическом факультете 284 (261 без учета лекторов и преподавателей новейших языков), общее же число преподавателей с учетом «не приписанных к конкретным факультетам» (например, богословия, рисования, танцев) составило 859 человека. Таким образом, в фокусе нашего рассмотрения находится 251 человек (29,2% от общего числа). Всего из них 172 не ставших профессорами младших преподавателей (учителей, адъюнктов, доцентов, приват-доцентов) и 79 профессоров (экстраординарные, ординарные, почетные). Как же распределяются преподаватели по выделенным периодам? По нашим

подсчетам на физико-математическом факультете за период 1819–1850 гг., включая время его функционирования как II отделения философского факультета преподавало 38 человек (31,6% от преподавательского состава университета), в период с 1851 по 1884 г. – 71 человек (38, 7%), с 1885 по 1917 г. – 194 человека (37, 6%) (*Приложение. 1*). Количество профессорских магистратур было закреплено во всех университетских уставах, что же касается младших преподавателей, то начиная с устава 1863 г. их число регламентировалось лишь отчасти (применительно к физико-математическому факультету только в отношении доцентуры) и зависело от количества приват-доцентов, число которых стало резко расти в условиях действия устава 1884 г., упразднившего институт доцентуры, а также в ситуации резкого роста числа студентов факультета в 1890–1910-е гг.

Итак, рост преподавательского корпуса мог проходить только за счет заштатных и внештатных профессоров, а также приват-доцентов. Надо отметить, что в определенной мере эта тенденция проявилась уже во второй период, когда наличный состав преподавателей физико-математического факультета с 1863 г. вырос на 70,6 % (с 17 (1867 г.) до 29 человек (1884 г.)) [62, с.10]. Таким образом, к моменту введения нового устава и штатов 1884 г. физико-математический факультет состояла из 15 профессоров и 14 младших преподавателей (доцентов и приват-доцентов) [63, с.11]. При этом все доценты факультета (С.П. Глазенап, Х.Я. Гоби, А.И. Воейков) были переведены в разряд профессоров уже в январе 1885 г. [64, с.5–6], благо это позволяли новые университетские штаты. За третий период (данные с 1884 по 1916 гг.) мы можем констатировать значительный рост числа преподавателей с 29 до 82 человек, т.е. почти в 2,8 раза. Все это позволяет констатировать, что с точки зрения обеспечения штатами положение принципиально изменилось: если до введения устава 1884 г. большая часть преподавательского корпуса находилась в штате, что означало относительную материальную защищенность, право на выслугу пенсии, а также участие в академическом самоуправлении, то после 1884 г. абсолютное большинство преподавателей этих гарантий и прав уже не имело. Общая численность преподавателей факультета (без лаборантов и хранителей) за период с1884 по 1916 гг. составила по примерным оценкам 189 человек.

Рост профессорско-преподавательского состава достигался, главным образом, за счет той группы младших преподавателей, которая не получала фиксированного жалования – количество приват-доцентов имело четкую тенденцию к увеличению от 48,3% (1885 г.), до 57,4% (1895 г.), 63,9% (1905 г.) и, наконец, 64,6 % (1916 г.). Такая же ситуация только еще в более яркой форме происходит и на других факультетах: на историко-филологическом процент приват-доцентов составлял 43,3% (в 1885 г.) и 68,1% (в 1905 г.), юридическом 30% и 66%, восточный (по уточненным данным) 47,8% и 64%. Надо учитывать, что количество профессоров, так же как и учебно-вспомогательного персонала, определялось штатным расписанием и имело лишь слабо заметный тренд в направлении увеличения (за счет сверхштатных должностей и увеличения числа «заслуженных профессоров»). Понятно, что в этих условиях доля профессоров, в руках которых находились основные нити управления университетом, на протяжении рассматриваемого периода, напротив, сокращалась.

Итак, мы видим, что преподавательская корпорация университета институционально оказалась разделенной на две неравные части: меньшую – профессоров и большую – «младших преподавателей», число которых постоянно росло. Между тем, рост преподавательской корпорации за счет «младших преподавателей» был обусловлен не только следствием роста числа «оставленных на факультете», но в ряде случаев и необходимостью. Дело в том, что количество студентов в начале века значительно выросло. Так, если в 1885 г. на одного профессора факультета в среднем приходилось – 64 студента, в 1896 г. (с ростом числа «заслуженных профессоров») – 47 студентов, то в 1905 г. – 89 студентов, а в 1915 г. – уже 101 студент. Аналогична тенденция по другим факультетам: историко-филологический 16 (в 1885 г.) и 20 (в 1905 г.), юридический 70 и 186, восточный 7 и 30; всего по университету 52 и 87. Несмотря на то, что по количеству студентов с середины 1880-х гг. физико-математический факультет отдал пальму первенства юристам, объективно именно на физмате. В условиях предметной системы, когда студент был обязан прослушать определенное количество часов в год, приват-доценты не только «разгружали» профессоров, но и обеспечивали

основной объем аудиторных занятий. Естественно, что в результате таких изменений постепенно увеличивалось соотношение тех членов университетской корпорации, которые имели право голоса в университетском Совете, к тем, кто его не имел, к ним, кстати, помимо преподавателей можно также отнести лаборантов и хранителей различных кабинетов, не являвшихся при этом приват-доцентами, например, в 1913 г. таковых было 39,4% от общего числа сотрудников факультета. Все это вело в Петербургском университете, как и в других университетах к определенной напряженности в отношениях между «старшими» и «младшими» членами университетских корпораций, описанной в литературе [65, 66]. Другое дело, что здесь конфликт не носил столь острого характера в силу, в частности, того обстоятельства, что в Петербурге к разряду «младших» преподавателей зачастую принадлежали уже состоявшиеся ученые, занимавшие ведущие позиции в других высших учебных заведениях и Академии наук, а также в связи с тем, что профессорский совет столичного университета при обсуждении проектов нового университетского устава в отличие от других профессорских коллегий наставал на допуске в университетский совет «младших преподавателей» [67, с.175–214].

В среднем по университету процент докторов составлял 41,4%, по историко-филологическому факультету – 35,3%, восточному 21%, юридическому – 43,1%. При этом на момент назначения на должность за период с 1851 по 1884 гг. 64% преподавателей физико-математического факультета обладали докторской степенью и 71% степенью магистра, за период с 1885 по 1917 соответственно 40% и 60%. Некоторое снижение в процентом отношении, с нашей точки зрения, можно объяснить нормами устава 1884 г., упразднявшими институт доцентуры (требовала наличия магистерской степени) и резкое расширение института приват-доцентуры (в условиях постоянного роста числа студентов), к которой допускались люди без степени. Как правило, доцентура (затем приват-доцентура) была также необходимым этапом университетской карьеры на пути к профессуре: за всю дореволюционную историю из всех профессоров только несколько профессоров получили должность профессора, минуя карьеру младшего преподавателя. На других факультетах такая практика

была более распространена на юридическом – 45,8% профессоров не работали на должности младшего преподавателя университета, на историко-филологическом – 20,3%, на восточном – 19%.

Следует отметить, что наличие докторской степени вопреки нормам уставов 1835, 1863 и 1884 на практике не было обязательным, но, однако весьма желательным условием для обретения профессорского статуса. При этом, следует подчеркнуть, что его достижение было вовсе немыслимым без магистерской степени. Что же касается приват-доцентуры – то здесь та же картина – наличие степени желательно (на момент начала приват-доцентуры за период 1885–1917 ее имели 76,3%), но не обязательно. Согласно уставу 1884 г. и на практике допуском в число приват-доцентов являлась успешная сдача магистерских экзаменов [68].

Физико-математический факультет являлся, самым представительным по научным степеням, превосходя все другие факультеты как в абсолютных цифрах, так и в процентом отношении к общей численности преподавательского состава. Это единственный факультет, в котором «доктора» составляли уверенное большинство преподавательского состава для двух последних выделенных периодов.

Из дореволюционного состава факультета до 1917 г. 46 человек стали членами и членами корреспондентами Академии наук (соответственно 28 действительных членов и 18 членов-корреспондентов). После же 1917 г. Академию пополнили многие младшие по возрасту члены университетской корпорации: общее число академиков и член-корров РАН, работавших до 1917 г. на физико-математическом факультете составило 71 человек (в том числе 46 академиков и 25 член-корров) и 9 почетных членов. Следует отметить, что это не только самое значительное представительство в Академии из преподавательского корпуса физико-математических факультетов российских университетов, а также технических высших учебных заведений, но и самое значительное представительство среди факультетов Санкт-Петербургского университета – 41,5% от общего числа университетских академиков и член-корров. Впрочем, здесь надо иметь в виду, что представители гуманитарных и социальных наук хотя и составляли порядка 70% преподавательского корпуса университета, но в Академии, формируемой по Уставу 1836 г. физико-математическое

отделение традиционно составляло приблизительно 50% действительных членов (точного распределения устав не вводил) и 47% членов-корреспондентов [69].

Факультетские рекорды и специфика факультетской карьеры

Самый старший по дате рождения в нашей выборке геолог профессор Лоренц фон (Лаврентий Иванович) Панснер (1777-1851), работавший в университете с 1819 г. и покинувший его после репрессий против профессоров, проводившихся Д.П. Руничем [70]. Самый младший по рождению также геолог Вениамин Аркадьевич Зильберминц (1887–1939), ставший приват-доцентом в 1917 г. и расстрелянный в эпоху сталинского террора [71]. Позже всех из изучаемой группы скончался будущий академик Абрам Федорович Иоффе (1880–1960) – знаменитый физик, преподававший на факультете с 1913 г. в должности приват-доцента [72].

Постепенно рос и стаж работы на факультете. Если среди деятелей первого периода мы можем назвать всего одного долгожителя, работавшего на факультете более 40 лет – А.Н. Савича (1810–1881) – с 1839 – до кончины, то для второго таких уже 13 человек, а для третьего – 17 человек. Больше полувека отдали службе на факультете А.Е. Фаворский (1860–1945), П.А. Земятченский (1856–1942), Ю.В. Сохоцкий (1842–1927), В.Е. Тищенко (1861–1941). Дольше всех в советскую эпоху из дореволюционных преподавателей факультета – с 1911 г. идо смерти работал знаменитый зоолог Валентин Александрович Догель (1882–1955), преподававший с 1911 г.(с 1909 – хранитель кабинета, с 1911 г. – приват-доцент, с 1913 – профессор). Вообще же продолжительнее всех на факультете работал легендарный физик Орест Данилович Хвольсон (1852–1934) – 58 лет – с 1876 г. до кончины, а с учетом работы на непреподавательский должностях – П.А. Замятченский – 60 лет.

Статистические подсчеты представленные в Приложении 1. Наглядно показывают, как растет возраст вступления в должность (начала работы) – для начала карьеры в младшим преподавателем – с 31 до почти 35 лет и профессором с 35 до почти 41 года. Интересно, однако, сопоставить эти данные с другими факультетами: на историко-филологическом, рост по первому показателю был действительно

значителен на 10 лет (с 27 до 37), а по второму, напротив, минимален с 38 до 41 года, на юридическом факультете подобные показатели менялись мало: первый – с 33 до 35, второй с 37 до 41, на восточном, образовавшимся только в 1855: с 34 до 33,принеизменных профессорских 38 Всего по университету возраст младших преподавателей при вступлении в должность вырос с 31 до 35, профессоров с 37 до 41. Иначе говоря, очевидно, что для начала и, в особенности, для прогресса академической карьеры на физмате требовалось все больше времени и усилий. Косвенно это обстоятельство подтверждает и постепенное увеличение среднего срока службы в должности младшего преподавателя более чем в два раза с 3,9 до 9,4 лет. Здесь важна именно тенденция, поскольку саму профессуру в ходе университетской карьеры в эпоху университетского устава 1884 г. на физмате добывали все же быстрее чем на историко-филологическом (требовалось 10 лет службы) или юридическом (9,8 лет).

Между тем, несмотря на ужесточение требований к кандидатам на университетские должности законодательство, начиная с Устава 1835 г. создавало условия для ротации профессорско-преподавательских кадров. Нормы университетских уставов 1835, 1863 и 1884 гг. делали затруднительной (а Устав 1884 г. прямо невозможной) профессорскую службу в штате университета в течение более чем 30 лет. Разумеется, профессор мог после выхода на пенсию объявлять специальные курсы, участвовать в работе факультетского и университетского советов, что собственно и делали упомянутые выше «долгожители», однако все они вынуждены были оставить штатную профессорскую ординатуру. При этом, если в Уставе 1835 г. речь шла о совокупном сроке службы в должности профессора, то в Уставе 1863 г. уже о совокупном сроке службы в должности преподавателя, а в Уставе 1884 г. в обязательный зачет уже шла вся служба по МНП, включая службу на должностях научно-вспомогательного персонала [73, с. 160, с. 212, с. 271–272]. Такая ситуация открывала дорогу талантливым ученым и давала (хотя, разумеется, не всегда) получить профессуру довольно в молодом возрасте. Если проиллюстрировать наши наблюдения на конкретных примерах, видно, что ужесточение требований к преподавательскому корпусу

показывает распределение «самых молодых» преподавателей факультета по выделенным периодам. Так самыми молодыми преподавателями физмата за всю рассматриваемую эпоху стали в 21 год П.В. Тихомиров (в 1824), Ф.В. Чижов (в 1832) и Е.И. Золотарев (в 1868), 3-6 места делят начавшие преподавание в 23 года Н.Т. Щеглов (с 1823), Д.И. Менделеев (с 1857) и И.И. Мечников (с 1868). Нетрудно заметить, что среди перечисленных ученых нет ни одного приступившего к работе в последний период, после введения в действие Университетского устава 1884 г. – в этот период наиболее молодыми преподавателями стали А.А. Марков (1886), О.Д. Хвольсон (1890) и И.А. Клейбер (1892) приступившими к преподаванию в 24 года. В целом эту картину подтверждает и динамика занятия профессорской кафедры – быстрые защиты докторских диссертаций обеспечили в 27 лет профессуру Н.А. Меншуткину (1869), в 28 лет И.Ф. Циону (1870) и в 29 лет Н.Т. Щеглову (1829), А.Н. Савичу (1839), П.Л. Чебышеву (1850) и Е.И. Золотареву (1876). После введения устава 1884 г. самыми молодыми профессорами стали в 30 лет А.А. Марков и Д.П. Коновалов (оба в 1886 г.), в 31 год профессорами стали В.М. Шимкевич (1889) и В.А. Догель (1913).

Разумеется, университетская карьера была тесно связана с обретением ученых степеней, о значении которых упоминалось выше. Напомним, что Устав 1804 г. и «Положение о производстве в ученые степени» 1819 г. подробно регламентируя порядок магистерского и докторского диспутов в российских университетах, в то же время не предполагали обязательности наличия ученых степеней при замещении кафедр и должностей преподавателей. Поэтому в первом периоде на момент начала преподавания большинство младших преподавателей ученой степени не имело вообще, и, более того, она отсутствовала и почти у половины профессоров. Положение изменил университетский устав 1835 г. реальное введение в действие которого происходит в конце 1830-х гг. Устав требовал наличия хотя бы магистерской степени для адъюнктов и докторской степени для профессоров [73, с. 159], в то же время при введении его в жизнь уже действующим преподавателям университетов предоставлялась возможность защиты сразу докторской диссертации (минуя обычную процедуру) и, таким образом, сохранения за собой

искомой должности [74]. Тем не менее, в результате в российских университетах произошло значительное обновление профессорско-преподавательского состава [75]. Как уже отмечалось в литературе, одновременно происходит значительное обновление и разработка университетских учебных программ в соответствии с современным научным уровнем [76].

В этой связи надо отметить, что сама практика защит на физико-математическом факультете началась после введения Устава 1834 г.. Первым по всей видимости магистерскую диссертацию защитил В.Ф. Чижов (1811–1877), представивший в 1836 г. в факультет работу под названием«Об общей теории равновесия, с приложением к равновесию жидкостей и определению фигуры земли», докторскую – в 1839 А.А. Воскресенский (1809-1880) («О хинной кислоте и об открытом в ней новом теле хиноиле»). В 1917 г. последними до отмены системы ученых степеней новой властью магистерскую диссертацию «Экспериментальные исследования в области химической конституции силикатов. Хлорриты» защитил В.И. Искюль (1880-1932), докторскую диссертацию «Превращение пигментов пластид» защитил В.Н. Любименко (1873–1937). Всего на факультете было в дореволюционный период было защищено 416 диссертаций (магистерских – 287; докторских – 129) [77].

В Приложении 2 дано сопоставление времени защит магистерской и докторской диссертаций в разные периоды. Из них видно, что на физмате средний возраст защиты магистерской диссертации вырос от 25 до 32 лет, докторской с 29 до 37.Для сравнения – у историков и филологов вырос соответственно с 29 до 32 и с 31 до 39, у юристов с 25 до 32, и с 28 до 39, у восточников с 26 до 30, и упал с 38 до 37(Данные приведены за 1851–1884 гг., т.к. до 1850 г. на восточном отделении работал только 1 доктор наук). Всего по университету средний возраст защитивших магистерскую диссертацию вырос с 26 до 31 года, докторскую с 29 до 38 лет. Таким образом, видно, что гуманитарные диссертации в «допозитивисткую» эпоху давались более легко, однако, во второй половине XIX в. положение изменилось – с перенесением принципов «научного знания» в сферу социальных наук математику или естественнику защититься в более раннем возрасте стало проще. При этом если время подготовки второй

диссертации на физмате было стабильным, составляя около 6 лет, то, например, на историко-филологическом факультете оно значительно выросло (от 6 до 8 с лишком лет).

Академическая мобильность и научная эффективность

Сразу отметим, что факультет никогда не являлся замкнутой кастой – в первый период его выпускники (включая выпускников его предшественника – Педагогического института) в составе преподавателей составляли очевидное меньшинство в последующую эпоху положение поменялось: во второй период таковых было 64,8%, на третьем этапе 67,5%. Среди высших учебных заведений, помимо столичного университета (всего за период 62%), которые оканчивали будущие преподаватели факультета, лидировали Московский университет (8,2%), Юрьевский университет (4,3%), Медико-хирургическая (военно-медицинская) академия (3,1%). В то же время факультет был самым замкнутым. Для равнения – наименьшим по университету на факультете восточных языков был процент собственных выпускников среди преподавательского состава – 46%, 62,7% на историко-филологическом, 54,3% на юридическом. В целом по университету процент своих выпускников составлял 58,2%.

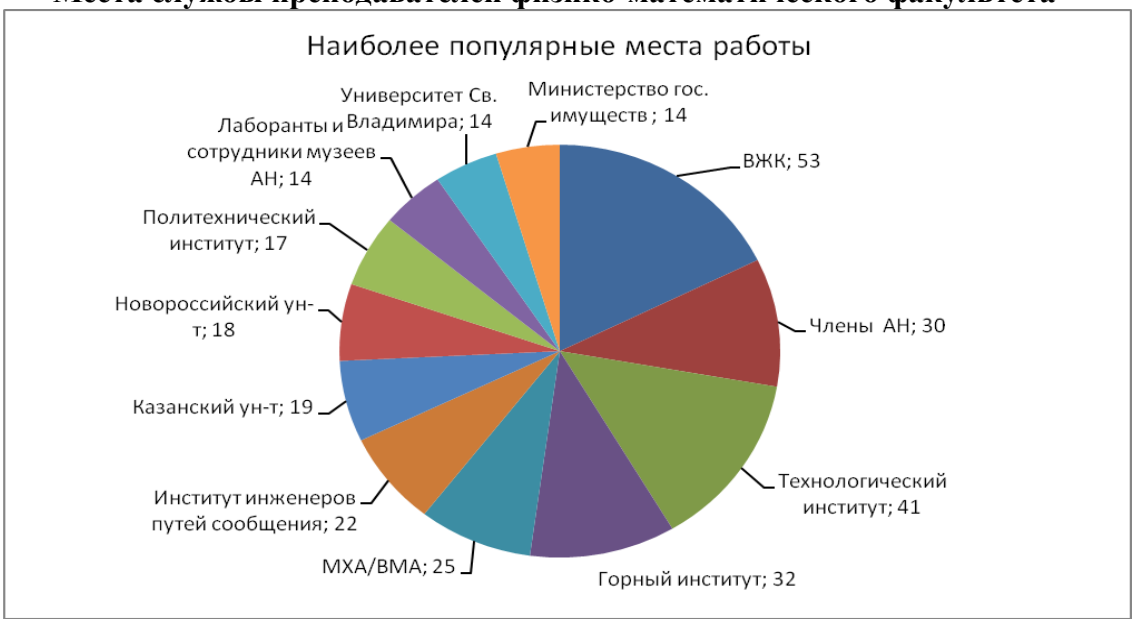
Среднее количество лет работы на физмате в университете составляло всего14,7 лет; в период с 1819 по 1850 гг. – 13,1, с 1851 по 1884 г. – 20,3, с 1885 по 1917 г. – 15,8. Для сравнения в среднем по историко-филологическому факультету преподаватели работали по 13,7 лет, юридическому – 12, 2 лет, восточных языков – 15,1 лет. В среднем по университету продолжительность работы составляла 14 лет.

Необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что карьера абсолютного большинства членов факультетской корпорации во все периоды была связана помимо университета с другими учебными и научными заведениями. Общие данные в этом отношении показывает диаграмма 2. Очевидные лидеры т.н. «женский университет» – Высшие женские (Бестужевские) курсы (53) и старейшее учебное заведение по профилю факультета – Технологический институт (41), из научных учреждения, разумеется, Академия (38 человек, включая научно-вспомогательный персонал академических учреждений). При этом,

разумеется, картина во времени менялась, а карьерные возможности преподавателей факультета расширялись. Если в первой половине XIX помимо Академии из мест службы, где служили по несколько членов факультета мы можем назвать только два учебных заведения (Институт инженеров путей сообщения и Горный институт), то, затем (1851-1884),география расширяется – помимо этих учебных заведений (где работало по 10 членов факультетской корпорации) это и другие российские университеты (прежде всего, Новороссийский в Одессе т св. Владимира в Киеве – где также трудилось по 10 человек) и другие учебные заведения столицы – ВЖК (16),Медико-хирургическая (военно-медицинская) академия (9 человек), Технологический институт (8) и пр. Более разнообразна, но сильно меняется картина на последнем этапе (1884-1917) – основное отличие от предшествующего в том, что помимо всех упомянутых учреждений широко представлены (не менее 9 человек) и другие университеты империи (Московский, Казанский, Юрьевский), а также открывшийся в Петербурге в 1902 г. Политехнический институт (17 человек).

Диаграмма 2.

Места службы преподавателей физико-математического факультета



Для научного мира XIX– начала XX в., разумеется, не существовало таких критериев «научной эффективности», которые приняты в современной наукометрии. Статистические изыскания в этой сфере носят в достаточной степени условный характер; в то же время по мере институционального становления университетского сообщества все

большее значение для определения статуса ученого и занятия определенной позиции в корпорации имели такие формальные атрибуты, как научная степень, публикации (монографические и в научной периодике). Данные о публикационной и преподавательской активности корпорации физико-математического факультета представлены в Приложении 3. Если поколение, пришедшее в университет в 1819–1850, в среднем имело менее 10 публикаций, то поколение 1851–84 гг. уже более 33, а последнее предреволюционное поколение – около 29 публикаций – это небольшое снижение, разумеется, связано с социальными условиями кризисного времени мировой войны и революции. Среднее количество публикаций до года смерти среди преподавателей факультета составляло 25,6 книг, до 1917 г. – 12,5, за один год до 1917 г. – 1,4. На восточном факультете соответственно 15,5, 7,9 и 0,6 издания; на историко-филологическом – 31,6, 12,4 и 1,1, юридическом – 22, 9,4 и 0,8, в университете в целом: 25,4, 10,4 и 1,1 (составлено по каталогу РНБ).

Примерно такая же картина (Приложение 3) относительно преподавательской активности. В среднем же преподаватель физико-математического факультета дореволюционной эпохи за всю свою карьеру читал порядка 4,9 разных курсов, по историко-филологическому факультету 6,7, по юридическому – 3,6, по восточному – 2,8.В целом по университету 1 преподаватель читал 5 различных курсов.

При этом, разумеется, что определенное влияние на количество читаемых курсов оказывали и институциональные перемены в устройстве корпорации и системе преподавания. В рамках последнего периода на одного преподавателя физ-мата ежегодно приходилось в среднем менее 2 курсов. При этом, несмотря на то, что общее количество курсов, читаемых на факультете росло, средняя нагрузка падала: так если в 1884/85 г. на факультете 32 преподавателями читалось 56 курсов, то в 1914/15 гг.74 преподавателями 115 курсов.Это положение, с нашей точки зрения, объяснялось тем, что система специализации студентов при всех переменах учебных планов (см. таблицу 1) существенно не менялась.

Социальные характеристики и социальная активность

Сразу следует оговориться, что данные о социальном происхождении преподавательского корпуса (см. *Приложение 4*) в настоящем обзоре не

полны и включают в себя опубликованные сведения [50] (частично дополненные данными формулярных списков профессоров и младших преподавателей за последний период [78]). Однако, как кажется, они достаточны для выявления общей тенденции. В первый период приблизительно половина преподавателей происходила из духовного сословия, которое в XVIII – начале XIX в., как известно, являлось одним из основных источников формирования кадров для образовательной системы страны. Во второй период дети духовенства по численности уступали на 8% детям дворянства; в третий период дворянство представляло почти половину студентов (46,9%), а вместе с детьми чиновников эта группа составляет 58,4% от общего числа преподавателей.

За весь период с 1819 по 1917 гг. на физико-математическом факультете работал 43,6% выходцев из дворянского сословия, 11,8% – детей чиновников и военных, 9,1% духовенства, на историко-филологическом соответственно 30,4 – 17 – 23,2, юридическом 29,5 – 15,9 – 17, восточном 12,8 – 3,5 – 9,3. Всего по университету 1819-1917 гг. картина такая: дворяне – 34,2%, сыновья чиновников и военных - 20,3%, купцы – 6,7%, интеллигенция – 6,7%, духовенство – 15,5%, мещане – 5,5%, иностранные подданные – 2%, казаки – 1,7%, ППГ – 3%, крестьяне – 4,4%. Таким образом, физико-математический факультет оказался самым «аристократическим» подразделением университета. Интересно, что эти данные вполне коррелируются с сведениями о социальном составе университетского студенчества эпохи устава 1884 г., где физмат как раз оказался наиболее привилегированным по социальному составу [79].

В целом данные позволяют говорить о том, что процесс демократизации образовательной системы, связанный с массовым наплывом в высшие учебные заведения (в том числе в Петербургский университет [80]) представителей непривилегированных сословий, не успел существенным образом сказаться на составе факультетской преподавательской корпорации. В то же время нельзя сказать, что сословная элитарность предопределяла высокий уровень благосостояния: из 40 профессоров физико-математического факультета, трудившихся в период с 1904 по 1917 г., только 7 человек владели имуществом (3 – землей и домом; 4 – только землей, 1 – дом и лавка) [Подсчитано по: 78]. Таким образом, очевидно, что для большинства источником

существования было университетское жалование. Фокусное исследование семейного положения факультетской профессуры (1904–1917), проведенное по формулярным спискам, показывает, что в браке состояли (или к этому времени овдовели) 82% профессоров, а в средней профессорской семье было по двое детей. [Подсчитано по: 78] Последний показатель, разумеется, был значительно ниже общероссийского [81]. Для сравнения на восточном 60% профессоров, и 1 ребенок на 2 семьи, на юридическом 77,5% профессоров, 2е детей на 1 семью, на историко-филологическом – 84,1% и 2е детей на семью.

Этноконфессиональный состав преподавательской корпорации факультета нуждается в дополнительных исследованиях, однако те данные, которыми мы располагаем относительно последнего периода (см. Приложение 5) показывают, что физико-математический факультет (наряду с юридическим) являлся самым «православным», и, как следствие, «русским» по составу и в этом отношении резко отличался от гуманитарных собратьев (историко-филологического и, в особенности, восточных языков).

Другой важный аспект, также, требующий дополнительного изучения – политическая и социальная активность членов корпорации. Предварительные наблюдения показывают, что в политическом отношении факультет был менее активен, чем остальные [82]. За единичными исключениями мы не найдем в его составе членов политических партий, хотя, разумеется общественно-научная активность была достаточно высока.

Так в области естественных наук наиболее известно Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, существовавшее при университете с 1868 г. Общество осуществляло деятельность по всей России имея более 400 действительных членов, в числе которых, кроме членов Физико-математического факультета, были практически все видные петербургские ученые, специалисты в области ботаники (1-е отделение), зоологии, физиологии (2-е отделение), геологии и минералогии (3-е отделение), не входящие в число формальных работников университета – это, прежде всего, преподаватели Горного, Лесного и Политехнического институтов, сотрудники Геологического комитета, других ученых учреждений города. Общество не только проводило

регулярные заседания, но и организовывало научные исследования и экспедиции, издавало собственные «Протоколы» и «Труды». Каждый том «Трудов» имел подзаголовок, отражающий профиль соответствующего отделения Общества: «Отдел Геологии», «Ботанический журнал», «Отдел зоологии». В этот период это были ведущие отечественные периодические издания в данных областях.[См.: 83, 84].

Рядом с Санкт-Петербургским обществом естествоиспытателей можно поставить Русское физико-химическое общество (при университете), которое состояло из двух отделений, Химического и Физического, каждое из которых, по существу, было автономно, объединяя соответственно лучшие научные силы города и страны в соответствующей науке [85, с. 86–100; 86, с. 137–153; 87, с. 197–200; 88, с. 190–206; 89, с. 194–207; 90, с. 194–207] Дело в том, что это Общество было создано в 1878 г. путем объединения двух уже существовавших при университете организаций: Химического общества (учреждено в 1868 г.по инициативе Д.И. Менделеева) [8] и Физического общества (учреждено в 1872 г.) [91]. Председательствовали (занимали должность президента общества) поочередно председатели двух его отделений [92, л. 32об.]; общество существовало за счет субсидий университета, Политехнического Института, Технологического института, Михайловской Артиллерийской академии, Горного института и других высших учебных заведений России. В частности, за счет этих средств Общество издавало свой печатный орган ЖРФХО (Журнал Русского физико-химического общества), который был единственным печатным органом русских физиков и химиков. Благодаря инициативе общества в декабре 1907 г. в Петербурге, в стенах университета, состоялся «Менделеевский съезд по общей и прикладной химии», который собрал более тысячи участников; в заседаниях съезда было сделано более 150 докладов. [87, с.199]. Впоследствии такие съезды стали регулярными [93, с.270].

Среди других обществ, связанных с факультетом укажем на Общество землеведения при С.-Петербургском университете (организовано в 1902 г.), которое имело сельскохозяйственную и «географическую» ориентацию [95]. Обществом (в котором было более 70 членов) руководил профессор географии П.И. Броунов (при секретарях Н.Н Зверинцеве и Г.Г. Шенберге). Общество проводило по несколько заседаний в год и также

издавало свои труды. Доклады, сделанные его членами, были связаны, главным образом, с изложением результатов личных географических экспедиций, проблем преподавания в географии в средней школе. Членами Общества были люди различных профессий – картографы, географы, этнографы, агрономы [85, с. 100–101; 86, с. 157; 87, с. 204–205; 88, с. 211–212; 89, с. 221–222; 90, с. 233–234; 96, с. 133–135; 97, с. 5–7; 98, с. 268–269; 99, с. 254–255]. Хотя такой пестрый состав, возможно, и снижал «академический» уровень занятий Общества, он делал его удобным для организации экскурсий для широкой публики. Так, Обществом была организована экскурсия для участников Летних преподавательских курсов при Санкт-Петербургском университете (которые собирали учителей средней школы со всей России) [87, 204]. К числу естественно-научных университетских обществ можно отнести и Русское антропологическое общество при С.-Петербургском университете (РАОПУ), основанном в 1888 г. Общество ставило целью «изучение человеческих рас вообще и преимущественно населяющих или населявших Россию в антрологическом, т.е. биологическом, этнографическом и археологическом отношениях», а также собирание коллекций, распространение антропологических знаний [100, с. 1; 101, с. 106]. Деятельность Общества заключалась, главным образом, в чтении докладов по разным отраслям антропологии (в которую, в понимании того времени, включались, все же главным образом, физиологические и антропоморфные аспекты жизнедеятельности человека), докладывались результаты антропометрических исследований проводимых в разных регионах страны [85, с. 101–102; 86, с. 157–158; 90, с. 129–131; 98, с. 264–267; 99, с. 252–254].

Университетские профессора и «младшие преподаватели» играли ключевую роль (а зачастую и возглавляли) многочисленные академические и «полуакадемические» организации столицы. Например, профессор Х.Я. Гоби являлся вице-президентом Императорского Российского общества садоводства; профессор А.А. Иванов – председателем Русского Астрономического общества.

Среди общественных просветительских заведений особое значение имело С.-Петербургское общество народных университетов (первоначально Всероссийское) [102, 340–341; 87, с.133; 88, с.152–153]. Секретарем Совета Общества являлся известный зоолог, приват-доцент

университета П.Ю. Шмидт. Настоящий лекционный центр развернулся с 1906 г. в т. н. Соляном городке. Так называлось место, расположенное на левом берегу Фонтанки, напротив Летнего сада. Там, на месте бывших соляных складов (отсюда и название) находились два известных культурных учреждения столицы – Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица (ныне «Мухинское училище») и Сельскохозяйственный музей; в начале XX в. в этих учреждениях развернулась активная просветительская деятельность [87, с. 154]. Среди профессоров и приват-доцентов, регулярно читавших публичные лекции с той или иной благотворительной целью, можно отметить астронома А.А. Иванова [87, с. 167], ботаников В.И. Палладина и С.В. Кравкова [87, с. 168], и многих других. Постоянной была вахта петербургских профессоров (В.И. Палладин, А.А. Иванов и др.) в Павловске, где проводились публичные лекции для народных учителей и учительниц [87, с.160, 167]. В 1906 г. приват-доцент физико-математического факультета известный биолог-популяризатор А.Г. Генкель учредил «курсы по энциклопедии высшего знания» [87, с. 115].

В самом университете идея организации «общеобразовательных чтений для народа» была выдвинута «Союзом студентов» в конце октября 1905 г. Хотя это предложение нашло поддержку ректора [103, Л. 64–65], реализовать его в условиях «закрытого» в условиях революции университета не представлялось возможным. Однако в 1906 и 1907 гг. в университете были учреждены летние курсы для учителей средней школы, на которых читали лекции профессора и преподаватели факультета физик И.И. Боргман, ботаник В.Л. Комаров, зоолог В.М. Шимкевич и др. [87, с. 145, 176; 104] Согласно отчету Педагогического Общества взаимной помощи (организовывавшего эти занятия), в 1907 г. лекции слушало более 500 учителей и учительниц из 184 местечек России [105].

Университетские преподаватели и профессорский Совет считали своим долгом откликаться на самые разные социальные призывы – так, например, осуществлялась помощь университета в организации общественнозначимых конгрессов, которые постоянно проводились в столице в помещении университета. В качестве примера укажем на столь различные мероприятия, как I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством (декабрь 1909 – январе 1910 г) [93, с. 273; 106, с. 142], Пироговский съезд

врачей (1910 г.) [107, с. 23], I Всероссийский съезд преподавателей физики, химии и космографии (1912) [93, с. 277] и т.п.

Примером корпоративной благотворительности в образовательной сфере является финансирование за счет университета низших учебных заведений, которые подали под его покровительство. Так с 1871 г. за счет пожертвований университетской корпорации содержалось Мариинское женское училище в селе Молвитине Буйского уезда Костромской губернии [108, 93, с. 7–8], информация о деятельности которого регулярно печатались в отчетах университета. Другой подобный пример – деятельность школы для детей служителей университета. Университетский совет в 1899 г. принял решение о создании«в возможно скорейшем времени начальной школы в память столетия рождения А.С. Пушкина для детей служителей университета, академии наук и историко-филологического института» [109, с. 25–28]. Школу планировалось открыть осенью 1899 г., однако в финансовых трудностей дело было отложено и, хотя финансирование устройства школы началось в 1900 г. [110, 111] ее открытие задержалось до 1906 г. [86, с. 54]. Школа располагалась непосредственно в университетском комплексе (в здании JeudePaume) и была объектом постоянных забот Правления университета: в 1908 г. число занимаемых ей помещений было существенно расширено в связи с ростом числа учащихся [88, с. 79–80]. Особо широким было участие преподавателей университета наряду с другими представителями петербургской интеллигенции в различных «обществах вспомоществования» учебным заведениям. Само собой разумеется, что большинство профессоров и многие приват-доценты считали своей обязанностью состоять в «Обществе вспомоществования студентам университета» (учрежденном еще в 1873 г.), которым с 1912 г. руководил бывший министр Народного Просвещения городской глава, граф И.И. Толстой [112; 113, с. 9–14].Однако очень многие преподаватели состояли и в других аналогичных обществах.Относительно физмата уместно указать, например, на «Общество вспомоществования студентам Петроградского политехнического Института» членами которого были математик А.А. Адамов, химик С.И. Курбатов, физик А.Ф. Иоффе и др. [114].

Возможно с тем обстоятельством, что физико-математический факультет был менее других политизирован в начале XX в., связано и то, что он меньше пострадал во время революционных потрясений 1917 г. и

последующей советизации, которая кардинальным образом изменила облик преподавательской корпорации. Действительно, уже к 1922 г. в Петроградском университете оставалось работать 45% от состава 1917 г. На юридическом – 29,6%, на физико-математическом – 67,6%, на историко-филологическом – 43,9%, на восточном – 29% [115, с. 598; 116, с. 22]. Схожа и картина и относительно данных по эмиграции преподавателей Петроградского / Ленинградского университета. Наименьший процент покинувших страну был среди сотрудников физико-математического факультета – 5,6% (для сравнения: юристы – 37,5%, историко-филологический факультет – 25,7%, факультет восточных языков – 22,5%) [117].

* * *

Приведенные данные позволяют сделать несколько общих предположений касательно коллективного портрета физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета дореволюционного времени.

Прежде всего, обращает на себя внимание парадоксальное обстоятельство: факультет с самой дифференцированной специализацией по разным отраслям знания и лидирующий по направлениям подготовки студентов занимал в количественном отношении относительно скромные позиции в университетской корпорации. Деля первое место с историко-филологическим факультетом по численности преподавательского корпуса, факультет, тем не менее, более чем в два раза уступал по этому показателю гуманитариям в целом. Между тем, факультет оказался самым представительным с точки зрения «вклада в науку» по формальным показателям, отраженным как в признании современниками (ученые степени и академические регалии), так и потомками (лидирующее число работ в библиографии, посвященной истории университета). В какой-то мере мы можем говорить о том, что физмат представлял собой своеобразную «корпорацию в корпорации» с собственными правилами и стандартами академической жизни.

Приведенные выше данные позволяют указать на несколько факторов, обеспечивших научное лидерство факультетской корпорации в долгосрочной перспективе. Прежде всего, это постоянная интенсификация научных исследований, отразившейся в стабильном росте публикационной

активности и динамике защиты диссертаций. Этому не могло не способствовать усиливающая конкуренция за профессуру в университете, что в свою очередь было обусловлено как характером законодательства, так и постоянным ростом числа «младших преподавателей». Нельзя не обратить внимание и на расширяющиеся карьерные и профессиональные возможности, которые открывал Санкт-Петербург перед учеными естественнонаучного и научно-технического профиля. Процесс постепенной «аристократизации» факультета также, несомненно, указывает на рост социального престижа работы на факультете.

Между тем, влияние ученых физматана общественно-политическую жизнь было весьма ограниченным, связанным, главным образом, с общественно-научными, просветительскими и благотворительными проектами. Это обстоятельство позволило факультету с меньшими потерями, чем гуманитариям пережить революционные потрясения и советизацию рубеже 1910–20-х гг. Действительно наиболее титулованный в академическом смысле физико-математический факультет практически не был затронут эмиграционным движением, что имело двоякие последствия для корпорации и науки. Нет сомнений в том, что фактическое отсутствие «утечки мозгов» создало хорошие перспективы для сохранения и развития научных школ в советское время в области естественных и точных наук, с другой стороны, остается неясным, способствовал ли выбор «остаться» успеху собственно научного творчества за «железным занавесом».

Разумеется, настоящая статья – лишь первый шаг к разработке коллективного портрета университетских ученых в сфере естественно-научного и точного знания. Среди важных направлений дальнейшей работы – расширение хронологического горизонта исследований на советский период, углубленный анализ данных по разным отраслям знания, сравнение коллективного портрета сотрудников университета с данными по другим высшим учебным заведениям и научным учреждениям, наконец, сравнение ученого сословия с другими профессиональными и социальными группами.

Приложение 1. Физико-математический факультет Санкт-Петербургского (Петроградского) университета в 1819-1917 гг. Профессора и младшие преподаватели: численность, время начала работы, динамика служебной карьеры

		1819–1850			**1851–1884**			**1885–1917**			**1819–1917**		
		Младшие преподаватели	Профессора	**Всего преподавателей**	Младшие преподаватели	Профессора	**Всего преподавателей**	Младшие преподаватели	Профессора	**Всего преподавателей**	Младшие преподаватели	Профессора	**Всего преподавателей**
Общее количество		34 (34[1])	14 (14[2])	**38[38[3]]**	63 (56)	47 (27)	**71[61]**	186 (150)	55 (38)	**192[153]**	240	79 (+14[4])	**251**
Возраст вступления в должность		31,3	35,1	-	31,5	38,3	-	34,8	40,9	-	33,1	38,6	-
Сроки работы		5,7	21,9	**13,1**	8	21,5	**20,3**	8,6	25,7	**15,8**	8	23,6	**14,7**
От преподавателя до профессора				**3,9**			**8,5**			**9,4**			**8,3**
Образование	СПб. Ун-т/ ГПИ до 1819	9	5	**11**	47	30	**46**	132	38	**131**	156	43	**156**
	Другое	15	7	**16**	13	16	**22**	49	15	**57**	68	31	**79**
	Нет данных	10	2	**11**	3	1	**3**	6	3	**6**	16	5	**16**

[1] В скобках указано количество тех, кто был назначен в данный период младшим преподавателем
[2] В скобках указано количество тех, кто был назначен профессорами в этот период
[3] В квадратных скобках указано количество человек, начавших работать в данный период
[4] Те что работали в 1819-1917 гг. и стали профессорами после 1917 г.

Приложение 2. **Физико-математический факультет Санкт-Петербургского (Петроградского) университета в 1819-1917 гг. Остепененность профессорско-преподавательского состава**

		1819–1850		1851–1884		1885–1917		1819–1917	
		Магистер.	Доктор.	Магистер.	Доктор.	Магистер.	Доктор.	Магистер.	Доктор.
Всего		5	10	55	63	164	115	188	140
Место защиты магистерской	СПб Ун.-т / ГПИ до 1819	1	3	45	45	122	68	147	87
	Другое	3	7	11	18	32	47	40	52
	Нет данных	1	1	0	0	0	0	1	1
Возраст защиты		24,9	28,6	29,1	32,8	32	36,7	31,6	35,4
От магистерской к докторской			5,6		5		6,2		5,9

Приложение 3. **Физико-математический факультет Санкт-Петербургского (Петроградского) университета в 1819-1917 гг. Публикационная и педагогическая активность**

Период	Среднее количество публикаций до года смерти	Среднее количество публикаций в годы преподавания до 1917 г.	Среднее количество публикаций за один год преподавания на 1 человек до 1917	Среднее количество наименований курсов за все годы преподавания до 1917	Среднее количество новых курсов за 1 год преподавания до 1917
1819-1850	9,1	4,6	3	3,1	0,3
1851-1884	33	20,4	1,1	6,7	0,3
1885-1917	29,1	14,3	1,3	5,1	0,3
Всего	**25,6**	**12,5**	**1,4**	**4,9**	**0,3**

Приложение 4. Физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, 1819–1917, социальное/сословное происхождение (в процентах)[1]

	1819–1850[2]	**1851–1884[3]**	**1885–1916[4]**	**Итого**
Дворяне	33,3	41,3	46,9	43,6
Духовенство	41,7	11	6,2	9,1
Дети почетных граждан	-	-	1	1,8
Дети чиновников	16,7	11	11,5	11,8
Казачество	-	-	2,1	1,8
Мещане	-	2,2	5,2	5,4
Интеллигенция[5]	-	19,2	16,7	15,5
Дети крестьян	-	6,5	5,2	4,5
Купечество	8,3	8,7	5,2	6,4

Приложение 5. Санкт-Петербургский университет. Вероисповедание профессоров и преподавателей на 1914 год (процентное соотношение)[6]

Вероисповедание	Профессора	Младшие преподаватели	Профессорско-преподавательский состав в целом
Историко-филологический факультет			
Православные	77,9	79,2	78,3
Католики	7,4	8,3	7,6
Протестанты	14,7	12,5	14,1

[1] Данные о социальном/сословном происхождении приведены так как они указаны в источниках: формулярных списках (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16336) или Списке профессоров и преподавателей физико-математического факультета имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916].

[2] Посчитано по 12 данным на 38 преподавателя.

[3] Посчитано по 46 данным на 71 преподавателя.

[4] Посчитано по 96 данным на 194 преподавателя.

[5] Для тех случаев, где указано — сын профессора, врача, музыканта и др.

[6] Сост. по: Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского Императорского университета за 1913 год. СПб., 1914.

Физико-математический факультет			
Православные	90,2	86,4	89
Католики	0	13,6	4,1
Протестанты	7,8	0	5,5
Армяно-григориане	2	0	1,4
Юридический факультет			
Православные	94,6	83,6	90
Католики	0	4,3	1,7
Протестанты	2,7	13,1	6,6
Иудеи	2,7	0	1,7
Факультет восточных языков			
Православные	66,7	44,4	47,5
Католики	0	5,6	4,8
Протестанты	33,3	16,5	19
Армяно-григориане	0	5,6	4,8
Буддисты	0	5,6	4,8
Мусульмане	0	5,6	4,8
Караимы	0	5,6	4,8
Нет данных	0	11,1	9,5
В целом по университету			
Православные	61,1	83,5	84,9
Католики	6,7	4,2	5,2
Протестанты	7,8	12,7	10,7
Армяно-григориане	0	1,4	0,9
Иудеи	0	0,7	0,5
Мусульмане	0	0,7	0,5
Буддисты	0	0,7	0,5
Караимы	0	0,7	0,5
Нет данных	0	1,4	0,9

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Статья Журнала Главного управления училищ. 15 января 1820 года. // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Собр. и изд. И.Л.Маяковский и А.С.Николаев; Под ред. проф. С.В.Рождественского. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919.
2. Представление Рунича Министру Народного просвещения от 31 января 1826 года с отчетом о состоянии С.-Петербургского университета и учебных заведений чего округа // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Собр. и изд. И.Л.Маяковский и А.С.Николаев; Под ред. проф. С.В.Рождественского. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919.
3. Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905-1917) // Университет и город в России (начало XX века). / Под ред. Т. Маурер и А.Дмитриева. М.: РОСПЭН, 2009. С.205-370.
4. История Санкт-Петербургского университета XVIII-XXI вв. Материалы к комплексной библиографии руководитель проекта, проф. А.Ю. Дворниченко // История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве. Режим доступа: http://history.spbu.ru/userfiles/Rostovcev/Bibliogr_2012.pdf (дата обращ. 1.06.2014)
5. Жуков И.И. Очерк истории химии в С.-Петербургском – Петроградском – Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция хим. наук. Л., 1946. С.93-111;
6. Делоне Б.Н. Петербургская школа теории чисел. М.; Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947;
7. Полянский Ю.И. Профессор В.А. Догель (К 40-летию научно-педагогической деятельности) // Вестник ЛГУ. 1947. №4. С. 159-162;
8. Волкова Т.Б. Русское физико-химическое общество и Петербургский-Ленинградский университет // Вестник ЛГУ. 1950. №5. Май. С.119-123;
9. Гогоберидзе Д.Б. Замечательный русский физик Э.Х. Ленц // Вестник ЛГУ. 1950. №2. Февраль. С. 3-29;
10. Догель В.А. История развития биологических наук в Ленинградском государственном университете // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция биологических наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. С.3-18;
11. Догель А.Ф. О.А.Ковалевский и Санкт-Петербургский университет // Вестник Ленинградского университета. 1951. №11. С.95-99;
12. Горшков П.М. Профессор Александр Александрович Иванов – основатель школы теоретиков-астрономов в Петербургском-Ленинградском университете // Вестник ЛГУ.1948. №9. С.111-121;
13. Кузнецов С.С. Крупный русский ученый Ф.Ю. Левинсон-Лессинг // Вестник ЛГУ. 1948.№5. С. 128-144;
14. Кузнецов С.С. Профессор Александр Александрович Иностранцев // Вестник ЛГУ. 1948. №3. С.136-148;
15. Полынов Б.Б. Роль Ленинградского университета в развитии науки о почве как отрасли естествознания // Вестник ЛГУ. 1947. №9. С. 151-162;

16. Толстопятов В.М. Александр Михайлович Бутлеров – творец теории химического строения органических соединений // Вестник ЛГУ. 1947. №10. С. 3-12;
17. Шилова Е.И. Докучаев в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1948. №7. С.125-130;
18. Васильев Л.Л. Николай Евгеньевич Введенский (К 25-летию со дня смерти) // Вестник ЛГУ. 1947. №10. С. 92-97.
19. Агитпроп ЦК о положении в советской математической науке в связи с обвинениями в преклонении "многих математиков" перед "иностранщиной". 27.10.1948 // Сталин и космополитизм. Фонд А.Н. Яковлева. Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69474 (дата обращения: 6.04.2014);
20. Гинецинская Т.А. Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, С.114-125;
21. Чеснова Л.В. Ю.И. Полянский и биология в Ленинградском университете (20-60-е годы) // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, С.212-222.
22. Vernadsky G. Rise of Science in Russia // Russian Review. 1969. Vol. 21. N. 1. P.42-52;
23. Hooson David J. M. The Development of Geography in Pre-Soviet Russia //Annals of the Association of American Geographers, Vol. 58, No. 2 (Jun., 1968), pp. 250-272
24. Смирнов А.И. Математическая физика в Петербургском-Ленинградском университете // Очерки по истории ЛГУ. Л., 1962. Вып.1. С.11-19;
25. Поляхов Н.Н. Развитие кафедры механики в Петербургском-Ленинградском университете // Очерки по истории ЛГУ. Л., 1962. Вып.1. С.25-27;
26. Полянский Ю.И. О научных зоологических школах Ленинградского университета // Очерки по истории ЛГУ. Л., 1962. Вып.1. С.29-38;
27. Макареня А.А. Химия в Петербургском-Ленинградском университете // Вестник ЛГУ. Физика, химия. 1969. № 4. Вып. 1. С. 19-33;
28. Линник Ю.В., Смирнов В. И. и др. Математика в Петербургском-Ленинградском университете. Л.: Изд-во ЛГУ. 1970;
29. Горшков П.М. Очерки по истории астрономии в Петербургском-Ленинградском университете / В.К.Вишневский, С. И. Зеленой, А. Н. Савич // Ученые записки ЛГУ. 1976. № 385. Сер. матем. наук. Вып. 32. С. 194-199;
30. Цыпленков В.П. Рождение новой науки: Развитие почвоведения в Петербургском – Петроградском – Ленинградском университете. Л., 1983;
31. Комаров И.В. Физика в Санкт-Петербургском университете в XIX в. // Очерки по истории СПбГУ. СПб., 2000. Т.8. С. 80-88;
32. Лопатухина И.Е., Поляхова Е.Н., Поляхов Н.Н., Лопатухин А.Л. Основные этапы развития петербургской школы механики в XIX столетии // Петербургские фрагменты научной картины мира. СПб.: СПбНЦ РАН, 2002. С. 47-63.
33. История Санкт-Петербургского университета XVIII-XXI вв. Материалы к комплексной библиографии. // История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве [Электронный ресурс] URL: http://museum.pu.ru/history/part1/part1.2/Biblogr_2012.pdf (дата обращ.: 05.03.2013).
34. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии

// Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 35–51.

35. Волков В.А., Куликова М.В.Российская профессура XVIII – начало XX вв. Физико-математические науки. Биографический словарь. СПб.: Міръ, 2008;

36. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII – начало XX вв. Биол. и мед.-биол. науки. Биогр. слов. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003;

37. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII – начало XX вв. Биографический словарь. Том. 2. Химические науки. / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН / СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004. С. 274; ISBN: 5-88812-150-9.

38. Биология в Санкт-Петербурге. 1703-2008: энциклопедический словарь / отв. ред. Э.И. Колчинский; сост.: Э.И. Колчинский, А.А Федотова. Санкт-Петербургский науч. центр РАН; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН. СПб: Нестор-История, 2011. С.566; ISBN: 978-5-98187-643-1.

39. Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln-Weimar-Wien: Böhlau, 1998;

40. Лоскутова М.В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX века: постановка проблемы и предварительные результаты исследования // Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – нач. XX в. / Отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 183–221.

41. Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917. Казань: Центр инновационных технологий, 2012.

42. Список лицам, служащим по министерству народного просвещения. СПб. [Пг.], 1865–1916;

43. Отчет Министра народного просвещения за 1834–1913. СПб. [Пг.], 1835–1916;

44. Список лиц, состоящих на действительной службе по С.-Петербургского учебному округу СПб. [Пг.], 1862-1916.

45. Отчеты С.-Петербургского (Петроградского) университета за 1836–1916. СПб. [Пг.], 1839–1916;

46. Объявления публичного преподавания наук в С.-Петербургском университете. СПб., 1824–1859;

47. Обозрения преподавания наук в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете. СПб. [Пг.], 1867–1917.

48. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 311, 1005, 1279, 13434–13475, 16328–16338; Оп. 6. Д. 393, 653, 852; Ф. 139. Оп. 1. Д. 2319, 3412, 1670, 19759, 19792, 19832 и др.

49. Сорокин А.Н. «Список лицам, служащим по министерству народного просвещения» как источник по истории профессорско-преподавательского корпуса российских университетов в конце XIX – начале XX вв. // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С.136–144.

50. Список профессоров и преподавателей физико-математического / историко-филологического / юридического факультета / факультета восточных языков имп. бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 года. [Пг., 1916]
51. Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб.: типо-лит. С.-Петерб. тюрьмы, 1901;
52. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802-1902. СПб.: М-во нар. прос., 1902;
53. Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: тип. В.Безобразова и К°, 1870;
54. С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории С.-Петербургского университета / Собр. и изд. И.Л.Маяковский и А.С.Николаев. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919;
55. Объявления публичного преподавания наук в императорском Санкт-Петербургском университете на 1825-1860 ак. г. от ректора и совета. СПб., 1824-1860;
56. Обозрения преподавания наук в С.-Петербургском университете за 1872-1884 ак. г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1871-1883. СПб., 1872-1884. №6-28;
57. Обозрения преподавания наук в Имп. С.-Петербургском [Петроградском] университете в 1867-1869, 1885-1916 гг. СПб: Пг., 1868-1916;
58. Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819-1917). СПб., 2012-2014 // Биографика СПбГУ. Режим доступа: http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html (Дата обращения: 01.02. 2015).
59. Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений министерства народного Просвещения. СПб., 1893. Т.IX. Царствование императора Александра III. 1884 год. Стб.1003.
60. Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/ Дата обращения: 20.08.2015.
61. Отчеты Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского) университета за 1894-1916 гг. СПб., [Пг.], 1895-1916.
62. Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета и деятельности его ученого сословия за 1883 год, читанный на акте 8-го февраля 1884 года. Ординарным проф. Ю.В. Сохоцким. СПб.: тип. Г.Шахт и Ко, 1884. Табл. 2.
63. Отчет по С.-Петербургскому университету за 1882 г. С приложением речи ординарного профессора В.П. Васильева. / Составлен орд. Проф. Ю.Э. Янсоном. [СПб., 1883].
64. Журнал заседания совета С.-Петербургского университета. 28 января 1885 г // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1885-86 академического года. СПб.,1886. №32.
65. Грибовский М.В. Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 2. С.103-108;

66. Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 108-133.
67. Труды совещания профессоров, образованного при министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб.: [Б.и.], 1906.
68. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819-1917) // Клио. 2013. №10. С. 36-41.
69. Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX – XX веков (Очерки истории). М.: Индрик, 2008.
70. Мигунов С.С., Жуковская Т.Н. Панснер Лоренц фон (Лаврентий Иванович) // Биографика СПбГУ URL: http: // bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/879.html Дата обращ.: 20.08.2015.
71. Сидорчук И.В., Ростовцев Е.А. Зильберминц Венеамин Аркадьевич (Аронович) // Биографика СПбГУ URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/ component/fabrik/details/1/1335.html Дата обращ.: 20.08.2015.
72. ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 1. Д. 10767. О защите Иоффе диссертации на степень магистра физики и о допущении его к чтению лекций в звании приват-доцента (май 1913 г.).
73. Общий устав императорских российских университетов 1835 г. // Уставы Московского университета. 1755–2005 / Сост. Е.И. Гена. М.: Империум Пресс, 2005.
74. Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С. 84-107.
75. Костина Т.В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–1837 годах // Уроки истории — уроки историка. Сб. ст. к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская; Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 234-242.
76. Брылевская Н.И. Становление Петербургской математической школы и реформы николаевского времени // Петербургские фрагменты научной картины мира. СПб.: СПбНЦ РАН, 2002.
77. Якушев А.Н., Кузнецов А.В. История русской диссертации в исследованиях Г.Г. Кричевского // Библиотековедение. 2007. № 5. С. 80-84.
78. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16328–16336.
79. Баринов Д.А. Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884-1917 гг.: статистический анализ // Клио. 2013. №10. С. С. 42-49.
80. Матвеев М.И. Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов // Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия. Сборник статей / Отв. ред. М.И. Матвеев. Тамбов: Б. и., 1981.
81. Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. Пг.: К.Л. Риккер, 1916. Ч. 2. С. 14–94.

82. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Санкт-Петербургская университетская корпорация в Революции 1905-07 гг.: опыт коллективного портрета // Клио. 2015. №8. С.116-122.
83. Обзор деятельности Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования (1868─1893). СПб.: тип. М.М.Стасюлевича,1893.
84. Andrews J. Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917-1934. Texas A & M University Press, 2003.
85. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1906;
86. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1907;
87. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1908;
88. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1909;
89. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа,1910;
90. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1911.
91. Чугаев Л.А. Русское физико-химическое общество // Наука и ее работники. 1922. №1. С. 14–20.
92. Устав Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д. 9934.
93. История Ленинградского университета. 1819-1969. Очерки. / Отв. Ред. В.В.Мавродин. Л: Изд-во ЛГУ, 1969.
94. Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет. Летопись 1724-1999. СПб.: С.-Петерб. ун-т, 1999.
95. Объяснительная записка к Уставу Общества землеведения при Императорском С.-Петербургском университете // Устав Общества землеведения при Императорском С.-Петербургском университете и объяснительная записка к нему. Кронштадт: тип. газеты «Котлин», 1903.С. 12-16.
96. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1912.
97. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1913. Отдел VIII;
98. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1914;
99. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1914 г. Пг.: тип. Б.М.Вольфа, 1915.
100. Устав Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете // Протоколы заседаний Русского антропологического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1888 г. изданные под

редакцией секретаря общества С.Н. Данилло. СПб.: типо-литография А.М.Вольфа, 1889. §2.
101. Тихонов И.Л. Петербургская палеоэтнологическая школа (этапы формирования) // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб.: СПбГУ, 1995. С.58-64.
102. Морозан В.В. Санкт-Петербургское общество народных университетов // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. Отв. ред. и сост. Л.А.Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 333-342.
103. Комитет «Союза студентов» СПб. Университета – в Совет профессоров СПБ. Университета, 24 октября 1905 г.// ЦГИА СПб., Ф.14. Оп.25 Д.36. Л.64-65.
104. Отчет о лекциях профессоров Императорского Санкт-Петербургского университета устроенных при университете С.-Петербургским педагогическим Обществом взаимной помощи // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1908. №63. С. 208–209.
105. Расписание лекций на курсах для учителей средней школы // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1908. №63. С. 209–211.
106. Протокол заседания Совета университета 23 ноября 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1910. №65.
107. Протокол заседания Совета университета 15 февраля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1911. №66.
108. Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 16 августа 1871 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1871-1872 гг. СПб.: типо-литография А.М.Вольфа, 1872. № 5. С.7-8.
109. Журнал экстренного заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 8 мая 1899 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1900. №55. С.25-28.
110. Журнал заседания Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 24 мая 1899 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1900. №55. С.65-66;
111. Смета прихода и расхода специальных средств Императорского Санкт-Петербургского университета на 1900 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1899 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1901. №56. С.41.
112. 25 лет деятельности Общества вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета, основанного 4 ноября 1873 г. СПб.: тип. Б.М.Вольфа, 1899;
113. Общество вспомоществования студентам Императорского Петроградского университета. Отчет за 1915 год. Пг.: тип. товарищества «Наш век», 1916.

114. Список членов // Отчет о состоянии и деятельности Общества вспомоществования студентам Петроградского Политехнического Института Императора Петра Великого за 1914/15 учебный год. Пг.: тип. товарищества «Наш век», 1915. С. 10–12.
115. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Столичный университет и мировая война: теория и практика «академического патриотизма» [Capital University and the World War: Theory and Practice of „Academic Patriotism“] // Былые годы. 2014. №34 (4). С.592-604.
116. Кривоноженко А.Ф. Профессорско-преподавательская корпорация Петроградского университета в 1917-1922 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (138). С.21-23.
117. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2016. № 1. С. 64-75.

ROSTOVTSEV Evgeny A. – Saint-Petersburg State University (SPSU). 199034, Mendeleevskaya linia, 5, St. Petersburg, Russia. E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru.

BARINOV Dmitry A. – Saint-Petersburg State University (SPSU). 199034, Mendeleevskaya linia, 5, St. Petersburg, Russia. E-mail: barinov@spbu.ru.

THE FACULTY OF PHYSICS AND MATH'S OF THE ST. PETERSBURG EMPEROR UNIVERSITY (1819-1917): STUDYING THE COLLECTIVE BIOGRAPHY.

This article is devoted to the history of St. Petersburg Emperor University's faculty of physics and math's, which was one of the most important centers of science and education in Russian Empire. The main problem that resolved in this research is the exploration of the faculty's structure and the changes it suffered. The second object we paid attention to is the special aspects of the faculty's collective portrait of the teacher's stuff, which were analyzed in comparison with other faculties and university in the whole.

ST. PETERSBURG UNIVERSITY; THE FACULTY OF PHYSICS AND MATH'S; COLLECTIVE BIOGRAPHY; HIGH EDUCATION; RUSSIAN EMPIRE; HIGH SCHOOL; NATURAL SCIENCES.

УДК 94(47).084.8

Ф. К. Ярмолич

ЛЕНИНГРАД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.: ПЛОЩАДКА МЕЖДУНАРОДНОГО ДИАЛОГА

ЯРМОЛИЧ Федор Кузьмич – кандидат исторических наук, научный сотрудник; Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук.
197110, ул. Петрозаводская д. 7, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: f.k.1985@mail.ru.

В статье рассматривается период массового посещения иностранными туристами Советского Союза. Отмечается особенная роль культурно-просветительных центров (Эрмитажа и Петергофа) в налаживании международного общения. Туристические группы становились не единственными «поставщиками» иностранных граждан в СССР. В это время активизируется поступление студентов из других государств в вузы Ленинграда. Открытие Советского Союза для иностранцев обострили определенные пороки советской системы, как в хозяйственной, так и в кадровой сферах.

ЭРМИТАЖ; ДВОРЦЫ ПЕТЕРГОФА; ИНОСТРАННЫЕ ТУРИСТЫ; МУЗЕИ; ЦЕНЗУРА; ЭКСКУРСИЯ.

В начале 1950-х гг. иностранцы начинают активно посещать СССР [1]. Во второй половине 1950-х гг. (после XX съезда КПСС) гости из-за рубежа становятся неотъемлемой частью «городского ландшафта» Ленинграда, именно в это время резко возрастает количество иностранных делегаций и туристических групп. Центрами их внимания при посещении Северной Пальмиры становятся Эрмитаж и Петергоф.

Увеличение туристических потоков из-за границы достаточно четко обозначили определенные недостатки советской действительности, которые были мало заметны ранее. Ощутил на себя это влияние «Запада» и Эрмитаж. Увеличение посещаемости музейного комплекса за счет зарубежных гостей привело к тому, что в вестибюле, гардеробе стали появляться очереди, обнаружился дефицит номерков, музейные указатели и схемы передвижения по Эрмитажу, которые должны были помочь посетителям ориентироваться были составлены и размещены очень небрежно и не продуманно. Несмотря на все попытки и стремление руководства решить проблемы в обслуживании посетителей, сложности остались и в начале 1960-х гг.

Неразбериха, при входе в музейный комплекс, стала не единственной проблемой. Много претензий вызывало оформление эрмитажного буфета и его работа. Собственно, главная задача музея состоит в формировании эстетических вкусов посетителей, но состояние мест общественного питания в Эрмитаже не способствовало этому. В документах, в которых подымается проблема оформления буфетов, отмечается, что буфетная стойка была обита черным гарнитолем, вся рванная в заплатках. Более того, очень беден оказался и ассортимент. Посетителям могли «полакомиться» только бутербродами, которые к тому же были очень дороги.

Нарекания вызывала и работа книжных киосков, в которых не было необходимой литературы: путеводителей, открыток, подарочных альбомов, сувениров. Каждый раз посетители, при желании приобрести на память о посещении Эрмитажа какие-либо предметы слышали отказ [2. Л.л. 115, 116].

В середине 1950-х гг. ощущался недостаток и экскурсоводов по залам Эрмитажа. Статистические данные показывают внушительный рост числа иностранных групп: в 1955 г. музей посетило 903 группы, а за три квартала 1956 г. 1.791 группа. Только от одного «Интуриста» поступило заявок на обслуживание 40 групп иностранных гостей в день.

Столь пристальное внимание гостей Ленинграда к музейной жемчужине города побудило администрацию Эрмитажа решать недостаток экскурсоводов весьма своеобразным способом – иностранные группы обеспечивалось экскурсоводами за счет советские граждане. Последним отказывали в экскурсоводах (они ставились только на иностранные

группы) и советские граждане должны были «бродить» по залам музея в одиночестве. Например, в 1956 году, за счет повышения количества экскурсий с иностранными туристами, Эрмитаж был вынужден уменьшить количество экскурсий с соотечественниками на 687 единиц. Однако и это мероприятие полностью не обеспечило потребности “Интуриста”.

Однако, когда начинались цикловые экскурсии для ленинградцев, иностранным гостям приходилось оставаться без внимания экскурсоводов. В этом случае экскурсии проводили сотрудники «Интуриста», правда, они не имели соответствующей квалификации.

Оставляя без профессиональных экскурсоводов своих соотечественников, сотрудники Эрмитажа понимали, что значительная часть таких «одиноких» посетителей приехала из дальних уголков СССР и, скорее всего, посетить Ленинград они уже больше никогда не смогут.

Желая обеспечить интересными экскурсиями и зарубежных гостей, и соотечественников администрация музея расширяла штаты. Однако увеличение количества экскурсоводов Эрмитажа не успевало за численным ростом посетителей музея: «силами сотрудников НПО и других отделов, Государственный Эрмитаж может обслужить в год, при максимальной нагрузке, не более 8 тысяч групп (при участии Городского Экскурсионного Бюро еще три тысячи), а минимальная годовая потребность определяется в 14–15 тысяч экскурсий» [3. Л.л. 115, 116].

Собственно посещение иностранцами туристами культурных достопримечательностей Ленинграда рассматривалась властями не только как фактор культурного сближения народов, но и возможность проведения мероприятий, направленных на пропаганду мира и мирного сосуществования стран [4. Л. 69].

Другая культурная жемчужина Ленинграда – Петергоф, испытывала на себе все те же трудности, которые проявились и в Эрмитаже. Зарубежные гости в Петродворце сталкивались со скудным наименованием продуктов питания в буфетах, малопригодных для отдыха рекреационных зонах, конечно, ощущался и дефицит экскурсоводов.

К плохому обслуживанию посетителей парка добавилась и другая проблема – «шпионаж». На июльском заседании партийного собрания за 1960 г. сотрудников парка обсуждался вопрос о том, что среди

иностранных гостей, которые приезжают на экскурсии в Петродворец, есть шпионы. Конечно, никаких секретных сведений и военно-стратегических объектов на территории фонтанов Петергофа не было, но они, как считали «компетентные люди» выбирались иностранными агентами для встреч, на которых передавались секретные сведения. При этом сотрудников парка призывали быть более острожными при общении с посетителями и при разговорах по телефону. Конечно, со всеми работниками парка проводились соответствующие занятия по государственной безопасности [5. Л. 34].

Ленинград посещали не только иностранные туристы, учебные заведения во второй половине 1950-х гг. открыли свои двери для зарубежных студентов. Среди молодых людей завязывались дружественных, творческих и профессиональных связей.

Для понимания иной культуры и ментальности, и предотвращения возможных конфликтов среди студентов проводились культурно-массовые мероприятия, так называемые «вечера дружбы». Например, в институте связи имени Бонч-Бруевича организовывались интернациональные встречи, на которых советских студентов гости из других стран знакомили с историей и культурой своей родины. На таких вечерах иностранные гости рассказывали о Китае, Польши, Болгарии, Румынии, Чехословакии [6. Л. 58].

Вместе с этим советская молодежь вела и переписку с иностранными ровесниками. Например, в Невском ДК был организован «Клуб девушек», основная цель которого заключалась в помощи молодым девушкам в будущем стать хорошими хозяйками, но вместе с этим на его базе можно было вести переписку с молодежью из-за рубежа [7. Л. 2].

Желание переписываться с людьми из других стран возникало не только у молодежи, взрослые ленинградцы в том стремлении им несколько не уступали. Примером такого эпистолярного жанра может послужить ответное письмо, датированное 16 декабря 1957 г., из Китая от председателя Всекитайской федерации профсоюзов Лай Жо-юй Нине Ивановне Симоновой [8. Л. 24]. История этой долгой переписке скрывается за горизонтом архивных документов и, к сожалению, в архиве сохранилось только одно письмо. Из него становится ясно, что Лай Жо-юй Нина

Иванова попросила прислать для лечения своих родных корни «Женьшеня», что ее китайская подруга и сделала, переслав в Ленинград посылку с соответствующим лекарством, о чем и сообщала в письме Нине Ивановне. Однако этой просьбой Н.И. Симонова не ограничивалась. Она попросила Лай Жо-юй узнать о возможности переписываться с китайскими учениками. Вторая просьбы была тоже выполнена. Лай Жо-юй передала ее на рассмотрение Пекинскому Совпрофу, о чем и сообщила в письме Нине Ивановне.

Обучение иностранцев в советских учебных заведениях внесло корректировку в поле деятельности советской цензуры. С середины 1950-х гг. ленинградское отделение Главлита должно было недопускать передачи учебной литературы иностранными студентами, обучающихся в советских военных и технических учебных заведений, своим государствам.

Сохранились документы, в которых указывалось, что ряд студентов иностранных государств пересылали литературу с ограничительными грифами в страны, откуда они приехали. Также отмечались случаи, когда эту категорию печатной продукции пересылали своим коллегам из других государств и советские преподаватели.

В письме секретарю ленинградского Областного Комитета КПСС тов. Попову А.И. от начальника Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Леноблисполкоме Н. Соколова, эта ситуация описана. В нем отмечалось, что в КНДР было зафиксировано 4 случая отправки литературы корейскими учащимися; в КНР – 2 случая, в первом отправителем был китайский студент, а во втором – военнослужащий Опарин А.Г., который переслал в Китайскую Народную Республику книгу “Руководство для лабораторных работ по курсу “Электроприводы””; в ГДР – 2 случай. Пересылкой литературы занимался немецкий студент, а также профессор Чистович А.С. отправил книгу “Труды ВМА” профессору А. Мете из ГДР и т.д. [9. Л.л. 2–4].

К 1958 г. органам цензуры так и не удалось исправить эту ситуацию, и пересылка литературы из советских военных учебных заведений в другие страны не была прекращена [10. Л.л. 52–59].

Органы цензуры должны были контролировать и циркулирование конспектов иностранных студентов, но это оказалось несколько

затруднительно: «Ленобллитом неоднократно ставился вопрос о порядке контроля конспектов лекций студентов и аспирантов – иностранных граждан, обучающихся в советских ВТУЗах, при выезде их за границу. Указание Главлитом СССР о том, что проверка конспектов входит в компетенцию КПП погранвойск, практически не осуществляется. Органы КПП погранвойск в Ленинграде самоустранились от этой работы. Представляется целесообразным установить такой порядок вывоза конспектов, при котором ВТУЗ, где учиться иноподданный, после проверки конспектов, выдавал бы ему справку для таможни на право вывоза их за границу. … Ленобллит ликвидировал цензорский пункт в Аэропорту, но до настоящего времени часто встречается необходимость выезда туда цензоров для контроля ввозимой в СССР советскими гражданами инолитературы, так как представители таможни и КПП, из-за незнания иностранных языков, не всегда в состоянии разобраться в характере изданий» [11. Л.л. 43, 44].

Развитие международных связей со второй половины 1950-х гг. между СССР и другими государствами привело к изменению сложившихся стереотипов, частичному преодолению отчужденности между странами, в тоже время массовое посещение иностранных туристов Советского Союза наглядно показало слабость сферы обслуживания населения, в целом крайне негибкое реагирование административной системы на запросы населения и гостей Ленинграда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Подробно вопросы организации приема иностранных граждан в Ленинграде см. **Хрипун В.А.** Иностранцы в Советской России в 1950-е –1960-е гг. (на материалах Ленинграда): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: защищена 06.10.2011 / В. А. Хрипун; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Защищена 06.10.2011. – Санкт-Петербург, 2011. – 28 с. –Библиогр. в сносках. – Библиогр.: с. 27-28.

2. Материалы комиссии по подготовке партсобрания (документ прикреплен к протоколу №1 от 6/VII-1962 г.-Ф.Я.) // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее ЦГАИПД СПб). Ф.1605. Оп.9. Д.17.

3. Тезисы доклада на партийном собрании Гос. Эрмитажа на тему: “Научно-просветительная работа отдела в свете решений XX с”езда КПСС” (23 октября 1956 г.) // ЦГАИПД СПб. Ф.1605. Оп.9. Д.1.

4. Отчет о работе Партбюро парторганизации КПСС Государственного Эрмитажа за период с июня 1958 по октябрь 1959 г. // ЦГАИПД СПб. Ф.1605. Оп.9. Д.10.
5. Протокол №16 закрытого партийного собрания парторганизации дворцов-музеев и парков гор. Петродворца от 8 июля 1960 г. // ЦГАИПД СПб. Ф.3712. Оп.6. Д.17.
6. Стенографический отчет конференции работников профсоюзных клубов, домов, дворцов культуры г. Ленинград и Ленинградской области. Заседание секции по организации отдыха 18 декабря 1956 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф.р-6276. Оп.273. Д.75.
7. Отчет о культурно-массовой работе профсоюзных организаций города Ленинграда и Ленинградской области за 1957 год // ЦГА СПб. Ф.р-6276. Оп.273. Д.230.
8. ЦГА СПб. Ф.р-6276. Оп.273. Д.402.
9. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее ЦГАЛИ СПб). Ф.359. Оп.1. Д.61.
10. Протокол №7 закрытого партийного собрания Ленобллита от 13 – 14 октября 1958 г. // ЦГАИПД СПб. Ф.1669. Оп.6. Св.8. Д.7.
11. Отчет о работе управления по охране военных и государственных тайн в печати при Леноблисполкоме за 1959 год // ЦГАЛИ СПб. Ф.359. Оп.1. Д.65.

YARMOLICH Fyodor K. – Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. 197110, Petrozavodskaya st., 7, St. Petersburg, Russia. e-mail: f.k.1985@mail.ru.

LENINGRAD IN THE SECOND HALF OF 1950 - EARLY 1960-IES.: PLATFORM FOR INTERNATIONAL DIALOGUE.

The article deals with the period of mass foreign tourists visiting the Soviet Union. It noted a special role of cultural and educational centers (Hermitage and Peterhof) in promoting international communication. Tourist groups became not only "providers" of foreign citizens in the Soviet Union at this time is activated admission of students from other universities of Leningrad. Opening the Soviet Union for foreigners have exacerbated certain vices of the Soviet system, both in economic and in human resources areas.

HERMITAGE; THE PALACES OF PETERHOF; FOREIGN TOURISTS; MUSEUMS; CENSORSHIP; EXCURSION.

УДК 94(47+57)

И. В. Сидорчук

БИОГРАФИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

СИДОРЧУК Илья Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт истории СПбГУ;
Санкт-Петербургский государственный университет.
199034 Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: i.sidorchuk@spbu.ru

Статья посвящена рассмотрению просопографических и историко-биографических исследований, реализуемых Центром истории Санкт-Петербургского государственного университета, созданного в 2011 году. Данные исследования проведены в рамках нескольких проектов по истории университета и высшей школы, осуществляемых на базе Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Показаны достижения сотрудников Центра в этой области и проанализированы перспективы дальнейшей работы, ее значимость в рамках изучения истории отечественной науки.

БИОГРАФИКА; ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ; САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ; ИСТОРИЯ НАУКИ; ИСТОРИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

Проблема роли личности в истории обращала на себя внимание уже первых профессиональных историков. К началу XXI в. развитие исторической науки позволило вывести исследование темы на совершенно иной уровень. Среди проектов, реализуемых отечественными

* Работа выполнена в рамках НИР СПбГУ (23.38.328.2015).

специалистами, большая заслуга в этом принадлежит коллективу Центра истории Санкт-Петербургского государственного университета, созданного в 2011 году. Основной объект изучения сотрудников центра – история старейшего университета России, его профессоров и преподавателей, научных школ.

Исследование истории науки для России – это не просто изучение идей и концепций в их развитии. Исторические особенности науки в нашей стране (высокая степень зависимости от власти, идеологизация, активное участие ученых в общественно-политической жизни и пр.) позволяют заявить, что обращение к проблеме способно открыть окно к более широким историческим темам. Таким образом, изучение биографий отдельных представителей науки при грамотном подходе превращает исследование узкой корпорации в работу, результаты которой могут быть востребованы историками, специализирующимися на изучении политической, социально-экономической истории, истории культуры и повседневности. Полученные выводы могут вызвать интерес и у представителей смежных наук – социологов, культурологов, психологов, экономистов.

Одной из основных задач биографики является раскрытие индивидуальности человеческих личностей [1]. Это выдвигает перед специалистами в области истории науки требование детального исследования биографии ученых, делает необходимым поиск новых источников и учета данных, которые могут быть проигнорированы в другом случае. Тем более что речь идет о коллегах, создававших и хранивших университетские традиции, и цена отстраненного изучения для их преемников может быть очень высока. Речь идет как раз о «вчувствовании» в прошлое и том самом признании «чужой одушевленности», стремлении приблизиться «к научно-психологическому пониманию прежде бывшей психики», к чему призывал один из ведущих представителей петербургской университетской исторической школы А.С. Лаппо-Данилевский [2, с. 349].

Среди проектов по истории Петербургского университета первым по времени начала реализации стал «История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве» (*руководитель – доцент кафедры «История России с древнейших времен до XX в. Е.А. Ростовцев*). В его

рамках был создан единый обновляемый каталог по университетской истории, материалы которого представлены на сетевом ресурсе – сайте «История в виртуальном пространстве» (http://history.museums.spbu.ru/). Данные материалы используются в построении биографической базы разных групп универсантов. Опытом построения такой базы стал портал «Биографика Санкт-Петербургского университета» (http://bioslovhist.history.spbu.ru/), к настоящему моменту содержащий более 1600 биографий.

В целом формирование портала было связано с реализацией 3-х проектов. Помимо вышеуказанного, это «Коллективная биография профессоров и преподавателей Петербургского университета (1819–1917): сетевой биографический словарь» (источник финансирования – ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры», рук. проф. Р.Ш. Ганелин) [3] и «Сетевой Биографический словарь историков Петербургского университета (XVIII–XX вв.)» *(источник финансирования – РГНФ, проект №12-01-00191, рук. проф. А.Ю. Дворниченко)* [4].

Поставленные коллективом задачи потребовали создания формуляра биографической справки, который содержит как традиционные и обязательные для подобных задач разделы (ФИО, годы жизни, образование, вклад в науку, основные труды, биобиблиография, архивы и пр.), так и те, которые позволяют раскрыть личность ученого (общественная деятельность, происхождение, семейное положение) и его место в истории Петербургского университета (учителя/ученики, диссертации, этапы карьеры в университете, основные курсы).

Проект «Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей», посвященный преподавателям дореволюционного периода, к настоящему времени практически завершен – размещены материалы по более 90 % профессорско-преподавательского состава университета. То есть речь идет не только об ученых «первого ряда», но и о тех, кто в силу разных причин не оставил заметного следа в истории петербургской науки (начиная от преподавателей танцев и музыки и заканчивая инородцами, преподававшими языки на факультете восточных языков). Таким образом в большинстве случаев представленные биографические справки носят

эксклюзивный характер, вводят в информационный и научный оборот новые сведения об ученых университета.

Близок к завершению и проект «Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв.». Словник словаря включает в себя профессоров и преподавателей Академического университета, Главного Педагогического института, Историко-филологического факультета университета императорского периода, ФОНа, Ямфака, Историко-лингвистического факультета и, наконец, исторического факультета Ленинградского / Санкт-Петербургского университета. С 2015 г. проект получил дальнейшее развитие благодаря началу реализации работ в рамках НИР СПбГУ «Биографический словарь философов Санкт-Петербургского университета» (рук. проф. А.В. Малинов), проводимого совместно с Институтом философии СПбГУ [5].

Подобных результатов невозможно было бы достигнуть без привлечения широкого спектра источников, многие из которых в историографии зачастую игнорировались. В частности, речь идет об обозрениях преподавания, отчетах университета, формулярных списках. Применительно к послереволюционной истории особую важность приобретали материалы, хранящиеся в Объединенном архиве СПбГУ (личные карточки и пр.). Особо стоит отметить, что огромный пласт этих материалов был оцифрован и выложен на портале, что делает их доступными всем желающим.

Наличие подобного библиографического и архивного материала позволило сотрудникам Центра проводить оригинальные исследования, о которых также стоит сказать несколько слов. В первую очередь, речь идет о традиционных биографических статьях, посвященных выдающимся универсантам (прежде всего историкам и филологам) [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14]. В принципе, исследователями были охвачены все эпохи, что позволило приблизиться к выстраиванию единой линии развития исторической науки в университете, показу преемственности поколений ученых, уникальности субкультуры петербургских ученых-историков. Внимание привлекали и взаимоотношения (подчас весьма сложные) профессоров [15, 16, 17, 18], история их взаимодействия с властью [19], актуальная для дореволюционной эпохи тема женщин-преподавателей [20] и т.д.

Проводимые исследования позволили сотрудникам Центра по-новому отнестись к «юбилейным» статьям, зачастую, к сожалению, являющимся лишь частью коммеморативного ритуала. В работах, посвященных таким видным представителям петербургской исторической науки, как В.А. Якубский, Г.А. Лебедева, Г.А. Тишкин, Ю.Д. Марголис, А.Д. Столяр и др. [21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28], традиционный панегирический стиль дополняется серьезным историческим исследованием, основанным на многих ранее не публиковавшихся данных. Это позволило не только отдать дань памяти и уважения старшим коллегам, но и способствовало сохранению чувства преемственности между поколениями ученых.

Одной из наиболее сложных, но одновременно интересных задач стала подготовка исследований, посвященных еще здравствующим или совсем недавно скончавшимся историкам. Анкетирование, интервью, знакомства с родственниками и друзьями – все эти во многом нетипичные для историков приемы активно использовались сотрудниками Центра. При этом излишне говорить о той осторожности, которую необходимо проявлять при изучении совсем недавнего прошлого, особенно учитывая особенности развития истории в университете в последние десятилетия (ее деидеологизация в 1990-х гг., внутрифакультетские конфликты, научные и личностные разногласия и пр.).

Отдельный вектор исследований Центра – тема университетских традиций [29]. Речь идет не только о научных традициях изучения истории в Санкт-Петербургском университете, хотя вопрос связей учитель / ученик и научной школы и является подчас принципиально важным. Одновременно не менее значимыми оказываются повседневные традиции, сформировавшие особую научную субкультуру со своими неписанными правилами, без понимания которых невозможно ее исследование. Например, весьма показательной является традиция революционных коммемораций [30], изучение которой способствует пониманию особенностей формирования коллективной памяти как студенчества, так и профессорско-преподавательского состава. По сути революционные коммеморации «становились основой для формирования нового мнемонического континуума русской интеллигенции, а университет, в котором проходила его “апробация”, выступал в качестве одного из мест

производства массовых представлений для “освободительной” версии коллективной памяти» [30, с. 89].

Значительный пласт исследований в рамках реализуемых проектов посвящен университетской корпорации, ее особенностям, ценностным ориентирам, политическим взглядам. Ученое сообщество, особенно в дореволюционной России не только отличалось активным участием в общественной жизни страны, но и наличием определенных претензий на то, чтобы являться элитой общества, устанавливающей для него ценностные ориентиры и нормы. Существенную роль сообщество играло в формировании взглядов студенчества – одной из наиболее активных прослоек общества. Весьма оригинальны и отношения сообщества с властью, выражавшиеся, с одной стороны, в требованиях университетской автономии, а, с другой, в увеличении государственного финансирования высшего образования и науки [31, 32]. В ряде работ рассмотрены проблемы, традиционно актуальные для научной корпорации, – интриги, споры, научная и околонаучная борьба [Напр.: 33]. Изучение этой темы, в числе прочего, может способствовать лучшему пониманию роли интеллектуальной элиты в формировании гражданского общества в России начала XX в. [34].

Интересной новацией, осуществляемой сотрудниками Центра истории СПбГУ, является создание коллективных портретов профессоров и преподавателей университета [35]. Отдельные статьи посвящены коллективной биографии сотрудников историко-филологического факультета [36], юридического [37], в печати находятся статьи по истории кафедры философии [38], факультету восточных языков [39] и кафедры истории России [40]. В них рассматриваются особенности количественного, сословного, этноконфессионального состава студенчества и преподавательского состава. Изменения характеристик преподавательского сообщества исследованы на фоне изменений правительственной политики в университетском вопросе. На основе широкого спектра опубликованных и архивных источников, а также справочных ресурсов по биографике Петербургского университета авторами были проведены максимально корректные подсчеты структуры и численного состава факультетов и кафедр, и средних чисел, связанных с жизнью и научной карьерой. Это позволило

составить комплексную картину истории университетских факультетов и сообщества петербургских ученых (юристов, историков, филологов, философов), провести сравнение с общеуниверситетскими особенностями развития науки и жизни ученого сообщества, на основании просопографических данных показать специфику положения ученых в составе университетской корпорации.

Особенно важным для изучения истории науки и ее представителей является судьба и поведенческие стратегии ученых в кризисные моменты истории страны, ведь роль интеллектуальной элиты может являться определяющей для судьбы общества. Анализ широкого круга источников помог исследовать вопрос о роли профессорской корпорации университета в такие ключевые и трагические для истории страны моменты, как Революция 1905–07 гг. [41, 42], Первая мировая война [43, 44, 45], Гражданская война и вынужденная эмиграция [46], репрессии 1930–50-х гг. [47], Великая Отечественная война [48, 49].

Как крупнейший просветительский центр Петербургский университет способствовал формированию национальной идентичности народов империи, подготовке национальной элиты территорий, входивших в состав империи, а впоследствии и СССР. В связи с этим, учет национальной специфики при исследовании университетской истории является принципиально важным для формирования комплексного взгляда на проблему. Особую роль в жизни и судьбе университета сыграли национальные студенческие корпорации, в частности, эстонцев, немцев, поляков и т.д. [50, 51], а также национальные группы в составе профессоров и приват-доцентов [52, 53]. Они способствовали как росту влияния русской науки, так и развитию национального самосознания ряда территорий страны.

Сказанное позволяет заключить, что важнейшими факторами успеха исследований по биографике науки и высшей школы в России является комплексность и продуманность алгоритма исследований, а также наличие единого научного коллектива. Необходимым условием является наличие постоянно обновляемого и пополняемого информационного ресурса с удобным интерфейсом, что позволяет публиковать архивные материалы и исследования, открывая их не только членам исследовательского

коллектива, но и всем желающим. В дальнейшем Центр планирует развивать исследования в области биографики. В частности, речь идет о петербургских историках дореволюционного периода, не работавших в университете. Данный проект начал осуществляться при поддержке РФФИ (№ 16-06-00528 «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в., рук. проф. А.Ю. Дворниченко): биографическая база данных и информационный ресурс»). В рамках продолжающихся проектов внимание будет обращено на философов Ленинградского университета, а также историков, работавших на кафедре Истории ВКП(б) (Истории КПСС), зачастую незаслуженно забываемых современными историками науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вахромеева О.Б. Биографика как вспомогательная историческая дисциплина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 3. С. 81-83.

2. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1.

3. Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917) / Ред. коллегия: проф. Р.Ш. Ганелин (руковод. проекта), проф. А.Ю. Дворниченко (отв. ред.), доц. Т.Н. Жуковская, доц. Е.А. Ростовцев (отв. ред.), доц. И.Л. Тихонов. Авторский коллектив: А.А. Амосова, В.В. Андреева, Д.А. Баринов, Ю.И. Басилов, А.Б. Богомолов, А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, А.Л. Корзинин, Е.Е. Кудрявцева, С.С. Мигунов, И.А. Поляков, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев, А.А. Рубцов, И.В. Сидорчук, А.В. Сиренов, Д.А. Сосницкий, И.Л. Тихонов, А.К. Шагинян, В.О. Шишов, Н.А. Шереметов. – [Электронный ресурс] URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html (дата обращения: 16.04.2016).

4. Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв. / Ред. коллегия: проф. А.Ю. Дворниченко (руковод. проекта, отв. ред.), проф. Р.Ш. Ганелин, доц. Т.Н. Жуковская, доц. Е.А. Ростовцев (отв. ред.), доц. И.Л. Тихонов; Авторский коллектив: А.А. Амосова, В.В. Андреева, Д.А. Баринов, А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук, А.В. Сиренов, Д.А. Сосницкий, И.Л. Тихонов, А.К. Шагинян и др. – [Электронный ресурс] URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/hist1.html (дата обращ.: 16.04.2016).

5. Биографический словарь философов Петербургского университета / Авторский коллектив: А.В. Малинов (отв. ред.), Е.А. Ростовцев (отв. ред.), Д.А. Баринов, И.В. Сидорчук, Д.А. Сосницкий и др. – [Электронный ресурс] URL: http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/ph.html (дата обращ.: 16.04.2016).

6. Дворниченко А.Ю. Г.Ф. Миллер и российская историческая наука // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Мат-лы междунар.

науч.-практ. конф., посв. 300-летию со дня рожд. первого ректора ун-та Г.Ф. Миллера и 60-летию Музея истории СПбГУ. СПб., 2006. С. 9-17.
7. Дворниченко А.Ю. Г.В. Вернадский и Петербургская историческая школа // Клио. 2013. №10 (82). С. 88-92.
8. Дворниченко А.Ю. С.Н. Валк и Санкт-Петербургский университет // Клио. 2013. №10 (82). С. 126-129.
9. Малинов А.В. Орест Миллер и славянофильство // Соловьевские исследования. 2015. № 2 (46). С. 8-20.
10. Малинов А.В. План теории обществоведения А.С. Лаппо-Данилевского (опыт реконструкции) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. № 4. С. 54-60.
11. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский в петербургской университетской корпорации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. №3 (68). С. 29-43.
12. Ростовцев Е.А., Шишов В.О. С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX-начале XXI в. // Клио. 2013. №10 (82).С. 138-144.
13. Тихонов И.Л. А.С. Лаппо-Данилевский и археология // Клио. № 12 (84). 2013. С. 115–119.
14. Аркадьев В.В., Гатаулина Г.М., Тихонов И.Л. Профессор А.А. Иностранцев и его деятельность в протоколах заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета // Вестник СПбГУ. Сер. 7. Геология. География. 2014. № 1. С. 62–77.
15. Жуковская Т.Н. Переписка А.Е. Преснякова с друзьями 1890-1899. (Подг. текста, вступ. ст., коммент.) // Мир историка: историографический сборник / Ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск, 2007. С. 376-438.
16. Жуковская Т.Н. Переписка М.В. Нечкиной с С.Б. Окунем // «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. Документальная монография по ред. Е.А. Рудницкой и С.В. Мироненко. М., 2011. С. 625-645. Публикация (в соавт. с В.Г. Бухертом), вступит. статья, комментарии.
17. Жуковская Т.Н. С.Ф. Платонов и А.Е. Пресняков: история взаимоотношений // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 424-430.
18. Ростовцев Е.А. Обзор дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 43-87.
19. Сидорчук И.В. Н.Я. Марр и государственная культурная политика 1917-1930 гг. // Вестник С.-Петербургского университета. Серия 2: История. 2011. №4. С. 88-93.
20. Тихонов И.Л. Первые женщины – преподаватели в Санкт- Петербургском университете // Гуманитарное образование и социальный контекст: гендерные проблемы: Мат-лы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 25- 28 июня 2007 г./ Отв. ред. О.В. Попова. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. Гос. ун-та, 2007. С. 36-45.

21. Дворниченко А.Ю. Профессору Владимиру Александровичу Якубскому – 85 лет. // Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики. СПб., 2009. С.11-28.
22. Дворниченко А.Ю., Якубский В.А. Галина Евгеньевна Лебедева (к юбилею ученого и педагога) // Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и раннего Нового времени. СПб.: Из-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. Вып. 8. С. 6–14.
23. Крымская А.С., Жуковская Т.Н. Преданность университету (памяти Г.А. Тишкина) // Санкт-Петербургский университет. 2011. Октябрь. № 12 (3837). С. 50-52.
24. Ганелин Р.Ш. Юрий Давидович Марголис в его окружении // Уроки истории-уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996). СПб., 2012. С. 56-57.
25. Жуковская Т.Н. Наследие Ю.Д. Марголиса: идеи, рукописи, ученики // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996). Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 9-20.
26. Дворниченко А.Ю. О Григории Алексеевиче Тишкине // Памяти профессора Григория Алексеевича Тишкина (1941-2011). СПб., Европейский дом, 2013. С. 11-14.
27. Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А. Борьба за историю. // Родина. 2014. №10. С. 133-137.
28. Носов Е.Н., Тихонов И.Л., Алексеев А.Ю., Осташинский С.М., Пиотровский М.Б., Пиотровский Ю.Ю., Теребенин В.С., Чугунов К.В., Васильев С.А., Всевиов Л.М., Гиря Е.Ю., Сакса А.И., Хвощинская Н.В., Шумкин В.Я., Козинцев А.Г., Чистов Ю.К., Ельяшевич А.М., Державин В.Л., Сорокин А.Н., Энговатова А.В., Кнут Арне Хельсог. Столяр Абрам Давидович (10.05.1921 – 20.04.2014) In memoriam // Российская археология. 2014. № 4. С. 181–183.
29. Жуковская Т.Н. Из истории университетских традиций // Санкт-Петербургский университет. 2012. 16 февраля. № 2 (3844). С. 13-20
30. Ростовцев Е.А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX-XX вв. // Клио. 2011. № 4. С. 89-99.
31. Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905 – 1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 75-121.
32. Ростовцев Е.А. Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. № S4. С. 47-52.
33. Жуковская Т.Н. О «лжеучености», корысти, интриганстве и корпоративной этике: пороки в университетской среде первой половины XIX в. // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции, инновации». Мат-лы науч.-метод. конф. 16-17 февраля 2010. Петрозаводск, 2010. Ч. 1 (А – К). С. 16-26.
34. Ростовцев Е.А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу //

«Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII - начала XX в. (отв. сост. А.Ю. Андреев) М.: РОССПЭН, 2009. С. 139-156.

35. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884 – 1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско - преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917 гг.: исследования и документы. Под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012. С.35-51.

36. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. 2013. № 10(82). С. 36–41.

37. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Сосницкий Д.А. Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14: Право. 2015. № 4. С. 112-127.

38. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Кафедра философии Санкт-Петербургского университета (1819-1917): коллективный портрет // Философские науки. 2016. № 3. С. 135-147.

39. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Сидорчук И.В. Факультет восточных языков Императорского Петербургского университета (1819-1917): опыт коллективной биографии (в печати).

40. Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Кафедра Русской истории Петербургского университета (1821-1917): опыт коллективного портрета (в печати).

41. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Санкт-Петербургский университет в 1905 г. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3(227). С. 98-107.

42. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Санкт-Петербургская университетская корпорация во время Революции 1905-1907 гг.: опыт коллективного портрета// Клио. 2015. № 8 (104). С. 116-122.

43. Ростовцев Е.А. Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // Отечественная история. Сб.ст. СПб.,2007. С. 72-117.

44. Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930-1996) / сост. Т.Н. Жуковская. отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 308-315.

45. Ростовцев Е.А., Андреева В.В., Сидорчук И.В. От Санкт-Петербургского университета к Петроградскому: столичная университетская корпорация в фокусе прессы (июль-сентябрь 1914 г.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7 № 6-2. С. 97-106.

46. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История.2016. № 1. С. 64-75.

47. Ганелин Р.Ш. Ученые-гуманитары – жертвы борьбы с космополитизмом. // Санкт-Петербургский университет в XVIII- XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Мат-лы междунар. науч. конф. 23-25 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 419-443.
48. Жуковская Т.Н. «Хотя я сейчас и воин, но свое дело я помню…» Письма с фронта Р. М. Залесского. 1941-1943 // Санкт-Петербургский университет. 2010, май. № 7 (3814) С. 36-44 (подгот. текста и коммент.).
49. «Мы знаем, что значит война»: воспоминания, дневники, письма универсантов военных лет» / Сост. Т.Н. Жуковская, И.Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. – 664 с.
50. Баринов Д.А. Студенческие землячества Санкт-Петербургского университета в период подполья (1884–1906 гг.) // Клио. 2015. № 10(106). С. 93-100.
51. Баринов Д.А. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884-1917 гг.). / Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. 07.00.02 - Отечественная история. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 253.
52. Жуковская Т.Н. Национальные группы в составе профессоров С.-Петербургского университета в начале XIX века // Вестник Волгоградского гос. университета. 2011. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011 № 2 (20). С. 13-18.
53. Ростовцев Е.А. Поляки в академической корпорации С.-Петербургского Императорского университета (XIX - начала XX в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 2 (16). С. 194-204.

SIDORCHUK Ilia V. – Saint Petersburg State University, Institute of History. 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaja line, 5. E-mail: i.sidorchuk@spbu.ru.

BIOGRAPHICAL STUDIES AND CONTEMPORARY RESEARCHES OF THE HISTORY OF ST. PETERSBURG UNIVERSITY.

The article is devoted to consideration of prosopographic and biographical studies implemented by the Center for the history of Saint-Petersburg state University, established in 2011. These studies conducted in the framework of several projects on the history of the University and higher education carried out at the Institute of history, St. Petersburg state University. The author shows the achievements of the Center in this direction and analyzes the prospects for future work, its significance in the study of the history of Russian science.

BIOGRAPHIC STUDIES; PROSOPOGRAPHIC STUDIES; ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY; HISTORY OF SCIENCE; HISTORY OF HIGHER SCHOOL.

УДК 929+82-96

О. А. Булавенко, М. А. Саблина

СИЛОЙ ПРОСВЕЩЕНИЯ

БУЛАВЕНКО Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: olga.bulavenko@gmail.com.

САБЛИНА Марина Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: sablina.marina2011@yandex.ru.

Статья представляет собой обзор книги «Sivistyksen voimalla» («Силой просвещения») известного финского историка Раймо Саволайнена, доцента кафедры политической истории Хельсинского университета, о жизни и деятельности известного финского политика и философа XIX века Йохана Вильгельма Снельмана.

Й. СНЕЛЬМАН; Р. САВОЛАЙНЕН; САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ; НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ; ФИНСКИЙ ЯЗЫК; КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ.

В Финляндии, получившей статус автономного Великого княжества, после присоединения к России в 1809 году, начался активный процесс становления финляндской нации. Как отмечает И.Н. Новикова,

«Финляндия получила статус Великого княжества[1] еще в конце XVI века, при шведском короле Юхане III. Однако на практике это была в большинстве своем лишь красивая декорация, не подкрепленная реальным содержанием» [1].

Известно, что «…на раннем этапе автономии Финляндии было естественным, что Россия поддерживала стремления к созданию отдельной финской культуры, поскольку это отчуждало финнов от Швеции» [2].

Наибольших успехов Финляндия добилась в период царствования Александра II, когда стали эффективно развиваться основные государственные институты и самоидентификация финнов как нации стала очевидной [3]. Это был период подъема и финской письменной культуры. Как указывает в своем «Очерке истории Финляндии» М. Клинге, «скудность интеллектуального потенциала в Финляндии, а не консервативная правительственная политика, было основной преградой на пути развития финноязычной культуры» [2]. В связи с этим, шведоязычные представители образованных кругов Финляндии, такие, как Л. Рунеберг, Э. Лённрот, Ф. Сигнеус, Ю. Юрье-Коскинен,

З. Топелиус и др., внесли значительный вклад в становление и развитие финской культуры. Видным представителем того периода является и известный философ **Йохан Вильгельм Снельман.**

Таким образом, можно утверждать, что для успешного развития будущего Финляндии Й. Снельман считал необходимым создание просвещенного гражданского общества на основе финского языка в статусе государственного.

Интерес к личности Й.Снельмана существует и в России. Различный материал на русском языке о видном финском деятеле можно найти в российских словарях и энциклопедиях [5, 6, 7, 8], в публицистике [9, 10, 11, 12, 13].

Значение деятельности Й. Снельмана для Финляндии велико. Получивший фундаментальное философское образование в родной стране,

[1] Шведские законы «Форма правления» от 21 августа 1772 г. и «Акт соединения и безопасности» от 21 февраля и 3 апреля 1789 г. действовали в Финляндии до русского завоевания.

изучавший современные европейские философские течения и идеи общественного развития во время путешествий по Европе, Й. Снельман излагал свои мысли в многочисленных статьях и трудах. Благодаря его открытой гражданской позиции, благодаря его настойчивости, он смог добиться отклика общественного мнения, «всколыхнуть» страну, активировать общественное сознание, несмотря на меняющиеся внутриполитические ситуации в Финляндии. «Заслуга признанного и почитаемого финским народом философа и журналиста Й. Снельмана перед отечеством состоит в том, что он, руководствуясь собственной программой «пробуждения» финского народа, включил внедрение финского языка, языка носителей финской культуры, в обязательные условия выполнения программы. Особенную роль, по мнению Й. Снельмана, должна была выполнить финноязычная пресса» [14].

Финляндия XIX века была страной, в которой родной язык жителей страны не был официальным языком до 1863 года, страной, в которой не существовало независимой денежной единицы до 4 апреля 1860 года. Одними из факторов, характеризующих независимость государства, такие как: самостоятельная денежная единица и официальный язык нации, – появились и благодаря настойчивым усилиям Й. Снельмана.

Более полное научное исследование деятельности Й. Снельмана принадлежит финским ученым.[2] Большая часть исследований издана на финском языке и не переведена на другие языки, что не дает возможности ознакомиться с их содержанием широкому кругу российских читателей.

[2] Напр.: H.Lehmusto, J. V. Snellman ja suomalaisuus, Gummerus OY, 1935; J. Alavuotunki, J. V. Snellman Ruotsissa 1839 - 1840 : aatteet yhteiskunnallisessa ja historiallisessa miljöössä. 1986; J. Hämäläinen, Piirteitä J. V. Snellmanin perhekäsityksestä. 1990; P. Karkama, J. V. Snellmanin kirjallisuuspolitiikka. 1989; P. Lappalainen, J. V. Snellman : kansallinen herättäjä Kuopiossa. 1982; J. Manninen, Bibliografia J. V. Snellman -kirjallisuudesta ja elämäkerrallinen luonnos. 1980; R. Wilenius, Snellman ja nykyaika. 1984; M. Lahtinen, Snellmanin Suomi. 2006; R. Majamaa, J. V. Snellman : valtioviisas vaikuttaja. 2006; R. Savolainen, Sivistyksen voimalla : J. V. Snellmanin elämä. 2006; T. Rein, Juhana Wilhelm Snellman, Otava,1981; Майямаа/Тийракари, J.V. Snellman. Valtioviisas vaikuttaja, SKS, Хямеэнлинна 2006; Пентти Вирранкоски, История Финляндии, SKS, Хельсинки 2001; Кюёсти и Пейви Скюття, Неизвестный Снелльман, Kirjayhtymä, Хельсинки 1981; Маркус Х. Корхонен, Нискала/Силиямаа, J. V. Snellman -pienenä Oulussa, suurena historiassa, Oulun kaupunki, Оулу 2006; Микко Лахтинен Финляндия Снельмана, Vastapaino, Тампере 2006.

Цель данной статьи – раскрыть содержание одного из таких трудов, дать представление о жизни и деятельности финского философа, профессора, сенатора, общественного деятеля, показать масштаб личности Й. Снельмана в истории Финляндии.

Книга «Sivistyksen voimalla» – «Силой просвещения» – крупнейшее по объему публицистическое исследование о жизни и деятельности Йохана Вильгельма Снельмана, написанное финским историком и исследователем Раймо Саволайненом, доцентом кафедры политической истории университета Хельсинки. Книга в 940 страниц, которую можно назвать энциклопедией Й. Снельмана, была издана в 2006 году в столице Финляндии Хельсинки, издательством Edita Prima OY. Ее издание было приурочено к 200-летию со дня рождения Й. Снельмана. В исследовании собран фактический материал о жизни, идеях и деятельности вдохновителя общественного течения финского национального самосознания.[3]

Название исследования взято из знаменитого высказывания Й. Снельмана, ставшее девизом для нескольких поколений финнов: «Сила малого народа в его просвещенности» – «Pienen kansan voima on sen sivistyksessä». Главным источником вдохновения и темой книги является жизнь Й. Снельмана, общественная деятельность которого имела огромное значение для становления финской нации.

Раймо Саволайнен в предисловии к своей книге пишет: «Вера Йохана Снельмана в просвещение, как в единственное спасение маленькой этнической группы, работает импульсом развития общества и в наши дни. Й. Снельман считал важным процесс самообразования: освобождение от жестких рамок жизненных приоритетов социального круга своего детства, утверждение в собственных философских позициях, становление и развитие участника движения обретения финской нацией независимости. Было интересно следовать этому развитию государственного деятеля, тем событиям, которые построили его мировоззрение. Но, главное, все-таки, мною была поставлена задача показать, что этот государственный деятель был человеком среди людей» [*Перевод отрывка из предисловия Булавенко О.А.].*

[3] 12 мая 2016 года отмечался 210-летний юбилей Й. Снельмана.

Дальние странствия, Стокгольм, морские просторы и торговые корабли – автор дает возможность читателю ощутить атмосферу мира детства главного героя исследования, мир Северной Европы конца XVIII и начала XIX столетия. Р. Саволайнен начинает свое повествование с описания окружающей среды, относящейся к мореходной и церковной культуре северных стран. Так, читатель начинает переживать те события и историю, которые служили фоном развития личности одного из значимых деятелей нашей соседней страны. Читатель путешествует, следуя главам книги, в Стокгольм и Петербург, в Европу и, прежде всего, по городам Финляндии – Хельсинки, Турку и Куопио.

Книга не только рассказывает о событиях в жизни Снельмана, но передает атмосферу времени – то, как менялись от года к году, от эпохи к эпохе настроения, идеи, цели.

«Щедро проиллюстрированная биография открывает новые возможности для изучения истории просвещения нашей страны и времени, в которое Финляндия была наиболее европейской, чем когда-либо» – можно прочитать в краткой аннотации к книге, размещенной на обложке. Каждая деталь оформления книги работает на общее впечатление, помогает глубже погрузиться в эпоху. Художник книги Марьют Хейккинен поместила на обложку изображение портрета молодого Й. Снельмана, написанное художником Оскаром Нюландером в 1849 году.

Повествование делится на главы соответственно периодам жизни Й. Снельмана. Каждой главе дается название, приводится цитата из трудов Й. Снельмана, отмечаются ключевые события.

Периоды жизни Й. Снельмана, соответственно и названия глав книги [*перевод О.А.Булавенко*]:

1806–1813 Наследник северной мореходной культуры;

1813–1816 Чтение и игры в Коккола;

1816–1822 Школа в Оулу вызывает жажду знаний;

1822–1827 Молодой начинающий священник в Турку;

1827–1837 Национальное и духовное пробуждение;

1838–1839 Журнал Spanska Flugan – предвестник пробуждения общества;

1839–1843 Путешествие по Европе формирует мировоззрение;

1843–1846 Из путешествия – в городок Куопио – пробудителем общественного сознания;

1847–1854 Смена региональных правлений;

1855–1863 Профессор и настройщик инструментов патриотизма;

1855–1863 Проводник обновленной программы царя;

1863–1868 Энергичный воплотитель новшеств;

1869–1881 Банкир и деятель партийной политики;

1881–2006 Всегда актуальный Снельман.

Уже по названиям глав можно представить ту многогранную, трудоемкую, но целенаправленную работу всей жизни Й. Снельмана, целью которой было обретение независимости родного государства, введение финского языка в статус государственного, финансовую независимость Финляндии. В аннотации к книге читателям перечислено множество ролей и областей деятельности Й. Снельмана: политик в области образования, журналист, европейский философ, путешественник, ректор, профессор университета, сенатор, член парламента, супруг и отец семейства.

Содержание глав изобилует фактами, цифрами, именами, иллюстрациями. Р. Саволайнен проделал колоссальную работу по сбору материала. Короткие эссе по главам дадут возможность понять объемность обработанного Р. Саволайненом материала.

1806–1813 Наследник северной мореходной культуры.

Йохан Вильгельм Снельман родился в столице государства Стокгольме. Финляндия в начале XIX века являлась составной частью Швеции. Точнее говоря, мальчик родился на корабле своего отца, морского капитана Христиана Хенрика Снельмана. Имя матери было Мария Магдалеена, и оба родителя были родом из северной провинции Финляндии Остроботния.[4] Семья жила в Стокгольме до 1813 года, откуда в 1813 году семья переехала в центр морского судоходства Остроботнии город Коккала. В книге живо описана атмосфера мореходного Стокгольма,

[4] Остробо́тния (По́хьянма́а (фин. Pohjanmaa), Э́стерботтен, (швед. Österbotten)) – историческая провинция в Финляндии, часть исторической территории расселения финнов. Историческая провинция Остроботния включает в себя всю территорию бывших губерний Оулу, а также северную часть Западной Финляндии и южную часть губернии Лаппи.

биография отца Йохана Вильгельма Снельмана. Несмотря на то, что основное занятие отца было мореходство, Христиан Хенрик Снельман испытывал явную тягу к философии, которую изучал в свое время в университете Упсала. В этот период жизни будущего общественного деятеля случились глобальные перемены государственного масштаба, которые впоследствии определили судьбу Йохана Вильгельма – Финляндия перестала быть частью Швеции и стала Российским Великим княжеством в 1809 году.

1813–1816 Чтение и игры в Коккола.

Вскоре после того, как семья Снельманов перебралась в городок Коккола, в 1814 году умерла мать Й. Снельмана, оставив отца с шестью детьми вдовцом. Это горе пошатнуло душевные и финансовые силы семьи. Отец Й. Снельмана продолжал увлекаться теософией и философией и, после ухода с морской службы, жил в имении, которое семья приобрела при переезде. Общее горе утраты способствовало взаимопониманию между отцом и сыном. Йохан начал обучение с частным учителем, но, вероятно, преуспел в учении больше своих братьев, так как он был единственным из детей семьи, которого отправили на учебу в тривиальную школу[5] в город Оулу, после окончания которой предполагалось – и так и случилось – что молодой Йохан Вильгельм продолжит академическую карьеру.

1816–1822 Школа в Оулу вызывает жажду знаний.

С 1816 года Й. Снельман посещал тривиальную школу в Оулу. Школа со старыми традициями оставила у Й.Снельмана светлое впечатление. Он говорил: «школа сделала душу открытой и готовой к учению. Мир науки казался мне огромным и манящим…» Он был благодарен школе Оулу и за то, что она не выдавала оценочный аттестат, так как, по мнению Й. Снельмана, применение этого документа «воспитывает честолюбие, зависть, тщеславие, притворство и злобу среди учеников». Й. Снельман с детства обладал вспыльчивым характером. Он был остр на язык, у него была склонность к иронии, но также и сильное

[5] Тривиальная школа – школа, в которой изучается первый цикл наук: грамматики, риторики и диалектики.

чувство справедливости, стремление защитить слабых и притесненных. Стремление бороться за справедливость сопровождало его всю жизнь.

1822–1827 Молодой начинающий священник в Турку.

Й. Снельман поступил в единственный в стране университет, который был основан в 1677 году в городе Турку. Студенческие годы начались в 1822 году и закончились в 1827. Студент Й. Снельман изучал языки, историю, теологию и философию.

Политическая и духовная атмосфера Турку того времени была под влиянием русского правления и планов переноса столицы в небольшой городок Хельсинки, изменений в структуре государственного правления.

В 1820-х годах Турку уже не был столицей. Для Турку это было время потери статуса главного города, перенос центра государственной власти Финляндии в новую столицу. До вступления Финляндии во владение России значение города было однозначно приоритетным. Это была цитадель церковной и государственной власти, центр политической мысли. Единственный в стране университет также располагался в Турку. Здание университета было только что построено. Здание было введено в эксплуатацию в 1819 году при участии царя Александра I, который проявлял интерес к строительству и курировал процесс строительства. Правительство России щедро спонсировало строительство учебного учреждения. История Турку в период русского правления и ситуация в момент перемещения столицы в Хельсинки подробно описана в этой главе автором. Настроения в экс-столичном городе переданы подробно, и, таким образом, становится понятно, каковы были настроения академической среды, в которую попал Й. Снельман, поступив в университет.

Именно в те времена, именно в университетской среде, начала развиваться тенденция признания родного финского языка как языка нации. Идею четко и конкретно выразил молодой доцент кафедры новой истории Адольф фон Арвидссон. Начинания подпитывались европейским культурным движением национальной романтики, выразителем которого считается Герберт Шеллинг.[6] Движение национальной романтики, вместо

[6] Фри́дрих Ви́льгельм Йозеф фон Ше́ллинг (1775–1854) – немецкий философ, представитель классической немецкой философии. Выдающийся представитель идеализма в новой философии.

прежней установки на космополитичность просвещения, ставит в приоритет идею признания национальных корней и этнической обособленности, уважения и ценности самобытности народа. Идея нашла в Туркуской академической среде благоприятную почву. Это было время появления первых ростков стремления к независимости, заботливо лелеющихся обществом «Туркуских романтиков». Й. Снельмана привлекли идеи общества «Туркуские романтики», и он, наряду с другими, впоследствии знаковыми личностями в истории Финляндии, состоял в кружке. Целью движения Туркуской романтики было создание финского общества, определение собственного портрета в галерее народов Европы, который не относился бы ни к Швеции, ни к России.

Собственно, идея была не нова. Профессор теологии университета Турку Даниэл Юслениус (1676–1752), который считается одним из первых феннофилов, занимался составлением толкового словаря финского языка и обращался в своих исследованиях к истории финской нации.

Профессор риторики университета Турку Хенрик Г. Портан (1739–1804) первым выделил историю Финляндии как самостоятельную область исследования. Х.Г. Портан аккумулировал проведенные ранее исследования финского языка, истории, географии и национальной поэзии, сформировал понятие «финскость», которое и оказалось путеводной звездой в обретении финского народа себя. Исследования Портана продолжил его ученик Ф. Франзен. А. Арвидссон же был как раз учеником Франзена. Таким образом, развитие стремления финского общества к независимости и идентичности было непрерывным в течение десятилетий.

А. Арвидссон был автором известной фразы и мысли, которую в 1861 году Й. Снельман интерпретировал в знаменитое выражение: «Мы не шведы, русскими тоже не можем стать, будем же финнами!». В версии А. Арвидссона фраза звучит несколько иначе, но смысл ее тот же.

Такие настроения витали в академическом сообществе, когда Й. Снельман поступил в университет. Молодой человек решил изучать теологию и стать священником. Семейные традиции и экономические причины были руководством этого решения. Но философия привлекала его сильнее и сильнее, и в 1827 году он оставил семинарию, теологию и перешел на философский факультет. Философия стала для студента

Й. Снельмана главным предметом и программа философского факультета – основной линией обучения. В летнее время, как и многие студенты того времени, Й. Снельман устраивался работать домашним учителем. Сокурсниками, а впоследствии друзьями, стали Йохан Людвиг Рунеберг, известный впоследствии поэт, и Элиас Лённрут, будущий создатель Калевалы.

1827–1837 Национальное и духовное пробуждение.

Случившийся 4 сентября 1927 года сокрушительный пожар в Турку изменил жизнь многих людей. Книги, уникальные рукописи, карты университетской библиотеки погибли в пожаре. Университет переехал в Хельсинки к неудовольствию академической среды города Турку. Город лишился статуса столицы, а теперь ещё и статуса университетского города. Новый университет в центре Хельсинки открылся 2 октября 1828 года. Открытие университета в новом месте было значительным событием. Великолепное здание университета было частью монументального и продуманного архитектурного ансамбля центральной Сенатской площади, автором которого был немецкий архитектор Карл Людвиг Энгель, состоявшийся творчески в Петербурге и в Таллине. Классицизм во всей своей красоте, закономерности и полноте пришел в столицу Финляндии.

Для того, чтобы иметь возможность обучаться, Й. Снельману пришлось работать домашним учителем в разных уголках Финляндии. Так он получил и опыт преподавания, и опыт общения. В 1832 году Й. Снельман сдал экзамены в магистратуру и углубился изучение философии Гегеля. Он защитился в 1835 году, темой диссертации было исследование мира философии Гегеля. У Й. Снельмана были замечательные отношения с группой студентов-единомышленников, которые были его друзьями и, впоследствии, стали влиятельными деятелями культуры Финляндии. Студенты собирались, разговаривали, обсуждали явления философии и жизни. Студенты называли свой кружок Субботним обществом. Негласным официальным голосом этого общества можно было считать основанную в 1832 году газету Helsingfors Morgonblad, редактором которой был Л. Рунеберг.[7] Главной целью деятельности общества было

[7] Йо́хан Лю́двиг Ру́неберг (1804–1877) – финский поэт шведского происхождения, писавший на шведском языке стихи национально-романтического содержания. Наиболее известен циклом стихов «Рассказы прапорщика Столя; одно из стихотворений этого цикла – «Наша земля» – стало гимном Финляндии.

развитие просвещения в родной стране и пробуждение национального самосознания. Результатом деятельности субботнего общества можно отметить основание Финского литературного общества в 1831 году, которое действует до сих пор. С 1835 года по конец 1838 года Й. Снельман работал доцентом философии в университете Хельсинки. В декабре 1838 года молодой ученый освободил должность доцента. Этому предшествовали небольшие разногласия с руководством университета относительно предлагаемой должности, от которой Й. Снельман отказался. Его в то время более привлекала академическая свобода, и молодой человек с 1839 года по 1841 год путешествовал по Европе.

1838–1839 Журнал Spanska Flugan – предвестник пробуждения общества.

Перед поездкой за границу Й. Снельман, имеющий уже некоторый опыт в журналистике, в 1837 году, опубликовал в Гельсингфорсе журнал, который по форме являлся литературным обозрением. Журнал назывался «Spanska flygan» или «Испанская муха»[8], само название которого уже не предполагает мирного литературного диалога. Последующие номера вышли в 1840–1841 годах. Когда Й. Снельман в начале своего путешествия прибыл в Стокгольм, он начал писать статьи в журнал «Фрейя». Его статьи в журнале «Фрейя» быстро приобрели популярность, темами статей были злободневные вопросы в области государственной и хозяйственной политики. Важным для Й. Снельмана являлся школьный вопрос.

1839–1843 Путешествие по Европе формирует мировоззрение.

Молодой ученый сделал нужное решение в нужное время, когда отправился через Стокгольм в Европу в Германию, в путешествие, в котором познакомился с новыми странами, университетами, уважаемыми исследователями и новыми культурными и идейными течениями Европы. Начатое весной 1839 года путешествие по Европе закончилось в 1841 году в Стокгольме. Во время путешествия Й. Снельман опубликовал свои значимые работы – например, в 1841 году был издан труд «Идея личности», а в 1842 году «Учение о государстве». Путешественник

[8] Испанской мухой или «Шпанской мушкой» называют насекомое, а также различные препараты, изготовленные из него – порошок, настойки и мази, которые широко использовались для повышения стимула к неадекватному поведению.

регулярно писал также статьи в газеты и журналы. Он вернулся в Финляндию в 1842 году.

1843–1846 Из путешествия – в городок Куопио – пробудителем народного сознания.

Вернувшись из путешествия, из Стокгольма в Финляндию, осенью 1842 года и получив бумагу с приглашением на должность директора школы в Куопио, Й. Снельман отправляется в маленький городок провинции Саво.[9] Й. Снельман, которого можем уже называть видным философом и политическим деятелем, хотел познакомиться с настроениями общества и всегда подчеркивал значение средств массовой информации в формировании общественного мнения. Он основал газету «Сайма», которая издавалась на шведском языке. Первый номер вышел в январе 1844 года. В это же время Й. Снельманом был организован журнал на финском языке «Друг земледельца», который также издавался в Куопио. В этих журналах он попытался обнародовать европейские новшества и идеи. Особенно нового ректора школы интересовали возможности развития систем просвещения, экономики и продвижения промышленности. Стиль изложения, присущий ему был прямой, а идеи – радикальны. Это чрезвычайно раздражало правительство.[10] Газету закрыла российская цензура в 1846 году. Но через 2 месяца после закрытия газеты, Й. Снельман начал вновь издавать в Куопио газету. На этот раз периодическое издание под названием «Litteraturblad» было посвящено литературе и общественно-политическим вопросам. Издание имело успех. Й. Снельман, оставив на время свою работу ректора, опять собрался за границу. Годы в Куопио значили многое для личной жизни философа – он женился на уроженке Куопио, Йоханне Ловисе Веннберг, дочери аптекаря, в 1845 году, в Куопио родились его первые дети.

Второе путешествие по Европе состоялось в 1847 году через балтийские страны, в Германию и Францию, затем в Англию. Через год, в 1848 году, была готова третья диссертация «Отношение духа и материи».

[9] Саво (фин. Savo) – историческая провинция Финляндии в восточной части страны.

[10] Время правления императора Никола́я I (1796–1855). Финское национальное движение подверглось преследованиям. Запрещено было печатать книги на финском языке; исключение было сделано только для книг религиозного и сельскохозяйственного содержания; вскоре и это распоряжение было отменено.

После защиты диссертации Й. Снельман хотел получить должность профессора философии в Гельсингфорском университете, но император Николай I не поддержал это желание успешно защитившегося диссертанта.

Зимой 1849 года Й. Снельман закончил все дела в Куопио, и семья философа переехала в Швецию, где глава семьи подал заявление на должность профессора философии шведского университета Упсала.

1847–1854 Смена региональных правлений.

Тем не менее, позднее Й. Снельман отозвал свое заявление в университет Упсала и работал самостоятельно над различными проектами. Так, работая в конторе коммерции советника Хенрика Боргстрёма, Й. Снельман трудился над разработкой программы профессионального образования в Финляндии, основательно изучал вопросы экономики, железнодорожного и банковского дела. В декабре 1854 года Й. Снельман вновь возглавил издание «Litteraturblad». Весной 1855 года вышел первый номер под редакцией Й. Снельмана. В это же время император Николай I умер, на престол взошёл Александр II.

1855–1863 Профессор и настройщик инструментов патриотизма.

На политической арене наступили перемены. Вступивший на престол в 1855 г., царь Александр II начал претворять в жизнь программы обновлений в России и в Финляндии. Новая ситуация открыла новые возможности Й. Снельману. Он продолжал издавать газету и завязал отношения с правительственной верхушкой, с генералом – губернатором Гельсинфорса (г. Хельсинки) Ф. Бергом и госсекретарем А. Армфельтом. Новые знакомые высылали статьи Й. Снельмана в Санкт-Петербург, для того, чтобы царь ознакомился с прогрессивными идеями Й. Снельмана. Й. Снельмана назначили профессором университета Хельсинки в 1856 году. Семья Снельманов переехала в Хельсинки.

В карьере Й. Снельмана начался чрезвычайно продуктивный период. Он преподавал в университете, писал статьи в литературную газету ”Litteraturblad”, работал в управлении университета и факультета. В своих лекциях и работах Й. Снельман представлял и предлагал весьма радикальные программы обновления. В общественно-политической области Й. Снельман был новатором, выразителем прогрессивных, динамичных идей. Большую роль в деятельности Й. Снельмана сыграло то,

что он был советником государственного секретаря А. Армфельта в вопросах, касающихся дел университета. Й. Снельман считался специалистом по государственным и экономическим вопросам. В 1857 году жена Й. Снельмана умерла при родах, и он остался вдовцом с пятью детьми на руках.

В 1862 г. он был приглашен в комитет по подготовке созыва сейма, а в 1863 г. Й. Снельман стал сенатором.

1855–1863 Сценарист обновленной программы царя.

Й. Снельману пришлось отказаться от должности профессора, когда он стал сенатором и возглавил комиссию по финансам. Вопрос реконструкции образования и внедрения финского языка в жизнь страны на государственном уровне по-прежнему имел приоритетное значение в деятельности сенатора.

После долгих предварительных переговоров, 30 июля 1863 г., Й. Снельман получил аудиенцию царя Александра II и в этот же день царь подписал положение о ведущей роли финского языка в Финляндии.

1863–1868 Энергичный исполнитель новшеств.

Будучи сенатором, Й. Снельман также занимался вопросом о переводе финляндской национальной денежной единицы (марки и пенни), учреждённой ещё в 1860 году, на международный серебряный стандарт. До этого марка считалась по рублевому стандарту. Сенатор встречался несколько раз министром финансов России графом Михаилом Рейтерном и, в конце концов, вопрос о проведении финансовой реформы был решен положительно 8 ноября 1865 г. Реформа проходила нелегко. 1860-е годы было временем нескольких неурожайных, голодных лет. Тем не менее, реформа была эффективной и укрепила позиции финской экономики в области внешней торговли. Во время голодного1867 года Й. Снельман попытался решить проблемы получения помощи и распределения помощи, но выявилась проблема неразвитости транспортной инфраструктуры. Й. Снельман настаивал на срочном строительстве железной дороги Риихимяки – Санкт-Петербург.[11] В 1868 году активному политическому деятелю пришлось уйти в отставку из-за разногласий с правительством.

[11] Об этом периоде жизни сенатора, М. Клинге пишет: «На этой почве (строительство железной дороги, прим. автора) Снельман и новый, весьма влиятельный генерал-губернатор князь Адлерберг, с которым поначалу сотрудничество шло отлично, начали конфликтовать.

1869–1881 Настройщик банковского дела и партийной политики.

Продолжая государственную деятельность, Й. Снельман возглавил правление Финляндского ипотечного союза в 1869 году. Он занимал должность председателя до 1881 года.

С 1870 г. по 1874 г. Й. Снельман возглавлял Финское литературное общество[12].

Й. Снельман в 1870-е годы активно и плодотворно работал в журналистике, освещая важные злободневные вопросы. Он писал о необходимости развития сельского хозяйства и промышленности. Он отстаивал свои взгляды на программу становления финского языка, призывая образованные слои населения пользоваться финским языком. Он объяснял необходимость внедрения финского языка во все социальные слои общества, чтобы новый государственный язык объединял людей, а не разделял на язык новых, развивающихся классов, и старых, шведоязычных.

13 марта 1881 г. был убит император Александр II. С его смертью закончился либеральный период в Финляндии, во время которого Й. Снельман успел сделать так много для своей страны как ученый, как сенатор, как журналист. Й. Снельман скончался 4 июля 1881 г. в своем летнем доме в Данскарбю, недалеко от Киркконумми.

1881–2006 Всегда актуальный Снельман.

Й. Снельман ещё при жизни стал популярной личностью и культовой фигурой. Студенческое землячество Й. Снельмана – Похъянмаа-Остроботнии – особенно поддерживало этот культ. Памятник Й. Снельману на кладбище Хиетаниеми в Хельсинки был поставлен на средства крестьянского сословия. В 1892 г. вышло в свет собрание сочинений Й. Снельмана на шведском языке в 10 томах. Ученик и

Адлерберг быстро пресытился характером и манерами Снельмана. 27 марта 1868 г. Снельману было предложено уйти в отпуск и подать в отставку. Отставка была принята 15 июля 1868 г., с предоставлением обычных пенсионных привилегий. С окончанием реформ 1861–1865 гг. период губернаторства Адлерберга более не нуждался в услугах Снельмана как посредника между правительством и общественным мнением. Несомненно, отставка также была результатом упрямства Снельмана, проявившегося, в частности, в осуществлении денежной реформы невзирая на трудности голодных лет.» [7].

[12] Suomalaisen Kirjallisuuden Seura (SKS) – организация в Финляндии, занимающаяся научной и культурно-просветительской работой, а также издательством книг. «Общество финской литературы» было основано в 1831 году профессорами и преподавателями Хельсинкского университета, считавшими, что именно посредством развития финского языка возможно пробуждение финского национального самосознания.

преемник Й. Снельмана Т. Рейн написал для издания собрания сочинений биографию учителя, которая в дальнейшем неоднократно переиздавалась. Собрание сочинений, дополненное томами с письмами Й. Снельмана, вышло в переводе на финский язык в 1928–1933гг. Известнейший из памятников Й. Снельману – работы Эмиля Викстрёма, был открыт в 1924 г. перед Финляндским Банком. Проходящая рядом со зданием банка улица Николаевская была переименована в улицу Й. Снельмана. Портрет Й. Снельмана изображен на купюре номиналом в 100 марок, бывшей в обиходе в 1963–1977гг. В честь дня рождения Й. Снельмана, в Финляндии 12 мая отмечают как День финского самосознания. Это государственный праздник.

В 2006 году были проведены торжества, мероприятия и культурные программы, посвященные юбилею замечательного финна – 200-летия со дня рождения. Масштаб праздничной программы заставляет задуматься о степени значимости для Финляндии личности Й. Снельмана как в государственно-общественной, так и в культурной сфере.

Государственной независимости Финляндии исполнится 100 лет в 2017 году. Раймо Саволайнен является главным редактором нового издания, посвященного важной для финского народа дате, издания трудов Й. Снельмана в электронной версии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции (25-26 апреля 2001 г.). Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. СПб.: РХГИ, 2002. С. 119-125

2. Клинге М. Очерк истории Финляндии / М. Клинге. – Хельсинки: Изд-во Отава, 1992. – С.86-87.

3. Погодин С.Н. Формирование имиджа Финляндии в России / С. Н. Погодин, М. А. Саблина. / моногр. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. – 106 с. ISBN: 978-5-7422-4511-7

4. Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / Под ред. Тимо Вихавайнена, пер. с финск. И. М. Соломещ. – Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. – 814 с.

5. Философская энциклопедия – http://www.psyoffice.ru/5-enc_philosophy-3331.htm

6. Энциклопедический словарь онлайн http://www.jiport.com/?sname=enc&sw=%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD;

7. электронная библиотека – http://pusk.by/bbe/114481;
8. Брокгауз и Ефрон – Яндекс. Словари – https://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%91%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%B3%D0%B0%D1%83%D0%B7%20%D0%B8%20%D0%95%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%BD/%D0%A1%D0%BD%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD/ и др.
9. Лосев Владимир, – журналист, постоянный корреспондент газеты «Финляндский торговый путь» / «Venäjän kauppatie», издающейся на финском и русском языках с 1993 года – «Снельман Й. – неустанный реформатор», http://www.kauppatie.com/2014/09-2014/rus-16.shtml
10. Колесников Д.Е. Фенномания как система взглядов Й.В. Снельмана // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 2(111). С. 177-182;
11. Мацевич А.А. Снельман Юхан Вильхельм. // Литературное обозрение. – http://bse.sci-lib.com/article103665.html);
12. Рейн Т. Иоганн Вильгельм Снельман, пер. со шведск., ; СПБ, 1903;
13. Карху Э.Г. Об эстетических к историко-литературных взглядах И. В. Снельмана в 40-е гг. 19 в., «Скандинавский сборник», 1957, т. 2.
14. Булавенко О.А. Влияние публицистической деятельности Й.В. Снеллмана на становление самосознания финской нации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 3(131). С. 29-34.

BULAVENKO Olga A. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: olga.bulavenko@gmail.com.

SABLINA Marina A. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: sablina.marina@yandex.ru.

THE POWER OF ENLIGHTENMENT.

This article is a review of the book "Sivistyksen voimalla" ("The Power of Enlightenment") by the Finnish historian Raimo Savolainen, an Associate Professor of the Political History department at the University of Helsinki. "Sivistyksen voimalla" tells the story of Johan Vilhelm Snellman, a famous Finnish politician and philosopher of 19th century, through an account of his life and works.

J. SNELLMAN; R. SAVOLAINEN; IDENTITY; NATIONAL IDEA; THE FINNISH LANGUAGE; CULTURAL DEVELOPMENT.

УДК 821.511.111

Д. Е. Колесников

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА А. КИВИ «СЕМЕРО БРАТЬЕВ»

КОЛЕСНИКОВ Дмитрий Евгеньевич – старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: writer1984@list.ru.

В статье анализируются художественные особенности первого финноязычного романа – романа А. Киви «Семеро братьев». В работе рассматриваются путь романа к читателю и отношение к нему консервативной финской литературной критики XIX века. В завершение статьи отмечается роль романа в истории финской литературы.

РОМАН; ФОЛЬКЛОР; ФОЛЬКЛОРНАЯ ГИПЕРБОЛИЗАЦИЯ; РОМАНТИЗМ; РЕАЛИЗМ; НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИННОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА; ФИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДЕНТИТЕТ.

Алексис Киви (1834–1872) является первым профессиональным писателем Финляндии [1, с. 296]. Его художественное наследие включает 11 пьес, из которых наибольшую известность получили романтическая трагедия «Куллерво» на героический сюжет из «Калевалы» и две комедии о современной автору народной жизни – «Сапожники Нууми» и «Помолвка», а также сборник стихотворений и роман «Семеро братьев».

Роман А. Киви «Семеро братьев» был опубликован в 1870 г. Киви писал свой роман около 10 лет, по сути, в течение всей своей литературной деятельности. Брат писателя вспоминал, что ещё в начале 1860-х гг. ему доводилось слышать от А. Киви отдельные диалоги из будущего романа

[1, с. 332]. Один из близких знакомых писателя, А.Т. Форссель, указывал в своих воспоминаниях, что первоначально произведение Киви представляло собой не роман, а пьесу [1, с. 332]. Это свидетельство кажется весьма правдоподобным: ведь и в опубликованном (и единственно дошедшем до нас) варианте «Семерых братьев» имеется множество элементов драматургической композиции. Более половины текста произведения составляют диалоги, что дало повод М. Горькому назвать книгу А. Киви «повестью в диалогах» [2, с. 406].

Остановившись на повествовательном жанре, Киви в одном из писем 1864 г. сообщает, что пишет именно роман и намерен опубликовать его в периодическом издании [1, с. 332]. Два года спустя, когда вышел сборник стихов писателя, на его обложке было напечатано объявление о подписке на «юмористическое повествование о жизни семерых братьев в лесах Хяме» [1, с. 332] объёмом в 300 страниц. Однако сборник стихов раскупался плохо, и надежд на то, что подписка на новую книгу пройдёт успешно, было мало. Видимо, опасаясь материальных убытков, Киви оставил мысль об издании романа на свои средства, как это было со сборником стихов. И поскольку Общество финской литературы объявило о своём намерении издать серию романов на финском языке, Киви ухватился за эту возможность и решил предложить «Семерых братьев».

В ноябре 1869 г. комиссия Общества финской литературы представила отзыв о романе, рекомендуя его к печати. Роман появился 4 выпусками, последний из которых был вручен подписчикам в мае 1870 г.

Роман Алексиса Киви посвящён приключениям семерых братьев, которые, будучи недовольными порядками, господствовавшими в современном им финском обществе, попытались бросить им вызов, уйдя жить из родной усадьбы Юкола в глухие леса. В начале книги братья предстают наивными детьми природы, не затронутыми цивилизацией. С самого детства они были предоставлены самим себе: их отец погиб во время охоты, когда они были ещё совсем маленькими; свою мать они не слушались. Главным их учителем являлся слепой дядюшка, который в молодости был моряком и побывал во многих странах мира; он любил рассказывать им разные необычные истории из своей жизни. Самой важной ценностью для них была свобода.

Когда братья выросли, а мать с дядюшкой умерли, перед героями «Семерых братьев» встала необходимость поднимать хозяйство Юкола, обучаться грамоте, жениться и втягиваться во взрослую жизнь. Им пришлось столкнуться со всей враждебностью окружающего мира. Так, Венла – девушка, в которую были влюблены сразу несколько братьев – отвергла их всех из-за того, что они не были обучены грамоте. Учиться же грамоте у братьев не получалось, за исключением младшего, Ээро. Кантор, к которому братья отправились учиться, обучал их грамоте крайне суровыми методами. Однажды, во время одного из занятий, он запер братьев в комнате, где велел им оставаться до тех пор, пока они не освоят урок, однако братья убежали из его дома через окно. После этого с них пытались взять штраф за разбитое окно и преследовали за проявленное ими неуважение к духовному лицу. Кроме того, у братьев постоянно возникали ссоры и драки с соседями – братьями из деревни Тоукола, а также конфликты с «Раямякским полком» – «бродячей семьёй, родом из маленькой избушки на поляне Раямяки» [3, с. 65]. В результате, чаша их терпения переполнилась, и они решили покинуть родную усадьбу. Они ушли в лес и построили там избу близ холма Импиваара.

В лесу братья пережили немало приключений. В конце концов, обстоятельства заставили их оставить задуманную первоначально вольную охотничью жизнь и заняться хозяйством уже в новой усадьбе Импиваара. Спустя десять лет они вернулись в родную усадьбу Юкола и окончательно отошли от своих бунтарских взглядов. Так, старший брат Юхани из буяна и богохульника превратился в примерного семьянина и набожного человека. Другой брат – Аапо – возвысился до судебного заседателя и содействовал своими речами примирению соседей. Однако наиболее глубокие изменения претерпел образ Ээро, в котором пробудились общественные интересы. В частности, ленсман[1] доверил ему приход в губернском городе, полагаясь на его познания и деловитость. Благодаря «благородным» и «неутомимым» стараниям Ээро «в приходе была построена народная школа, одна из первых в Суоми» [3, с. 369]. Ээро стал своего рода ходатаем для крестьян и писал для них прошения. Для себя он

[1] *Ленсман* — исполнительный полицейский чин в сельских местностях Финляндии, Норвегии и Швеции, аналогичный по положению становому приставу в дореволюционной России.

выписывал газету и отправлял в неё заметки по различным общественным вопросам. Эти занятия, как отмечает автор романа, «расширили его представление о жизни и мире» [3, с. 369]. «Родина уже не была для него неопределённой частицей определённого мира, без малейшего представления, где она и какая. Он знал теперь, где находится эта страна, этот дорогой сердцу уголок земли, где живёт, творит и борется народ Суоми и где покоятся кости его предков. Он знал её границы, её моря и таинственно улыбающиеся озёра, её поросшие соснами горные кряжи, которые частоколами бегут вдаль. Весь облик нашей родины, её ласковый материнский взгляд навсегда запечатлелись в его сердце. И всё это родило в нём страстное желание трудиться на благо и счастье нашей страны» [3, с. 369], – так раскрывает эволюцию образа Ээро А. Киви в своём романе. Таким образом, к концу произведения младший из семерых братьев начинает уже мыслить общенациональными категориями и масштабами, и в нём начинает развиваться современное ему гражданское сознание. По справедливому замечанию Э.Г. Карху, «в образе Эро, в той эволюции, которую он претерпевает в романе, очень ярко запечатлена эволюция народного сознания в изменившихся исторических условиях» [1, с. 343–344].

Немаловажно отметить и то, что к концу романа не только братья начинают идти на уступки внешнему миру, но и сам внешний мир перестаёт быть столь враждебным по отношению к ним, как в начале книги. Так, кантор, при помощи которого братья помирились со своими соседями из деревни Тоукола и «полком Раямяки», попросил братьев простить ему его прежнюю строгость по отношению к ним, а некогда строптивая Венла согласилась выйти замуж за Юхани. Примечательно, что именно убедившись в добром отношении к ним ленсмана, братья решили пойти на примирение с окружающим миром и оставить присущее им бунтарство.

Роман А. Киви «Семеро братьев» имеет ряд любопытных художественных особенностей. Как справедливо отмечает Т. Сильман, «роман ”Семеро братьев”… не является типичным романом» [4, с. 5]. «По своему внутреннему содержанию, – поясняет свою мысль исследователь, – это скорее громадная, непомерно разросшаяся сказка, в центре которой стоят семь братьев-богатырей (число символическое и для сказки весьма характерное)» [4, с. 5]. Литературовед Э.Г. Карху полагал, что

произведение Киви «в жанровом отношении» имеет сходство с «Легендой об Уленшпигеле» Шарля де Костера, так как в романе де Костера «тоже многое идёт от фольклора, и реализм его, как и реализм романа Киви, по ряду признаков близок реализму Возрождения» [1, с. 333].

Традиционно-фольклорным в романе Киви является уже число героев: семь. На часто встречающееся в творчестве Киви число семь обратил внимание финский исследователь А. Киннунен в работе «Огонь, солнце и семеро братьев: исследование романа Алексиса Киви» [5, s. 26–32]. По замечанию Э.Г. Карху, «семеро братьев обладают индивидуальными характерами, но в то же время они образуют семейно-родовой коллектив, выступают в роли коллективного героя, и это тоже напоминает о фольклорной традиции» [1, с. 333]. Нельзя не согласиться с точкой зрения литературоведа, что «элемент фольклорного повествования есть в самой повествовательной интонации романа» [1, с. 333], и «уже в описании внешнего вида героев проявляется фольклорное начало, момент *фольклорной гиперболизации* (курсив мой. – Д.К.)» [1, с. 333]. Данный момент проявляется уже в описании внешности героев. «Все братья крепки, плечисты и рослы, кроме, пожалуй, Эро, который пока что маловат» [3, с. 12], – пишет А. Киви в начале произведения. Родители братьев, судя по описаниям, также имели богатырское сложение и здоровье. Так, вспоминая о покойной матери, Юхани говорит: «Вовек не забуду, как она шагала за сохой, дюжая, точно великанша» [3, с. 51]. Под стать матери братьев был и их отец – «храбрый человек, уложивший на своём веку более пятидесяти медведей» [3, с. 12] и погибший «в лучшую пору своей жизни» в схватке с одним из них. Нельзя не согласиться с Э.Г. Карху, что «гиперболизация пронизывает весь стиль повествования» романа, «придавая значительность и героям, и их вещественному окружению», и «часто автор, описывая предмет, уже сам по себе внушительный, наделяет его ещё большей масштабностью посредством сравнения» [1, с. 333]. Так, рассказывая об убитом медведе, старик Матти Трут – единственный друг братьев в лесах Импиваары – восклицает: «Здоровенный был зверюга! Когда его подвесили на жердь, в избе стало темно, точно от грозовой тучи на небе» [3, с. 174], а замеченный охотниками «дьявольски большой волк», согласно его рассказам,

«заметался, будто гороховое поле на ветру» [3, с. 170].

Эпический размах заложен в самих характерах героев романа Киви. Словно дети, они ни в чём не знают меры – ни в желаниях, ни в поступках. Вырвавшись на волю из дома кантора, таскавшего их за волосы за то, что они нерадиво учились, братья располагаются на первом пригорке и обедают «по-царски» [3, с. 62], как говорит Юхани, «прямо как господа на сейме» [3, с. 62], по выражению другого брата Тимо. На рождественский же сочельник братья устраивают роскошный пир – и себе, и домашним животным. Тимо поливает пивом овёс для лошади, а Юхани угощает мясом собак и кота, которых братья взяли с собой, отправляясь из родной усадьбы Юкола в леса Импиваары. Своего апогея чревоугодие братьев достигает в тех эпизодах, когда трое из них на пари съедают по десять фунтов говядины, а набожный Симеони пропивает в городе Хяменлинна целый воз товара, продав который он и младший брат Ээро должны были привезти праздничное угощение для всех.

В то же время, когда братьев посещает желание трудиться, они работают, не покладая рук, от зари до зари. Они быстро рубят новую избу на поляне Импиваара взамен сгоревшей из-за их шалости, за пять дней расчищают огромную подсеку на склоне холма, подобную которой никогда не видывали люди, а после работы отсыпаются в избушке «три дня и три ночи» [3, с. 245]. И спать они умеют так, что от их богатырского храпа «содрогается… гулкая поляна» [3, с. 224].

Герои романа необычайно бурно изливают свои чувства – восторг и отчаяние, любовь и ненависть. Они быстро ссорятся и затевают драки, но столь же быстро забывают свои обиды и неприятности. В этом отношении показателен эпизод произведения, когда братья, прибежав босиком из сгоревшей в морозную рождественскую ночь избы Импиваары в родную Юколу, к кожевнику и его жене, которым они сдали в аренду своё хозяйство перед уходом в леса, разглядывают свои обмороженные ноги и взывают к жалости хозяев. Кажется, их стенаниям и отчаянию не будет предела. Однако сразу после жалоб Юхани говорит: «Пусть-ка только наступит лето, и на поляне Импиваара будет новая изба, получше прежней» [3, с. 164]. Ему вторит и Туомас: «Как только сойдёт снег – и

застучат топоры, и загрохочут лес и горы. Уж тогда братьям Юкола не придётся проситься на ночлег к чужим людям» [3, с. 164].

По мнению Т. Сильман, «каждый из семи братьев олицетворяет собой какую-нибудь одну черту человеческого характера: Юхани – первичную стихийную полноту природной жизни, Туомас – грубую физическую силу, Аапо – трезвый ум, Симеони – религиозное смирение, Тимо – туповатую хитрость и расчётливость, Лаури – поэтическую мечтательность, Эро – ироническую насмешливость, острый ум» [4, с. 6]. Интересно также замечание исследователя относительно композиции рассматриваемого произведения: «Роман строится как серия фрагментов-эпизодов, в которых драматически оформленный диалог перемежается с прозаическими вставками. Каждый такой обширный фрагмент посвящён какому-нибудь очередному приключению братьев – построение, даже внешне напоминающее отдельные песни героического эпоса» [4, с. 5]. В духе героического эпоса выдержаны и некоторые сцены романа, такие как, например, сцена кровавого уничтожения братьями 33 быков из охотничьих ружей с камня Хийси, куда братья забрались, убегая от разъярённого стада.

Любопытной художественной особенностью «Семерых братьев» также является синтез принципов двух ведущих литературных направлений XIX века – романтизма и реализма. С романтической литературой произведение Киви сближает, прежде всего, характерное для неё бунтарское начало, ярко проявляющееся не только в уходе братьев из родной усадьбы в глухие леса из-за разочарования в окружающей жизни и людях, но и в яростном обличении братьями духовенства, господ, чиновников и враждебного им окружающего мира, которое лейтмотивом проходит через весь роман и затихает только к его концу. «Весь мир – только здоровенная куча навоза, и больше ничего, – решительно утверждает Юхани. – К чёрту всех канторов, и пасторов, к чёрту все книжки и школы, и ленсманов с бумагами туда же! Все они наши мучители» [3, с. 52]. Герои романа Киви нередко зло потешаются над господами, над пьянством священников, над изысканными и утончёнными нравами городских щёголей. С точки зрения братьев, господа – такие же неразумные дети, какими они, герои романа, кажутся окружающим. По мнению братьев, господа живут не настоящей полноценной жизнью, а словно разыгрывают нелепую комедию. «Господа и

впрямь шуты» [3, с. 124], – полагает Туомас, а Тимо добавляет: «И ребячливы, точно младенцы. И едят они с тряпицей под подбородком, а пообедавши, пёс их возьми, даже ложки не умеют облизать. Я собственными глазами видел это и страшно удивился» [3, с. 124–125]. Вслед за Тимо высказывается и Симеони: «Зато надувать и драть семь шкур с крестьянина – это они молодцы» [3, с. 125]. С романтизмом произведение Киви связывают и наполняющие его многочисленные сказочные предания, которые братья рассказывают друг другу и которые в качестве вставных новелл содержатся в главах, повествующих о лесных приключениях героев. Эти предания отличаются романтически возвышенным стилем повествования. В них рассказывается об отважных людях, побеждающих то полчище змей, то злого горного духа.

Не менее явственно, чем принципы романтизма, в романе А. Киви воплощаются и реалистические принципы. Связь «Семерых братьев» с реализмом выражается, прежде всего, в глубоко народном содержании романа, в реалистическом изображении народной жизни, которым проникнуто произведение писателя, в описании характеров героев. Например, в реалистическом ключе выдержано описание земледельческого труда братьев. Обличительные речи братьев, направленные против священников, помещиков и чиновников, также указывают на связь романа А. Киви с литературой критического реализма.

В заключение отметим, что роман А. Киви не был понят современниками. Вскоре после получения подписчиками последнего выпуска «Семерых братьев» известный финский литературный критик Август Алквист (1826–1889) выступил с критической статьёй, в которой расценил произведение Киви как «клевету» на финский народ. Критик резюмировал свои взгляды на роман писателя следующим образом: «Произведение является нелепостью и пятном позора на финской литературе. Оно позорит простой финский люд, при этом автор утверждает, что его персонажи взяты из жизни. Наш народ совсем не такой, каковы герои этой книги. Спокойный и серьёзный народ, возделавший поля Финляндии, не имеет ничего общего с новопоселенцами Импиваара» [6, с. 262]. Разгромный отзыв Алквиста о «Семерых братьях» оказался для Киви губительным. Общество финской литературы,

первоначально собиравшееся выпустить произведение отдельной книгой, было настолько напугано критикой Алквиста, что приняло решение отложить выпуск романа Киви отдельной книгой на 3 года (он вышел в свет уже после смерти писателя – в 1873 г.), а здоровье писателя из-за глубоких душевных переживаний было окончательно подорвано.

В XX веке интерес к выдающемуся роману А. Киви значительно возрос. Так, в 1909 г. крупнейший финский поэт Эйно Лейно (1878–1926) справедливо подчёркивал, что, явившись создателем финской художественной прозы, А. Киви «одним рывком поднимает её на вершину повествовательной литературы как таковой, придаёт ей монументальное, искрящееся гениальностью совершенство, которое и в наши дни остаётся для финского романа недосягаемым» [1, с. 300].

Роман «Семеро братьев» сыграл огромную роль в истории финской литературы. Прежде всего, следует подчеркнуть, что «Семеро братьев» представляли собой первый финский роман, написанный на финском, а не на шведском языке. В книге «Сто замечательных финнов» в главе, посвящённой А. Киви, отмечается, что его «наряду с Микаэлем Агриколой[2] и Элиасом Лённротом[3]… считают создателем национальной финноязычной литературы» и что «то, как Киви в своих пьесах, стихах и романе “Семеро братьев” изображает Финляндию, её женщин и мужчин, по-прежнему служит основой финского национального идентитета» [6, с. 254], а литературовед Э.Г. Карху по праву называет автора «Семерых братьев» «крупнейшим писателем Финляндии» [1, с. 300], утверждая, что «глубокой народностью своего творчества он заложил тот фундамент, на котором развилась вся последующая финская литература» [1, с. 351].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Карху Э.Г. История литературы Финляндии. От истоков до конца XIX века. – Л.: Наука, 1979. – 510 с.
2. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Гослитиздат, 1949–1955. – Т. 30: Письма, телеграммы, надписи. – М.: Гослитиздат, 1955. – 819 с.
3. Киви А. Семеро братьев: Роман. – СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2014. – 384 с.

[2] Ми́каэль А́грикола (ок. 1510–1557) – глава Реформации в Финляндии, первый переводчик Нового Завета на финский язык (1548), основоположник финского литературного языка.
[3] Э́лиас Ле́ннрот (1802–1884) – крупнейший собиратель карело-финской народной поэзии, собиратель и составитель карело-финского национального эпоса «Калевала».

4. Сильман Т. Алексис Киви и его роман // Киви А. Семеро братьев. – М.-Л., 1961. – С. 3–17.
5. Kinnunen A. Tuli, aurinko ja seitsemän veljestä: tutkimus Aleksis Kiven romaanista. – Porvoo, Helsinki: WSOY, 1973. – 259 s.
6. Сихво Х. Алексис Киви // Сто замечательных финнов / Под ред. Т. Вихавайнена. – Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. – С. 254–264.

KOLESNIKOV Dmitry E. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: writer1984@list.ru.

ARTISTIC ORIGINALITY OF THE NOVEL BY A. KIVI "SEVEN BROTHERS".

The paper analyzes the artistic features of the first Finnish novel novel by A. Kivi "Seven brothers". The paper discusses the way the novel to the reader the attitude of the conservative Finnish literary critics of the XIX century. At the end of the article notes the role of the novel in the history of Finnish literature.

NOVEL; FOLKLORE; FOLKLORE EXAGGERATION; ROMANTICISM; REALISM FINNISH NATIONAL LITERATURE; FINNISH NATIONAL IDENTITY.

УДК 929

А.Ф. Жуков

Р.Б. ГУЛЬ – АВТОР КНИГИ «Я УНЕС РОССИЮ. АПОЛОГИЯ ЭМИГРАЦИИ»

ЖУКОВ Алексей Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Гуманитарного института;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

В статье исследуется эмиграция советского периода. Эмиграция анализируется через книгу Р.Б. Гуля. Дается подробная биография автора книги «Я унес Россию. Апология эмиграции». Анализируется сама книга. Работа построена по геохронологическому принципу: «Россия в Германии», «Россия во Франции» и «Россия в США».

ЭМИГРАЦИЯ; РОССИЯ; ГЕРМАНИЯ; ФРАНЦИЯ; США; АВТОБИОГРАФИЯ; ХРОНОЛОГИЯ; СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.

Эмиграция советского периода представляет собой заметную страницу российской истории. После долгих лет замалчивания или искажения разным ее сторонам посвящены тысячи публикаций, но до конца исследованной проблему считать еще нельзя.

Роман Борисович Гуль
(1 (13) января 1896, Пенза – 30 июня 1986, Нью-Йорк)

В этом году исполняется 30 лет со дня смерти Романа Борисовича Гуля**,** который в известной мере олицетворял российскую эмиграцию и без которого, по мнению и друзей, и недругов нельзя знать эмиграцию.

Роман Борисович Гуль написал 26 книг и кроме них бесчисленное множество публикаций. Его главный труд трехтомная книга «Я унес Россию. Апология эмиграции» самим названием. полемизирует с устоявшейся формулой, что Родину нельзя унести на подошве своих сапог Во вступлении книги Гуль ссылается на Жоржа Жака Дантона, который на предложение покинуть Францию ради спасения жизни, отказался, произнеся эту фразу, ставшею крылатой. Жизнь, дела и творчество заставляет нас согласиться с утверждение Гуля, что он «унес Россию. Так же, как и многие мои соотечественники, у кого Россия жила в памяти души и сердца». Он прожил долгую жизнь (1896-1986) от ранения на фронте Первой мировой войны, до начала перестройки в Советском Союзе. Ему нравилось, что в его послужном списке имелась запись – был на фронте войны с Австрией, Австрийской империи давно нет, а он есть. В интервью газете «Новое русское слово» Гуль так определил задачу, которую поставил перед собой, работая над мемуарной трилогией: «Я хотел дать художественно-исторический набросок всей эмиграции… Мне хотелось запечатлеть, какая это была большая культурная сила» [1].

Книга построена по геохронологическому принципу: «Россия в Германии», «Россия во Франции» и «Россия в США». Автора можно было бы упрекнуть в претенциозности, если бы в них не содержались яркие страницы жизни российской диаспоры в этих трех странах. В начале книг о Франции и об Америке как бы подводятся итоги предшествующего периода.

Жизнь его была очень богата на события. Он нам является в различных ипостасях: офицер российской армии, доброволец в рядах корниловского мятежа, офицер, мобилизованный в армию гетмана Скоропадского, военнопленный в Киеве а затем в Германии, участник изданий российской эмиграции в Берлине, заключенный в концентрационном лагере нацистов, эмигрант, литератор в Париже, рабочий стеклозавода и сельхозрабочий в свободной зоне Франции во время оккупации страны нацистами, литератор и общественный деятель в Соединенных Штатах Америки после Второй мировой войны, литератор и многолетний главный редактор лучшего журнала российской эмиграции – «Нового журнала».

Гуль вошел в литературу и в общественную жизнь рано и вошел книгой «Ледяной поход (С Корниловым)», первой книгой о гражданской войне вообще. В своей главной книге он пишет, что политической деятельностью он решил заняться после Второй мировой войны, когда надо было заботится о советских военнопленных на Западе и эмигрантах, но он ошибается. В политическую жизнь его включила первая книга. По его собственному признанию он подвергся резкой критике из монархического лагеря эмиграции, его книгу издали в СССР, видели на столе В.И. Ленина. Уже в ней содержался главный мотив его жизненной позиции: граждане одной страны не должны убивать друг друга.

И. Бунин по поводу книги «Конь рыжий» писал, что он вспоминает о «совершенно прекрасных» страницах книги. Но его раздражали вздохи о «братоубийственной войне», что он, Бунин, вздыхает, о том, что Авель не проломил булыжником голову Каину (кавычки И.Бунина – А. Жуков). Следует отметить, Гуль не был пацифистом, он был противником гражданской войны [2].

После публикации «Ледяного похода» Гуля пригласили работать секретарем в библиографическом журнале «Новая русская книга», что

способствовало активному включению в литературную и общественную жизнь эмиграции. В первые годы советской власти выезд за рубеж в эмиграцию и в командировку был довольно легким и в Германию приезжали многие писатели из СССР. Безусловный интерес представляют свидетельства Гуля о советских литераторах, скажем первой волны, с которыми Гуль дружил или хорошо знал А. Толстой, К. Федин, С. Есенин, А. Белый. Многочисленными были встречи с писателями-эмигрантами Г. Ивановым, В. Ходасевичем, А. Ремизовым, М. Осоргиным, Ф. Степуном, Б. Вышеславцевым, А. Белым, Ю. Айхенвальдом, Н. Оцупом, Сашей Черным, с которыми много позднее, в 50-е гг., Р. Гуль продолжал активно поддерживать связь. Тогда же он познакомился, с М. Цветаевой.

Берлинский период жизни Р.Б. Гуля был необычайно плодотворен в творчестве. Кроме «Ледяного похода» были изданы книги: «Пол в творчестве» (1923 г.), «В рассеянии сущие, повесть о жизни эмиграции. 1920 – 1921» (1923 г.), «Жизнь на Фукса: Очерки белой эмиграции» (1927 г.), «Белые по Черному. Очерки гражданской войны» (1928 г.), «Генерал БО» (1929 г.), «Скиф» (1931 г.), «Тухачевский. Красный маршал» (1933г.), «Красные маршалы: Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский» (1933 г.). Причем, «Ледяной поход», «Жизнь на Фукса» и «Белые по Черному», «В рассеянии сущие» вышли в Госиздате в советской России. В 1927-1928 гг. Гуль был корреспондентом ленинградских газет. По словам самого Гуля Советская Россия прекратила сотрудничество с ним после издания книги «Тухачевский» и было почему, там революция предстает как управляемый хаос, а коммунисты управляли путем насилия. И еще Гуль подчеркивает или предсказывает наполеоновские замашки Тухачевского, ведь Наполеон, оседлав революцию, стал императором.

Выразив свое отношение к октябрьскому перевороту 1917 года, в первых публикациях, Гуль неизменно испытывал ненависть к большевикам, коммунизму и советской власти.

Уже здесь мы видим, что Гуля интересует человек, его психология, действия в различных жизненных ситуациях. Это направление будет продолжено им и в дальнейшей литературной работе. Безусловно, интерес представляет его книга об Азефе – «генерале» боевой организации эсеров. Книга содержит большой фактических материал об Азефе и анализирует

психологию российских террористов, в том числе Б. Савинкова. Совсем не случайно роман вышел на русском в двух изданиях и был издан на немецком языке, на французском, английском (Англия и США), на испанском, латышском, польском, литовском и кроме того печатался в иностранных газетах. Книга была причиной заключения нацистами в концентрационный лагерь.

Переехав в Париж в 1933 г., Гуль активно работает в антикоммунистических изданиях, в том числе в милюковских «Последних известиях». В Париже в 1936 году, Гуль издает серию портретов чекистов – организаторов и исполнителей красного террора: «Дзержинский, Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода» под одной обложкой. При их изображении автор не жалеет красок, приводит множество фактов неуемной жестокости. При всем различии характеров изображаемых лиц все они были важными винтиками советской государственной машины. Книга вышла в 1936 году, но в ней уже показана роль Сталина в развязывании массового террора и его роль в создании тоталитарного государства.

В следующем году была опубликована книга «Ораниенбург. Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере». Несмотря на то, что Гуль был задержан «по ошибке», пробыл в лагере на положении задержанного, а не арестованного недолго, видел он очень много. Это было время упрочения власти нацистов в Германии путем тотального террора. Гуль невольно сравнивает современную ему Германию с Советским Союзом.

Во Франции Гуль сотрудничает во многих изданиях русской эмиграции. С началом Второй мировой войны уезжает в свободную зону Франции, где ведет трудную жизнь наемного работника.

После войны возвращается в Париж, опять начинает публиковаться в периодических изданиях, ведет активную работу против возвращенчества, которое развернуло советское правительство. Он занимал непримиримую позицию. В знак неприятия этих настроений он вышел из Союза писателей, когда на заседании было зачитано предложение считать Парижский союз писателей филиалом Союза советских писателей. Из-за этих настроений он вышел из ложи масонов (Великая Ложа Франции), в которую вступил после войны. Одновременно включается в оказание

помощи советским гражданам, оказавшимся на Западе как военнопленные и «остарбайтеры».

В 1950 году Гули переезжают в Соединенные Штаты Америки. Он пишет, что Америку полюбил. Но сердце его принадлежит России. Главным делом в Америке Гуль считал издание журнала. Да это стало главным делом всей его жизни. Собственно Соединенных Штатов в книге не очень много потому, что, Гуль, как он считал, недосказал еще многое из того, что пережито и сделано во Франции и тем, что очень много сил и времени отнимала работа в «Новом журнале». Не случайно он писал В. Максимову: «на мне лежит буквально все и переписка с авторами, и правка рукописей, и корректура, и возня с бухгалтером и пр.», и кроме того его публикации были почти в каждом номере журнала. Две книги «Одвуконь: советская и эмигрантская литература» (1973 г.) и «Одвуконь-2. Статьи» (1982 г.) составлены из его публикаций в журнале.

С «Новом журналом» (НЖ) он начал сотрудничать с 1946 г., прислав из Парижа свой роман «Конь рыжий», который затем печатался из номера в номер. В 1950 г. Гуль переехал в США, а с 1951 г. стал секретарем редакции. Редактором был М.М. Карпович, который жил в Европе, а Гуль – в США, журнал лежал на Гуле. С 1959 г. и до конца своих дней Гуль был главным редактором журнала, хотя на короткое время номинально существовали редколлегии.

Он умел находить авторов, считая НЖ «всероссийским делом». При нем было опубликовано множество произведений из наследия серебряного века и первой эмиграции. Редактор видел достоинство своего журнала в частности, в том, что на его страницах впервые появились новые произведения И. Бунина, Б. Зайцева, Мережковского, Е. Замятина, В. Вейдле, Г. Газданова. В отделе поэзии печатался Посмертный дневник Г. Иванова, стихи из архива З. Гиппиус, поэма Волошина, поэма И. Северянина

Наряду с наследием первой волны эмиграции журнал все больше печатает авторов второй волны В частности публикуются С.Аскольдов, Н. Ульянов, Л. Ржевский, И. Елагин, М. Коряков, Н. Нароков. Д. Кленовский.

Публиковались стихи, полученные «с оказией» из СССР (Даниил Андреев, О. Бергольц, Д. Дудко, И. Бродский, Ю. Айхенвальд). Охотно печатался лучший «самиздат».

В 1973 г. пришли в журнал поэты третьей волны В. Бетаки, Н. Коржавин, Л. Владимирова и, начиная с этого года, под одной обложкой встречаются все три эмиграции.

Необходимо остановиться на отношении Гуля к значительным литераторам Советского Союза, оказавшимися затем в эмиграции.

Отношение к А.И. Солженицыну у Гуля было всегда уважительное. Журнал на начало его творчества – публикацию повести «Один день Ивана Денисовича» откликнулся положительной рецензией «А.И. Солженицын и социалистический реализм». Он ее считал важной, потому что спустя 10 лет он опубликовал ее в сборнике критических статей «Одвуконь». Характерно, что статья Гуля значительно объёмнее повести Солженицына. Отмечая, что в идеологическом смысле повесть опоздала, уже известны публикации о советских лагерях, (*Гуль ошибается, свидетельства о лагерях были опубликованы только за рубежом, а в советской литературе – полное молчание – А.Ж.*), Гуль утверждает, что главным в повести является художественный метод Солженицына, который восходит к серебряному веку [3]. В дальнейшем характерно благожелательное отношение к Солженицыну, а его Архипелаг считает «великой книгой». В третьем томе своей апологии Гуль публикует статью «Ленин и «Архипелаг ГУЛАГ».

Сначала Гуль с симпатией и интересом отнёсся к А.Д. Синявскому. Когда на Западе были опубликованы его «Мысли врасплох», Р. Гуль посвятил сочувственную рецензию. Признавшись, что не является поклонником беллетристики А. Синявского, подчеркивал, что книга заслуживает несомненного внимания. Синявский, по мнению Р. Гуля, близок таким «почвенно – русским писателям», как Достоевский, Леонтьев и Розанов. «Голос из хора» Синявского был отмечен в «Новом журнале» положительной рецензией. Совсем иную оценку получили «Прогулки с Пушкиным» Синявского. О тоне и пафосе статьи Гуля можно судить уже по названию: «Прогулки хама с Пушкиным» *(здесь «хам» в библейском, а не в обывательском смысле – А.Ж.)*. Характеристики автора «охамленный пошляк», «полублатной профессор» далеко не все и не самые сильные выражения, которыми Гуль награждает А. Синявского [4].

С В. Максимовым у Гуля была переписка, обсуждался вопрос о его замене на посту главного редактора «Нового журнала». Гуль хотел, чтобы

журнал возглавлял человек из третьей волны эмиграции. Это было предложено Максимову, но у того был журнал «Континент», к которому относился бережно и считал его издание своей исторической миссией.

Таким образом, в журнале отразилась дореволюционная Россия и современность, диаспора и метрополия, классика XX века и писатели второго ряда.

В других отделах журнала видим эссе и статьи Вяч. Иванова, Г. Адамовича, Иваска, Н. Берберовой, богословов В. Зеньковского и А. Шмемана, композитора А. Лурье, историка Г. Вернадского, публицистов Н. Валентинова и Н. Ульянова, философов Н. Лосского и С. Левицкого. Тематика статей обширна, многие из них сохраняют свое значение и сегодня. Исключительным богатством отличался отдел «Воспоминания и документы». Здесь имеются материалы, представляющие подлинную историческую и историко-литературную ценность. Среди них – дневники П. Милюкова и З. Гиппиус, мемуары А. Керенского, А. Гучкова, В. Бурцева. Богатое эпистолярное наследие знаменитых русских художников, актеров, композиторов, философов, писателей, поэтов, критиков.

Гуль понимал задачу журнала «как продолжение идейного наследства, которое внесла Россия в мировую культуру. Я верю, – писал он, – что когда-нибудь НЖ сыграет роль той магнитофонной ленты, на которой останутся записанными для истории свободные голоса русских поэтов, прозаиков, публицистов, ученых. И в этом предвидении Гуль оказался прав. В настоящее время русская литература рассматривается как единый идейно-художественный процесс, в котором литература русской диаспоры является ее частью, неотделимой частью.

Заряд заложенный основателями журнала М. Алдановым и М. Цетлиным и сохраненный и развитый Гулем (40 лет секретарь и редактор) действует до настоящего времени. «Новый журнал» продолжает выходить и сегодня. Он расходится более чем в 30 странах и имеет авторов в России, на Украине, в Белоруссии, Латвии, Чехии, Сербии, Румынии, Болгарии, Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Финляндии, Израиле, Китае, Японии, Австралии, Канаде, США. По состоянию на 2013 год журнал

распространяется в 32-х странах. На него подписаны все крупнейшие университеты и библиотеки мира. В этом есть заслуга и Р.Б. Гуля.

Выше мы отмечали геохронологический принцип построения главной книги Гуля и в 2-х первых томах это соблюдено. Исключение составляет третья книга «Россия в Америке. В ней много рассказывается о событиях не американской жизни, а жизни во Франции, предшествующей жизни. Так, много лет спустя, он возвращается к т.н. «делу Кравченко» (1949 г.).

В.А. Кравченко работник приемочной комиссии в США решил не возвращаться в СССР. Его выдача в СССР не состоялась, а Кравченко выпустил книгу «Я Выбрал Свободу», в которой писал о коллективизации, советских тюрьмах и лагерях. Книга получила литературную премию во Франции, была переведена на многие языки и имела успех. Коммунисты Франции через журнал «Леттр Франсез» обвинили Кравченко в том, что он лжец и западный шпион, Кравченко подал на издание заявление в суд. На суд из Москвы прибыла большая группа свидетелей во главе с Р.А. Руденко, обвинителем на Нюрнбергском процессе от СССР. Вот в этом процессе и принял активное участие Гуль. Он нашел Кравченко секретаря, принимал его дома, присутствовал на заседаниях суда. Кравченко процесс выиграл, а словосочетание «Я выбираю свободу» на долгие годы сопло лозунгом антисоветской русской эмиграции. Общение Р.Б. Гуля и его жены продолжалось и позже в США до самоубийства Кравченко.

Вторым эпизодом жизни Гуля во Франции, было издание им журнала «Народная правда» (1948–1851 гг.). Гуль пересказывает содержание свой статьи из первого номера «Смысл встречи двух эмиграций» и перечисляет статьи авторов из второй эмиграции, опубликованные в журнале. «Народная правда» – печатном органе созданной в 1948 г. в Париже политической антитоталитарной группы «Российское народное движение». В вопросе о тех, российских эмигрантах, которые сочувствовали нацистам или проявляли неустойчивость, Гуль занимал примирительную позицию. Он говорил, что с «мелкими коллабо» можно теперь сотрудничать. Переехав в США в 1950 г. и поселившись в Нью-Йорке, он продолжал редактировать это издание.

В книге есть сюжет о создании в США Лиги борьбы за народную свободу (редактор ее Бюллетеня А.Ф. Керенский), но она не оставила

после себя заметного следа. Некоторое время Гуль работал редактором Нью-йоркского отдела радио «Свобода», правда, в трехтомнике это не отражено.

Для публикаций Гуля характерно стремление к доказательности и подлинности, наличие различных документов, писем. В третьей книге он пишет о «Новом журнале» и приводит почти библиографический список опубликованных в нем материалов. Причем, в этот список входят и публикации, созданные до его прихода в журнал и опубликованные уже им. Значительное число страниц отведено на переписку Гуля с Георгием Ивановым, с которым познакомился в Берлине в 1922 г., переписке (1967–1977 гг.) с дочерью Сталина Светланой Алилуевой, с которой Гуль дружил долгие годы. В третью книгу вошли большая статья «Ленин и Архипелаг ГУЛАГ», материал «К вопросу «Об «автокефалии» – с приложением документов-переписки иерархов православной церкви.

В этой книге Гуль рассказывает о жизни семьи в неоккупированной зоне Франции во время войны и публикует обращение Петена к французам 16 июня 1940 г. (на французском языке).

Необходимо остановиться на творческом методе Р.Б. Гуля как литератора. Гуль обладал ярко выраженным талантом писателя. Его читать интересно. Этот талант ярко проявился уже в первых его произведениях. Об этом свидетельствуют переводы на многие европейские языки. Конечно, можно попытаться объяснить т.н. злободневностью, но для издателей и переводчиков его произведений на других языках вряд ли можно полностью объяснить только познавательным интересом. Книги нужно продавать и спрос на них зависит, конечно, от эстетической ценности. «Ледяной поход» издали не только в Советском Союзе, что легко объяснить. произведение о гражданской войне, но он был издан на 15 иностранных языках и выдержал десятки переизданий.

В книгах Гуля удачно слились стили классической русской литературы XIX века с постоянным возвращением автора к своей биографии, что у него стало предметом художественного творчества. Он дорожит, совершенно обоснованно, фактами своей биографии, Почти все его книги содержат события жизни, относится это и к большой книге «Конь рыжий» (1952 г.), и, конечно, к книге «Я унес Россию» и. наконец от

XX века Гуль взял кинематографический прием раскадровки, когда сюжет текста выделен и снабжен заголовком. Это можно проследить почти по всем его произведениям, но особенно ярко выражено в его главной книге.

Гуль сумел свою жизнь сделать литературным фактом. Его произведения – это не мемуары в чистом виде, хотя, конечно, это и мемуары, но это и явления искусства. Все книги Гуля написаны на событиях реальной жизни, в них нет вымышленных литературных героев. Ему они не были нужны. Жизнь сама является материалом для художественного осмысления.

Надо отметить, что Гуль любил слово и обращался с ним бережно более того, он верил в сакральность слова. Это, в частности, можно проследить по названию его книг и статей. Уже название его публикаций требует интеллектуального напряжения, сознательно или интуитивное этого он достигал – не важно. Отметим название главной книги, затем «Ледяной поход». Не случайно потребовалось в скобках расшифровать «С Корниловым». Далее, название книги библейское «В рассеянии сущие», кто эти сущие живущие на чужбине? Заглавие цветового контраста «Белые по Черному» – это по Черному морю уходят белые – противники большевиков. «Жизнь на Фукса» – фукс – жаргонное, случайно выигранный шар, неожиданная удача (в бильярдной игре). Далее «Скиф», прямая перекличка с А. Блоком, с его поэмой апокалипсиса «Возмездие», позже Гуль вернулся к роману и переиздание назвал «Скиф в Европе». «Генерал БО», все ли знают, что БО – это боевая организация эсеров и почему генерал у сугубо гражданских лиц. «Красные маршалы» – в 1933 году, когда вышла книга, в СССР никаких маршалов еще не было. «Конь рыжий» – библейское – второй из четырех Всадников Апокалипсиса Иоанна Богослова, символизирующий войну как катастрофическое бедствие. «Одвуконь». по словарю Даля – при двух конях или на одном коне с одним запасным конём. В журнале, а затем в сборнике «Одвуконоь» он опубликовал статьи «Книга Светланы» и «Светлана и неандерталы». Все ли знали, что это имя дочери Сталина?

О многом говорят и эпиграфы книг Гуля, их даже бывает несколько. А у книги «Скиф» эпиграф – целое историческое исследование о восшествии Николая 1 на престол и восстании декабристов. Есть даже

библиография. Но это эпиграф, автор демонстративно не включил этот текст в основной.

Говоря о Керенском Гуль отметил его жажду к людям, но еще это качество жадности к людям было присуще самому Гулю. Его книги густо населены. При издании трехтомника в современной России в комментариях было отмечено, что полностью их оформить трудно, так как они заняли место большее, чем сам текст. Но всеядностью это назвать нельзя.

Свидетельства Гуля о современниках, как правило, многоплановы и лишены сатирического окраса, хотя для этого у него все основания были. Отрицательные характеристики содержатся лишь по отношению к некоторым фигурам. Такой является обширная рецензия на мемуары Н. Берберовой «Курсив мой». Возможно, какую-то роль сыграла и ее позиция во время немецкой оккупации части Франции, но критика касается и ее многочисленных фактических ошибок. С некоторых пор не мог спокойно говорить об А.Д. Синявском. В телеинервью радио «Свобода» (1982 г.) в ответ на просьбу дать характеристику В.В. Набокову отказался, назвав его снобом [5].

Судьба была благосклонна к автору; не убит в гражданской войне, не расстрелян в Киеве, не умер в лагере военнопленных в Германии, не погиб в фашистском концлагере, выжил во время оккупации Франции во время Второй мировой, но дело не только в везении. Р.Б. Гуль остался примером самоотверженной деятельности во всех условиях и при всех обстоятельствах.

В сайтах Интернета на имя Романа Борисовича Гуля встречаются разнообразные его характеристики, наиболее полно они выражены в Википедии: *«писатель, эмигрант, журналист, публицист, историк, критик» и все это правда. Это всего лишь констатация истинной роли жизни и творчества Гуля. До настоящего времени нет достаточно полной библиографии публикаций Гуля, думается, что время для этого пришло* [6].

Говоря об итогах жизни и деятельности Романа Борисовича Гуля, следует сказать, что его неоценимо большим делом была издательско – редакторская и литературная работа, а его слово в многочисленных публикациях тоже являлось делом. Его книги интересны и важны для историков. политологов и просто обычных читателей. Можно разделять или не разделять его взгляды, но знать их, безусловно, необходимо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Новое русское слово. 1 августа 1985 г.
2. См.: http://lib.ru/RUSSLIT/GUL/horse.txt Роман Гуль. Конь рыжий
3. Роман Гуль. А. Солженицын Соцреализм. «Один день Иванна Денисовича»:http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/general/index.php?ELEMENT_ID=1165
4. Прокопов Т. Абрам Терц, Роман Гуль и Пушкин: http://www.inieberega.ru/node/374
5. www.youtibe.com/result / Беседа Д. Глэда с Р. Гулем. 1982.
6. Гуль, Роман Борисович // Эл. Ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%83%D0%BB%D1%8C,_%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD_%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Краткая библиография сочинений Р.Б. Гуля

Гуль Р. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: изд. С. Ефрон, 1921.
Гуль Р. Пол в творчестве. Берлин: Манфред, 1923.
Гуль Р. В рассеянии сущие: Повесть из жизни эмиграции 1920–1921. Берлин: Манфред, 1923.
Гуль Р. Жизнь на Фукса: Очерки белой эмиграции. М.; Л.: Госиздат, 1927.
Гуль Р. Белые по Чёрному: Очерки гражданской войны. М.; Л.: Госиздат, 1928.
Гуль Р. Генерал БО. Берлин: Петрополис, 1929; 3-е переработанное изд: Гуль Р.Азеф. Нью-Йорк: Мост, 1959.
Гуль Р. Скиф. Берлин: Петрополис, 1931; 2-е переработанное изд.: Гуль Р. Скиф в Европе: Бакунин и Николай I. Нью-Йорк: Мост, 1958; 3-е переработанное изд.: Гуль Р. Бакунин. Нью-Йорк: Мост, 1974.
Гуль Р. Тухачевский. Красный маршал. Берлин: Парабола, 1932.
Гуль Р. Красные маршалы: Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский. Берлин: Парабола, 1933.
Гуль Р. Дзержинский, Менжинский – Петерс, Лацис – Ягода. Париж: Дом книги, 1936.
Гуль Р. Ораниенбург: Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере. Париж: Дом книги, 1937.
Гуль Р. Конь рыжий. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952. [автобиографическое повествование от начала революции и до прибытия в Париж]
Гуль Р. Одвуконь: Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк: Мост, 1973.
Гуль Р. Одвуконь-2: Статьи. Нью-Йорк: Мост, 1982.

Гуль Р. Я унёс Россию: Апология эмиграции: В 3 т. Нью-Йорк: Мост, 1981–1989; Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. Б. С.Г.-ПРЕСС, 2001.
Гуль Р. Письма писателям-эмигрантам [М. А. Алданову, В. В. Вейдле, А. В. Бахраху] / Публ. В. Крейда // Новый журнал. 1995. № 200. С. 278–295.
Гуль Р. Красные маршалы: Исторические романы и очерки. М.: Терра, 1995.
Георгий Иванов – Ирина Одоевцева – Роман Гуль: Тройственный союз. Переписка 1953–1958 годов / «Петрополис», 2010.

Zhukov, Alexey F. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia. e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

R. B. GUL – author of the BOOK "I TOOK THE RUSSIAN. APOLOGY EMIGRATION".

This article examines the emigration of the Soviet period. Emigration is analyzed through the book by R. B. Gul. Provides a detailed biography of the author of the book "I took the Russian. Apology emigration". Analyzes the book itself. The work is based on the geochronological principle: "Russia in Germany", "Russia in France" and "Russia in the United States."

EMIGRATION; RUSSIA; GERMANY; FRANCE; UNITED STATES; AUTOBIOGRAPHY; CHRONOLOGY OF THE SOVIET PERIOD.

УДК: 94(510).09

М. А. Гулева

РАБОЧИЕ, БОРЦЫ И КОММУНИСТЫ: КИТАЙСКИЕ ДРУЗЬЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ» (1922–1949 гг.)[1]

ГУЛЕВА Мария Анатольевна – аспирант, старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: mangul@mail.ru.

Вопросы советско-китайских отношений были предметом многих публикаций советского времени. Изображение китайцев- «друзей» в журнале «Крокодил» отразило перемены во внешне- и внутриполитических переменах обеих стран, что позволяет использовать эти материалы для расширения сведений о двусторонних отношениях. Хронологические рамки статьи ограничены началом издания журнала и учреждением Китайской Народной Республики.

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА; ЖУРНАЛ «КРОКОДИЛ»; ОБРАЗЫ «ДРУЗЕЙ»; СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

Тенденцией в исторической науке последних лет стало внимание к новым аспектам общественной жизни и, как следствие, к новым типам источников. Для того чтобы создать более широкую панораму прошлого, требуется привлекать материалы, выходящие за рамки традиционных исторических источников, или по-новому подходить к анализу имеющихся свидетельств. Одной из самых ярких и разнообразных категорий являются визуальные источники. Анализ произведений искусства, плакатов,

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

фотографий, кинолент, иллюстраций и иных изображений предполагает специфическую методику, разработке которой посвящаются отдельные исследования [23; 24]. Своеобразие визуальных материалов заключается в том, что трактовки и общее восприятие зримого зависят от большого количества субъективных факторов. Иначе говоря, при изучении визуальных источников велик риск «увидеть» то, что не изображено, в связи с чем возникает проблема аргументированности выводов. Для того чтобы максимально сократить возможность «приписывания» изображению несуществующих смыслов, представляется важным, с одной стороны, пользоваться разумным спектром количественных и качественных методов, а с другой, ставить предельно точные вопросы и в связи с этим определять, какие изображения могут дать на них ответы.

Политическая карикатура как один из жанров визуальных материалов позволяет рассматривать весьма разнообразные проблемы. Прежде всего, это политическая обстановка в том регионе, где возникали и распространялись карикатуры, степень свободы в изображении государственных деятелей, наличие или отсутствие критической ноты в публикациях. Второе – это формы политической борьбы и механизмы информирования населения о текущих событиях. Третьим может быть анализ вовлечённости профессиональных журналистов и простого населения в создание карикатурных и иных шаржированных образов, благодаря чему, в свою очередь, можно рассуждать о традициях политической дискуссии, журналистики, демократии и прочем. Далее, карикатуры могут быть использованы как кладезь сведений о стереотипах и массовом сознании, культуре повседневной жизни, культурной антропологии и этнографии. Несомненно, этот список можно продолжать. Политические карикатуры на темы международной жизни естественным образом расширяют его до вопросов взаимного восприятия, бытового изображения дипломатических эмпиреев, реакции обывателя на многообразие мира.

Политические карикатуры, публиковавшиеся в журнале «Крокодил» в советское время, заслуживают внимание историка с нескольких точек зрения. Во-первых, они являются отражением событий, представлявшихся важными в глазах руководителей СССР; по частоте упоминаний и тональности «крокодильских» материалов можно судить, какие элементы

внешней и внутренней политики власть хотела сделать заметными для граждан Союза, а что предпочитала оставить в тени. Во-вторых, большой интерес представляет образная система карикатур, которая позволяет делать выводы о настроениях советского общества: степени милитаризации сознания, ориентации на союзнические и враждебные отношения с другими народами и государствами, готовности к критичному восприятию собственной страны. Безусловно, рисунки и заметки в журнале «Крокодил» зависели от симпатий художников, фельетонистов и редакторов; но если в 1920-е гг. журнал и допускал некоторую долю свободы, то, став к 1930-м гг. единственным центральным сатирическим изданием Союза в подчинении издательства ЦК ВКП(б) «Правда», он оказался рупором власти. Это позволяет использовать материалы журнала не столько для анализа устоявшихся взглядов авторов, сколько для изучения официальной пропаганды в менее формализованном жанре карикатуры и юморески.

Тема Китая впервые появилась в журнале в одном из самых ранних выпусков: уже в четвёртом номере «Крокодила» был опубликован дружеский шарж на А.А. Иоффе в «китаизированном» облике – в 1922 г. дипломат был назначен советским представителем в Китае [1, с.16]. В дальнейшем пристальное внимание Москвы к происходящему в Китае постоянно находило отражение в журнале: за период с начала издания «Крокодила» до образования Китайской Народной Республики (1922–1949 гг.) в нём было опубликовано более 210 рисунков и текстов, связанных с китайскими событиями, и этот корпус даёт достаточно материала для детального анализа.

Две крупнейших группы, на которые можно разделить эти публикации, основаны на бинарной оппозиции «плохое – хорошее»; в абсолютном большинстве карикатуры и заметки содержат явную положительную или отрицательную оценку события и личности, о которых сообщают. Это разделение было естественно для целей официальной пропаганды, пользовавшейся инструментами стереотипизации, и поэтому легко прослеживается в работах художников. Целью настоящей статьи является анализ положительного образа – китайских «друзей» советского народа. Сперва следует рассмотреть, с

какой регулярностью китайские события изображались с участием таких «друзей», к числу которых относятся «классовые союзники» (рабочие, крестьяне, рядовые солдаты), жертвы милитаристов, империалистов и других «общих врагов», борцы за «освобождение» Китая, китайские коммунисты и прочие персонажи, вызывающие сочувствие и симпатию. Эти «положительные» герои оттеняются заметным количеством «отрицательных» фигур, среди которых выделяются как внутренние враги (на разных этапах это генералы, чанкайшисты, коллаборационисты), так и внешние (мировые капиталисты, японские агрессоры, западные реакционеры и т.п.). График 1, построенный по итогам подсчёта рисунков и заметок в журнале «Крокодил» (выпуски, доступные в Журнальном фонде Российской национальной библиотеки), позволяет судить о количественном соотношении «положительных» и «отрицательных» персонажей за рассматриваемый период (к группе «отрицательных» здесь отнесены только «внутренние враги»).

Как видно из колебаний двух линий, обе группы активно фигурировали на протяжении всего периода (исключение составляет отрезок 1941–1944 гг., когда все выпуски журнала были посвящены исключительно Великой отечественной войне). Однако график не точно отображает общее количество рисунков и текстов, поскольку один и тот же фрагмент мог изображать либо только «врагов», либо только «друзей», либо тех и других вместе. Поэтому колебания графика показывают именно разницу в частоте упоминаний этих групп, на основании чего можно делать выводы об общих акцентах официального дискурса о Китае.

График 1.

Китайские персонажи

Хорошо видны подъёмы серой кривой в 1925 г., 1936–1939 гг. и конце 1940-х гг. Внешне эти повышения коррелируют соответственно с началом т.н. революции 1925–1927 гг., антияпонской борьбой китайского народа и, наконец, завершением гражданской войны в 1949 г. Однако при подробном рассмотрении «крокодильских» материалов становится понятно, что содержание журнала не было простым отражением событий.

Период до 1925 г. – время, когда Советский союз ориентировался на «революцию на Востоке», разочаровавшись в пролетарском движении Европы. Китайские «друзья» оказываются в ролях учеников, ищущих верный путь (примером тому могут быть иллюстрации Ивана Малютина «По прямой дороге» [2, с. 5] и Юлия Ганфа «У великой китайской стены» [6, с. 2]). Параллельно метафора «пути» накладывается и на прагматический сюжет, связанный с Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД): вопрос о её принадлежности и праве эксплуатации стал одним из ключевых для советско-китайских отношений в 1920-е гг., что также не осталось без внимания «Крокодила». Важно отметить, что подписание соглашения о КВЖД в 1924 г. было представлено не просто как успех в двусторонних отношениях, но и как очередной удар по буржуазно-капиталистической реакции (например, рисунок Константина Елисеева «Кому мягко, а кому жестко» [4, с. 1]). Путь двух братских народов, как это рисуется в «крокодильских» публикациях, лежал в совместной борьбе против империалистов. Позже та же метафора обрела иные очертания: в конце 1940-х гг. в китайской сюжетной линии появился «светлый путь Октября» (одноимённый рисунок Бориса Ефимова, иллюстрация Виталия Горяева с подписью «Поздравляю вас, товарищ, с Октябрём» в октябрьском выпуске журнала 1949 г. [20, с. 1, 16]) – это произошло одновременно с общим изменением образа китайских «друзей».

Наряду с идеей «ученика и учителя» развивалась и концепция помощи «пробуждающемуся» китайскому народу. В 1920-х гг. в СССР действовало общество «Руки прочь от Китая», на что «Крокодил» откликнулся целым рядом рисунков и фельетонов с аналогичным названием [3, с. 12; 5, с. 13]; впрочем, к концу 1920-х гг. этот лозунг приобрёл оттенок иронии и использовался уже для критики обывателей и лицемеров [7, с. 7; 12, с. 3]. В это время на первый план вышел советско-китайский конфликт из-за

КВЖД, в котором «Крокодил» обвинял то персонально Чан Кайши, то «китайских генералов» вообще [8, с. 6, 7; 9, с. 2, 3; 10, с. 1]. Впрочем, тогда же журнал стремился показать и наличие союзников в китайском обществе: хотя у власти в Китае, по версии «Крокодила», оказались «враги» и пособники мировых империалистов, китайские граждане по-прежнему заслуживали сочувствия. Так, в июльском выпуске журнала 1929 г. опубликованы стихи за подписью «Микассо»:

Один предался англичанам,
Другой во Францию спешит.
Что ж, когда Фын дерется с Чаном,
То у китайца чуб трещит [8, с. 7].

Не менее значителен и факт, что «Крокодил» опубликовал иностранные карикатуры на советско-китайский конфликт. В комментарии пояснялось, что «буржуазные газеты» изображают большевиков как «чугунных чудищ в кожаных куртках» [11, с. 5]. Тем самым журнал подчёркивал, что Запад опасается Советского Союза и надеется руками китайских милитаристов ослабить большевистскую власть. Следовательно, необходимо было укреплять дружбу советского и китайского народов. Подобные «цитаты» из зарубежной прессы позже использовались «Крокодилом» и для более непосредственного создания образа «союзника»: в конце 1940-х гг. в журнале появлялись китайские зарисовки на тему освободительной борьбы [например, 18, с. 3; 22, с. 8–9], что, несомненно, было призвано показать, как демократический Китай следует примеру СССР.

Важным толчком в эволюции китайских «друзей» на страницах журнала стала японская агрессия 1930-х гг. Примечательно, что чёрная кривая в графике 1 оказывается здесь ниже, чем серая – образы страдающего китайского народа, беззащитных мирных жителей и погибших солдат доминируют, тогда как марионеточные правители и бездействующие власти возникают лишь изредка. Но характерно, что среди «друзей» мало воинов, партизан и соратников: сопротивление агрессору либо не оказывается, либо выглядит пассивным. Ярким примером такой бездеятельной борьбы в изображении «Крокодила» является рисунок Константина Ротова «Самурайские мухи», где насекомые в японской форме и с имперским флагом слетаются на липкую бумагу –

карту Китая. Собственно, оказывается, что гибель японских «мух» здесь становится следствием не активной обороны китайцев, а обширности китайских территорий и глупости «мух», которые «влипли», как явствует из подписи [14, с. 1]. Похожую метафору использовал и Юлий Ганф в рисунке «Японский медведь на китайской пасеке», где недотёпа-мишка, наряженный в японскую фуражку, очки (атрибут японца в журнале) и с мечом за поясом, пытается забраться в ульи с китайскими загнутыми крышами. Китайцы в виде рассерженных пчёл многочисленны и могут одолеть захватчика, но при этом лишены человеческого облика, а потому не вызывают сопереживания [13, с. 16].

Настоящее сочувствие к борьбе китайского народа возникло в журнале только во второй половине 1940-х гг., когда основным врагом стал «реакционный» Гоминьдан – Национальная партия Китая во главе с Чан Кайши (Цзян Цзеши). Здесь образ «друзей» приобрёл принципиально новые черты: из «учеников» и растерянных крестьян 1920-х гг. и беззащитных жителей 1930-х гг. китайские союзники превратились в воинов-освободителей, которые под одобрительные улыбки своих соотечественников и советских соратников сбросили иностранное и реакционное бремя. Китайские рикши отказались возить империалистов, рабочие прогнали капиталистов, солдаты Народно-освободительной армии (НОА) избавили крестьян от необходимости платить «помещикам» [15, с. 8; 17, с. 12; 18, с. 3; 21, с. 3]. На этом фоне не стоит забывать и о «врагах» – чёрная линия в графике 1 в этот период оказывается выше серой, поскольку одной из задач «Крокодила» стало обоснование грядущей дипломатической переориентации СССР от поддержки правительства Чан Кайши к признанию КНР во главе с Мао Цзэдуном. «Продажность» гоминьдановского правительства, его неэффективность и отсутствие народной поддержки должны были придать легитимность решению Москвы об установлении официальных отношений с новым союзником на международной арене. Финальным аккордом в этом ряду служит рисунок Михаила Черемных «Новое созвездие на мирном небосклоне», изображающий радостного солдата-коммуниста с красным цветком у сердца и огромным реющим знаменем в руках [19, с. 1]. Звёзды на знамени действительно складываются в созвездие, но расположены они на рисунке

не так, как на флаге КНР: на рисунке М. Черемных четыре малых звезды поднимаются полукругом над одной большой, тогда как на флаге они изображаются справа от неё. Не имея сведений о причинах такой трактовки китайского флага, мы ограничимся лишь упоминанием этого любопытного феномена.

С образованием КНР тема китайских «друзей» обрела новые черты, поскольку Китай стал на некоторое время полноценным союзником в международных отношениях, а победа коммунистов послужила новым вдохновением для политического дискурса советской прессы.

За первые три десятилетия своего существования журнал «Крокодил» откликнулся на большинство крупных событий, произошедших в Китае. При этом на его страницы не попали некоторые важнейшие эпизоды: так, в отличие от советских газет, «Крокодил» ничего не опубликовал по поводу смерти Сунь Ятсена. И если это легко объясняется общей тональностью журнала, гораздо менее очевидно, по какой причине полностью обойдено вниманием существование китайской Компартии (КПК). Во всём «Крокодиле» коммунисты как партия не упоминаются в рассматриваемый период ни разу; в конце 1940-х гг. в качестве организации коммунистического толка выступает НОА [16, с. 3]. Вероятно, в 1920–30-е гг. это объясняется двусмысленностью положения КПК и Гоминьдана, а позже – желанием представить борьбу китайского народа как результат советской помощи и идейного руководства.

Характерной чертой в описании китайских событий служит обезличивание «друзей» и персонификация «врагов»: союзники выступали в собирательном образе пролетариев, воинов, товарищей, тогда как противников нужно было знать поимённо, поэтому «Крокодил» без околичностей упоминал Чжан Цзолиня, Чан Кайши, Пу И, Ван Цзинвэя и других. Среди немногочисленных имён «друзей» Мао Цзэдун впервые упомянут только в 1950 г., в цитате из «рассказов китайских студентов» [22, с.8]. Редакция «Крокодила» предпочитала не вводить в дискурс именованных союзников в силу общей концепции журнала «сатиры и юмора». Но думается, что этому же способствовало и наличие собственных «вождей» в СССР, наряду с опасениями, что в Китае

повторится хаос 1920-х гг., когда вчерашний союзник легко становился сегодняшним оппонентом.

Эволюция, через которую прошли китайские «друзья» советского народа в журнале за время с 1922 по 1949 гг., подчёркивает изменение внешнеполитических ориентиров советского правительства: от восприятия Китая в рамках идеала революции с Востока, через поддержку борющегося против общих врагов братского народа к идеологическому союзнику, стороннику в международных делах и последователю. Одновременно с этим общая линия дискурса в журнале диктовалась и вполне практическими соображениями: вопросами о пользовании КВЖД, необходимостью мобилизовать советских граждан на дальнейшую борьбу, стремлением обосновать внешнеполитические действия СССР. Для этого применялись узнаваемые метафоры («путь», «пробуждение»), символы (реющие знамёна, сжатые кулаки, пролитая кровь) и образы (общий враг, революционная борьба). Иными словами, на китайских «друзей» экстраполировался опыт советского народа, и в результате создавался неточный, но понятный стереотип. Неформальный стиль журнала способствовал лёгкости восприятия такого изображения, поэтому можно говорить, что к концу 1940-х гг. образ китайских «друзей» вполне укрепился в массовом сознании советских граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Крокодил. – 1922. – № 4 (16).
2. Крокодил. – 1922. – № 5 (17).
3. Крокодил. – 1924. – № 17 (97).
4. Крокодил. – 1924. – № 18 (98).
5. Крокодил. – 1925. – № 2 (112).
6. Крокодил. – 1925. – № 5 (115).
7. Крокодил. – 1925. – № 35.
8. Крокодил. – 1929. – № 28.
9. Крокодил. – 1929. – № 29.
10. Крокодил. – 1929. – № 30.
11. Крокодил. – 1929. – № 35.
12. Крокодил. – 1929. – № 39.
13. Крокодил. – 1938. – № 7.
14. Крокодил. – 1938. – № 13.
15. Крокодил. – 1945. – № 30.
16. Крокодил. – 1948. – № 20.

17. Крокодил. – 1949. – № 5.
18. Крокодил. – 1949. – № 7.
19. Крокодил. – 1949. – № 29.
20. Крокодил. – 1949. – № 30.
21. Крокодил. – 1950. – № 9.
22. Крокодил. – 1950. – № 27.
23. **Burke P.** Eyewitnessing: The Uses of Images as Historical Evidence. London: Reaktion Books Ltd, 2001.
24. The SAGE handbook of visual research methods / ed. by Eric Margolis a. Luc Pauwels. – [Repr.]. – Los Angeles [etc.]: SAGE, 2012.

GULEVA Mariia A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: mangul@mail.ru.

WORKERS, FIGHTERS, COMMUNISTS: CHINESE FRIENDS OF SOVIET PEOPLE IN KROKODIL MAGAZINE (1922–1949).

Soviet-Chinese relations were the objects of many Soviet publications. Images of Chinese "friends" in the Krokodil magazine reflected the changes of internal and external policies of the two states, thus providing material which helps to widen our knowledge of the bilateral relations. Chronological frames are defined by the year of the first issue of the magazine and the year when PRC was established.

REPUBLIC OF CHINA; *KROKODIL* MAGAZINE; IMAGES OF "FRIENDS"; SINO-SOVIET RELATIONS.

УДК 314.156

И. И. Климин

О ЧИСЛЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (2012–2015 гг.)

КЛИМИН Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Гуманитарного института;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

В статье рассматривается количественный, качественный и национальный состав трудовых мигрантов в современной России, показан их вклад в развитие экономики, в разрешение демографической проблемы.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ; КОНЦЕПЦИЯ, РАБОЧАЯ СИЛА; ИНОСТРАННЫЕ РАБОТНИКИ; ЭКОНОМИКА; ЧИСЛЕННОСТЬ; НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ.

Основные задачи трудовой миграции в стране были сформулированы в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Владимира Путина 13 июня 2012 г. [1]. В данном документе четко определены главные цели, задачи и основные направления миграционной политики России на нынешнем этапе. К числу приоритетных целей относятся: обеспечение национальной безопасности страны, максимальная защищенность, комфортность и благополучие россиян; стабилизация и рост количества постоянного населения в РФ; «содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе,

модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей».

Для реализации столь масштабных политических, экономических и демографических целей в государственной миграционной политике необходимо решить ряд серьезных проблем, обозначенных в Концепции, которые на протяжении предшествующих лет делали эту политику малоэффективной.

К таким проблемам относятся несовершенство миграционного законодательства страны, не учитывающего как текущие, так и будущие потребности экономического, социального и демографического развития, в том числе связанные с ныне существующей системой управления миграционными процессами. А это порождает огромное количество незаконных мигрантов. Их число ежегодно достигает от 3 до 5 млн человек, т.е. осуществляющих трудовую деятельность без официального разрешения, тем самым они питают «рабочей силой теневой сектор экономики».

Согласно документу, нуждается в упорядочении и система временных трудовых мигрантов, когда отсутствуют данные о их потребности: нет специальных программ «каникулярной и сезонной трудовой активности». Существующая на современном этапе «система квотирования несовершенна и предполагает излишне длительные сроки рассмотрения заявок работодателей, а также не обеспечивает привлечения иностранных работников на рабочие места в соответствии с заявленной потребностью работодателей».

Требует доработки, сказано в Концепции, и порядок привлечения иностранной рабочей силы физическими лицами для домашних, личных нужд «на основании патентов для осуществления трудовой деятельности». В Концепции ставится также задача о необходимости учета в государственной политике «условий для адаптации интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности» [2].

Причем разрешение указанных проблем в ходе реализации Концепции государственной миграционной политики Российской

Федерации предусматривалось постепенно, на протяжении трех периодов: первый – 2012–2015 гг., второй – 2016–2020 гг., третий – 2021–2025 гг.

О том, как шел процесс осуществления намеченных целей в Концепции на первом этапе в части трудовой миграции, о ее численности и национальном составе речь и пойдет в нижеследующем материале. При этом под трудовой миграцией мы имеем ввиду не только постоянный, но и ее временный, в том числе и сезонный характер, осуществляемый в определенный срок, без перемены постоянного места жительства, когда иностранные рабочие (гастарбайтеры) не формулируют цель легализоваться в России. Они ставят задачу, приезжая сюда, – заработать деньги, средства к существованию своих семей, а затем убывают к ним.

В настоящее время, пожалуй, самой серьезной проблемой является проблема, связанная с нелегальной миграцией. За истекшие три года после обнародования Концепции, на наш взгляд, она так и не сдвинулась с «мертвой точки». Ведь число нелегальных, незаконных трудовых мигрантов не снизилось. Хотя точное количество незаконно занятых на территории РФ иностранных работников никто назвать не может, ни Федеральная миграционная служба (ФМС), ни правоохранительные органы, ни исследователи, изучающие эту проблему, ни средства массовой информации. Поэтому в приводимой статистике на этот счет присутствует большой разнобой, она отличается в разы, включая и официальные материалы.

Попытаемся определить из противоречивых данных число трудовых мигрантов, ежегодно находящихся на территории РФ и вычленить из них долю легальных и нелегальных. Так, согласно опубликованному в 2013 г. Специальному докладу ООН, Россия по количеству мигрантов занимает второе место в мире, число которых достигало около 11 млн человек. Больше всех мигрантов начитывалось в США – 45,8 млн. Германия занимала третье место – 9,8 млн человек. Причем по оценке профессора кафедры региональной экономики и экономической географии НИИ «Высшей школы экономики» Алексея Скопина, эксперты ООН под мигрантами понимают «граждан других государств, которые приехали в другую страну и остались в ней жить, при этом не получив гражданства».

По данным Скопина, нахождение на территории РФ 11 млн мигрантов, цифра близкая к реальности. Причем из 11 млн, или 23 %, приходилось на жителей Узбекистана, 13,3 % – на Украину и свыше 10 % – на Таджикистан [3]. Всемирный банк оценивал в 2013 г. ежегодную трудовую миграцию в России в 12,5 млн человек [4].

Приведенная выше статистика мало чем отличается от официальной, которая неоднократно озвучивалась и директором Федеральной миграционной службы (ФМС) Константином Ромодановским на страницах «Российской газеты». Так, 27 мая 2013 г. он указал, что в настоящее время в РФ значится 11,1 млн иностранцев. 14 июня глава ФМС сообщил, что на сегодняшний день на территории страны находится 11 млн иностранных рабочих [5]. Газета «Коммерсантъ» 23 мая 2013 г., ссылаясь на показатели ФМС писала, что ежегодное количество трудовых мигрантов в РФ достигает от 11 до 14 млн человек [6]. 26 ноября 2013 г. представители ФМС на пресс-конференции озвучили такую цифру: в данный момент на территории России находится 11,1 млн иностранцев. Политический обозреватель «Российской газеты» Валерий Выжутович в опубликованной им статье писал, что в конце июня 2015 г. трудовых мигрантов насчитывалось в стране 11,1 млн [7]. Из данной статистики напрашивается мысль, что в 2012–2015 гг. в России насчитывалось ежегодно примерно 11 млн трудовых мигрантов. Тогда как число въехавших иностранцев в страну составляло, например, в 2013 г., по сведениям ФМС – 16,5 млн человек [8], часть из которых приехала в гости, на отдых, лечение, учебу и с иными гуманитарными, семейными целями.

Из 11 млн трудовых мигрантов занятых на территории РФ постараемся определить долю легальных и нелегальных, в том числе опираясь на официальные материалы. Последние нам дают более точные, но все же ориентировочные цифры о количестве иностранных работников, занятых трудовой деятельностью на законных основаниях, получивших на это разрешение, патент. Так, 21 марта 2012 г. Директор ФМС К. Ромодановский, выступая в Государственной думе, обнародовал такие цифры: из 9,5 млн иностранцев, находящихся в стране, законно работают

1,3 млн человек [9]. Эти данные, судя по всему, относились к 2011 г. Причем квота на иностранную рабочую силу на этот год была установлена в размере 1 745 384 человека, т.е. работодатели ее полностью не использовали. Такая же квота в 1,7 млн вводилась Министерством труда РФ и на 2012 г. Это федеральное ведомство и на 2013 г. с учетом потребностей экономики ориентировалось приблизительно на такую же квоту, из нее примерно 30 % составлял резерв для возможной ее корректировки работодателями [10].

По сведениям ФМС, в 2013 г. только 1,9 млн иностранных граждан имели законное право осуществлять трудовую деятельность на территории РФ [11]. Министерство труда на 2014 г. даже снизило квоту на иностранную рабочую силу до 1,6 млн, дав разрешение им на работу [12]. Следовательно, государство, по-видимому, не полностью учитывало потребности в иностранной рабочей силе, ежегодно в 2012—2014 гг. устанавливало квоту в 1,6–1,7 млн. Поэтому разрешение на трудовую деятельность в РФ могли получить на законных основаниях не более 2 млн иностранных работников ежегодно. Если принять во внимание, что их число на территории РФ достигало до 11 млн человек, то 9 млн из них трудились нелегально, не получив ни разрешения, ни патента на работу. Такова приблизительная наша цифра о числе нелегальных мигрантов в РФ. Она совпадает с данными, называемыми некоторыми экспертами, аналитиками, СМИ. Приведем отдельные из них. Например, «Российская газета» 19 сентября 2012 г. писала, что по разным оценкам, число незаконных мигрантов в РФ колеблется от 4 до 10 млн человек. 27 июня 2013 г. эта же газета назвала примерно такую же цифру, ссылаясь на экспертные заключения, согласно которым число нелегально работающих мигрантов достигало от 3 до 10 млн человек. А спустя два месяца данное издание увеличило их количество до 10–12 млн человек, опираясь на неофициальные источники. Уже упоминаемый нами политический обозреватель «Российской газеты» Валерий Выжутович в октябре 2013 г. писал, что без надлежащего оформления в РФ живут свыше 10 млн иностранцев [13].

Исследователь В.Н. Бобков отмечает, что число нелегальных мигрантов из-за рубежа различается в 2–3 раза и максимально находится на цифре более 10 млн [14]. Что же касается официально признанной цифры о нелегальной рабочей силе в России, то она, как упоминалось, в указанной Концепции в 2012 г. называлась ежегодной в 3–5 млн человек. Эти данные, по нашему мнению, являются заниженными приблизительно в 2 раза. Причем представители ФМС в 2013–2014 годы неоднократно озвучивали такую же примерно статистику о числе нелегально занятых на территории РФ иностранных работников.

Так, 14 июня 2013 г. журналист «Российской газеты» задал вопрос Директору ФМС. Ромодановскому такого характера: «Как вы оцениваете ситуацию с нелегальной миграцией в России? Цифры звучат самые разные?» – Глава ФМС так на него ответил: «У нас есть выявленных свыше 3 млн граждан, которые нарушают сроки пребывания в РФ» [15]. Количество нелегально прибывших и работающих невыявленных иностранцев на территории России, миграционной службе определить не представляется возможным.

В ноябре 2013 г. сотрудники ФМС на пресс-конференции обнародовали такую же статистику: из 11,1 млн иностранцев, находящихся в РФ, 5,8 млн въехали с целью, не связанной с трудовой деятельностью, а прибыли на учебу, лечение или как туристы. Кроме них, 3,6 млн человек относились к так называемой группе риска. Ибо они при въезде в страну изначально заявили в документах, что едут на работу. Однако реально никаких разрешений на это не получили. И не исключено, что они «все равно трудятся», но делают это незаконно [16]. Между тем, можно предположить, что часть иностранцев, указавших в въездных документах гуманитарные цели, также незаконно занимается трудовой деятельностью. Так, по данным ФМС, в начале 2013 г. из общего количества мигрантов срок законного пребывания в РФ превысили около 30 % (3,3 млн), в том числе почти 900 тыс. граждан из Узбекистана, более 500 тыс. жителей из Украины и примерно 400 тыс. – из Таджикистана [17].

Последние цифры свидетельствуют и о национальном составе трудовых мигрантов, главным образом выходцев из стран СНГ, пользующихся безвизовым режимом при въезде в РФ. По подсчетам главы ФМС, на начало 2012 г. каждый второй иностранный гражданин, законно занимающийся трудовой деятельностью на территории РФ, являлся выходцем из Узбекистана, каждый третий – из Таджикистана, каждый четвертый – из Киргизии [18].

География распределения государств, из которых прибывали мигранты и в последующие годы мало чем изменилась. Например, в 2013 г. узбекские граждане составляли 2,7 млн человек; в 2014 г. их число сократилось до 2,3 млн. В то же время за последнее время заметно выросла доля въезжающих жителей из Украины, что в немалой степени связано и с начавшейся там гражданской войной. Например, по сведениям ФМС, они заняли среди иностранцев первое место, достигнув в 2013 г. до 3 млн человек, жители Узбекистана составляли 15 %, затем следовали выходцы из Казахстана, Таджикистана и Киргизии [19].

По данным «Российской газеты», на 1 декабря 2015 г. в РФ находилось около 2,5 млн граждан Украины, из них с апреля 2014 г. по октябрь 2015 г. в миграционную службу РФ обратились 404 тыс. человек за временным убежищем и статусом беженца, 265 тыс. – за разрешением на временное проживание. Тогда как 152 тыс. украинцев купили патенты, что давало им право оставаться в РФ и на законных основаниях заниматься трудовой деятельностью [20].

Однако некоторые эксперты полагают, что украинский ресурс в России используется в настоящее время недостаточно, в котором присутствует до 2 млн лиц трудоспособного возраста. Как следует из доклада, подготовленного Комитетом гражданских инициатив Алексея Кудрина, «вместо оказания им конкретной помощи» затягивается решение вопросов о предоставлении жилья, с оформлением статуса баженца и временного убежища. А до июля 2014 года, отмечается в докладе, даже «не было бланков, подтверждающих статус предоставления беженцам временного убежища». Тогда как украинцы «по своей профессиональной

подготовке выгодно отличаются» от мигрантов из Центральной Азии и «могли бы восполнить дефицит специалистов по некоторым рабочим и инженерным специальностям».

По оценке авторов доклада, украинских беженцев следовало бы освободить от сдачи экзамена по русскому языку, медицинскому обследованию, если они не заняты в детских учреждениях, в заведениях общественного питания и приравнять в трудовых правах к гражданам России [21].

Как явствует из приводимой статистики, подавляющее большинство трудовых мигрантов, до 83 %, являются выходцами из стран СНГ [22].

На иностранную рабочую силу, как видно, из других государств с визовым режимом, в том числе вьетнамцев, корейцев и китайцев, приходится незначительная доля. Что касается численности последних, то по оценке главы ФМС К. Ромодановского, в 2012 г. они составляли в миграционном потоке 3,15 % и занимали второе место по количеству мигрантов из стран с визовым режимом.

По его подсчетам, «в абсолютных цифрах это порядка 400 тыс. человек, которые к нам въезжали ежегодно». Причем основными районами пребывания китайцев служат Еврейская автономная область, Забайкальский край, Калмыкия [23]. Однако, думается, Миграционная служба РФ регистрирует далеко не всех граждан Китая, прибывших «на заработки» в нашу страну.

За последние годы увеличивается поток трудовых мигрантов из стран СНГ, родившихся в конце 80^{x} – начале 90^{x} годов, совершенно не адаптированных к условиям РФ, к жизни в нашей стране, не знающих ее культуру, историю, что создает определенные трудности не только для них, но и принимающей страны.

По оценке ФМС, в 2012 г. из стран СНГ из всех прибывших в Россию, 24 % родились после 1986 г., в 2011 г. таких было на 2 % меньше. В этой связи вызывают беспокойство у Миграционной службы выходцы из государств Центральной Азии, не учившиеся в русской школе, не владеющие языком, без профессиональных навыков. «Что они тут будут

делать? – рассуждает Директор ФМС К. Ромодановский. — Будут искать работу? Кому нужны такие люди, которые не знают, не понимают и ничего не умеют? Наверное, немногим. А если они немногим нужны, что им делать? Они действительно могут выйти на большую дорогу с дубиной, все объективные предпосылки для этого есть» [24].

И тем не менее эта категория неадаптированных мигрантов в условиях безвизового режима из стран Центральной Азии продолжает возрастать. Так, в конце 2014 г., по оценке К. Ромодановского, они составляли из всех въехавших от 40 до 50 % [25], создавая определенные проблемы для государства Российского, в том числе порождая и преступность, и особенно в тех регионах, в которых больше всего находилось трудовых мигрантов. Причем их наибольшее количество «оседало» в Центральном федеральном округе. Например, в 2013 г. до 35 % миграционного потока приходилось на Москву и Московскую область [26]. За 11 месяцев этого года, по сведениям сотрудников ФМС, только в столице поставили на учет 1 млн 911 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства, или на 17,2 % больше, чем в 2012 г. [27].

Однако эта цифра оспаривается заместителем начальника управления Федеральной миграционной службы г. Москвы Николаем Азаровым, по данным которого с января по ноябрь 2013 г. в г. Москве поставили на учет лишь 1,2 млн иностранных граждан [28]. Указанная цифра явно не согласуется с другой официальной приведенной, что лишний раз свидетельствует об отсутствии надлежащего контроля и учета над иностранной рабочей силой со стороны миграционных служб.

Что же касается опубликованного количества трудовых мигрантов как легальных, так и нелегальных, занятых в Москве, то об этом можно судить по статистике, называемой исследователями А.В. Дмитриевым и Г.А. Пядуховым [29]. По их сведениям, на 1 октября 2012 г. общая численность официально прибывших трудовых мигрантов составила 343 882 человека, из которых 189 335 имели разрешения на работу и 154 547 получили патенты. Однако, если учесть нелегальных мигрантов,

число которых колеблется по разным оценкам от 300 тыс. до 600 тыс. человек, то картина выглядит совершенно иная.

Причем среди трудовых мигрантов в Москве наблюдалась определенная специализация. Так, выходцы из Азербайджана преимущественно были заняты в розничной торговле, граждане Таджикистана и Узбекистана трудились по найму на стройках или у физических лиц. Значительная часть жителей Киргизии занималась на подсобных работах в торговых организациях [30].

Второе место по распределению трудовых мигрантов в РФ после Москвы занимает Санкт-Петербург. Так, по данным начальника Управления ФМС по С.-Петербургу и Ленинградской области Елены Дунаевой, в 2014 г. на законных основаниях трудились 276 тыс. иностранных граждан, из них разрешение получили 206 тыс. и выдали 70 тыс. патентов. По ее оценке, 80 % иностранцев находились в стране на законных основаниях, правда, она делает при этом серьезную оговорку: среди «тех, кто попал под проверку УФМС» [31]. В этой связи закономерно возникает вопрос: а какая же доля трудовых мигрантов, находящихся в Санкт-Петербурге, не попала под проверку сотрудников миграционной службы, т.е. относится к «нелегалам»? На этот счет называются в средствах массовой информации разные цифры: от нескольких сот тысяч до миллиона и более [32].

Причем большинство трудовых мигрантов приезжают на срок от 9 до 12 месяцев, из всех выехавших они составляли 60,5 % и в основном занимались в таких отраслях экономики в 2010 г. как строительство – 36,3 %; оптовая и розничная торговля – 16,6 %; обрабатывающие производства – 13,5 %; сельское хозяйство – 9,1 %; транспорт, связь – 4,3 %; сфера услуг – 9,9 % [33]. По данным К. Ромодановского, в 2012 г. трудовые мигранты составляли 7 % от всех занятых в экономике РФ [34].

Между тем, по расчетам уполномоченного при президенте по защите прав предпринимателей Бориса Титова, в 2013 г. каждое 15-е рабочее место в экономике занималось мигрантами, и, если их «изгнать из страны», как он выразился, она «просто обвалится» [35]. И такая оценка, как нам

представляется, служит показателем неэффективного, непрофессионального управления российской экономикой, когда фундаментом ее «модернизации, инновации» служит не квалифицированный, а дешевый труд миллионов малообразованных мигрантов, не знающих русский язык, культуру, историю страны.

И в этой связи зададимся вопросом: а каков же реальный вклад трудовой миграции, легальной и нелегальной, в развитие народного хозяйства РФ? Думается, на этот вопрос точный ответ никто не может дать в свете изложенного выше материала. Речь может идти только о приблизительных оценках. Например, исследователь Т.М. Безбородова, ссылаясь на мнение некоторых экспертов, пишет, что мигранты производят не менее 8–10 % валового внутреннего продукта (ВВП) [36]. Думается, данная тема требует серьезного, самостоятельного изучения. Но отрицать позитивную роль трудовых мигрантов в развитие экономики не следует, как и преувеличивать.

О вкладе мигрантов в решение демографической проблемы в России можно судить по следующим официальным данным, обнародованным Росстатом: в 2013 г. миграционный прирост в стране составил 304 211 человек, в 2014 г. – 299 990, в 2015 г. – 245 929 человек [37]. Последние цифры свидетельствуют о наметившейся тенденции сокращения миграционного прироста, он весьма слаб, особенно в 2015 г. Это связано и с некоторым уменьшением миграционного потока в РФ, в том числе и трудовых мигрантов, что вызвано двумя основными факторами. Во-первых, финансово-экономическим кризисом, что ведет к падению на рабочую силу в стране, снижением курса рубля; во-вторых, с усилением требований к приему мигрантов, введением с 2015 г. для них новых правил, обязательного приобретения патента, сдачи экзамена по русскому языку, истории России. По некоторым оценкам, за 2015 г. число мигрантов уменьшилось на один миллион, с 10,9 до 9,9 млн человек [38].

По сведениям «Российской газеты» на 1 декабря 2015 г., с начала года только 1,5 млн иностранных работников приобрели патент, предоставляющий им право на законных основаниях заниматься трудовой

деятельностью в РФ [39], или менее 10 процентов от их общего количества, пребывающих в страну. Что касается остальных, то, по-видимому, часть из них покинули Россию, а большинство, судя по всему, оказались в статусе «нелегалов» с вытекающими для государства Российского и его экономики негативными последствиями.

Так, специалисты Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте пришли к выводу, что в 2015 г. около 4 млн иностранных работников трудились нелегально, «ушли в тень» [40], тогда как легально оформили работу около 2 млн.

Вышеприведенная статистика, несмотря на ее некоторую противоречивость, «нестыкованность», свидетельствует о том, что Концепция миграционной политики Российской Федерации на период до 2015 г. на первом этапе реализуется непросто, «пробуксовывается», тормозится, в том числе относительно количественного и качественного состава трудовых мигрантов. И в свете названной статистики можно говорить о низкой эффективности государственной миграционной политики. Ведь никаких по сути серьезных, позитивных подвижек за прошедшие три года не произошло. Слабо поставлена работа по адаптации и интеграции мигрантов на новом месте. Общее количество иностранных работников стабилизировалось и осталось на одном уровне, примерно в размере 11 млн человек.

На прежнем показателе сохранилась доля как легальных трудовых мигрантов, так и нелегальных – около 2 млн и 9 млн соответственно, хотя и наметилась тенденция, судя по всему, их уменьшения в 2015 г. Наличие огромного количества мигрантов, без которых современная Россия не может обойтись, в том числе и незаконно занимающихся трудовой деятельностью и «ушедших в тень», создает по-прежнему серьезные проблемы для страны, решать которые предстоит в последующие годы, в том числе и по линии успешной адаптации и интеграции мигрантов на новом месте, их более строго контроля и учета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://pvsfms.ru/doc/kgmp.pdf
2. Там же.
3. Российская газета. 2013. 13 сентября.
4. Коммерсантъ. 2013. 23 мая.
5. Российская газета. 2013. 27 мая, 14 июня.
6. Коммерсантъ. 2013. 23 мая.
7. Российская газета. 2013. 27 ноября; 2015. 18 декабря.
8. Там же. 2013. 27 ноября.
9. Там же. 2012. 22 марта.
10. Там же. 2012. 19 сентября; 2013. 17 сентября.
11. Там же. 2013. 27 ноября.
12. Там же. 17 сентября; Аргументы и факты. 2014. № 19.
13. Российская газета. 2012. 19 сентября; 2013. 27 июня, 18 сентября, 16 октября.
14. Бобков В.Н. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // Российский экономический журнал. 2012. № 2. С. 10-28; см. также: Российская газета. 2012. 19 сентября.
15. Российская газета. 2013. 14 июня.
16. Там же. 2013. 27 ноября.
17. Там же. 2013. 28 февраля, 23 сентября.
18. Там же. 2012. 16 февраля.
19. Там же. 2013. 23 мая, 27 ноября; 2014. 29 декабря.
20. Там же. 2015. 1 декабря.
21. Там же. 2015. 18 декабря.
22. Там же.
23. Там же. 2012. 22 марта.
24. Там же. 10 февраля.
25. Там же. 2014. 29 декабря.
26. Коммерсантъ. 2013. 23 мая.
27. Российская газета. 2013. 26 декабря.
28. Там же. 27 ноября.
29. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, конспект идентичности (методология и методы исследования) // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 49-56.
30. Там же.
31. Аргументы и факты. 2014. № 48.
32. Там же; Российская газета. 2015. 13 января.
33. Безбородова Т.М. Мигранты на российском рынке труда // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 66-72.

34. Российская газета. 2012. 22 марта.
35. Там же. 2013. 18 сентября.
36. Безбородова Т.М. Указ. соч. С. 67.
37. Российская газета. 2015. 10 марта; 2016. 11 марта.
38. Аргументы и факты. 2016. № 12.
39. Российская газета. 2015. 1 декабря.
40. Там же. 30 декабря.

KLIMIN Ivan I. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

ON THE NUMBER AND ETHNIC COMPOSITION OF LABOUR MIGRANTS IN CONTEMPORARY RUSSIA (2012-2015).

The article discusses quantitative, qualitative and ethnic composition of labour migrants in modern Russia, showing their contribution to the development of the economy, in the resolution of demographic problems.

LABOUR MIGRATION; THE CONCEPT, THE LABOR FORCE; FOREIGN WORKERS; ECONOMY; POPULATION; ETHNIC COMPOSITION.

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

УДК 101.1

Т. А. Туровцев

ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ В ШКОЛЕ. АБСУРД ИЛИ ПОТРЕБНОСТЬ

ТУРОВЦЕВ Тимур Александрович – кандидат философских наук, старший преподаватель.
Институт богословия и философии.
Русская христианская гуманитарная академия.
191023, наб. р. Фонтанки, 15, лит. А, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: ibif@inbox.ru.

Статья представляет собой краткое изложение опыта преподавания философии в школе. Несмотря на кажущуюся странность подобной идеи, автор рассматривает данный вопрос с положительной стороны и стремится показать возможность и целесообразность широкого распространения такого опыта в старших классах школы. В статье демонстрируются особенности философского знания применительно к школьному образованию. В частности, посредством различения философии с такими феноменами, как мировоззрение и мудрость, а также с мифом. Важным моментом является то, что философия – это первая научная форма познания. Одной из главных тем становится отношение философии и природы человека, их тесная и глубокая связь. Включение её в круг образовательных программ решается автором в контексте философского анализа темы образования вообще. Автор заключает, что образование является не только педагогическим, но и философским понятием, вследствие чего становится особенно ясна потребность философского знания именно в школьном образовании.

ФИЛОСОФИЯ; ШКОЛА; ЗНАНИЕ; ОБРАЗОВАНИЕ; ЛИЧНОСТЬ.

Уже само название предлагаемой статьи звучит весьма громко и многим покажется странным. Тем более, что всякому сразу очевидно, что автор стоит не на позиции абсурдности идеи, вынесенной в заглавие, а на

позиции потребности в знакомстве с философским знанием в рамках общеобразовательной школы. Но внесем необходимые уточнения.

Во-первых, следует несколько смягчить посыл: понятие потребности не обязательно влечёт за собой категорическую необходимость. Можно говорить и о желательности, о высокой целесообразности философии в школе. К тому же, предмет философии может быть организован в качестве факультатива или, как принято сегодня говорить, в виде элективной формы обучения.

Во-вторых, высказываемые в статье рассуждения можно, с нашей точки зрения, относить не только к категории старшеклассников, но к тем студентам высших учебных заведений, в программу обучения которых философия на данный момент не входит. Впрочем, главная цель нашей статьи не состоит в обсуждении наилучших форм включения рассматриваемого предмета в соответствующие программы. Мы не ставим вопрос таким образом, что его надо решать прямо сейчас. Скорее, мы делимся собственным опытом, основанном, действительно, на положительном решении данного вопроса. Да, в своих рассуждениях мы и в самом деле исходим далеко не только из так называемых теоретических предпосылок, которые не так уж и трудно составить человеку, давно и всерьёз увлеченному философией. Мы действительно также будем опираться на собственный, «живой» опыт преподавания философии в разных школах Санкт-Петербурга.

Изложение своей позиции начнём с предполагаемого названия предмета. Во всех случаях, когда автор предпринимал усилия по ознакомлению старшеклассников с философским знанием, предмет именовался традиционно и непритязательно: История античной философии. Причина такого выбора лежит на поверхности: начало философии со времени её предпосылок и с момента зарождения с очевидностью проще, доступнее, нежели её продолжение и углубление в развитых философских системах. Ясно, что начинать знакомство с данным предметом надо с его истока. К тому же, идти далее античной философии и вовсе ни к чему. Такому продвижению препятствует и сложность самого материала, следовательно, нецелесообразность его введения в соответствующий учебный курс, и практически неизбежна нехватка времени, попросту говоря, недостаток количества часов учебной программы.

Однако нам могут сразу возразить: каким бы доступным ни казался изначальный курс истории античной философии, предмет всё равно остаётся очень сложным для усвоения в таком возрасте. Да и может ли он быть интересным для широкой аудитории старшеклассников, ориентированной зачастую (не только сегодня, но сегодня в особенности) утилитарно, прагматически, да ещё и обременённой прессом подготовки к пресловутому ЕГЭ (единому государственному экзамену)? В этом пункте в содержание статьи нужно было бы ввести такие, скажем, темы, как постепенная подготовка школьников к данному предмету посредством корректирования системы преподавания гуманитарного знания в школе в целом, введения в него определённых дисциплин или ознакомительных курсов. Однако подобный разговор не входит в наши планы, и он слишком увёл бы нас в сторону, да и вряд ли он целесообразен на этих страницах вообще. Также не станем обсуждать проблему уровня учителей и преподавателей, которые должны вести соответствующие уроки и делать их и доступными, и интересными, несмотря на недостаточную подготовленность учеников. Поэтому вернёмся к исходным позициям и сосредоточимся на них.

Прежде всего согласимся с тем, что, если преподавать историю античной философии формально, безучастно по отношению к сути феномена философского знания, просто хронологически двигаясь от одного исторического имени к другому, перечисляя известные факты биографии, и в том же духе – их философские взгляды – такое обучение будет для школьников неинтересным, трескучим и малодоступным. Заметим также, что подобное преподавание не будет интересным, не захватит и даже не затронет никого, пожалуй, даже студентов специализированных факультетов, не говоря уже о действительно неподготовленных, неимеющих достаточного интеллектуального опыта, старшеклассников. Преподавание по принципу «родился – пригодился» чревато в любой аудитории, а в школьно-ученической и подавно. В этой связи неважно, как будет называться предмет. И всё-таки будем настаивать на том, что ознакомительный, вводный философский курс должен опираться на историю именно античной философской традиции. В то же время понятно, что в рамках предмета для нашей аудитории ни к чему погружаться в детали философских учений тех или иных древних

мыслителей, или заниматься подробным сравнением философов, принадлежащих одной школе. В самом деле, перед таким курсом, с нашей точки зрения, не может стоять задачи глубокого изучения предмета. Речь должна идти о введении в предмет, о знакомстве с его сутью и особенностями. Отсюда проистекает основная цель учебной дисциплины. В сущности, мы ведём речь о *введении в философию на материале её античного периода существования*. В том и дело, что нас действительно не может интересовать история предмета как таковая, взятая сама по себе и в её своеобразном историческом течении и развитии. В таком виде данный предмет может существовать, да и то с существенными оговорками, только там, где учащиеся уже сознательно выбрали философское знание в качестве своего профессионального интереса. В школе же философское знание может преподаваться только в качестве вводного. Но при этом, это важно отметить, оно не может быть совершенно абстрагированным. Аудитории, о которой идёт речь, это не по силам. Так что опору введения в предмет на его первоначальную историю можно считать обоснованной и органичной. Теперь необходимо сосредоточить своё внимание на тех задачах, которые должны ставиться на уроках по истории античной философии.

Представляется, что школьный пропедевтический курс философии целесообразно начинать с утверждения и демонстрации определённости предмета в противовес такой туманной и ускользающей реалии, как мировоззрение. Уже с самого начала надо понимать его неустранимое отличие от философии. В отличие от него философия представляет собой самостоятельный предмет, самостоятельную область знания. Обращение учителя к собственному опыту учеников всегда полезно, а на первых порах и вовсе необходимо. Так, весьма иллюстративен разбор практически всем, не исключая старшеклассников, знакомой фразы, подчас весьма навязчивой, о том, что «у каждого своя философия». В том-то и дело, что смысл этих слов, этой, по сути, присказки к философии не имеет никакого отношения. *Своим* у каждого является как раз мировоззрение, что и бывает весьма часто. Но никогда не может быть у каждого своей философии, точно так же как не может быть у каждого своей математики или химии. Абсурд подобного утверждения – «у каждого своя математика» – очевиден любому. Однако не меньшим абсурдом является соответствующая фраза в отношении философии. Это тоже быстро становится предельно ясным, но

провести границу вовсе не лишнее дело. В конец концов, никто про математику так не говорит, а вот, говоря так про философию, способствуют размыванию её сути, её смысла и цели. Таким образом, размежевание философии с другими феноменами сознания, культуры, общей истории становится весьма важным шагом на пути знакомства с её содержанием. Философия – это наука, и потому она есть общее достояние разума, мыслящего сознания человека, следовательно, она не может быть для каждого своей, такой, какой кому заблагорассудится.

Наука или научная форма познания предполагает поиск и выработку устойчивых понятий, внятно проговариваемые цели познания, а также то, что можно назвать определёнными познавательными процедурами. Всё это по большому счёту отсутствует в таком феномене, как мировоззрение. Оно же, в свою очередь, наполнено такими вещами, как разнообразными, зачастую невнятными умонастроениями, мифами, разного рода и разной степени устойчивости представлениями, и уж никак не трудной, последовательной и напряжённой работой ума, без которой не может существовать философия.

В отличие от философии мировоззрение складывается фактически само по себе, в каком-то смысле невольно. Оно, конечно, обусловливается множеством факторов и обстоятельств, носящих чаще всего случайный характер. Сказывается практически всё, чуть ли не весь индивидуальный опыт человека, его взаимодействия с так называемым окружающим миром. Начиная с воспитания в детском возрасте, опыт обучения и взросления, опыт чтения и встречи с художественной культурой иного рода и многое другое – всё это оказывает влияние на внутренний мир человека и формирует его мировоззрение. Важно здесь то, что возникает оно, как заметили чуть выше, помимо усилий над его созданием, оно формируется постольку, поскольку нечто оказывает на человека большее влияние, нежели что-то иное, над ним не обязательно трудиться – оно появляется само. По сути своей мировоззрение, будучи действительно *у каждого своим*, никогда потому не выходит за пределы частного мнения. Философия же, будучи знанием, построенным на понятиях, то есть всеобщих формах, стремящееся к систематическому изложению, является потому предметом, отдельной самостоятельной дисциплиной, требующей соответствующего отношения и изучения. Такое начало философской

пропедевтики как минимум способствует созданию исходного серьёзного и, возможно, уважительного настроя, позволяет, тем самым, избежать пренебрежительного и, вообще, превратного к себе отношения. Собственно говоря, такое предварение есть уже начало вхождения в сам предмет, ведь отделение его от других похожих или мнимо похожих реалий приближает к пониманию существа отделяемого.

В этом же ряду находится сопоставление и чёткое разграничение философии и мудрости. Мудрость как особа культурная форма в чём-то схожа с мировоззрением, она может из него происходить, на нём подчас основывается. Однако и отличия между ними настолько существенны, что раз их обозначив, затем уже никогда не смешаешь. С одной стороны, иногда мудрость и философия сближаются, тем более что у них есть общий корень: первая есть просто «софия – мудрость», вторая – «любовь к мудрости», чем не повод, хотя бы кое-где одно выдать за другое. Действительно, про мудрость, как и про философию не скажешь, что она «у каждого своя». Мудрость, как и философия, может быть довольно устойчивым образованием, она как самостоятельный феномен зачастую выходит за пределы частного мировоззрения, может даже принадлежать целому культурному слою. Скажем, есть плеяда античных мудрецов, и есть мудрецы индийские. Однако всё это не делает мудрость – ни в её античном варианте, ни в индийском – философией. И это другая сторона вопроса.

Мы упомянули о существовании античных мудрецов, хорошо известен феномен «семи мудрецов» (может называться больше семи имён, они могут быть разными, но в любом случае – феномен прочно укоренился в культуре). При этом, нужно подчеркнуть, их отличают от философов. В чём-то первые предваряют вторых, а Фалеса даже иногда причисляют и к тем и к другим, но их, что важно, никогда не смешивают, причём ни в самой Античности, ни в последующей историко-философской традиции. Различая мудрость и философию, следует повторить часть пунктов, которые были приведены нами раньше при разведении её с мировоззрением. Однако, продвигаясь вперёд, важнее нечто добавить, тем самым точнее очерчивая феномен философского знания. Тем более, что мы говорили о такой аудитории, для которой философия скорее всего не будет тем, что называется профессиональным занятием. Соответственно, нечто, ставшее очевидным для одних, не является таковым для других. В этой

связи весьма показательным оказывается то обстоятельство, что философия имеет свою историю, она существует в ней, или по-другому: философствование человека порождает соответствующий исторический феномен. Помимо своей актуальности здесь и сейчас, она исторична, мы ведь и заявляли предмет не иначе как историю античной философии. Уместно будет отметить, хотя отчасти условно, что введение в философию, знакомство с её основами соответствует постижению её в модусе актуальности здесь и сейчас, тогда как опора и отсылка к её античной форме соответствует историзму философии. При этом надо оговориться, что подобное деление действительно условно, поскольку обе цели – непосредственное участие и историческая дистанция – должны достигаться «легированным» сплавом.

Так вот, на фоне историчности философии нужно смело и уверенно констатировать отсутствие таковой у мудрости. В самом деле, не существует истории мудрости, несмотря на наличие таких феноменов, как индийская или китайская мудрость. А это ведь очень показательный и неизменно впечатляющий учеников факт, на который редко обращают внимание: раз нет истории, значит, нет предмета научного изучения, значит, и сам феномен не научен, внедисциплинарен. Может показаться, что отсутствие истории, своеобразный внеисторизм способен свидетельствовать о постоянной актуальной значимости данного явления. Дело тут, однако, в другом. И не столько в том, что актуальность мудрования может быть утрачена, особенно если оно имеет характерную этническую принадлежность, сколько в том, что отсутствие истории говорит об отсутствии единства феномена, следовательно, о невозможности его изучения. Подчеркнём особо, невозможно изучить систематически не потому, что нет истории, а прежде всего потому, что нет как раз единства, ведь принцип историзма в данном случае, хотя и весьма важен, но всё же вторичен, он проистекает из принципа единства. В итоге получается ровно наоборот: актуальная и непрерывная значимость предмета возможна только при условии исторического единства. Феномен же мудрости таковым не обладает, стало быть, не может быть смешан с философией, не может в отличие от неё претендовать на статус систематического и подлинного знания, и потому не имеет главного в данном случае *образовательного значения*. В то же время философия в

образовании имеет статус личностно фундирующего знания, причём как раз благодаря своему двойному характеру: личному, значит, непосредственному *вызову* здесь и сейчас, а также исторической дистанции, которая дооформляет личностное бытие.

К сказанному добавим, что отсутствие истории предмета свидетельствует о фрагментарности, и в этом смысле о случайности, необязательности данного феномена. Речь не о том, что мудрость вовсе не нужна, но о том, как раз, что она пребывает за пределами систематического знания. Мудрость имеет статус частного суждения [1, с. 186-193] в отличие от всеобщности суждения философского. Будучи частным, она обладает тем, что обычно называется пользой. Да, мудрость способна быть полезной и потому актуальной, но ведь образование не может основываться на пользе, утилитаризме и прагматичности, иначе никакое оно не образование, а набор инструментов и функций. Собственно, мудрость и не выходит за пределы полезных советов, призванных по возможности лучшим образом обустроить жизнь и быт, способствовать их мере, поскольку иной раз одно и то же мудрое изречение применимо, а иной раз – нет.

Размежевавшись с такими реалиями, как мировоззрение и мудрость, мы готовы теперь к следующему шагу, готовы обратиться к собственно философским проблемам. Делать это нужно, по-прежнему не забывая характер нашей аудитории. Как минимум её нельзя, что называется, бросать в воду в расчёте на то, что она сама выплывет. Надо понимать, что она скорее всего утонет, в нашем же случае – заскучает, скиснет, предмет наш сделается ей откровенно неинтересным, и мы загубим наше начинание уже на первых шагах. Например, будет неверно делать следующий шаг таким приблизительно утверждением: «Первым философом был древний грек Фалес, который говорил, что “всё есть вода” или что “всё из воды”». Дело, конечно, не в том, что такое утверждение ошибочно по существу – Фалес действительно первый философ и действительно известен данным основоположением. Проблема в том, что подобное начало рискует оказаться слишком неожиданным, прямолинейным и потому непонятным. Оно может стать тем самым прыжком в воду, которого следует остерегаться. На наш взгляд, рождение сознательного вопроса об изначальной природе вещей, об истинном бытии, как и рождение устойчивого, а значит, облечённого в понятие ответа на него, должно быть

несколько иным. Пропедевтически это может быть удобно осуществить в сопоставлении с иной формой познания, которую философия как раз в себе преодолевает. Мы имеем в виду миф или мифологическое миросозерцание.

Подобное движение к существу философского знания оправдано и удобно сразу в нескольких отношениях. Назовём, хотя и без специальных акцентов, то, что миф должен быть разведён с философией по аналогии подобным предыдущим опытом. В мифе есть отчётливый гносеологический и онтологический аспекты [2, с. 86-97], совершенно неотъемлемые от философской науки. Углубляться в эту проблематику вряд ли нужно. Тем не менее, некоторая общность мифа и философии, по крайней мере, на первых порах, наличие в мифе познавательной стороны, а также их коренное различие позволяет подступиться к философии как бы не спеша, плавно. То, что философией миф преодолевается, что в ней познание становится научным, а бытие, природа вещей обретает устойчивость и определённость в сравнении с мифом, также обусловливает оправданность предпринимаемого методологического, можно сказать, педагогического хода. Кроме того, факт преодоления мифологического миросозерцания ставит философию в определённое к нему отношение, что, в свою очередь, в достаточной степени высвечивает сущность философского знания и его место в человеке как мыслящем бытии. Наконец, следует добавить то, что некоторая связь или, лучше сказать, соседство мифа и философии заявит о себе в грандиозном творчестве Платона, в некоторых его диалогах. Это также обосновывает демонстрацию отношения данных культурных форм.

Устанавливая это отношение, необходимо чётко провести мысль, что миф, предшествуя философии, предваряет её всё же хронологически, но не логически. В последнем аспекте он как раз преодолевается. Другими словами, нельзя говорить (иногда с такой точкой зрения можно встретиться), что философия происходит из мифа, что он её порождает. Напротив, едва начавшись, философия тут же размежёвывается с мифом, отталкивается от него, чтобы более не смешиваться с ним, какие бы мифологемы ни использовались философами в дальнейшем, как античными, так и любыми другими. Разговор о том, что в истории философы не раз ещё обращались к мифотворчеству, но что это, по сути,

сдача философией своих уже обретённых позиций, выходит за рамки нашей темы, поэтому мы не будем здесь останавливаться на этом вопросе.

Итак, сказанное демонстрируется как раз на примере фалесовского рассуждения. Примечательно, что это совпадает и с историзмом, и с логическими основами существа философского знания. Иногда кажется странным, что первый философ, то есть в каком-то смысле родоначальник фундаментальной области знания (это даже на слух звучит грандиозно!), известен всего лишь двумя дошедшими до нас суждениями. Их, конечно, было больше, вероятно, намного больше, но это и не столь важно, ведь главнейшее – собственно рождение философии и, что, то же самое, философский, познавательный сдвиг – осуществлены даже не двумя, а одним суждением: *всё есть вода*. Попутно заметим, что относительная простота в данном случае даже удобна для уровня среднеобразовательной школы в целях вхождения в суть предмета. Что же происходит в этих словах, что в них заключено, что они, как мы уже говорили, выводят на свет не существовавшее доселе философское знание, тем самым, отодвигая в сторону мифологический способ познания вещей?

Начнём с констатации того, что мифологическое мироотношение стремилось всё оживить, а также то, что бытие сущего в мифе не было постоянным, устойчивым. Подробно входить в рассмотрение данной проблематики у нас нет возможности, а на уроках это также ни к чему (будет вполне достаточно привести один пример и процитировать любой архаичный мифологический текст). Здесь же ограничимся коротким комментарием. Для мифолоического сознания вода, из которой, по Фалесу, всё происходит, это не что иное, как Океан, божество хаотического порядка, всё порождающее, изводящее из себя космическое сущее. Так в мифе. Но Фалес не был бы первым философом, если бы его слова на особый лад повторяли бы древнюю мифологическую интуицию, если бы они поддавались такой интерпретации. В том и дело, что «вода» у него становится ответом на вопрос «что лежит в основании сущего?» И если в случае с Океаном-хаосом, который нельзя считать твёрдым и надёжным основанием, поскольку на другом полюсе он обращается в космос, тут же чреватый вновь хаосом, то в суждении Фалеса «вода» – это понятие, противостоящее мифологическому *оборотничеству*. Понятие – фундамент всякой онтологии – останавливает качение маятника «хаос – космос» или

«вода – суша». Миф на гипотетический вопрос «что есть бытие?» отвечает приблизительно так: «хаос, порождающий космос, который, в свою очередь, снова обращается в хаос». Иначе говоря, миф в пределе представляет собой как минимум двойственность. Сущее он видит в колеблющемся состоянии между двумя названными началами, которые непрерывно сменяют друг друга. Строго говоря, мифологическое сознание сущее не мыслит, а воспринимает или даже, позволим себе так выразиться, *предощущает* в качестве всегда неустойчивой картины. Пожалуй, можно сказать, что миф и не формирует вопрос о бытии (он его не допрашивает, по меткому слову М. Хайдеггера) так, как это осуществляется в философии. Ведь мы сегодня в корне вопроса о бытии предзадаём ему неразложимость в пределе. Именно такая постановка уже непроявленно свидетельствует о начале философского знания. И вот, у Фалеса вода как принцип, а не как мифологический образ Океана, представляет собой попытку достичь искомого неделимого начала бытия; становится понятием.

В неопытной аудитории таким образом демонстрируется познавательная деятельность в чистом виде. В понятии обретается опора для познавательной способности. Мышление, сознание получают в нём надёжное основание. Теперь, что называется, можно относительно спокойно заснуть, а, проснувшись, вернуться к достигнутым *вчера* результатам: бытие осталось собой в найденном накануне понятии, в сознании не было гостей, превративших космический порядок дома в хаос полтергейста. Раскрывается в итоге сам принцип понятия как начала и непременного условия устойчивого познания сущего, причём в независимости от рода науки. Последняя получает особенный отклик в душах молодых людей, в изобилии напичканных (позволим себе это слово) всевозможными понятиями таких предметов, как физика, математика, история, химия, биология и многие другие, но не имевших до сих пор ни малейшего представления о природе понятия как такового, о его происхождении, и, уж конечно, о том, что оно, оказывается (!), исходно есть содержание моего мыслящего сознания. Таково, прежде всего, место философского понятия. В науках новоевропейского типа понятие зачастую выводится за пределы сознания и вступает с ним в разного рода соотношения. Эти аспекты могли бы стать частью таких гипотетических элективных занятий или спецкурсов, как «Философские предпосылки

новоевропейской науки» или «история и теория науки». Мы же сейчас, согласно поставленной цели, должны продолжить наш по необходимости краткий и неполный обзор происходящего движения истории античной философии, а вместе с ней и за движением самого мышления.

После Фалеса происходит возрастание философского знания, укрепление его исходных завоеваний. Новые шаги иногда могут казаться не слишком значительными (например, те, которые делаются в рамках милетской школы), но их твёрдая поступь формирует, во-первых, собственно историю философии, во-вторых, всякий раз, каждый такой шаг представляет собой личную заявку при встрече с бытием, заявку на обладание истиной бытия. Впрочем, главной задачей в контексте поставленной цели видится выделение основных вех и акцентирование смысла прежде всего на них. Особенности школьной аудитории (интеллектуальные, поведенческие), ограничения по времени обязательно приведут к определённым содержательны ограничениям. Однако есть имена и концепции, которые невозможно обойти вниманием. Они представляют те самые смысловые вехи, особые повороты мысли и историко-философские сюжеты. Одним из таких сюжетов является, с нашей точки зрения, философское выступление Гераклита Эфесского.

Его фигура и философия важны независимо от слушателя, кто бы ни был перед преподавателем, учителем или лектором их нельзя миновать. Учение, философские прозрения Гераклита должны быть освещены по возможности подробно, по верхам тут без значительного ущерба смыслу не пройтись. Что касается специфики нашей аудитории, то здесь выигрышной оказывается, как биография Гераклита, несмотря на всю её фрагментарность, так и яркость, порой парадоксальность его учения и философских высказываний. Философия Гераклита, здесь особенно уместно употребить эту фразу, *задевает за живое*. В принципе, природа философского знания такова, что оно непосредственно затрагивает самое существо человека, оно происходит из его глубин, можно сказать, выявляет его, обретается в этом *живом*, ведь живое оживотворяется только живым. Гераклит в этом отношении весьма убедителен. Не возможности говорить здесь подробно, остановимся коротко на некоторых моментах его учения.

Поведение Гераклита часто расценивается как высокомерное, и он действительно даёт основания так считать. Но мы при этом должны иметь

в виду то, что эти его особенности следует рассматривать в едином философском контексте. И уж тем более было бы странно искать именно в этом древнем философе образцы высокой корректности и поведенческого такта. Важнее другое. То именно, что Гераклит словно всему на свете бросает вызов. Надо отметить, что в этом «броске» – упорном, настойчивом и, главное, последовательном – остро заявлено философское «Я» Гераклита. В сущности своей, это вызов природе, некоему естественному порядку вещей, их планомерному, иногда даже унылому течению, а также невнятности и неопределённости всякой множественности, которой Гераклит постоянно противопоставляет единство. Как это ни странно прозвучит, его высокомерие или надменность, как говорит Диоген Лаэртский, носит на самом деле философский характер. Он бранит эфесцев и непозволительно заявляет, чтобы «взрослые у них все передохли» [3, с. 359], поскольку «выгнали они Гермодора, лучшего меж них» [3, с. 359]. Это, по Гераклиту, то самое бестолковое, непутёвое множество, которое в истине вещей противостоит единство: «Один мне – тьма, если он наилучший» [4, с. 245]. Не зная ещё высшей ценности каждой человеческой личности, он приравнивает человеческую множественность к природной, поэтому так легко проклинает соотечественников. Отчасти по той же причине Гераклит уничижает в известных людях многознайство, например, в знаменитых словах «многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора, равно как и Ксенофана с Гекатеем» [4, с. 195].

Везде, и в школьной аудитории в особенности, очень важно разобрать сущность «многознания», его бесплодность, чтобы отличить от того знания, которое способно вести к истине. И опять же – это различение между многоразличной осведомлённостью и единством ума. Конечно, здесь напрашивается сопоставление с феноменом простой и пустой информированности, с тем множеством бесцельных «знаний», когда масса сведений, даже просто масса слов, по существу никак не связана, не образует единства целого, но используется периодически для щегольства и попыток продемонстрировать собственную значимость. О Пифагоре (казалось, бы!) Гераклит высказывается ещё более резко в том же духе: «Пифагор, Мнесархов сын, занимался собиранием сведений больше всех людей на свете и, понадёргав себе эти сочинения, выдал за свою

собственную мудрость многознания и мошенничество» [4, с. 196]. Собирательство сведений, то есть разрозненное знание, которое и знанием-то не является, поскольку не отвечает требованиям последнего, приравнивается Гераклитом ни много ни мало к мошенничеству, является обманом. Ведь истинная мудрость состоит «в том, чтобы знать всё как одно» [4, с. 199]. Разрозненность же сведений (явно имеется в виду стремление пифагорейского союза расписать все стороны быта своих адептов до мелочей), которой броско и ёмко Гераклит выносит вердикт словом «понадёргав», представляет собой *многое*, всё, которое познаётся через самого себя, через такое же *всё*. Это-то и является обманом, поскольку результата не даёт, только мнимость и пустышку.

Хорошо известны слова, приписываемые Гераклиту, «всё течёт, всё изменяется». Эта фраза настолько в ходу, что её знают буквально все, даже школьники, тем более, учащиеся старших классов, которые уже тоже и слышали её и готовы слепо присоединиться к этой расхожей псевдомудрости. Тем важнее уделить особое внимание той стороне философии Гераклита, из которой проистекает данная сентенция. Эта сторона у Гераклита действительно имеется, но зададимся вопросом: это – лишь одна из сторон, или к этому сводится вообще всё учение древнегреческого философа? Изменчивость, текучесть, неуловимость природы или сущего постоянно подмечается им. Вот неполный ряд характерных суждений.

«Природа любит прятаться» [4, с. 192],

«Владыка, чьё прорицалище в Дельфах, и не говорит, и не утаивает, а подаёт знаки» [4, с. 193],

«На входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды» [4, с. 209],

«Солнце … новое ежедневно» [4, с. 225].

Эти и другие подобные высказывания Гераклита и в самом деле служат основанием для своеобразного подведения итога, какой делает Платон в «Кратиле»: «Гераклит говорит где-то, что всё движется и ничто не остаётся на месте, и, образно сравнивая сущее с течением реки, говорит, что дважды нельзя войти в одну и ту же реку» [5, 402a]. В данном моменте можно провести дополнительное различение между так называемым мудрым изречением, выступающим в виде афоризма, и философским

суждением. Это ведь поразительно, как трудные философские поиски Гераклита редуцировали чуть ли не до одного-единственного, в сущности, весьма банального изречения! И вправду, что особо глубокомысленного, метафизически сокрытого в простом наблюдении за природой, доступном как правило любому наблюдательному натуралисту, если не вообще любому человеку, замечающему, что вокруг него всё подвержено изменениям?! Платон прав в своей интерпретации гераклитовских наблюдений за природой, но ведь из его «резюме» не следует, что к нему сводится вообще весь Гераклит. В том и дело, что он, хотя и обнаруживает природу, сущее повсюду изменчивым, но при этом словно пытается прорваться, преодолеть этот её статус. Раз за разом он словно стремиться удержать сущее в своём суждении, причём часто безуспешно. Быть может, поэтому он заслужил прозвище «плачущего философа»? Однако вопреки сравнительным неудачам и сквозь «слёзы» Гераклит из глубин своего философского, неизменного «Я» бросает природе парадоксальные, *высокомерные* вызовы: «Путь вверх-вниз один и тот же» [4, с. 204], «Учитель большинства – Гесиод: про него думают, что он очень много знает – про того, кто не знал [даже] дня и ночи! Ведь они суть одно» [4, с. 214]. Эти слова иногда толкуют таким образом, что день и ночь постоянно и попеременно переходят друг в друга, образуя единое целое, и будто бы в этом смысле они суть одно. Однако на самом деле это заведомое упрощение философской мысли, являющееся, в сущности, сведением её чуть ли не к банальному наблюдению натуралиста. Такая интерпретация соответствует, скорее, как раз представлению Гесиода, который, с позиции Гераклита, не смог возвыситься до истинного философского умозрения. Философское же «Я» Гераклита, которому внятна «эта-вот Речь» [4, с. 199], этот-вот Логос, смотрит «свысока» на день и ночь, репрезентирующие реальность «всё», и знает её «как одно». Эта дистанция, образованная высотой расположения «Я», позволяет отождествить день и ночь, несмотря на их эмпирическую противоположность.

Вот и получается, что Гераклит, с одной стороны, обнаруживает природу непрерывно меняющейся, ускользающей от познания, с другой стороны, употребляет все силы своего ума для того, чтобы преодолеть природные «прятки», чтобы найти в сущем, опираясь на этот-вот Логос, нечто неизменное и постоянное в своей неизменности, хотя бы

посредством парадоксальных суждений и стоящих за ними «Я». Так, учение Гераклита об изменчивости из ложно присвоенного ему статуса мудрости, мудрого изречения возвращается в подлинно научный, философский контекст, и уже в нём довершается иными метафизическими аспектами.

Чрезвычайно важное место в историческом введении в философию занимает элейская школа. Её трудами философия совершает то, что можно назвать своеобразным метафизическим поворотом. Он характеризуется как минимум двумя важнейшими аспектами, тесно между собой связанными. Во-первых, философские усилия смещаются от вопрошаний о природе, о «фюсисе» к реалиям сверхприродным (не забудем, конечно, что намечено это было уже Гераклитом). У Ксенофана в центре внимания оказывается реальность единого Божества, а у последующих представителей элейской традиции – мышление, стремящееся быть самим собой, когда оно является своим собственным предметом. Точнее говоря, мышление, впервые вставшее, хотя ещё не вполне уверенно, на этот путь. На смену суждений, пусть и глубокомысленных, но в основном всё же единичных, пришла последовательная логика, развивающаяся из первичной предпосылки, из исходного парменидовского суждения о тождестве бытия и мышления. Философия элеатов впервые демонстрирует его обращение к себе самому, то, как оно встречается с самим собой. Но самое главное при этом то, что здесь появляется возможность показать, скажем так, *действительность* мышления как такового. Это особенно важно для начинающих и незрелых умов, каковыми по необходимости являются умы старшеклассников. Они, тем не менее, оказываются способными вслед за учителем, вместе с ним проследить за имманентным движением логики. Чаще всего это становится большим и значительным открытием для всё-таки ещё детского сознания, до сих пор приучавшегося к работе с числами, уравнениями чисел, физическими, химическими и другими явлениями природы (литературу и историю выносим здесь скобки), то есть с различного рода эмпирическими, внешними сознанию реалиями. А тут мышлению, что называется, «на глазах» становится доступной работа с самим собой. Логические суждения и умозаключения рождаются непосредственно в человеке, не выходя за пределы мышления.

Продолжая выделять необходимые прежде всего в нашем контексте акценты, нужно подчеркнуть знаменитое парменидовское расчленение познания на два пути: мнения и знания. Впервые в истории к истине, к подлинному знанию применяются жёсткие требования: предмет должен быть равен самому себе. Кажется простым и очевидным, но для формирования строгого и дисциплинированного ума – одной из целей философского образования в школе – необходимо, что мыслящее сознание само в себе обнаружило различие между мнением и собственной знанием, между возможностью заблуждения и достоверностью познания. Ведь до сих пор школьник фиксировал ошибки не сам, а потому, что, либо ему кто-то сказал, либо он это понимает внешним способом, опосредованно через вещи, внеположенные его мышлению. Добавим к этому, что обнаружение «двух путей» есть ещё и формирование разницы не простом между истинным и ошибочным, ускользающим, но, к тому же, различение между высоким и низким, божественно-сакральным и человечески-профанным, между абсолютным и относительным. Тут уместно снова вспомнить обывательское профанирование гераклитовского умозрения и укрепиться в осознании того, что не всё течёт и не всё изменяется. Поэтому «борьбы Парменида за единство, тождество, отдающая некоторым безумием, оказывается чем-то глубоко серьёзным и важным» [6, с. 37]. В самом деле, что может быть серьёзнее и важнее того, чтобы логически утвердиться в вечности, неизменности и истинности бытия.

Особенно ярко (прежде всего в работе с предполагаемой аудиторией) элейская философская традиция заявляет себя в философии Зенона, который, в сущности, разворачивает тезисы своего учителя с иной стороны: давайте посмотрим, что будет, если допустить, что движение существует (а про себя помним: ведь это будет означать, что не существует истинного, неизменного бытия и его познания – будущий провал софистики). В целях наилучшего восприятия и усвоения для школьника важно, что называется, оживить историю. В данном моменте это удобно сделать. Мы с лёгкостью можем себе представить немалое число возражающих парменидовскому тезису, недоумевающих по поводу того, как это может быть, чтобы истинное бытие было неизменным и неподвижным. И вот тут-то Зенон Элейский выступает со своим методом, несколько схожим с математическим способом доказательства

отпротивного: если допустить, что движение истинно есть, согласно возражениям оппонентов, то – далее следуют знаменитые зеноновские апории – мы придём к совершенно абсурдным выводам. Например, к тому, что Ахиллес не сможет догнать черепаху или что летящая стрела на самом деле не летит, а вполне неподвижна. Разумеется, зеноновские аргументы о невозможности движения имевшиеся недоумения не устраняют. В определённом смысле они их даже усиливают. Однако это происходит в сфере безмятежного существования души, когда всё представляется очевидным и понятным. Так что возникающий или обостряющийся вместе с элейской школой конфликт призван возбудить и далее философское, по Аристотелю, удивление, а также не только и не столько заострить проблему соотнесённости чистого мышления и чувственного восприятия, сколько вновь продемонстрировать и оттенить реальность самого умозрения, поскольку, будем на этом настаивать, оно-то как раз не очевидно, трудно схватывается и ещё труднее удерживается, причём что детским, что даже более взрослым сознанием.

В рамках данной статьи нет возможности подробно останавливаться на разного рода проблемах философии элеатов, есть они и у Парменида, и у Зенона, так же как есть и не названные достижения или, лучше сказать, перспективы дальнейших обретений на пути познания. Тем не менее, к сказанному имеет смысл кое-что добавить по поводу смысла апорий Зенона. В самом деле, было бы странно, если бы учитель ограничился всего лишь демонстрацией парадокса, развёл бы познавательную способность человека по несовместимым полюсам. Подобная ситуация была бы чревата, например, разочарованием, особенно для пытливого детского ума, она могла бы свести настоящее философское удивление и последующий поиск к производству парадоксов, то есть в перспективе – к пустышке и обману, к бесплодному напряжению интеллекта, в том числе такому, который диагностировал и выбраковывал Сократ. Есть ещё вариант, согласно которому от Зенона осталось бы впечатление как от чудаковатого, эксцентричного философа, вознамерившегося всех удивить, говорившего какие-то странные и нелепые вещи. Пагуба такого представления состоит в том, что оно фактически низводит философию к тому самому упоминавшемуся ранее *собранию мнений*, которое мы должны всеми силами избегать, поскольку философия-то здесь как раз и

заканчивается, вытесняясь её имитацией. Нет ничего хуже для преподавания философии, притом кому бы то ни было, чем поочерёдное и безвкусное представление мнений. Ведь то, что мы сейчас назвали «мнением», на самом деле является философским суждением. Мнением же оно как раз становится в том случае, если слушающий воспринимает его так же как, например, математическое уравнение или физическую формулу. И тут уж как повезёт: может запасть глубоко в сознание, чтобы когда-нибудь там переродиться в нечто своё и новое, либо выстроится в ряд мнений, чтобы вскоре забыть. Подобным образом редуцированное к мнению философское суждение ничем не будет, по сути, отличаться от факта биографии философа: тогда-то и там-то родился, так-то высказался… Эта воронка затянет в себя не только Зенона, она поглотит и «тёмного» Гераклита, отождествляющего день и ночь, и брюзжащего по поводу большинства, а Пифагора превратит в эзотерика-нумеролога, а многих и вовсе заставит позабыть, что в сложившейся ситуации, быть может, не самый худший вариант.

Следовательно, нужно задержаться на зеноновских апориях, чтобы извлечь из них нет существенное и непреходящее в нашем контексте. Например, представляется важным показать то, что невозможно сделать средствами традиционных школьных предметов. И, в частности, то, что в некоем, точнее, в любом ограниченном отрезке, расстоянии содержится актуальная бесконечность. Именно поэтому Ахиллес оказывается неспособным догнать черепаху, если предположить, что движение существует, ведь он ставится перед задачей преодолеть бесконечность (бесконечно делимую протяжённость) в конечный промежуток времени, что неосуществимо логически. Зенон, таким образом, демонстрирует реальные проблемы, которые даже не затрагиваются науками, изучаемыми в рамках стандартной школьной программы, но которые ставит и постигает философия. Зенон показывает настоящие противоречия, актуальные не только исторически, но *здесь и сейчас* тоже, связанные с постоянно используемыми понятиями: время, пространство, величина, движение. Мы обнаруживаем противоречие, в котором находится наше собственное сознание, противоречие между мышлением и чувственным восприятием. Философия Зенона отчётливо показывает, что непосредственные чувства не ведут к познанию, но порождают полупонятия.

Ко всему прочему, формулированием данных апорий Зенон выступает в качестве создателя диалектики – философского метода, рассматривающего предмет с возможно большего числа сторон, анализирующего его (в данном случае это движение) и противоречия, связанные с ним. Диалектика позволяет освободиться от непосредственных впечатлений и разглядеть предмет из глубины. В этом процессе мышление в существенной степени проявляет свою независимость от чистого эмпирического сознания, а исследуемая вещь получает всё более и более конкретные определения. Отсюда диалектическое рассуждение далее пойдёт двумя преимущественными путями: оно выродится и превратится в бессодержательное умствование поздних софистов, а у Сократа найдёт своё великое продолжение и непреходящее значение, который вместе с Парменидом откроет дорогу Платону с тем, чтобы преодолеть бесплодную софистическую игру ума и осуществить действительное движение мысли, рождающее человеческую личность.

В данной статье мы не ставим перед собой задачу даже коротко представить подобие учебной программы по истории философии в школе. Поэтому мы сравнительно спокойно опускаем имена и учения таких философов, как, скажем, Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит, при том что в учебном курсе все они, как ряд других, здесь не названных, присутствуют и занимают определённое и важное место. В рамках же статьи считаем необходимым затронуть самые ключевые темы, да и то не все, поскольку даже краткий разбор что Сократа, что Платона приведёт к непомерному разрастанию объёма текста. А они, несомненно, присутствуют в программе и, что неудивительно, занимают в ней центральное место, всё предшествующее ведёт к ним. Более или менее подробный разбор философии Сократа и Платона (за исключением самых сложных и так называемых «политических» диалогов последнего) ставится нами во главу угла.

Так вот, применительно к Сократу, а вместе с ним и в отношении, возможно, одной из лучших тем, которые есть в софистике, мы полагаем важным остановиться на такой интереснейшей для всех без исключения теме, как образование. Причём поначалу в этом вопросе софистика и Сократ идут как бы в одной упряжке. С одной стороны, софист, софистика с, так сказать, лёгкой руки Сократа и Платона стали чуть ли не бранными

словами. И есть за что. Мы уже говорили о своеобразном выхолащивании диалектического метода в софистической среде. Чему только ни уподоблял сначала Сократ, а затем Платон словесные экзерсисы софистов (вспомним хотя бы братцев Дионисодора и Евтидема из диалога, названного по имени второго брата), и эквилибристике, и игре в мяч, и Бог знает, чему ещё. Это всё действительно справедливо, но относится всё же к поздним софистам, которые, по большому счёту, окончательно капитулировали перед собственным философским релятивизмом и, тем самым, с неизбежностью девальвировали философское дело – оно выродилось у них в имитацию и бессмыслицу. Но это, повторимся, случилось позже. А начиналась диалектика ранее. Мы упоминали в этой связи Зенона Элейского, есть сведения, что её зачинателем был Эмпедокл. Так или иначе, ранние софисты представляли собой маститые фигуры и были серьёзным и сравнительно продолжительным явлением в истории философии. Косвенным свидетельством этому служит то обстоятельство, что Платон счёл возможным и даже, по-видимому, необходимым один из своих важных диалогов, иногда квалифицируемого в качестве *переходного*, назвать именем софиста Протагора, в котором нет уничижения, но подчёркивается его философская значимость. Также упомянем то, что Платон другой диалог, притом один из сложнейших, весьма трудных для усвоения, назвал общим именем «Софист». Платон, следовательно, разделял подлинного *софиста* от никчемного. С первым можно было не соглашаться, но признавать при этом вскрытие им действительных философских проблем, второй же в лучшем случае вызывал снисходительную улыбку. Но главное, на чём мы хотели бы заострить внимание, заключается как раз в образовательной деятельности софистического движения.

В сущности, софисты были первыми профессиональными учителями. Они брались, настойчиво предлагали сами обучить самым разным областям знания и этическим принципам. Поэтому именно с них началось обучение систематического характера. Следовательно, нужно говорить о том, что софисты являются родоначальниками школы. Действительно, они утверждали, что обеспечивают всестороннее воспитание, развитие и образование человека. Речь не о том, насколько они соответствовали своей

амбициям и обещаниям. Порой соответствовали, а порой их заявка была слишком самонадеянной. Важнее то, что они состоятельность человека связывали с его образованностью. Мы говорим об образованности как цельности человека, зрелости и оформленности его существа. Принцип состоятельности означает здесь некую высшую способность человека на любом поприще. Об образованном человеке можно сказать, что *он состоялся независимо от рода деятельности*. Залогом этого софисты совершенно справедливо считали способность человека анализировать любой предмет, взвешивать его на диалектических весах. Тем самым образованный человек должен самостоятельно мыслить, уметь свободно говорить, выражать свою мысль и отстаивать собственную позицию, а значит, – самого себя. Обратим особое внимание на то, что понятие образования и образованности начиналось в пространстве, во-первых, философского знания, во-вторых, вне связи с конкретным родом занятий, тем, что сегодня называется профессией. Образование – это некая особая выделка человеческой природы. Можно сказать и так, что это собственно человеческое дело, а сфера деятельности – это нечто вторичное. Человек деятелен по природе, следовательно, усилия надо прежде всего сосредоточить на нём самом непосредственно, а не на навыках, которые *человек деятельный* хотел бы приобрести.

С одной стороны, софисты ставили своей целью возвысить человека, выявить его наивысшую природу. В нём, как мы помним, по Протагору, обнаруживается мера всех вещей, он сам её задаёт. С другой стороны, эта мера оказывается слишком подвижной, человеческое как таковое в ней ненадёжно, мера, исходящая из него, становится «плавающим» принципом, чуть ли не сиюминутной мерой. В отличие от Парменида и всех элеатов у софистов мышление бытию не тождественно. Более того, оно не просто не совпадает с ним, но и вообще никак с ним не соотносится (вспомним последовательно доказываемые Горгием тезисы о невозможности что-либо познать в силу несоответствия мысли, слова и предмета друг другу). В результате у софистов образовательный акцент ощутимо смещается от того, что мы сегодня, вопреки самой софистики, всё-таки называем философским знанием, твёрдым и надёжным бытием, к слову, к словесности как таковой, к речи. Слово и речь становятся

обретают самодостаточную ценность. Отсюда огромный интерес софистов к языку как таковому, к словесности, то есть к умению обращаться со словом – к искусству речи – риторике, – и к искусству спора – эристике. Заслуги и достижения софистов в этой области значительны, но в философском деле образования личности они всё-таки соскользнули в иное русло. Кажется, что они открыли или, скажем осторожнее, приоткрыли (ведь во всей полноте этого не сделал даже Сократ) некоторую самостоятельность бытия человека, отличность его от бытия природного, увидев в нём, а не в «фюсисе» сущее, его меру. В то же время, они же и размыли философские основания познания, в том числе познания человека, в потоке слов и всевозможных искусных оборотах речи. Можно сказать, что в результате они потеряли связь с этой-вот Речью-Логосом. В отличие от Гераклита, она, Речь, перестала быть им внятной. И потому, открыв принцип образования, они в погоне за словами и красотой речи вскоре едва его удерживали, а то и утрачивали вовсе.

Но человеческое бытие не может опираться на самого себя, не имея никакой другой поддержки. Следовательно, если он больше не слышит или «даром что слышит» и не воспринимает Речь-Логос, не ищет опоры в «архэ», то в философском, в философско-образовательном отношении он обречён на сползание в ничто, на имитацию бытия и знания посредством плетения словес. Что касается образовательного аспекта человеческого бытия, то за ним сохраняется определённое значение. Здесь можно упомянуть выучку в области конкретного предмета, ведь софисты обучали буквально всему на свете, или же искусство спора само по себе. Наконец, согласно Протагору, можно и нужно стремиться к общей цели обучения. Необходимо научить

«смышлёности в домашних делах, уменью наилучшим образом управлять своим домом, а также в делах общественных: благодаря ей [науке – Т.Т.] можно стать всех сильнее и в поступках, и в речах, касающихся государства» [5, 319a].

При всей значимости поставленных образовательных целей, нельзя не увидеть в них прикладной характер. В итоге, у софистов, мера бытия, хотя и задаётся человеком, собственно человеческое из неё уходит,

образованность начинает обслуживать внешние цели. Человек уже не становится своей собственной целью.

Но дело философии, философского образования спасает Сократ. То обстоятельство, что Сократ своей жизнью, самим собой в известной степени персонифицирует философию, играет на руку любому преподавателю, школьному в том числе. Такая колоритная фигура позволяет не только впечатлить, но и увлечь предметом. Нам хорошо известны многие подробности философской жизни (и смерти!) Сократа, его поступки, и, конечно, его учение. Применительно к Сократу учитель фактически впервые может привлечь довольно пространные философские тексты (речь, в первую очередь, идёт о ранних сократических диалогах Платона; среди них, прежде всего, «Апология Сократа», «Критон», а также фрагменты ряда других), что выводит на новый уровень встречу подростка с философским знанием. Итак, Сократ и его учение равно примечательны и должны стать эффективными в деле освоения азов философии. Среди обилия возможностей преподнесения сократовской философии мы всё же остановимся, как и обещали, согласно избранной линии, на теме образования.

Сократ мог бы сказать: «Человека надо образовать». В принципе, он так и говорит, это подразумевается его деятельностью и учением. Собственно говоря, исходно софистический посыл Сократ удерживает, развивает его и доводит до известной степени совершенства. В этом отношении понятие «*образование*» человека обладает неслучайной двусмысленностью: оно именно что *образует* его, делает его человеком, по Сократу, рождает его в мысли. Если, по Сократу, человека надо *образовать*, то по отношению к софистам точнее употребить слова, что человека надо *образовывать*. Разница состоит как раз в соотношении человека и образованности, её месте в нём. И это вовсе не игра слов. В сущности, Сократ подводит к тому, что истинное образование выявляет собственно человеческое в человеке. Вся знаменитая сократовская майевтика подчинена именно этой цели: помочь человеку прежде всего состояться, образоваться. Усвоение же тех или иных профессиональных навыков всегда вторичный процесс. Образование, таким образом, есть то, что входит в самые глубины личности, а в пределе есть она сама. Обычно

человека нетрудно отделить от его деятельности, профессии, но совершенно невозможно отделить в нём его образованность, причём именно потому, что это есть он сам. Образование – это соль человеческой природы. Представим себе вкусный, хорошо подсоленный суп. Дело не только в том, что без соли суп, как и человек в сократовском смысле необразованный, окажется пресным, безвкусным, с блеклым, неинтересным умом. Акцентировать надо другой момент, а именно тот, что из супа соль нельзя удалить. Как из супа нельзя изъять соль, так из образованного человека нельзя изъять его образованность. Нет, пожалуй, можно применить те или иные химические способы, чтобы всё-таки соль из него извлечь, выпарить. Не исключено, что такое возможно. Однако после такой процедуры супа уже не будет. Даже трудно себе представить, что за субстанция останется в кастрюле…

Впрочем, есть в сократовском философско-образовательной деятельности, в принятии им родов человеческих душ особый аспект, совершенно не учитывавшийся софистами в их стремлении обучать и образовывать. Момент этот стоит особняком, и он ещё больше разводит Сократа и софистов. Мы помним, что в платоновском «Теэтете» Сократ развивает свой метод философской майевтики. Заметим, что если собственно философское содержание диалога вряд ли доступно для восприятия подростков, то как раз все эпизоды, связанные с родовспоможением личности весьма хорошо воспринимаются нашей аудиторией. Примечателен последний из этих эпизодов, являющийся также и концом диалога. Когда в результате длительного философского разговора собеседники выясняют, что они не могут ответить на вопрос «что такое знание?», Сократ выносит заключение:

«И всё это [предшествующие философские поиски – Т.Т.] наше повивальное искусство признаёт мертворожденным и недостойным воспитания?» [5, 210b].

Получив утвердительный ответ, Сократ продолжает:

«Итак, если ты соберёшься родить что-то другое, Теэтет, и это случится, то после сегодняшнего упражнения плоды твои будут лучше; если же ты окажешься пуст, то меньше будешь в тягость окружающим,

будешь кротким и рассудительным и не станешь считать, что знаешь то, чего ты не знаешь» [5, 210с].

Итак, не всегда удаётся достичь удовлетворительного ответа на поставленные вопросы. Тогда наше незнание, хотя и на совсем другом познавательном (несмотря ни на что!) уровне, остаётся всё же незнанием. Но оно удивительном образом всё равно получает образовательный статус. Незнание тоже образует человека! Интерпретация подобного незнания имеет весьма богатую и серьёзную историю, которой мы не будем здесь касаться, в том числе потому, что и для подростковой аудитории она не по зубам. Акцентируем же внимание на другом.

«Оказаться пустым», означает не суметь родить что-либо настоящее, но поскольку ты знаешь об этом, постольку промолчишь и не будешь «в тягость окружающим». Ключевой момент здесь – молчание. Оказывается, что оно – необходимый момент подлинной образованности, культуры, дисциплины ума. И это как раз та самая сторона образования человека, которую не знала софистика. Очевидно, что в ней было ровно наоборот – что бы ни было, в какую бы ситуацию ты не попал, главное суметь убедить окружающих в собственной правоте, возвыситься над ними. Понятно, что этим не ограничивается изучение философии Сократа. Более того, открытию и разбору такой фундаментальной философской реальности, да и вообще научной, как понятие должно быть посвящено немалое количество времени. Но мы не будем на этом останавливаться, как и на многих других вещах, которым уделяется внимание на уроках.

Признать свой собственный опыт преподавания философии в старших классах удачным особого труда не стоит. Однако, завершая статью, нам, тем не менее, хотелось бы с уверенностью заявить, что результатом исторического введения в философию не становится лишь простое знакомство с предметом. Мы убеждены, что достижения должны быть более значимы, чем поверхностные представления об именах и идеях. Описывать результат мы не станем, поскольку речь должна идти о личностных достижениях каждого ученика, которые, ко всему прочему, могут проявиться значительно позже.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Иванов О.Е. Самосознание как основа метафизики. Опыт введения в философию. Изд-во: Церковь и культура. СПб., 2002. 446 с. ISBN: 5-93389-010-3.
2. Сапронов П.А. Культурология. Курс лекций по теории и истории культуры. СПб.,: Лениздат : Союз. 2001. 558 с. ISBN: 5-289-02010-1.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
4. Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989.
5. Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1. 1990. Т. 2. 1993.
6. Махлак К.А. История античной философии. Введение в христианскую мысль. Изд-во института богословия и философии. СПб., 2009. 312 с. ISBN 978-5-902461-07-4.

TUROVTSEV Timur A. – Russian Christian Academy for the Humanities, the Fontanka river embankment, 15, lit. A, St. Petersburg, Russia. E-mail: ibif@inbox.ru.

PHILOSOPHY AT SCHOOL. ABSURD OR NECESSITY.

This article is a summary of teaching experience of Philosophy at school. Despite the seeming strangeness of such an idea the author considers it as a positive experience and seeks to demonstrate the possibility and reasonability of it at high school. The article features the specifics of philosophical knowledge in relation to schooling and strives to distinguish philosophy from such phenomena as personal worldview, wisdom as well as myth. The important point here is that philosophy is the first scientific form of knowledge with a main question about the relationship between philosophy and human nature and their close and deep interconnection. Including philosophy into a range of school educational programs is considered by the author in the context of his philosophical analysis of education in general. The author concludes that education is not only pedagogical, but also a philosophical concept which makes obvious the necessity in philosophical knowledge at school.

PHILOSOPHY; KNOWLEDGE; SCHOOL; STUDY; EDUCATION; PERSON.

УДК 1 (091)

М. И. Соколова

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗ ЖИЗНИ: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В МЫСЛИ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО [1]

СОКОЛОВА Мария Игоревна – кандидат философских наук, доцент кафедры Истории и философии; Санкт-Петербургский Государственный Университет Аэрокосмического Приборостроения.
190000, ул. Большая Морская, 67, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: sokolova_mi_62@mail.ru.

Статья содержит сравнительный анализ трактовки Климентом Александрийским проблематики образования и образа жизни. Сделан вывод об общности способов осмысления этих двух областей. Анализ общих черт позволяет прояснить специфику концепции «истинного гносиса» как результата «взаимонаправленного движения» Бога и человека при сохранении полноты взаимной свободы в их отношениях.

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, ОБРАЗОВАНИЕ, ОБРАЗ ЖИЗНИ, ИСТИННЫЙ ГНОСИС.

Одной из важнейших составляющих мысли Климента Александрийского является осмысление педагогической проблематики, которое включает в себя, с одной стороны, выстраивание философии образования в перспективе христианской мысли, а с другой, в его текстах можно обнаружить своего рода «методические рекомендации», которые являются описанием, свидетельством его непосредственного педагогического опыта. Еще одну очень значительную по объему часть сохранившихся текстов Климента составляет разработка проблематики правильного образа жизни христианина, порой в самых частных, бытовых подробностях. Этому посвящена б*о*льшая часть знаменитого *Педагога*. В

[1] При финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-00813а.

следующем кратком анализе мы попытаемся сосредоточиться на том, как именно соотносятся «педагогическая» и «бытовая» проблематика в творчестве Климента и какие важные для понимания его мысли моменты можно прояснить через такое соотнесение.

В текстах Климента, посященных педагогической проблематике регулярно встречается и разнообразно раскрывается «агротехническая» метафора, понимание роли преподавателя как «божественного земледельца». Возможности этой метафоры он использует во многих контекстах. Вообще необходимость учиться он сравнивает с необходимостью «обрабатывать лозу», чтобы получить плоды, ведь «свести разнообразные знания к истинному учению может лишь человек, основательно ученый» (Strom. I.43.4). Используя этот же образный ряд, подчеркивает необходимость помнить о том, что процессу обучения, так же, как и процессу возрастания и созревания растений присуща определенная динамика и определенные темпы и сроки. Зрелость не наступает слишком быстро или мгновенно (Strom. II. 95–96). «Земледельческие» образы используются и для иллюстрации аргументации необходимости обращаться к «естественным» наукам, которые Климент называет «водой эллинского Логоса» (Strom. I.17; I.37).

Сюжет необходимости обращения к «эллинской» традиции в качестве предварительного образования – один из центральных в *Строматах* и системообразующий для мысли Климента в целом. Здесь он старается соблюсти баланс между аргументацией необходимости изучения «предварительных наук» для стремящегося к «истинному гносису» и недостаточности, нейтральности их относительно истины с другой. Так, необходимость обращения к эллинскому Логосу в качестве пропедевтики обосновывается тем, что «подготовительные упражнения, предшествующие утверждению во Христе, тем не менее, упражняют ум, побуждают разумение, тренируют смекалку, качества, необходимые для погони за истинной философией» (Strom. I.32.4). В первую очередь такие упражнения развивают способность к «умозрительному созерцанию» (Strom. I.33), венчаются диалектикой, которая, одна из всех наук наиболее близко подводит к постижению сущности блага, а кроме того развивает способность к правильным различениям, определениям, учит следить за

ходом доказательства, дает средства защиты от софистов и еретиков, средства аргументации истинного учения. Тем не менее, с другой стороны не менее настойчиво подчеркивает Климент, не следует слишком «задерживаться у чужестранки» (Strom. I.29), потому что, «все же учение Спасителя, будучи Божией силой и Божией “премудростью”, действует всецело своими собственными средствами и не нуждается ни в какой другой помощи; и если присоединить к нему философию, то оно не сделается действеннее» (Strom. I.100.1). И в этом смысле философия относится к Христову учению, единственно истинному пути к истинному гносису как «десерт» или «закуска» к хлебу насущному. Эллинские учения «отличаются от наших», «наше учение касается истинного гносиса, доказательство его точнее и действенность его основана на божественной природе, ибо мы научены самим Богом» (Strom. I.98.4). Далее Климент продолжает: «отсюда следует, что эллины воспитывают душу не так, как мы. У них и приемы воспитания, и обучение совершенно иные» (Ibid.).

Нужно отметить, что в текстах александрийца неоднократно всплывает сюжет различия не просто приемов и подходов эллинской и христианской (Климент вслед за Филоном Александрийским возводит последнюю к «системе воспитания Моисея») педагогической традиции (приемы и пропедевтические дисциплины, как раз могут быть схожими и даже совпадать, о чем было сказано выше), а самих «систем» обучения и воспитания. «… философия также ищет истину и исследует природу вещей… Истина же – это сам Господь, изрекший “Я есмь истина”… Но только тот, кто открыл ее, точнее, получил из рук самой истины, является настоящим посвященным» (Strom. I.32.4).

Принципиально иная цель образования христианина по сравнению с язычником определяет не только содержательные моменты и способ передачи знания («посвящение»). Подлинно христианская традиция образования неразрывно связана со всей определенностью христианского образа жизни в целом, включая даже самые, казалось бы, незначительные бытовые подробности. «Иное образование получает философ, иное ритор, иное атлет: подобным образом и благородный образ жизни, плод христианского воспитания собой обуславливает красоту желаний и стремлений. И что в деятельности воспитано, то отличную внешность

имеет и в походке, и при сидении, вовремя принятия пищи, во время сна, спокойствия, в порядках жизни, во всем, что относится к воспитанности. Это руководство Логоса не является чем-то неопределенным, но представляет собой полную упорядоченность» (Paed. I.12). Внимание Климента к деталям образа жизни трудно переоценить, порой, оно может показаться даже избыточным, если взглянуть на бо́льшую часть *Педагога*, полностью посвященную вопросам не только «благопристойного поведения во время пиршеств», но и употребления духов, украшения драгоценными камнями, поведения в банях, «модничанья мужчин» и т.д. Написанные в основном, в критическом ключе, эти рассуждения могут кому-то показаться даже «брюзжанием» или «ханжеством», чего не скажешь о других текстах Климента. Объяснить этот уклон в телесно-бытовую сторону можно, пожалуй, только пониманием специфики аудитории, которой обращен *Педагог*, понимание же это, вероятно, вытекает из личного педагогического опыта александрийца.

Критикуя «негармоничное» выстраивание «вещного окружения», Климент ищет средства, язык, подходы для описания «правильного», сообразного с Логосом телесного, земного устроения. В этом же ключе написан и текст *Кто из богатых спасется*. Правильное отношение к богатству и правильное употребление земных благ описывается здесь в том же контексте правильно выстаиваемого образа жизни и в выражениях очень близких к тем, что мы встречаем в *Педагоге* (См. Quis div. salv. 1; 21 и др.).

Следующий текст, несмотря на указываемые исследователями литературные аллюзии, все же, вероятно, является и отражением «аудиторного» опыта: «обращающийся непосредственно к присутствующим имеет возможность испытать слушателей временем и решить, кто из них способен понять его слова с тем, чтобы отделить их от остальных. Он вслушивается в их речи, наблюдает за их привычками, образом жизни, жестикуляцией, внешностью, голосом или, как говорят, видит пересеченность и каменистость места, пригодность пути, плодоносность почвы, ее лесистость, годность для выращивания тех или других злаков, возделанность и плодородность» (Strom. I.9.1). Оценивать же состояние учащегося учителю необходимо, чтобы понимать, кто и до какой степени готов к «посвящению». Кому можно доверить истину. И первым условием

возможности такого доверия стороны учителя оказывается первичное доверие (вера, «благорасположенность», готовность принять, послушание) со стороны ученика. Большое количество текстов в *Стромматах* посвящено осмыслению веры и доверия как необходимого условия, начала пути к истинному гносису. (См., напр., Strom. II.25.4 и др.). Таким образом, специфика построения образовательного процесса, определенность образа жизни и внешних проявлений, возможность определить внутреннее состояние учащегося по его внешним проявлениям и, наоборот, через правильное выстраивание внешнего образа жизни повлиять на это состояние осмысливается Климентом через ключевые понятия «веры» или «доверия».

Анализу этого понятия, соотношению понятий веры и гносиса посвящено значительное количество исследований. В рамках же настоящей статьи представляется важным продемонстрировать не лежащую на поверхности связь между измерением взаимной открытости, одновременно свободы и доверия – послушания, реализуемым в педагогическом процессе, выстраиваемом в «соответствии с Логосом», и подлинно христианским, «правильным» отношением к вещности и телесности.

В обеих ситуациях – ситуации образовательной, педагогической, направленной на получение знаний и в конце концов, на обретение «истинного гносиса» и в ситуации выстраивния отношений с вещами, богатством, телесностью можно отметить следующие общие, «архетипические» для мысли Климента вообще моменты. И в том и в другом случае идеалом, целью стремления христианина должно выступать достижение своего рода «безразличия», «бесстрастия» (здесь, очевидно, проявляется «стоическая» составляющая мысли александрийца) – об этом говорится в Quis div. salv. 21 по поводу отношения к любому имуществу и об этом же очень подробно говорится, например, в Strom. VI.71 и далее при описании бесстрастности как основного свойства истинного гностика.

О путях достижения этого бесстрастия опять же и в том и в другом случае говориться, что достичь этого человеку лишь своими силами невозможно, но тем не менее необходима все полнота его желания и усердия, направленных навстречу Божественному содействию. «Если человек лишь при помощи своих сил трудится и старается приобрести бесстрастие, то ничего у него не выйдет; если же он обнаружит, что

чрезмерно к этому стремится и о сем ревнует, то стремление его при содействии силы Божией сопровождается успехом» (Quis div. salv. 21). При описании же сущности, необходимых условий процесса обучения часто используются, например, метафоры двух игроков в мяч или магнитного притяжения и т.д. для иллюстрации того, что обучение – всегда «двусторонний» процесс, необходимо не только мастерство обучающего, но и «благорасположенность» слушателей, «естественная плодоносность» учеников. «Без доброй воли и восприимчивости ученика даже наилучшее обучение оказывается бесполезным» (Strom. II.26.1).

Третий момент, важность которого Климент подчеркивает для обеих упомянутых областей – необходимость сознательно осуществляемого последовательного, систематического и неуклонного движения, последовательности усилий, будь то в молитве, организации образа жизни или в обучении. В сущности, это одно и то же движение: «Необходима для достижения ее (истины) и постоянная, равномерно, даже до последнего дня жизни продолжаемая, молитва души твердой и чистой, а также образ жизни и расположений: добрый, закону верный, всесторонне определяющийся заповедями спасителя» (Quis div. Salv. 1). Ср.: «Поскольку же человек не рождается с гносисом, но должен овладевать им, то изучение с самого начала требует соответствующего подхода к нему, воспитания и развития. И только затем, через постоянное упражнение, гносис превращается в предрасположенность, и наконец, достигнув совершенства в мистическом настрое, он держится неизменным силою любви» (Strom. VI.78.4).

«Гармоническая настроенность души» (Strom. I.13), которая обнаруживается «во всем образе жизни», возможна только потому, что она есть «согласие с Логосом». И именно Он является источником, из которого определяется упомянутая специфика христианской «образовательной стратегии» по сравнению с «эллинской». И, как было показно выше, определенность этой настроенности возникает именно и только в таком опыте, который представляет собой динамическое единство «взаимонаправленного движения» Бога и человека при полноте сохранения их взаимной свободы. Об этом говорит Климент как о пути к «истинному гносису» и этот «вкус», «настрой» возникает, ощущается и

закрепляется во сей земной действительности только в таких парадоксальных и специфически христианских отношениях с Богом.

Современный французский богослов О. Клеман говорит в одной из своих работ: «Уникальные своей божественной гармонией ландшафты возникают только вокруг святости, любой монастырь возводит себя к святым основателям и строителям, организуется вокруг святынь небесным заступничеством» [8]. Следуя дальше в такой логике размышлений, можно усмотреть в текстах Климента даже некое предвестие понимания «экологичности» как мироустроения, так и специально педагогического, образовательного процесса. Речь идет, конечно, об экологичности, понятой, как у О. Клемана, в «сакральном» ключе. В контексте обсуждения острейших вопросов сегодняшнего дня об экологичности жизни, образовательных и многих других процессов обращение к текстам Климента Александрийского с его «земедельческими» метафорами может, таким образом, оказаться плодотворным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Климент Александрийский. Увещевание к язычникам. Кто из богатых спасется. Пер. А. Ю. Братухина. СПб, 2009.

2. Климент Александрийский. Педагог. Пер. Н. Корсунского. Ярославль, 1890.

3. Климент Александрийский. Строматы. Пер. Е.В. Афонасина. Т.1-3. СПб., 2003.

4. Афонасин Е.В. Философия Климента Александрийского. Издательство: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет Новосибирск, 1997. 126 с. ISBN: 5-88119-076-9.

5. Афонасин Е.В. Значение символизма для достижения истинного гносиса в «Строматах» Климента Александрийского. – Автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1996. 27 с.

6. Безрогов В.Г. Александрийский наставник Климент: концептуальные основания регулярного христианского образования // Вестник университета Российской Академии образования.2003. № 2(20). С. 63-122.

7. Иеромонах Иларион (Алфеев). Духовное образование на христианском востоке (I-VI вв.) // Христианское чтение. Журнал Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. 1999. Вып. 18. С. 105-143.

8. Клеман О. Смысл земли. М., ББИ, 2005. С. 56; ISBN: 5-89647-124-6

9. Морескини К. История патристической философии [Stone delta filosofia patristica]. М., Изд-во "Греко-латинский кабинет" Ю. А. Шичалина, 2011. 864 с. ISBN 978-5-87245-170-9.

10. Светлов Р.В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. Моногр. Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1996. 232 с. ISBN: 5-288-01469-8

11. Соколова М.И. Трактовка символа в раннехристианской мысли. – дисс. ….канд. филос. наук. 09.00.03 – История философии. СПб, 2005. 152 с.

12. Шуфрин А.М. Гнозис, Богоявление, Обожение. Климент Александрийский и его источники. Пер. с англ. / Серия Византийская философия. Т. 10. М., 2013. 304 с.

SOKOLOVA Maria I. – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. 190000, Bolshaya Morskaya str. 67, Saint Petersburg, Russia. E-mail: mstrelna@mail.ru

CLEMENT OF ALEXANDRIA OF EDUCATION AND THE WAY OF LIFE.

In this paper we give a comparative analysis of the views of Clement of Alexandria on the problems of education and the way of life. We argue that his interpretation of these two areas shows a degree of similarity. Analysis of commonalities allows to make clear the concept of true gnosis, which is the result of reciprocal intent of God and man accompanied with complete freedom of their relations.

CLEMENT OF ALEXANDRIA; EDUCATION; WAY OF LIFE; TRUE CHRISTIAN GNOSIS.

УДК 27-1

Г. Ю. Каптен

НА ПУТИ К ОТВЕРЖЕНИЮ ОРИГЕНИЗМА. ФИЛОСОФСКИЕ СИСТЕМЫ IV-VI ВЕКОВ[1].

КАПТЕН Герман Юриевич – кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.
190000, ул. Большая Морская, 67, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: gkapten@rambler.ru.

Представленная работа рассматривает попытки создания систем христианской философии раннего византийского периода, которые могли бы выступить заменой оригенизму. Такие авторы как Иоанн Филопон и Псевдо-Дионисий Ареопагит, хотя и не смогли создать полноценную альтернативу наследию Оригена, однако способствовали развитию восточно-христианской мысли и были использованы в дальнейшем в синтезе Максима Исповедника.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ; ХРИСТИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ; ОРИГЕНИЗМ; ИОАНН ФИЛОПОН И ПСЕВДО-ДИОНИСИЙ; МАКСИМ ИСПОВЕДНИК.

Личность Оригена – великого александрийского дидаскала III века – не могла не оставить глубокий отпечаток на развитие христианского богословия и философии последующих эпох. Однако с течением лет все

[1] При финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-00813а.

более заметен стал кризис системы мысли, получившей его имя, все более и более критикуемой со стороны ортодоксии.

Попытки Евагрия Понтийского и его последователей оставить в нем главный принцип, «подправив» догматическую составляющую и умолчав о наиболее спорных концепциях, зашли в тупик. Такие идеи как множественность эонов, постоянство цепи творение-падение-восстановления, излишне спиритуалистичный настрой при недостаточно явном понимании различия Бога и умопостигаемой части творения не могли быть изъяты или сокрыты без кардинального переосмысления всего оригенизма.

Поэтому стали все более заметными попытки обратится к альтернативным версиям христианского неоплатонизма, которые долгое время оставались в тени или создать новые. Споры между ними будут продолжаться до появления синтеза Максима Исповедника, который вобрал в себя лучшие достижения таких систем.

Их основание, восходящее к учению Климента, было найдено там же, где находятся корни и самого оригенизма – в александрийской школе экзегезы. Именно этот мыслитель заложил основу тех концептов, которые, будучи переработаны преп. Максимом, станут фундаментом опровержения оригенизма: логоса и обожения.

Хотя учение Климента долгое время оставалось малоизвестным, само представление о том, что существуют иные способы синтеза христианского учения и античной философии осталось. Еще одним импульсом к развитию альтернатив оригенизму, как это не кажется странным на первый взгляд, послужила философская система Прокла, последнего крупного деятеля языческого неплатонизма, и его учеников.

Эпоха античной религии все больше и больше отодвигалась в прошлое, несмотря на отчаянные попытки ее сохранить в узком кружке интеллектуалов. Наступало время, когда стали востребованными христианские переложения поздней версии неоплатонизма. Наиболее известными и влиятельными стали учения Иоанна Филопона и псевдо-Дионисия Арегопагита.

Первый считается представителем александрийского неоплатонизма, и крупным монофизитским богословом. Из-за своего христианства, а

может и просто крайне воинственного характера, он так и остался чужим в философской среде, что привело разрыву и его критике неоплатонизма. Он осуждал учение о вечности мира, выдвинутое античной мыслью, что и отразил в трудах «О вечности мира, против Прокла» и «О вечности мира, против Аристотеля», за что был критикуем Симпликием и Дамаскием. Разойдясь с неоплатонической школой, Филопон начал отрицать реальное бытие общих сущностей, став первым номиналистом Средних Веков.

Несмотря на название приведённой выше работы, он отличался большими симпатиями к Стагириту и его комментарии довольно сильно повлияли на развитие средневекового аристотелизма. Иоанн Филопон много занимался проблемами физики. К богословию он обратился довольно поздно, и, оставаясь мирянином, постарался способствовать сближению православных и монофизитов.

Филопон строил свое представление о Боге, выступая с позиции последних. Его отрицание реального существования идей привело к тому, что термин «природа» стал означать у него индивидуальное бытие. Логически развивая эту концепцию, он дошел до так называемого «тритеизма», поскольку реальное существование Отца, Сына и Св. Духа было для него очевидно, а вот их единая божественная Природа – нет. Все же, он пытался сохранить верность догмату о Троице, поэтому единосущие Лиц Иоанн Филопон признавал, трактуя его как именно как указание на множественность (ведь если бы Бог был один, то в чем тогда был бы смысл этого термина).

Однако выражение «три божественные природы» (понимаемые как три реально существующих Божественных Лица), было слишком сомнительно как для православных, так и для монофизитов, привыкших уже к традиционной каппадокийской формулировке. Потому триадология Филопона прижиться не смогла ни в одной традиции. Более того, критика ее привела к уклонению радикального египетского монофизитского богословия к другой крайности – сближение Лиц Троицы почти до слияния. Все-таки это учение оказало влияние на позицию умеренных монофизитов партии Севира, аргументация которых будет воздействовать и на ортодоксальное богословие.

Важно подчеркнуть другое – и Филопон, и его монофизитские критики начали отчетливо вставать на позицию признания «природы» как единичного существования. Эта номиналистическая тенденция, хотя и оказала влияние на развитие византийской философии, но вошла в нее в почти маргинальном статусе, поэтому и не смогла стать достойной альтернативой оригенизму, правда, всячески к этому стремилась.

От этой позиции, как приводящей к монофизитской ереси, начали отталкиваться ортодоксальные богословы (в том числе и Максим Исповедник), обращаясь для ее отвержения к неоплатонистической традиции как в уже христианизированной форме капподакийцев, так и в языческой трактовке Прокла.

Представителем такого течения стало творчество анонимного автора V века, подписавшегося именем Дионисия Афинского, ученика ап. Павла. Однако до сих пор стоит вопрос, почему традиция, начиная с самого Максима, составившего к этому корпусу схолии, все же приписала его к автору I в.

По одной из версий, псевдо-Дионисий принадлежал к умеренным монофизитам Сирии. Там, в отличие от коптского Египта, выходцем из которого и был Филопон, был распространен неоплатонический образ мысли.

Псевдо-Дионисий представлял собой еще одну альтернативную, не оригеновскую, «версию» христианского неоплатонизма. В отличие от него, например, иерархичность мира не является вторичным, появившимся лишь после грехопадения, а извечным и благословенным Богом принципом устройства космоса. По мнению Иоанна Мейендорфа [1, с. 102-103], он полагал, что сохранить сущность христианского Откровения возможно, внеся в принимаемую им неоплатоническую систему учение о трансцендентности Бога.

Из наиболее сильно повлиявших на него мыслителей следует отметить Прокла Константинопольского как философа, и Григория Нисского как богослова. Псевдо-Дионисий полагает в основе своего учения примат об абсолютной непознаваемости Творца. Принятие такой идеи неизбежно вводит определенный дуализм Абсолюта и относительного мира. Для классического философского мышления

необходимо заполнить этот разрыв или хотя бы объяснить возможность его преодоления [2, с. 37-42].

Языческое мировоззрение предлагало заполнить этот метафизический разрыв посредством введения убывающей иерархии меньших богов. О концепции эманаций Единого в философии Плотина сказано многое, поэтому нет смысла ее пересказывать. Однако в связи с разговором о посреднике, необходимо отметить ярко выраженный онтологический статус его иерархии.

Ум есть не просто эманация и ипостась Единого, но менее совершенная реальность, Мировая душа еще более низкий план бытия, которая в то же время есть образ совершенства для самого низкого в этой лестнице зримого космоса. Последний состоит из материи разной степени плотности и тоже, в свою очередь, иерархически выстроен.

Ориген, мысля в этой же парадигме, еще строже выдерживает разницу в онтологическом статусе материального мира и Абсолюта. Будучи христианином, он подчеркивает инаковость космоса по отношению к Богу, но для примирения с античным наследием стремится найти некое бытие, имеющее промежуточный статус между ними.

Все творение было изначально совершенным, т.е. свободным от ограниченности, налагаемой материей. Таким образом, первоначальная реальность хотя и сотворена Богом и несовершенна, но обладает рядом признаков Абсолюта. «Первые умы» хотя и временны, но в концепции множественности эонов, мыслятся практически со-вечными Творцу. Они бессмертны и в потенции обладают полнотой знания. Ограниченность и несовершенство их нынешнего существования появляется лишь в степени их падения, которая определяется свободным волеизъявлением каждого конкретного духа устремиться к Богу или от Него.

В такой системе посредование происходит через Сына, за счет Его промежуточного положения в мироздании, что и дает возможность отнести эту концепцию к онтологическому типу. Сын, с одной стороны, является Богом (хотя не в такой степени как Отец), с другой – Он родственен (фактически единосущен) умным духам.

Важен сам принцип: Ориген считает кенозис, самоумаление Творца, онтологическим изменением. Чтоб стать доступным твари, Бог становится

как бы уменьшенным подобием Самого Себя: «Итак, единородный Сын есть сияние этого света, освещающее всю тварь и происходящее от Него, неотделимое подобно тому, как сияние неотделимо от света. Это сияние, которое для слабых и хрупких очей смертных (людей) представляется сравнительно удобовосприемлемым и мягким и мало-помалу как бы научает и подготовляет их к восприятию блеска самого света, удаляя от них все, что препятствует зрению, делает их способными к восприятию славы света и становится, таким образом, как бы некоторым посредником между людьми и светом» [Ориген, О Началах I, 2, 7, PG 11 136a.] [2].

В схожие мысли высказывал и Прокл, чья теория познания напрямую связана с онтологией, и столь же иерархична. Наиболее ясное познание обеспечивает теоретическое созерцание, воспринимающее объекты непосредственно и полностью. Ниже стоит интеллектуальное познание, поскольку комбинирует разумение с чувственным восприятием. Разумение (διάνοια) использует понятия, чтобы определить вещи и проверить показания чувственного восприятия. Научное познание есть следствие рассуждающей деятельности души.

Соответственно и этическая область строится им по лестнице восхождения к богам и, наконец, самому Единому. Обратный процесс, низводящий к материи, соотносится со злом, понимаемым по платонической традиции как отсутствие блага.

Концепция, предложенная псевдо-Дионисием, на первый взгляд может показаться лишь немного измененной неоплатонической лестницей, но все же, это не совсем так. Главным его принципом является не иерархия онтологически разных совершенств, а иерархия разных служений, напрямую связанных с «уровнем» познания[3]. Высшие чины отличаются от низших из-за особого служения, дающего им большую степень богопознания, но они в равной степени созданы Творцом, и равно достойны.

[2] В дальнейшем, когда укрепится мысль, что в Воплощении Сын «уничижил Себя Самого, приняв образ раба» (см. Фил. 2:7), не потеряв при этом божественности, но соединив ее с человеческой природой, слова Оригена будут казаться ересью [3].

[3] О гносеологической роли ангельских чинов см. также *Софроний Иерусалимский* Проповеди. N. Y. 1988. С. 20. Перевод архим. Амвросия (Погодина) [4, С. 20.].

Псевдо-Дионисий, отчетливо выдерживал свойственное христианскому мышлению преставление об абсолютной инаковости Творца всякому относительному бытию. Онтологически и серафим, и человек равно далеки от Бога. Их различает только степень богопознания, которое становится возможным из-за того, что Сам Бог открывает Себя творению, становясь доступным именованию. Именно через Имена познается Бог (для Ареопагита богопознание и богообщение синонимичны), поэтому именно они играют роль посредника в мысли Дионисия.

«Все приличествующие Богу имена всегда воспеваются Речениями как относящиеся не к какой-то части, но ко всей божественности» – говорит Ареопагит [5, с. 636]. Конечно они не могут выразить всей полноты Творца, но заключают в себе небольшое Откровение Бога о Себе Самом. При этом знать Имя означает не только простую информированность о том, что так можно называть Бога, но и понимать, почему о Нем можно так говорить. Знать имя Спаситель, к примеру, значит знать, что именно Он спасает, и понимать, как это происходит, а это, в свою очередь, невозможно, если не быть, хотя бы в потенции, спасенным самому.

Богословие апофатично, по преимуществу, оно лишь немного «разбавляемо» крупицами катафатического знания, каждая из них – дар Бога творению. Ангельское познание, в отличие от человеческого, постоянно, так как ангелы находятся вне изменчивости, связанной с творением, но даже для них сущность Бога остается непознаваемой.

Однако, в отличие от посылки неоплатоников, псевдо-Дионисий не принимал идею божественности разума и, как следствие, возможность познания с его помощью сущности Абсолюта. Познание, по сути, становится для Ареопагита, способностью восприятия добровольного дара Творца – знания о Себе Самом. Бог нисходит, выходит из Самого Себя, чтобы сделаться доступным и познаваемым; тварные же существа восходят: сначала обретают богоподобие, то есть способность участвовать в божественных добродетелях, затем, выходя из самих себя, приобщаются бытию Божию (но не Его сущности) и таким образом «возвращаются» к Богу.

Этот процесс божественного истощания, или кенозиса, который станет для Максима Исповедника основой самой возможности знания, Ареопагит описывал в выражениях, напоминающих плотиновскую концепцию эманаций, но, при этом, существенно меняя акценты. Бог есть не только «Единое» и «Молчание», но Он умножает Себя, открывается и является. Причем делает это добровольно, а не принужденный к этому Собственной природой.

Творец есть не только трансцендентная сущность, но и причина всего, открывающаяся в действиях. Он пронизывает вселенную, наполняя ее отсветами Своих совершенств. Идеи красоты, блага, мудрости, открывающиеся нам в познании мира, подлинно вводят нас в общение с Богом. Но Его нельзя и отождествлять с этими идеями: Он остается трансцендентным, являясь их причиной.

Восхождение человека к Богу, как Иоанн Мейендорф, описываемое Ареопагитом подобно «экстасису» неоплатоников, все же остается христианским по сути. Встреча с Божеством остается соприкосновением личности с Личностью, хотя и происходит за пределами телесного и даже интеллектуального. Это подтверждается тем, что при описании этой встречи псевдо-Дионисий переходит с обычного для него неоплатонического языка, на библейский:

«Тогда, когда мы станем нетленными и бессмертными и сподобимся блаженнейшего свойственного Христу покоя и, согласно Речению, "всегда, с Господом будем" (1 Фес. 4:17*),* тогда мы будем исполняться видимого богоявления в пречистых видениях, озаряющих нас светлейшим сиянием, как учеников во время того божественнейшего Преображения, бесстрастным и нематериальным умом причащаясь Его умственного светодаяния и превосходящего ум соединения, когда неведомым и блаженным образом – в божественнейшем подражании сверхнебесным умам – мы окажемся достижимы для пресветлых лучей, ибо, как говорит истина Речений, мы будем равны ангелам и сынами Божиими, будучи сынами воскресения» [6, с. 592].

Существенной заслугой псевдо-Дионисия стало внедрение в святоотеческое наследие мысль о том, что богопознание не может быть отождествлено ни с каким естественным процессом, чувственным или

интеллектуальным, но превосходит их, являясь познанием сверхрациональным или мистическим.

Кроме того, Ареопагиту удалось показать, что Божественные проявления, или «имена», говорящие о реальном и необходимом присутствии Бога в мире, не противоречат трансцендентности Его сущности. Все это существеннейшим образом повлияло на гносеологию св. Максима Исповедника, а также его учение о логосах, пронизывающих все мироздание и наполняющих его смыслом. В XIV веке это же представление будет сформулировано св. Григорием Паламой как учение о нетварных божественных энергиях.

Как указывает Ж. Лебретон [7, с. 11], Псевдо-Дионисий всегда оставался философом, а не мистиком в современном значении этого слова. Его целью было создать такую теорию познания, которая отвечала бы требованиям и неоплатонической философии, и христианства. Однако в полной мере ему удалось достигнуть цели лишь в области собственно богословия. В области же космологии, отсутствие общих христологических предпосылок делает крайне ненадежными его попытки полностью преодолеть пропасть между Евангелием и неоплатонизмом, создав полноценную христианскую философию.

Тем не менее, посыл был сделан и подхвачен спустя время Максимом Исповедником. Последний не только занимался комментариями этого глубоко почитаемого им автора, но и развил дальше гносеологическую направленность идей Ареопагита, поставив ее в центр собственного философского синтеза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Мейендорф Иоанн прот. Иисус Христос в восточном православном богословии М., 2000. С. 102-103.
2. Каптен Г.Ю. Посредник в восточно-христианском богословии // Acta Eruditorum 2008. С. 37-42.
3. Ориген. О Началах I, 2, 7, PG 11 136a.
4. Софроний Иерусалимский Проповеди. N. Y. 1988. Перевод архим. Амвросия (Погодина).
5. Дионисий Ареопагит. О божественных именах 2, 1, PG 3 636c.
6. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах 1,4, PG 3 592c.
7. Lebreton J. Tu Solus Sanctus. Paris, 1948, p. 115.

KAPTEN German Y. – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. 190000, Bolshaya Morskaya str. 67, St. Petersburg, Russia. e-mail: gkapten@rambler.ru.

WAYS TO REJECTION OF THE ORIGENISM. PHILOSOPHICAL SYSTEMS OF THE 4-6TH CENTURIES.

This article considers the early Byzantine attempts of creation a system of Christian philosophy, which could act as replacement Origenism. Such authors as John Philoponus and Pseudo-Dionysius, although not able to establish a complete alternative to Origen's legacy, however promoted development of Eastern Christian thought and were used later in the synthesis of Maximus the Confessor.

PHILOSOPHY HISTORY; CHRISTIAN PHILOSOPHY; ORIGENISM; JOHN PHILOPONUS AND PSEUDO-DIONYSIUS; MAXIMUS THE CONFESSOR.

УДК 141.131

А. В. Цыб

«НЕКЛАССИЧЕСКИЕ» ФИЛОСОФСКО-ПЛАТОНИЧЕСКИЕ РЕНЕССАНСЫ ЕВРОПЫ XVI-XVII ВЕКОВ: ИСПАНИЯ И АНГЛИЯ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ЦЫБ Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарный институт. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Главный редактор научного периодического издания СИ РАН альманаха «ΑΚΑΔΗΜΕΙΑ: материалы и исследования по истории платонизма».
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
e-mail: alex@Ac9195.spb.edu.

Статья имеет целью сопоставление двух национальных философских явлений ренессансного характера: философию испанского Возрождения XVI – пер. пол. XVII в. и английского неоплатонизма XVII в., выявление их места в мировом философском процессе. В философской культуре этих стран базовое влияние итальянского Ренессанса проявилось не просто в разных формах, но и в разное время – если иметь в виду «высшие точки» этого влияния, под которыми понимается, прежде всего, встреча национальных философий с подлинной классической традицией платонизма, аристотелизма, и неоплатонизма. Эти два «неклассических» философских ренессанса Европы были практически незамечены классическими «историями философии» В.Виндельбанда, Куно Фишера, Б.Рассела, были вынесены за пределы мейнстрима английского эмпиризма и испанской Контрреформации и «второй схоластики» в глубокий бэкграунд мирового философского процесса. Исследование ставит задачу заполнения этой лакуны в современных историко-философских исследованиях. На основе философских трудов Генри Мора, Н. Карверуела, Джона Смита и испанских философов XVI – пер.пол. XVII в. Себастьяна Фокса Морсильо, Хеуды Абрабанеля, Сан Хуана де ла Круса и Леона Эбрео.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ; ФИЛОСОФИЯ РЕНЕССАНСА; ИСПАНСКИЙ ПЛАТОНИЗМ И МИСТИКА; КЕМБРИДЖСКИЙ НЕОПЛАТОНИЗМ.

Начало философского Ренессанса в Европе связывают с массовым исходом грекоязычной интеллигенции из павшего Константинополя в Италию после 1453 г., в частности с именем кардинала Виссариона (1395–1472), эмигрировавшего во Флоренцию[1]. Согласно этому, удается спасти греческую библиотеку, содержащую произведения древней философии, Платона, Аристотеля, неоплатоников. Хотя, по мнению немецкого классика истории философии В.Виндельбанда («История новой философии»), факт этот не был решающим для поворота философского интереса лицом к античной классике и речь идет, скорее, о счастливой встрече двух благоприятных факторов – греческая философская классика легла в благоприятную культурный почву, подготовленную итальянским проторенессансом (Ф. Петрарка, Данте Алигьери, Дж. Бокаччо) [18, с. 7]. Как бы то ни было, к середине XV века в Италии возникает несколько центров неоплатонической и перипатетической направленности: под покровительством Медичи – в Риме и Платоновская академия во Флоренции, а также центр аверроизма в Падуе, имевший место уже с конца XIV века. Причем первый из них склонялся к традиционному аристотелизму и разделился в свою очередь, на «александристов», т.е. последователей комментатора-физиологиста II–III вв. Александра Афродизийского, – и «аверроистов» (неоплатонических толкователей Аристотеля), второй (Виссарион, Марсилио Фичино) – к философии Платона и Плотина [18, с. 9–14]. Эти университетские и придворные культурные центры Италии становятся особенно привлекательными для европейских интеллектуалов, начиная еще с эпохи проторенессанса, и влияние итальянского свободомыслия проявляется во всех частях Европы, породив движение европейского гуманизма.

Испания и Англия также оказываются в ареале этого влияния. Испания – в силу традиционной общности романской культуры и взаимных исторических и династических связей, прежде всего графов Каталонии и королей Арагона с их итальянскими владениями: с середины XV века королевство Арагон присоединяет Сицилию и Неаполь [2, с. 264–265; 17, с. 227], а каталанская культура, находящаяся под традиционным

[1] Библиотеке кардинала Виссариона принадлежал, например, один из ранних сохранившихся рукописных кодексов трактата христианского платоника Оригена «Толкование на евангелие от Иоанна» [44, стр. XXI, XXVIII].

влиянием Италии и Прованса [42, с. 130–175], приобретает доминирующее значении в Испании к концу XV века; Англия же – в силу стремительно развивающегося буржуазного гуманистического свободомыслия.

К XVI столетию оформляется и историческое противостояние двух держав, претендующих играть роль «распорядителей» Европы, которое проявляется во всем – способах хозяйствования и накопления капитала: развитие промышленности и «огораживание» в Англии и «золото Америки» для Испании; в специфике трансформации аристократии и духовенства – носителей светской и духовной культур: из землевладельческих инфантов, кабайерос и идальгос в служивое дворянство в Испании и путь усиления экономических позиций земельной аристократии в Англии за счет приспособления к новым промышленным отношениям; в народной и элитарной идеологиях: английское протестантское гуманистическое свободомыслие и тоталитарное господство католической ортодоксии в Испании. В философской культуре этих стран влияние итальянского Ренессанса проявилось не просто в разных формах, но и в разное время – если иметь в виду «высшие точки» этого влияния, под которыми мы понимаем прежде всего встречу национальных философий с подлинной классической традицией платонизма, аристотелизма, и неоплатонизма.

Испанский Ренессанс «Золотого века» принято делить на два этапа: I) «раннее испанское Возрождение», кон. XV до сер. XVI века, или испанский гуманизм; II) Высокое Возрождение, сер. XVI в. – до сер. XVII в. [42, с.185 и сл.] На последний период можно отнести и философский ренессанс Испании, включивший деятельность Хуана Луиса Вивеса, Хуана Уарте, испанских мистиков, аскетистов, эразмистов (Хуан де Вальдес), платоников (Леон Ебрео, Жуан Боскан Альмогавер), последователей стоической философии – «сенекистов», аристотеликов (Франсиско Суарес).

Английский Ренессанс («елизаветинская эпоха») принято связывать главным образом со становлением новой эстетики театра, расцвет которой приходится на конец XVI – начало XVII века, достигая своей вершины в творчестве Вильяма Шекспира (1564–1616), а в философии он достигает своего пика в деятельности Кембриджских платоников XVII века, мыслителей клерикально-академической среды, создающих варианты

философии со всеми атрибутами неоплатонизма: учением о божественном интеллекте, космической и индивидуальной психологии, проблемой причастности, демонологией, интеллектуальной этикой, апологией оригенизма (Генри Мор, Ральф Кедворт, Бенжамин Уичкот, Джон Смит, Анна Конвей и др.).

Эти два «неклассических» философских ренессанса Европы были практически незамечены классическими «историями философии» В.Виндельбанда, Куно Фишера [26], Б.Рассела [48], были как бы вынесены за пределы мейнстрима английского эмпиризма, испанской Контрреформации и «второй схоластики» в глубокий бэкграунд мирового философского процесса. Образовавшаяся лакуна заполнялась исследованиями этих двух феноменов в отдельности, но какие-либо сравнительные аналитические изложения этих процессов на данный момент отсутствуют. При этом, если английский платонизм Кембриджской школы изучается и актуализуется в интернациональных исследованиях (английских, американских, немецких, отечественных, то испанская философия Возрождения остается скорее предметом национальных исследований.

В отечественной научной литературе на данный момент существуют отдельные переводы авторов этих традиций, но практически отсутствуют концептуальные изложения всего периода испанской философии Возрождения. Между тем, возрастающий интерес к испанской культуре, истории и философии напоминает нам об этом малоизвестном периоде. Так, принимая во внимание хорошо обоснованное суждение Т.Н. Парфеновой о том, что «наглядным примером явной недооценки испанского Ренессанса является точка зрения Л.М. Баткина [6; 40] – крупнейшего исследователя итальянского Возрождения, создавшего оригинальную концепцию Ренессанса как историко-культурной эпохи», но не признающего испанский Ренессанс как самобытное культурное явление, согласимся с утверждением, что испанский Ренессанс в истории европейских культур сегодня нуждается в уточнении, которое нам видится, например, в его сопоставлении с английским аналогом, развивающимся в более благоприятной идеологической среде. Согласимся и с тем, что «обращение к исследованию национальных культур в

контексте единого, транснационального процесса», способствует «образу Европы с общим историческим прошлым и общей культурой», – точка зрения, обоснованная П. Берком, [11] которая ставит проблему "децентрализации" Ренессанса и изучения ренессансных идей и ренессансной культуры за пределами Италии, на периферияхЕвропы» [40], что сообразуется также с аналогичной оценкой исторического места английского философского Ренессанса XVII в., которую дал в свое время выдающийся представитель Марбургской школы Эрнст Кассирер [12].

Как уже отмечено выше, в историко-философской литературе на данный момент отсутствуют сравнительные исследования испанского и английского «философских ренессансов» XVI–XVII вв. Имеют место отдельные комплексные, проблемные и биографические исследования эпох [32; 34; 33; 38; 41; 9; 31].

Очень нечасты диссертационные исследования философии (теологии) испанского Возрождения. В цитированной выше диссертации Парфеновой Т.Н. для нашего исследования интересна методологическая установка, рассматривающая испанский ренессанс как часть «культурного явления, общего для всей Европы, но проявившегося в различных европейских странах разным образом и в разной степени в зависимости от национальной специфики каждой страны», с точки зрения «смещения изучения Ренессанса в его исконном, итальянском варианте к изучению Ренессанса на "паневропейском" и "творческого процесса адаптации, ассимиляции или синкретизма ренессансных идей на периферияхЕвропы» [40], помимо этого сделаны важные наблюдения о роли орденов в сохранении философских традиций («испанский августинизм»), проанализированы тексты крупнейшего философского автора эпохи Луиса де Леона «Толкования Священного Писания: изложение Песни Песней», «Диалог "Об именах Христа ", «Комментарии к библейским книгам – Экклезиаста», совершенно справедливо определена теологическая оболочка неоплатонических идей, как единственно возможная в католической Испании. Автор определяет философские источники творчества Луиса де Леона: как различные «философские, религиозно-философские и культурные течения, расцвет которых приходится на эпоху европейского Ренессанса. Это – восточная и западная мистика, неоплатонизм и неостоицизм, античный мир и

национальная традиция, еврейская герменевтика и средневековая схоластика, эразмизм и каббала» [40].

Диссертация А.Г. Степиной «Живописная школа Валенсии и проблема Ренессанса в Испании» [51], исследует «панораму культуры Испании до XVI столетия, которая представляет отдельные периоды и очаги развития: античная, арабо-мавританская, берберо-магрибская, вестготская, романская, мосарабская культуры, не всегда последовательно сменявших друг друга, существуя параллельно на одной территории, охватывая разные группы населения». Эти же аспекты освещает Г.С. Зеленина в работе «Пересечение испанской и еврейской идентичностей» [24]. К наследию других авторов интересующей нас эпохи обращались: В.Е. Багно [5], Е.Е. Бергер [7], Ю.П. Зарецкий [23]. В испанской исследовательской литературе эпоха изучена гораздо более подробно. [10; 4; 22; 27; 49; 35; 21].

Приблизительно та же ситуация имеет место в историко-философском, культурологическом, религиоведческом и исторической литературе, касающейся феномена Кембриджского платонизма, которому в традиционной истории мировой философии также отводилось положение «сопутствующего» направления, а ведь именно Кембриджские платоники в эпоху научных и псевдонаучных переворотов и открытий XVII столетия поддерживали одну из самых классических традиций в философии – платоническую линию.

В более или менее концентрированном виде обзор течения Кембриджских неоплатоников на русском языке был доступен до недавнего времени в работах авторов XIX и XX столетий, а именно, А.И. Смирнова [50], Д.Н. Никулина [39], Р.Г. Апресяна [3]. Периодически защищаются диссертации, как например диссертация Перепелкиной М.В. «Платонизм Ральфа Кедворта» [43]. Некоторый вклад в развитие этих исследований внес автор этой статьи в составе работы научного коллектива Н.В. Голик, А.А. Семенов, С.А. Ковалев, наиболее существенным результатом которой стал перевод трактата Ральфа Кедворта «О вечной и неизменной нравственности», опубликованный частями в изданиях «Платонополис» [45; 1; 20].

В родной англоязычной историко-философской литературе Кембриджских неоплатоников долгое время рассматривали либо как

теологов-проповедников, либо как течение, противостоящее современным ему более прогрессивным тенденциям механицизма, скептицизма, эмпиризма. Это работы Дж. Таллока [52], Ф.Дж. Повика [46], Дж. П.Х. Поусона, [47]. Другие исследователи видели в них некое противостоящее пуританам и прелатам общественное движение (Дж. Стюарт «Кембриджские платоники»), и реже – представителей платоновской философской традиции: В. Индж, Сара Хаттон и др. [25; 28; 29] Частичный интерес проявили французские исследователи: П.Жане, «Пластическая природа», 1860 [30].[2]

Данные материалы, осмысливающие место и роль этих эпох в истории мировой философии, позволяют, на наш взгляд, поставить вопрос о необходимости сравнительных исследований, в следующем общем контексте: неоплатоническая составляющая испанской философии эпохи Ренессанса XVI – нач. XVII вв. в сравнении с «неплатоническим философским Ренессансом в Англии» (Э. Кассирер), как две различные формы развития одной философской традиции в различных культурно-исторических условиях католического моноисповедания и христианского плюрализма, которая проявилась в литературно философском, религиозно-практическом и философско-академическом видах, на предметном поле проблем: философский ренессанс в Испании, условия формирования (истоки испанского платонизма, восходящие к Платону, александрийцам II–III вв. н.э., отчасти к гностицизму, августинизму, св. Бернарду, Францизску Асизскому, андалусийцу арабского происхождения Ибн Масарии, Экхарту и Иоганну Таулеру) и исторические условия формирования и общие методологические принципы Кембриджского платонизма (генезис английского рационализма в XVII столетии в общеевропейской перспективе; понятие рационализма и важность этого понятия как для философии вообще, так и для характеристики новоевропейского периода в частности; общая характеристика явлений и

[2] В настоящее время в ИНТЕРНЕТ действует научно-информационный образовательный ресурс «The Cambridge Platonist Research Group: a Research Portal for Scholarship on Cambridge Platonism» http://cambridgeplatonists.org/ и электронная научная библиотека «Философская литература английского гуманизма и платонизма XIII-XVII веков» http://www.platoakademeia.ru/index.php/ru/e-library/cambridge.

событий в семнадцатом столетии; эпоха Великой Английской революции; политические и общественные события как катализатор изменения сознания; рационализм как формообразующий компонент науки и философии Нового Времени; исчезновение чудесного и волшебного с интеллектуального горизонта под влиянием цивилизационных процессов; исторические основания зарождения протестантизма и рационалистическая теология; отсутствие единства католической церкви; реформация и ее проявления в Англии; религиозные гонения; развитие сектантства и его реакционный и прогрессивный характер; проблема разума и веры как причина разногласий в церковной среде; рациональная теология; возрастание роли рационального элемента в доктринальной политике и практике церкви в XVII столетии); академический испанский неоплатонизм, рассчитанный на рафинированную интеллектуальную аудиторию, и квалифицируемый исследователями как «попытки гармонизации» учений Академии и Лицея[3], и физико-теологический проект Кембриджского неоплатонизма (иудео-христианский симбиоз

[3] Это: Габриэль Васкес, Кардилльо де Виальпандо, Андрес Лагуны, Себастьян Фокса Морсильо и его брат Франсиско. Иезуит Габриэль Васкес (1551-1606), автор «Метафизических исследований» (Disputationes metaphysicae desumptae ex variis locis suorum operum (Madrid, 1617; Antwerp, 1618) compilado por Francisco Murcia de la Llana), которые были опубликованы в Алькале в 1618 году, охватывали проблемы онтологии и теодицеи, существования Бога и онтологических доказательств, физики и морали, различий сущности и существования мира, концепции трансцендентного единства, в рамках которой все, что находится в божественном понимании, реально тоже существует, потому что Бог, принимая во внимание его возможности, способен и совершать что-либо, и вовсе перестать это делать. Гаспар Кардильо де Виальпандо (1527-1581) – в нескольких комментариях на различные труды Аристотеля, отстаивал доктрину Стагирита (Cardillo Villalpando, Gaspar, 1527-1581; Aristóteles, 384-322 a.C., ant. bibliog.; Brocar, Juan de, activ. 1538-1561, impr. Compluti: ex officina Ioannis Brocarij, 1557), сделал попытку совместить ее с учением Платона. Себастьян Фокс Морсильо (Севилья, 1526-1559 гг.) получил образование в Лейденском Университете и, по мнению М.Бехарано, «внезапно вырвался из аристотелизма в совершенно противоположную сферу, оставив за собой широкую дорогу для последующих спекуляций»; автор «Комментария на платоновский Тимей» (In Platonis Timaeum seu de Universo Commentarius, Басилеа, 1554), «О применении диалектики» (De usu et exercitatione Dialecticae, Басилеа, 1556), «На платоновский диалог «Федр» или сочинение о бессмертии души» (In Platonis dialogus que Phaedo, seu de animorum immortalitate inscribitur, Басилеа, 1556), где излагает происхождение знания, настаивает на внесении платонизма в глубины христианства, «О естественной философии или о единомыслии Платона и Аристотеля» (De Naturae Philosophia, seu de Platonis et Aristotelis consensione), нескольких сочинений об этике и политике «Выдержки из этики Платона, Аристотеля и других авторов» (Compendium Ethices Philosophiae ex Platone, Aristotele, aliisque auctoribus collectum (Basilea, 1554), «Комментарий на X книгу Государства Платона» (In Platonis X libros de Republica Commentarius, Basilea, 1556), в которых предвосхищает некоторые идеи популярного в Испании в XIX веке краузизма . Общее противоречие между Платоном и Аристотелем, согласно Фоксу, состоят в том, что первый возводит науку к её основам, а ученик отталкивается к чувственного познания, доктрина Платона исходит из идеи, а его ученика - из формы [8].

учения о Боге, пространстве, духе и материи Генри Мора); учение о мистическом «экстасисе» в иудейском литературно-философском платонизм Хеуды Абрабанеля (1460–1523), или Леона Эбрео[4], и гносеология Кембриджа, представленная учением о «смутном» и «отчетливом знания», как проявления внутренней энергии души [37], теория врожденных идей, отрицание платонического анамнесиса, критика предсуществования душ Натаниэлем Калверуэллом; учение о «природном духе» у Генри Мора и учение о «пластической природе» у Ральфа Кедворта, как формы адаптации неоплатонической космологической психологии [13]; испанский мистицизм, который получил развитие в середе ордена кармелитов под влиянием итальянского францисканского мистицизма, восходящему к платонизму св. Августина и Климента Александрийского, и находился в противоречии с более организованным томизмом, отрицающим дух возрождения, поддерживающего традицию средневекового аристотелизма[5] и интеллектуалистическая этика

[4] Автор «Диалогов о Любви» (1534), в которых развил свойственную для платонической эстетики всех времен т.н. «метафизику света» (имеющую средневековый английский аналог в трудах Р.Гроссетеста, 1170-1273), разработав неоплатоническую идею образа действия солнечного света, с которым он идентифицирует Логос, понимаемый в духе великого представителя иудейского среднего платонизма I века Филона Александрийского. Отсюда обосновывается концепция мистического «экстасиса» как высшей формы познания: разумная душа, луч света, помраченный материей, не может достичь своей верховной цели без помощи божественного освещения, которое сводит понимание возможности к акту и выявляет формы; Бог есть актуальное разумение, которое освещает нашу потенциальность, а высшая степень интуиции производит «экстасис». Из абарбанелизма, появился весь ощутимый след в литературе эпохи, известный как эротический платонизм [8].

[5] М.Бехарано сообщает также: это новое явление для Испании эпохи Возрождения, т.к. в Средние века мистики не известны в Кастилии. На распространение мистики в Испании сказалось влияние гуманистов предыдущего века и старших современников: Лоренцо Валлы (1407-1457), Жака Лефевра д'Этапля (1450-1537), Гийермо Буде (1467-1540), Томаса Мора (1480-1535), Эразма (1467-1536) и Хуана Луиса Вивеса (1492-1540), культивирующих «интеллектуальную жизнь и познание самого себя» (Хуан М.Айяла Мартинес, «Арагонские мыслители»), и, конечно, влияние петраркизма. Поэзия трубадуров заимствует эротическую философию платонизма («Федр», «Пир») и интерполирует ее в произведения испанских мистиков, предрасположенных к концептуализму, отталкивающихся от библейских источников: Ларедо, Сан Хуан де ла Крус, и Хасинто Вердагуер, а также от неоплатонической доктрины, как Брат Луис де Леон и Луис де Рибера, как Св. Тереса и Сор Грегориа, которые вскоре изобретают собственные особенные формы выражения мистицизма (например, орден «босоногих кармелиток»). Библейским источником «сентиментализма» (испанский термин для мистицизма) считается преимущественно «Песнь Песней», в котором неоплатонизм находит соприкосновение с католицизмом. Эта философия, имеющая оригинальный испанский характер, разделяется, по мнению Марио Бехарано, на два противоположных направления: 1) экзальтированный идеализм; с одной стороны, и 2) натурализм, с другой стороны. Оба сходились в том, что интуиция или непосредственное восприятие бытия является источником

Кембриджского платонизма [14], полемика кембриджских платоников против «религиозного энтузиазма» квакеров, рантеров, анабаптистов, браунистов, хилиастов, арминиан, ариан, социниан, антитринитариев (по трактату Генри Мора ”Enthusiasmus Triumphatus; or a Brief Discourse of the Nature, Causes, Kinds and Cure of Enthusiasm” [34].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. ΑΚΑΔΗΜΕΙΑ: материалы и исследования по истории платонизма, вып.9 // Научно-образовательный ресурс «СПб Платоновское философское общество» / http://www.platoakademeia.ru/index.php/ru/academeia/itemlist/category/93-academeia-9, дата обращ. 12.05.2016.
2. Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. Москва, Изд-во Иностранной литературы, 1951.
3. Апресян Р.Г. Из истории европейской этики нового времени (этический сентиментализм), М., Из-во МГУ, 1986.
4. Ausensio E. El erasmismo y las corrientes espirituales afines// Revista de Filología Española. 1954.
5. Багно В.Е. Кармелитская мистика (Св. Тереса и Сан Хуан де ла Крус) в восприятии русского религиозного ренессанса // Монастырская культура: Восток и Запад: мат-лы конференции. СПб. 1999).
6. Баткин Л.М. Замечания о границах Возрождения" // Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995.
7. Бергер Е.Е. Мигель Сервет: образ мыслей, модель поведения // Человек XVI столетия. М., 2000.
8. Bejarano M.M. Historia de la filosofía en España, hasta el siglo XX. Ensayo Renacimiento. Madrid, 1929.

знания; но оба отличаются фундаментально в том, что первое направляет непосредственное персональное откровение на путь универсального откровения, заключенного в «благой вести», в то время как другая – преувеличивает единство, или точнее, всеобщую простоту бытия, т.е. платонический пантеизм в духе Николая Кузанского. В первом ярко проявились личности Св. Тересы, Грегория Парра, брата Хуана де Лос Анхелес, которые «следуя порфирианским следам» (Порфирий, «Ступени к умопостигаемому»), использует аристотелевские дистинкции для описания состояний экстасиса. Здесь испанские мистики входили в соприкосновение с августинианской доктриной о том, что Бог находится во всех вещах, потому что, Он, будучи vía, veritas et vita, но без смешения сущностей, проникает их таинством любви. Так Диего де Эстелла (1524—1578), отрицает материю, представляет Бога как центр без окружности, к которому как выпущенная стрела устремлена мысль и который неизбежно ведет в своих последних детерминациях к идеалистическому пантеизму. Луис Понсе Леоне (1527-1591) из источников познания предпочитает личное чувство, так как человек полностью в Боге, который сосредотачивает в себе происхождение каждой сущности, содержит ее в уме, как идеи и причины все созданного, и в этом состоит некоторая аналогия человеческого и божественного, позволяющая «восходить в познании». Как следствие теоретического и монастырского мистицизма распространяется народный вариант: братство «аллюмбрасос», тайное сообщество «озаренных», возникает в 1492 г., проповедующее прямой контакт души с Богом и отрицающее идею греха и искупления [8].

9. Бибихин В.В. Хуан Луис Вивес: О причинах упадка искусств // Эстетика Ренессанса. М., 1981, т.1.
10. Bataillon M. Erasmo y España, estudios sobre la historia espiritual del siglo XVI. México, 1979.
11. Burke P. The European Renaissance. Centres and Peripheries. Oxford, 1998.
12. Cassirer E. Die platonische Renaissance in England und die Schule von Cambridge. Leipzig, Berlin, 1932.
13. Cudworth R. The True Intellectual System of the Universe. London: J. Haddon, Printer, Castle street, Finsbury, 1845 / New York: Pablished by Gould & Newman, 1837.
14. Cudworth R.A. Treatise concerning Eternal and Immutable Morality. London, 1731.
15. Culverwel N. A discourse of the Light of Neture // The Cambridge Platonists being selections from the writings of Benjamin Whichcote, John Smith and Nathanael Culverwel with introduction by E.T.Campagnac. Oxford at the Clarendon Press, 1901
16. The Cambridge Platonist Research Group: a Research Portal for Scholarship on Cambridge Platonism. A Research Portal for Scholarship on Cambridge Platonism / http://cambridgeplatonists.org/, дата обращения 12.05.2016.
17. Cortazar de F.G., Vesga J.M.G. Breve historia de España. Aliansa Editorial, S.A., Madrid, 2012.
18. Виндельбанд В. История Новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками (перевод со второго немецкого издания Е.И.Максимовой, В.Н.Невежиной, Н.Н.Платоновой под. ред. проф. С.-Петербургского университета А.И. Введенского), Т.1. С.-Петербург, 1902.
19. Виноградов Н.Д. Философия Давида Юма. М., 1911.
20. Голик Н.В., Семенов А.А., Цыб А.В. Интеллектуальная этика Кембриджского неоплатонизма XVII века. Saarbruecken, Deutschland, LAP LAMBERT Academic publishing, 2015.
21. Gómez J. El diálogo en el Renacimiento español. Madrid, 1988.
22. Groult P. Los místicos de los Paises Bajos y la literatura mística española del siglo XVI. Madrid, 1976.
23. Зарецкий Ю.П. Читая Тересу Авильскую: монахиня и исповедник (Книга жизни, гл. 5,3-6) // СВ. М., 2000, вып.61.
24. Зеленина Г.С. Пересечение испанской и еврейской идентичностей» // Между мифом и реальностью: Проблемы еврейской идентичности и цивилизации в истории и современности. Сб. статей. М., 2005.
25. Inge W.R. The Platonic Tradition in English Religious Thought. New York, Longmans, Green and Company, 1926.
26. Fischer E.K.B. Geschichte der neueren Philosophie. History of modern philosophy; 1-6 vols., Stuttgart-Mannheim-Heidelberg, 1854–77; new edition, Heidelberg, 1897–1901.
27. Hatzfeld H. Estudios literarios sobre mística española. Madrid, 1968.
28. Hutton, Sarah. Henry More, Ficino and Plotinus: The Continuity of Renaissance Platonism." In Forme Del Neoplatonismo, edited by L. Simonutti. 281-96. Florence: Olschki, 2007.

29. Hutton, Sarah. Reason and Revelation in the Cambridge Platonists, and Their Reception of Spinoza // In Spinozas ethik und ihre frühe wirkung, edited by Konrad Cramer, Wilhelm G. Jacobs and Wilhelm Schmidt-Biggemann. 181-99. Wolfenbüttel: Herzog August Bibliothek, 1981.
30. Janet Paul. Médiateur plastique. Paris, Librairy philosophique de Ladrange, Rue Sait-Andrédesarts, 41. 1860.
31. Кудрявцев О.Ф. Вивес Х.Л. Миф о человеке // Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и гуманистическая традиция. М.1996.
32. Культура Испании в. / Сост. В.А.Ведюшкин // Практикум по истории Средних веков. Воронеж, 2001, часть 3.
33. Лосев С.С. "Амадис Гальский" как историко-культурное явление // Вопросы истории. 1984. №12.
34. Лосев С.С. Испанский гуманизм (XV – XVI вв.): представители и проблемы // Вопросы истории. 1987. №2.
35. Márquez Villanueva F. Espiritualidad y la literatura en el siglo XVI. Madrid-Barcelona, 1968.
36. More H. Enthusiasmus Triumphatus, or a Brief Discourse of the Nature, Causes, Kinds and Cure of Enthusiasm. London, 1656.
37. More H. Immorality of the Soul // Collection of the several Philosophical Writings of Henry More. London, 1712.
38. Мордвинцев В.Ф. Утопия Томаса Тора в Испании и Португалии в XVI – XVIII вв.;
39. Никулин Д.Н. Пространство и время в метафизике XVII века. М., Наука, 1993.
40. Парфенова Т.Н. Творчество Луиса де Леона и духовная жизнь Испании XVI века: дисс.... канд. филол. наук: 10.01.03. – Москва, 2003. – 274 с.
41. Плавскин З.И. Политическая мысль Испании XVI – XVII вв. и драматургия эпохи Возрождения // Культура Возрождения и общество. М., Наука, 1986.
42. Плавскин З.И. Литература Испании от зарождения до наших дней. Т.1, IX-XVIII века. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2005.
43. Перепелкина М.В. Платонизм Ральфа Кедворта: дисс… канд. филос. наук: 09.00.03. М., 2001. –155 с.
44. Preuschen E. Enleitung zum Origenes Johanneskomentar // Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jharhunderte. Origenes. Bd. IV. Leipzig, 1903.
45. PLATWNOPOLIS: философское антиковедение как междисциплинарный синтез философских, исторических и филологических исследований. Мат-лы VIII летней молодежной науч. школы 2012. / http://www.platoakademeia.ru/index.php/ru/summerschool/itemlist/category/42-summerschool-8), дата обращения 12.05.2016.
46. Powicke F.J. The Cambridge Platonists. New York: Georg Olms Verlag Hildesheim, 1970.
47. Pawson G. P. H., The Cambridge Platonists, London., 1930.
48. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. СПб., 2001.

49. Sáinz Rodríguez P. Introducción a la historia de la literatura mística en España. Madrid, 1984.
50. Смирнов А.И. Английские моралисты XVII века. Реформа моральных наук и основание научной этики в Англии. Казань, 1880.
51. Степина А.Г. Живописная школа Валенсии и проблема Ренессанса в Испании: дисс. … канд. искусств. 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура. М., 2006. – 247 с.
52. Tulloch J. Rational Theology and Christian Philosophy in England in the Seventeenth Century. In II vols., Vol. II. The Cambridge Platonists. William Blackwood and Sons. Edinburgh and London, MDCCCLXXII.
53. Электронная научная библиотека «Философская литература английского гуманизма и платонизма XIII-XVII веков» http://www.platoakademeia.ru/index.php/ru/e-library/cambridge.

TSYB, Alexey V. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: alex@Ac9195.spb.edu.

"UNCLASSICAL" PHILOSOPHICAL RENAISSANCE OF EUROPE OF THE XVI-XVII CENTURIES: SPAIN AND ENGLAND. DESIGNATION OF PROBLEMS.

The Article is intended for comparative research of two National philosophical Courses of the Renaissance character: Philosophy of the Spanish Renaissance of the XVI-XVII centuries and English Platonism of the XVII century, their place in world philosophical process. Basic influence of the Italian Renaissance was shown in Philosophy and Culture of these countries not only in different forms, but also at different times if to mean "pinnacle" of this influence where we understand how National Philosophies meet original classical Tradition (Platonism, Aristotelianism, and Neo-Platonism).

PHILOSOPHY HISTORY; RENAISSANCE PHILOSOPHY; SPANISH PLATONISM AND MYSTICISM; CAMBRIDGE PLATONISM.

Окс УДК 930.85

Н. И. Безлепкин

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА И МНОГООБРАЗИЯ ИСТОРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА[1]

БЕЗЛЕПКИН Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой;
Северо-Западный открытый технический университет.
195027, Якорная ул, 9, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru.

В статье исследуются подходы к анализу исторического процесса русскими учеными, которые в отличие от европейских, сместили акценты с исторической эпистемологии на онтологические аспекты единства и многообразия исторического процесса. Отмечается, что преподавание философии истории в российских университетах выстраивалось как на основе гегелевской идеи целостности и единства всемирной истории, представляющей эволюционный подход к пониманию исторического процесса, так и на учете влияния экономических и социокультурных условий на развитие того или иного народа, многофакторности исторического процесса. Это составляло особенность «русского воззрения» на историю, открывало новые возможности для сопоставления универсальной (всеобщей) и национальной истории, способствовали более глубокому постижению острых социально-политических проблем России.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ, ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ИСТОРИИ, ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИИ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП, ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №15-03-00488.

Интерес к философско-историческим проблемам, имеющий не столь давнюю традицию в отличие от историософских построений в русской философии, периодически актуализируется в академической среде. Это обусловлено время от времени возникающими как в обществе, так и в отечественной философской мысли, дискуссиями по проблеме выбора пути общественного развития страны, выявлению места и роли России в мировом цивилизационном процессе. Исследование проблемы единства и многообразия истории имеет непосредственное отношение к её решению и составляет теоретико-методологические основания понимания исторического процесса и вполне обоснованно рассматривается как одна из важных научных задач по осмыслению направлений будущего социально-политического развития России.

Наиболее показательна в этом отношении ситуация в российском обществе в середине XIX в., когда особо остро встал вопрос об отношении России к западной цивилизации, обострились дискуссии между славянофилами и западниками по поводу выбора между самобытным и универсалистским путем развития. События Крымской войны ещё более обострили внимание к проблеме дальнейшего развития России, остро обозначили потребность реформ в российском обществе. Многие российские ученые, студенты университетов и образованная публика проявляли огромный интерес к истории западноевропейских стран, которые уже находились в процессе модернизации и формирования новых общественных и политических институтов. Следует отметить, что к середине 1880-х годов исторические отделения имелись уже почти во всех университетах России и со второй половины XIX века на них начинают читаться курсы, которые привлекали живой интерес образованной публики. Так в Московском университете в 1898–1900 годах были прочитаны курсы «Культурная жизнь Франции в XIX веке» (И.И. Иванов), «Общественные учения и исторические теории XVIII–XIX веков на Западе» (Р.Ю. Виппер), в Петербургском университете – «История крестовых походов» (В.Э. Регель), «Феодальная Европа» и «История Англии в Средние века» (В.В. Новодворский) и др.[1].

Большинство представителей «западничества» связывали назревшие в стране социальные реформы с заимствованием западноевропейских достижений. Веря в «уроки истории», они пытались отобрать наиболее

ценные явления европейского исторического опыта и применить их к российскому настоящему и будущему. Поиски решения проблемы выбора пути общественного развития с необходимостью приводили к осмыслению вопроса о единстве и многообразии истории, наталкивали на необходимость взаимосвязи истории и философии. С середины XIX века русская историческая наука, накопив огромный материал, начала задаваться теми же, что и общественная и философская мысль, вопросами о смысле исторического бытия, о путях и судьбах исторического развития России в ее отношении к мировому историческому процессу. Когда эти вопросы, наконец, стали достоянием общественного внимания, – выявилась очевидная тенденция сближения истории с философией.

Становление истории как научной дисциплины в России, впервые обозначившееся в XVIII в., во второй половине XIX века получило поддержку со стороны философии, проявившей интерес к исторической проблематике. В результате, с одной стороны, вопрос "как возможно историческое знание" стал включаться в систему философского знания, а с другой – философии истории стало "вменяться в обязанность" исследование онтологических оснований истории. К проблемам онтологии истории относились вопросы понимания исторических законов, раскрывающих порядок бытия того сущего, которое мы называем историей, выявление в истории общего и универсального, характерного для всех народов и определяющего единство истории, а также раскрытие её многообразия, обуславливающего социальные и культурные различия цивилизационного процесса.

Специфика университетских курсов в России второй половины XIX века состояла в том, что ведущей формой обучающего процесса на исторических отделениях была профессорская лекция, а основное внимание в ней уделялось разработке теоретико-методологических основ истории и эпистемологических аспектов истории как науки [2, с. 17–23]. Концепции исторического процесса, излагаемые профессорами российских университетов, часто подчинялись предварительно избранным философским установкам того или иного западноевропейского происхождения. Лекции по всеобщей истории в середине XIX века, как правило, представляли собой интерпретацию трудов западноевропейских авторов. В качестве философско-методологических оснований

университетских курсов поначалу выступали шеллингианство, гегелевская философия истории, а с распространением позитивизма в России, его идеи нашли широкое воплощение в университетской практике преподавания, но всем им было присуще значительное внимание прежде всего к эпистемологическим аспектам истории, подчинённость исторической гносеологии. В то же время в трудах и педагогической деятельности русских ученых в этот период все более явственно ощущался интерес к выявлению онтологических оснований истории. Это было обусловлено, с одной сторон, повышенным вниманием к объективным условиям, детерминирующим единство исторического процесса, а с другой – выявление в истории факторов, определяющих его многообразие.

Смещение акцента с исторической эпистемологии, когда история рассматривалась только как форма знания, к онтологии истории не было случайным, поскольку обращение к онтологическим основаниям исторического процесса открывало, по определению Т.Н. Грановского, путь к выработке собственно «русского воззрения» на историю. В лекциях 1848/49 г. он говорил: «Здесь нам, русским, открывается великое и прекрасное поле: устраненные от движения, которое захватило все народы, бросив их на пути, тогда как конец далеко не виден, устраненные от этого движения, мы стоим на пороге Европы, наблюдателями [движения], и притом не праздными: движения европейской жизни находят отголоски и у нас, мы стараемся понять их и из них извлечь поучительный пример, в чем и состоит собственно русское воззрение на историю. Это, впрочем, не значит, чтобы мы смотрели на историю Запада с исключительной мелконациональной точки зрения; нет, мы должны наблюдать. Западный человек брошен в различные партии и потому не может быть наблюдателем той драмы, в которой сам принимает участие; он ищет в прошедшем оправдание своей мысли, и на настоящие моменты ему некогда обратить внимание. Итак, нетрудно понять, до какой степени выгоднее наше положение…» [8, с. 240–241].

Историк обращает внимание на необходимость отказа от умозрительного восприятия истории и потребности в восприятии исторического опыта Европы, её уроков в качестве необходимого момента в понимание места и роли России в мировой цивилизации. По оценке Н.И. Кареева, Грановский был «первым на кафедре всеобщей истории, который отрешался от взгляда на этот предмет, как на механическое

соединение частных историй отдельных стран и народов, для того, чтобы возвыситься до всемирно-исторической точки зрения, до представления истории человечества, в недрах которой совершается единый по существу и по своей цели процесс духовного и общественного развития» [9, с. 2–3]. Достижение цельного взгляда на историю возможно, считал Грановский, не иначе как в связи с философией, позволяющей вскрыть онтологические основания истории.

Ученый видел недостатки современной ему философии истории в том, что она строилась преимущественно на исторической гносеологии, отмечая, что «слабая сторона философии истории в том виде, в каком она существует в настоящее время, заключается, по нашему мнению, в приложении логических законов к отдельным периодам всеобщей истории. Осуществление этих законов может быть показано только в целом, а не в частях, как бы они ни были значительны» [10, с. 18]. Проводя разграничение понятий ***всемирной истории и всеобщей истории, Грановский ставил последнюю выше всемирной истории именно по причине того, что*** в отличие от всемирной истории, ориентированной на изучение истории отдельных стран и народов мира, всеобщая история имеет своим предметом не весь род человеческий, а только общее, существенное в истории отдельных народов, поэтому всеобщая история не ограничивается эмпирическим описанием материала, но должна восходить от отдельных явлений к общему, к исторической закономерности.

Акцент на тех или иных аспектах онтологии истории, указывающих на её универсализм и единство, или на цивилизационное многообразие, - в значительной степени определили выделение двух основных направлений в анализе исторической ситуации в России, в преподавании философии истории в университетах, одно из которых выстраивалось на основе гегелевской идеи целостности и единства всемирной истории, представляющей эволюционный подход к пониманию исторического процесса, другое – отстаивало многообразие цивилизационного развития, исходя из учета влияния экономических и социокультурных условий на развитие того или иного народа, повышенного вниманию к историческим фактам, многофакторности исторического процесса.

Наиболее распространенной в университетских аудиториях России второй половины XIX века становится эволюционное понимание

исторического процесса, на основании которого делается попытка определить место России в мировой истории. Таковыми были лекции Т.Н. Грановского, посредством которых в силу присутствия в них историософских вопросов о прошлом и будущем России, её месте в европейской цивилизации, была сделана успешная попытка приобщить русское общество к западноевропейской истории, а через неё подойти к осмыслению собственной российской истории, чрезвычайно затрудненное в условиях николаевской России. Будучи убежден в универсальном характере исторического процесса, Грановский призывал искать ключ к труднообъяснимым, «загадочным явлениям» российской истории в «великих вопросах» западноевропейской истории. Четко выраженная им линия истолкования специфики всемирной истории как всеобъемлющей и взаимосвязанной, а также то внимание, которое он уделял осмыслению закономерностей истории и судеб России с учетом опыта исторического развития других стран, не могли не привлекать прогрессивную часть общества. Поиски общих исторических законов, раскрывающих порядок бытия того сущего, которое мы называем историей, составляли онтологические основания истории эволюционного взгляда на исторический процесс, как единое, целостное и закономерное явление.

Помимо Т.Н. Грановского, интерес к проблеме единства и многообразия истории был присущ и лекциям выдающихся ученых-историков – С.М. Соловьеву, В.И. Герье, В.О. Ключевскому, ряду других преподавателей российских университетов. Идея целостного понимания развития истории пронизывает университетские лекции и труды С.М. Соловьева, который рассматривал историю как непрерывную последовательность этапов развития человечества и призывал к «многосторонности» взгляда на историю. Свое внимание он сосредоточил на четырех основных проблемах, которые, по его мнению, позволяли найти верное решение проблемы единства и многообразия истории: 1) сущность и закономерность исторического процесса; 2) объективные факторы, детерминирующие историческое развитие; 3) государство как субъект исторического действия и роль личности в истории; 4) специфика переходных эпох в истории человечества, России в частности [6, с. 131].

Историк подчеркивал, что «успех в изучении истории зависит именно от внимательности этих наблюдений, от многосторонности взгляда;

ошибки происходят не от неправильности такого взгляда вообще, но от того, что мы глядим на одну сторону явления и спешим из этого рассмотрения вывести общие законы, объявляя другие взгляды, таким образом, взгляды на другие стороны явления, ложными. Взгляд вполне правильный есть взгляд всесторонний» [3, с. 342]. Отмечая стремление Соловьева отыскать смысл в истории, вывести историческую закономерность, К.Д. Кавелин подчеркивал веру русского историка «в историческое развитие» [4, с. 265]. Идея органичности и цельности исторического процесса, по Соловьеву, не подвержена произволу, «капризу одного сильного человека, который может остановить известный ход развития и толкнуть народ на другую дорогу, вопреки воле народной» [5, с. 90].

Однако трудности, возникшие при попытке открытия исторических законов, приводят отечественных историков и философов к признанию не только закономерности, но и обусловленности исторического процесса, что находит своё выражение в теории многофакторности исторического развития, выдвижении различных вариантов исторического выбора по продвижении к общественному прогрессу. Так, В.О. Ключевский утверждал, что в истории не наблюдается деятельность отвлеченного общественного духа, ей доступны только те идеи, которые становятся “историческими фактами”, а потому выводить историю России из так называемого “духа народа” является не более чем спекуляции. По его мнению, экономические интересы, политические отношения и духовные ценности определяют своеобразие общественной жизни, формируют цивилизационный облик страны. При этом в историческом процессе географические, экономические, политико-юридические, культурно-исторические факторы меняются местами по своей значимости. Это был по существу принципиальный отказ от монистического эволюционного взгляда на историю и утверждение ее многофакторного развития. Исторический процесс, по убеждению Ключевского, складывается из множества разнородных и асинхронных процессов, основанных на сочетании разнообразных местных элементов и сил, что предполагает их всесторонний учет в целях недопущения ошибок в осуществлении выбора пути общественного развития.

Акцент на многофакторности цивилизационного развития, учете влияния экономических и социокультурных условий на развитие того или

иного народа, повышенное внимание к историческим фактам сделало возможным появление теории культурно-исторических типов, которая была представлена Н.Я. Данилевским в работе «Россия и Европа» (1868 г.), где автор в качестве онтологических оснований многообразия истории выделяет культурно-исторический тип. По мнению Данилевского, история не есть прогресс некоего общего разума, некоей общей цивилизации, ибо таковой просто нет, а есть развитие отдельных культурно-исторических типов. История человечества предстает как развитие отдельных, замкнутых культурно-исторических типов, носителями которых являются естественные, т.е. исторически сложившиеся, группы людей. Подобно типам в животном мире, культурно-исторические типы не имеют общей судьбы, а их самобытность и своеобразие определяются природными, этнографическими факторами.

Противопоставляя идее эволюционного характера истории учение о естественном многообразии различных культурно-исторических типов, Данилевский разрушил представление о европейской культуре как образце для подражания, при этом не в плане критики ее недостатков, а с точки зрения научной несостоятельности самой идеи. "Общечеловеческой цивилизации, отмечал он, – не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или лучше сказать идеал – достижимый последовательным, или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем" [7, с. 129–130]. Человечество, считал он, может развиваться только "разноместно" и "разновременно", актуализируя различные стороны своего культурно-деятельностного существования.

Внимание к разным онтологическим аспектам единства и многообразия исторического процесса, демонстрируемое русскими учеными, составляло особенность «русского воззрения» на историю, открывало новые возможности для сопоставления универсальной (всеобщей) и национальной истории, способствовали более глубокому постижению острых социально-политических проблем России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 113-117. ISBN 978-5-7598-0914-2 (в пер.)
2. Бродский А.И., Малинов А.В. Академическая и неакадемическая философия истории // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 17-22.
3. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Сочинения. СПб., 1882.
4. Соловьев С.М. Начала русской земли // Соловьев С.М. Сочинения. СПб., 1882.
5. Кавелин К.Д. Исследования С.М.Соловьева // Кавелин К.Д. Собр.соч.: В 4 т. Т.1. СПб., 1897.
6. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории: Курс лекций. – М.: ИЧП «Издательство Магистр». 1997.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб. 1988.
8. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья / Сост. С.А. Асиновская. М., 1987.
9. Кареев Н.И. Историческое миросозерцание Т.Н.Грановского. СПб, 1905.
10. Грановский Т.Н. Сочинения М., 1892. Т.I.

BEZLEPKIN Nicolay I. – Northwest Open Technical University. 195027, Yakornay Str. 9, Saint-Petersburg, Russia. e-mail: nick-bezlepkin@yandex.ru.

PROBLEM OF UNITY AND VARIETY OF HISTORY IN DOMESTIC PHILOSOPHY OF HISTORY OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY.

In article approaches to the analysis of historical process by the Russian scientists who unlike European, have shifted focus from a historical epistemologiya to ontologic aspects of unity and variety of historical process are investigated. It is noted that teaching philosophy of history at the Russian universities was built as on the basis of Hegelian idea of integrity and unity of the world history representing evolutionary approach to understanding of historical process and on taking note of economic and sociocultural conditions on development of these or those people, a variety of historical process. It made feature of "the Russian view" on history, opened new opportunities for comparison of universal (general) and national history, promoted deeper comprehension of acute socio-political issues of Russia.

HISTORY PHILOSOPHY; UNITY AND VARIETY OF HISTORY; ONTOLOGIC BASES OF HISTORY; HISTORICAL EPISTEMOLOGIYA; CULTURAL AND HISTORICAL TYPE; GENERAL HISTORY.

УДК 091

А. В. Малинов

РОССИЯ В ИСТОРИОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ П.Г. ВИНОГРАДОВА[1]

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры;
Санкт-Петербургский государственный университет.
199034 Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

В статье рассматривается философская и философско-историческая публицистика историка-медиевиста Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925). В частности, анализируется оценка им славянофильского направления и учения в русской мысли. Основное внимание уделяется публицистике эмигрантского периода (после 1901 г.), когда П.Г. Виноградов заметно больше стал писать по русской проблематике. Жизнь в Великобритании повлияла на изменение его отношения к России. Хотя он и остался верен идеалам либерального западничества, но начал больше ценить взгляды русских национальных мыслителей. Публицистика П.Г. Виноградова была ориентирована, прежде всего, на европейцев, которых он хотел познакомить с основными фактами русской истории и основами русского мировоззрения.

ПАВЕЛ ГАВРИЛОВИЧ ВИНОГРАДОВ; СЛАВЯНОФИЛЫ; ЛИБЕРАЛИЗМ; РОССИЯ; ВОЙНА.

Крупнейший отечественный историк-медиевист Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) стал первым российским ученым, приглашенным занять кафедру в Оксфордском университете. Работая на кафедре сравнительного правоведения с 1903 г., он ориентировался на разработку не только историко-правовых вопросов, но и теоретических проблем своей науки. В то же время, пребывание в инокультурной среде пробуждало у

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (№ 15-03-00488).

русского ученого историко-культурную рефлексию, желание объяснить европейцам основы русской культуры и истоки многих событии русской истории. Проживая в Великобритании, Виноградов помимо академической карьеры увлекся публицистикой, в которой отразились его историософские взгляды и философские предпочтения. В отличие от историографических работ ученого они почти не привлекали внимание исследователей. Лишь в последние годы появились труды, более широко рассматривающие его научное наследие, в то числе политико-правовые взгляды [1; 2; 3; 4], общественную деятельность [5; 6; 7], философско-исторические построения в эмигрантский период жизни [8; 9].

Исторические труды Виноградова по европейскому Средневековью были по достоинству оценены на Западе. И его приглашение в Оксфордский университет – лучшее тому подтверждение. Однако, как это часто бывало с русскими учеными, оказавшимися за границей, занимаясь дома европейскими исследованиями, в Европе они становились специалистами по России. Виноградов не был здесь исключением. Еще в 1891 г. он взялся за новую для себя тему о славянофилах, после переезда в Англию в 1901 г. читал лекции о реформах Александра II в Кембриджском университете [10], а затем периодически выступал с лекциями и публиковал работы по социальной истории России, в основном XIX в. Первая мировая война и революции в России стали дополнительным стимулом для разработки российской проблематики. В письмах, отправленных в эти годы в Россию, Виноградов часто обращался к своим корреспондентам с просьбой содействовать пересылке ему в Оксфорд литературы, «так как книги мне нужны для работы о России» [11, л. 11].

Обращение Виноградова к вопросам русской истории и культуры кажется, на первый взгляд, несколько неожиданным и, с трудом вписывающимся с сферу его ученых занятий. Как это может быть ни покажется странным, но его работы по русской проблематике были вызваны обстоятельствами его заграничной жизни. И предназначены они были, прежде всего, иностранным читателям, зачастую носили не чисто научный, а публицистический характер. Первым его опытом в этом направлении стали лекции о славянофилах в Оксфордском университете. Наверное, трудно было найти тему более несоответствующую научным

интересам и жизненным установкам историка, чем славянофильство. Единственным исключением личного характера здесь могут служить славянофильские убеждения его отца, которые, правда, никак не сказались на формировании Виноградова. Действительно, Виноградов создал себе имя в науке исследованиями по истории западноевропейского средневековья, затем много занимался сравнительным правоведением. Славянофильство в этом смысле не вписывается ни хронологически, ни тематически в сферу его научных интересов. По крайней мере, Виноградову были бы ближе и с ученой и с идеологической стороны противники славянофилов – историко-юридическая или государственная школа. Да и сам Виноградов из всего курса о славянофилах решился опубликовать в виде статьи лишь одну лекцию «И.В. Киреевский и начало московского славянофильства», прочитанную 20 ноября 1891 г. «в пользу населения местностей, пострадавших от неурожая» [12, с. 98]. Примечательно, что ученый остановил свой выбор на И.В. Киреевском, которому славянофильство больше всего обязано разработкой философской, а не исторической стороны учения. Примечательно и другое: Виноградов дает в целом положительный взгляд на исходную доктрину славянофильства практически одновременно с резко отрицательной статьей своего ученика П.Н. Милюкова «Разложение славянофильства», напечатанной год спустя в тех же «Вопросах философии и психологии» (Кн. 18). Не берусь судить, но интерес к славянофильству среди русских историков в начале 1890-х гг. был, очевидно, симптоматичен. Для примера укажу на усилившиеся славянофильские симпатии, например, у К.Н. Бестужева-Рюмина. В.О. Ключевский в своей записной книжке пометил под 1893 г. (кстати, вскоре после столь негативно воспринятой им диссертации П.Н. Милюкова): «Разложение славянофильства – пахнет от разлагателя» [13, с. 398]. Лекции о славянофилах, прочитанные в Оксфордском университете, по свидетельству биографа, не были лишены симпатии к «московскому направлению» [14, p. 69]. Четверть века спустя Виноградов, побуждаемый обстоятельствами мировой войны и революций в России, вновь обратился к интерпретации славянофильской доктрине, напечатав на английском языке несколько статей [15, p. 3–14; 16, p. 245–260; 17, p. 670–677]. Сам Виноградов, по-видимому, усматривал в славянофилах

предшественников развиваемого им эволюционного подхода. В автобиографическом очерке он писал о славянофилах: «Направление это можно признать в настоящее время за “überwundener Standpunkt”, как говорят немцы. Оно уступило место эволюционной теории» [18, с. 73]. С другой стороны, либеральным нравам Виноградова импонировал и, по его выражению, «архаический либерализм» славянофилов. «Особенно вызывает удивление, – делился он своими впечатлениями, – духовная самостоятельность и плодотворность этих людей во время строгой правительственной опеки, их гуманное, всесторонне развитие, их могущественное влияние на окружающее общество» [12, с. 100]. Гуманизм был взращен дворянской культурой аристократически воспитанных, обеспеченных и досужных людей с утонченными вкусами. «Они выдвинули в нашей истории своего рода гуманизм, литературный и философский», – констатировал Виноградов [12, с. 101].

Происхождение московского славянофильства, конечно, не то же самое, что происхождение феодализма, хотя некоторые элементы общего подхода все же можно усмотреть. Так, Виноградов в обоих случаях стремится проанализировать более широкий контекст, в который вписывается исследуемое историческое явление, в первом случае это хозяйственно-правовые отношения, во втором, историко-культурные. С подлинной страстью антиквара Виноградов готов признать ценность любых проявлений исторической жизни. «Моя цель была, – пояснял он, – представить попытку исторической оценки исходного момента славянофильства. Такая оценка заключает элементы критики, потому что ставит факты в связь развития и раскрывает его преходящий характер. В этом смысле метод учит, что крупные исторические явления имеют всегда свое оправдание. Они не явились даром и не проходят бесследно, хотя впадают в искажения и вызывают оппозицию» [12, с. 125].

Понять славянофильство можно осознав его, с одной стороны, частью более широкого интеллектуального или культурного движения, с другой, представив то место, которое это явление занимает в истории самого народа. Рассматривая тот историко-культурный контекст, в котором зародилось славянофильство, Виноградов называет его «европейской школой», имея в виду связь славянофильства с теми

«определенными течениями в западно-европейской литературе», которые можно назвать консерватизмом и романтизмом. Историк подчеркивал европейскую выучку славянофилов и европейски ориентированный, хотя и в критическом направлении, изначальный импульс размышлений славянофилов. «Заметим прежде всего, – уточнял он, – что славянофилы были не менее своих противников знакомы с западной литературой и бытом. Такие люди, как Киреевский, Хомяков, Ю. Самарин, долго и основательно изучали произведения европейской науки и философии. По полноте своей культурной подготовки они, конечно, не уступали никому из русских и западных современников» [19, с. 208]. Виноградов указывал таких предшественников славянофилов, как Шишков, Карамзин, Погодин [12, с. 118]. Отсюда уясняется и значение И.В. Киреевского: «Киреевский замыкает цепь между некоторыми коренными взглядами славянофильства и умственным движением Европы в первые десятилетия нашего века. В этом главный интерес его произведений» [12, с. 117]. В консервативно-романтическом движении, в частности, в немецкой исторической школе права, в изучении народной психологии и этнографии вырабатывался новый взгляд на историю как на органический процесс [12, с. 122–123], а тем самым обозначается и научная генеалогия самого Виноградова.

Место славянофильства в историческом развитии русского народа не менее примечательно. Это было время «культурной молодости народа, вступающего наконец в свое умственное совершеннолетие» [12, с. 101]. Метафора возраста, примененная к самому славянофильскому движению, не только дает пример приложения органической точки зрения к русской истории, но и поясняет многие крайности и излишества славянофильства. В этот период формируется национальное образование, искусство, философия; и славянофилы ярче других выражают происходящие изменения. Они – «истинные русские националисты», – отмечал Виноградов, не вкладывая в свою оценку никакого негативного значения [15, p. 3]. В этом смысле славянофилы были наиболее органической, т. е. соответствующей периоду-возрасту частью русского общества. По словам Виноградова, «как с Пушкиным и Гоголем Петровская реформа осуществилась в литературе, так с Грановским и Хомяковым стала на ноги научная и философская мысль в русском обществе» [12, с. 100].

Однако исчерпывается ли указанными чертами сущность славянофильского направления? Во-первых, Виноградов отмечает малое значение славянского вопроса для славянофилов: «...панславизм и славянофильство совсем не синонимы» [12, с. 102]. Во-вторых, славянофильство не тождественно москофильству. Славянофильство, критикуя петровские реформы и идеализируя старину, приходит, считает он, к «архаическому либерализму», несовместимому с приматом государственного начала и принесением в жертву единству и силе государства свободных начал земства и личности. Третьей и на самом деле главной чертой славянофильства было стремление выработать новое философское мировоззрение. «Центр тяжести их интересов, – утверждал исследователь, – в установлении нового философского миросозерцания: история и богословие разрабатываются в той степени, как это нужно для проведения идеи этого миросозерцания» [12, с. 104]. Изучение прошлого было подчинено у славянофилов построению историософской и богословской концепции. Историософия, пожалуй, оказалась наиболее разработанной частью славянофильской доктрины. Плодотворнее всего на этом поприще трудились А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. «Историей ни тот, ни другой не пренебрегали, – писал Виноградов, – но интересовались они историей в ее самых общих и, так сказать, философских очертаниях. Даже странные специальные изыскания Хомякова в области средних веков имеют в виду никак не равномерное изучение материала, а подготовку доказательств для философско-исторических обобщений» [12, с. 103–104].

Виноградов, конечно, сознавал, насколько далеки были его собственные философско-исторические пристрастия от положений, отстаиваемых славянофилами. Он критикует их представление о провиденциальной роли России и свойственный славянофилам схематический взгляд на исторические народы, например, отождествление германства с принципом индивидуальности. История, изучая прошлое, позволяет лучше понять современность, но служит плохим советчиком в деле предсказания будущего. Поэтому любые пророчества о судьбе России не только неуместны, но и не соизмеримы с масштабом индивидуального существования, не способного обнять и постигнуть не завершенный еще исторический процесс. «История России заложена в таких громадных

размерах и рассчитана, очевидно, на такие обширные периоды, что нет надобности спешить некрологом», – заключал он [12, с. 125]. Виноградов признавал, что теоретическое и практическое значение славянофилов велико, многие их идеи оказались жизнеспособными, но в них историк видит уже и «смертную сторону» славянофильства. Более того, религиозные интересы, которым были подчинены исследования славянофилов, затрудняют понимание их идей современными читателями, воспитанными не на религиозных идеях, а на вере во всесилие науки. «Теологические писания таких славянофилов, как А. Хомяков и Юрий Самарин, – признавал Виноградов, – нелегко читать в наше время; они ли более или менее осознанно к православию и они наполнены диалектическими примерами. Но эти люди боготворили Логос мира не устами, а своими сердцами» [15, p. 14]. Другим выражением «Логоса мира», поклонником которого можно считать самого Виноградова, было правовое мышление, обосновывающее законный порядок человеческих отношений.

В статье «Россия и Европа», написанной Виноградовым, по-видимому, в конце 1916 – начале 1917 г., но в свое время неопубликованной из-за начавшейся в феврале 1917 г. в России революции, историк дополнял высказанные им ранее критические аргументы. «В их культурно-психологических наблюдениях было много глубокого и верного, – писал Виноградов о славянофилах, – но постановка задачи страдала от двух роковых погрешностей: во-первых, следуя немецким философским течениям того времени, славянофилы считали народный характер величиной постоянной и неизменной. Во-вторых, они старались определить те принципы, которые Россия должна внести в последовательное развитие мировых идей» [19, с. 209]. Критика славянофильской доктрины развертывается Виноградовым, по существу, с той же органической точки зрения, которую, как он считал, разделяли и славянофилы. Виноградов, в этом отношении, говорит со славянофилами на одном языке и лишь настаивает на более строгом определении и конкретизации самого органического подхода. Так, прежде всего требует уточнения понятие народа, сближаемого с истолкованием индивидуального развития. Как индивид, сохраняя свою идентичность и

тождество сознания, меняется с возрастом, изменяются его вкусы, предпочтения, взгляды, интересы, так же и народ не остается неизменным в своей истории. «В долгом развитии своем великие народы видоизменяют свой духовный облик так же, – развивал свою мысль историк, – как это случается и с отдельными людьми, если они проходят по жизненному пути среди сложных условий. Психологическая преемственность не исключает разнообразных *воздействий*, а комбинируется с ними» [19, с. 209]. Еще ранее в одном из лекционных курсов, критикуя принципы романтической историографии, он отмечал, что «народный характер есть нечто текучее; сколь бы мы ни раскладывали его на постоянные элементы, нельзя утверждать и доказать, чтобы народ, подобно отдельному лицу не изменялся сильно и резко под влиянием новых обстановок, новых элементов жизни, новых племен… Приняв во внимание, что характер народа изменчив, можно все-таки дать психологические формулы для известных эпох его развития» [20, с. 9]. Собственно говоря, Виноградов под видом органической точки зрения проецирует здесь на историософскую проблематику широко распространенное в либеральной философско-правовой мысли представление о субстанциональной устойчивости личности при изменчивости ее состояний. Место идентичности сознания личности у Виноградова занимает «психологическая традиция» народа, а место изменяющихся состояний – многообразие исторической обстановки. Биологический параллелизм индивида и народа, таким образом, смыкается у Виноградова с позитивистской теорией факторов. «Подобные групповые организмы, – пишет он о народах, – отражают в своей жизни как особенности психологической традиции, так и результаты отношений к окружающему миру и к поставленным им в разное время задачам. Таким образом, их судьба зависит никак не от единого фактора цельной народной личности, но от взаимодействия личности и среды» [19, с. 209–210]. Неверное понимание народа, в том числе и славянофилами, делал вывод Виноградов, объясняет и «крушение всех попыток снабдить каждый великий народ собственным и единым культурным “словом” в последовательном ходе всемирной беседы» [19, с. 210].

Вдумчивой критике подвергал Виноградов и взгляды отдельных представителей славянофильского движения. Так, отторжение И.В. Киреевским западноевропейского рационализма, полагал он, вписывается в романтическую реакцию на рациональную философию Просвещения и в целом соответствует периодической смене рационалистических и иррационалистических акцентов в рамках единой европейской культуры. Критика И.В. Киреевским рационализма не выдерживает заявленного противопоставления западноевропейской и русской культуры. «Итак, – заключал историк, – русской народности приписано было назначение, почерпнутое из истории сменяющихся направлений и обостренных противоположностей западной философской мысли» [19, с. 210]. Неприемлемым для Виноградова оказывается и признание А.С. Хомяковым православия в качестве основы русского миросозерцания. «Начало это, однако, углублялось до такой отвлеченной формулы, которая лишала его исторической реальности», – предъявлял свою претензию дотошный историограф [19, с. 210]. Не соглашался Виноградов и с политической концепцией К.С. Аксакова, а также с идеализацией славянофилами крестьянской общины. У более поздних мыслителей укора удостоились представление Ф.М. Достоевского об отзывчивости и «всечеловечности» русских, что на взгляд Виноградова, лишь указывает на ученичество русского народа у других культур, а также приписывание Н.Я. Данилевским русскому народу начала терпимости, с опровержением которого, настаивал Виноградов, не замедлят многие факты русской истории.

Впрочем, «увлечение» славянофильством не прошло для Виноградова даром. Он не только обнаружил в славянофильстве истоки развиваемой им органической точки зрения на историю и общество. Отдельные мыслительные конструкции и образы, используемые славянофилами, периодически, возможно безотчетно, проговаривались в его собственных теоретических конструкциях. Приведу показательный в этом отношении пример. Со времени написания статьи о И.В. Киреевском минуло почти четверть века; Виноградов давно уже, променяв свою московскую известность на мировое признание, жил в Англии. Публикуя в Москве в 1915 г. (подготовленное учеником Виноградова М.О.

Гершензоном двухтомное собрание сочинений И.В. Киреевского вышло в 1911 г.) введение в курс сравнительного правоведения, читаемого им в Оксфордском университете, он давал свое истолкование сознания. И при этом явно вплетал в рассуждение, представляющее смесь английского эмпиризма с привычным позитивизмом, используемую И.В. Киреевским в наброске концепции «цельной личности» музыкальную метафору, согласно которой гармонично звучат все струны души. Приведу это пространное рассуждение Виноградова: «Мы также (как и животные. – *А.М.*) подвержены непосредственным импульсам нашей эмоциональной природы, но наряду с этим непосредственным двигателем мы сознаем присутствие в нашем уме совершенно иного духовного процесса. Мы всегда как бы подставляем зеркало нашим эмоциям, идеям и решениям, и вследствие такого самосознания мы переживаем события и действия нашего существования не только в их прямой последовательности, но также, как ряд отражений. Струны нашего духа непосредственно затрагиваются снаружи различными впечатлениями, производимыми встречающимися нам предметами, равно как и физиологическими и духовными событиями в нашем собственном организме. Процесс рефлексии делает для нас возможным переставлять ряды наших впечатлений и воспоминаний, согласовывать их с сознательными целями и сознательно избранными мерилами» [21, с. 7].

Еще один пример славянофильских экспликаций несколько неожиданно можно обнаружить в рецензии Виноградова на книгу Р.Ю. Виппера «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма», представляющую собой диссертацию, за которую Р.Ю. Виппер получил докторскую степень, минуя степень магистра. Учение о предопределении в кальвинизме рецензент пояснял отсылкой к богословской концепции А.С. Хомякова. «К церковному учению кальвинизма, – оценивал Виноградов протестантизм по мерке славянофильской доктрины, – можно, как это ни странно, применить замечание Хомякова относительно спасения; вопрос не в том, как человек может спастись, а в том, каким образом Бог спасает человека» [22, с. 140–142].

Любопытно, что в последней доэмигрантской работе Виноградова – брошюре «Накануне нового столетия» – практически полностью

отсутствовал русский материал. Тому, вероятно, были свои причины. Примечательно, что данная работа стала завершением русского периода в жизни Виноградова. Хорошо видно, с какими настроениями он покидал Россию. «Накануне нового столетия» в масштабе виноградовской жизни может быть оценена, как накануне эмиграции. Итоги XIX в. для России Виноградов сумел подвести в своих публицистических произведениях, инициированных начавшейся мировой войной. Еще в статье «И.В. Киреевский и начало московского славянофильства» он отмечал, что в XIX в. в России было две эпохи культурного подъема, «когда велика была организующая сила идей» [12, с. 99] – 1840-е и 1860-е гг. Согласно взглядам ученого, – это два «исторических момента», «из которых один знаменует образование главных теоретических направлений русской мысли XIX века, а другой – появление нового социального строя русской жизни» [12, с. 100]. 60-е гг. XIX в. – пора реформ в российском обществе. В лекциях «Реформаторская деятельность царя Александра II» и «Значение современного развития России», прочитанных в 1902 г. в Кембридже, Виноградов пытался показать, что необходимость реформ была осознана русским обществом в результате споров славянофилов и западников, развернувшихся в 40-х гг. XIX в. Желаемые изменения должны были учитывать как самобытные русские исторические начала, так и опыт западных стран. Успех реформ, полагал Виноградов, был обеспечен «совместной деятельностью правительства и просвещенного меньшинства, наделенного идеалами справедливости и независимой мысли» [10, p. 242]. Посредством реформ реализуется эволюционный путь развития, предпочитаемый Виноградовым. Именно демонстрации благотворности и эффективности эволюционного и реформационного развития посвящен даваемый ученым английским читателям краткий очерк социальной истории России в XIX столетии. «Что мы желаем для России, – делился Виноградов своими мыслями в 1915 г., – так это не ввязываться в революцию с ее фантастическими перспективами и ужасающими реальностями. Мы хотим полной органической реформы наподобие движения шестидесятых годов, только в большем масштабе» [23, p. 8]. «Я уверен в одной вещи, – продолжал он далее, – люди в России, более определенно образованный класс, “интеллигенция” возродят атмосферу

великих реформ и смогут всех удивить как в мирное, так и в военное время» [23, p. 27].

Эпоха реформ – один из этапов русской истории. Ее необходимость легче усмотреть, если связать ее с определенным периодом в истории России. Виноградов давал следующую периодизацию русской истории. Первый период он относил к XII–XIII вв. В это время у восточных славян сложились два объединительных центра: Киев и Новгород. Славянское население численно преобладало над соседними финскими и тюркскими народами. Смешение с ними стало одним из оснований позднейшего различия Великороссии и Малороссии. Начало второму периоду (XIII–XIV вв.) положило монгольское вторжение. Россия оказалась в тяжелом положении между Азией и западными странами. Итогом этого периода стало постепенное возвышение Москвы. Третий период или Московская Русь хронологически занимает два столетия (XVI–XVII). Центральным историческим событием этого периода было Смутное время, которое русский народ сумел преодолеть, восстановив свое историческое тело, объединив коренное население Волги, Дона, Днепра и Двины. Четвертый период – период европеизации – начался в XVIII в. Главными его историческими событиями и приобретениями стали выход к Балтийскому морю при Петре I и к Черному морю при Екатерине II, а также «героическая борьба против французских завоевателей в 1798–1814 гг.» [24, p. 15]. Широкая европеизация привела к изменению обычаев и социальных институтов по западным образцам. Плодотворным оказалось взаимодействие с западноевропейской культурой, способствовавшее расцвету литературы и искусства в России XIX в. Социальный прогресс в эту эпоху был менее заметен; но и в этой сфере есть достижения, порожденные реформами 1860-х гг. «Освобождение крепостных, появление местного самоуправления, реформа права и судопроизводства, большие успехи в общественном образовании сделали бы честь ююбой нации», — заключал Виноградов [24, p. 15].

В статье о Т.Н. Грановском Виноградов подмечал культурную восприимчивость и цивилизационную терпимость русского народа. Из этого наблюдения он делал частный вывод о научных предпочтениях русского человека. «Не будет парадоксом сказать, – писал Виноградов, –

что именно всеобщая история должна быть русскою наукой. Русские имеют еще меньше права уединяться в своей отдельной национальной культуре, нежели англичане, французы или немцы, на которых, впрочем, такое уединение действует достаточно вредно. С другой стороны, если русскому нужна и близка вся общая гражданственность человечества, зато им нет основания связывать себя изучением одной какой-либо отрасти или нации» [25, с. 58]. «Нет надобности останавливаться на известных всему миру выносливости и здравом смысле русского народа», – отмечал Виноградов положительные черты русских людей [26]. Вспомним, продолжал он далее свою характеристику, «последовательное, неотразимое стремление к образованию… колоссальную жизнеспособность гонимых раскольнических обществ, наиболее верных старой культуре и наиболее здоровых в нравственном и материальном отношении. Вспомнил сметливость, деловитость и твердость, которые проявляет народ в тех случаях, когда ему сколько-нибудь дано вздохнуть, напр[имер], в артельных организациях» [26]. Даже крайние проявления революционных событий в России не поколебали веру Виноградова в русский народ, вероятно, только укреплявшуюся от длительного пребывания на чужбине. «Русским народом овладел пароксизм зверского исступления, но в основе это богато одаренный народ, ищущий правды; способный к состраданию и раскаянию», – признавался ученый в своей любви к русскому народу со стороны [27, с. 56]. Ту же любовь к дальнему он демонстрировал и в статье, нацеленной на английского читателя. «Русский народ по природе своей и наклонностям демократичен, толерантен и охотно прощает свои обиды. Освободившись от самодержавия и успокоившись после революции, он всей душой присоединиться к международному движению в пользу мира и справедливости» [24, p. 25].

Взгляд на историческую судьбу русского народа наводит Виноградова на размышления о славянстве, которых он избегал, даже занимаясь московским славянофильством. В газетной заметке «Россия. Психология нации» Виноградов касался вопроса о влиянии географической среды на историю. Признавая, что неблагоприятные географические условия тормозят историческое развитие народа, он писал:

«Нация, оказавшаяся в невыгодном положении из-за географии может позднее начать развиваться и тем не менее ее развитие может быть относительно лучше, чем у более удачливых соседей» [23, p. 39]. Географическое неудобство расселения славянского племени стало «общим местом» отечественной, особенно либеральной, историографии, по крайней мере с С.М. Соловьева. Однако перспективы славянской цивилизации рисуются Виноградову следующим образом: «Славяне должны иметь свой шанс в мировой истории и время их возмужания ознаменует новый этап роста цивилизации» [23, p. 44].

В размышлениях Виноградова о России преобладала «тема – об оправдании и пределах европейского влияния» [19, с. 208], или «вопрос о приобщении России к европейской культуре» [19, с. 205]. При этом необходимо учитывать, что рассуждения историка ориентировались на западного читателя. Их цель – не помочь русским лучше понять самих себя, а выработать понимающее отношение европейцев к русской истории и культуре. Для взаимопонимания, в свою очередь, необходимо, «чтобы установилась некоторая общность мировоззрения, некоторая солидарность в понимании основных требований права и гуманности» [19, с. 202]. Таково требование Виноградова к союзникам России в войне. Монологичность европейской цивилизации, мало склонной к восприятию ценностей иной культуры, часто задавала предвзятое мнение о России. Задача, которую ставил перед собой Виноградов: показать, что Россия дает не меньше примеров положительного культурного развития, чем отмечаемые европейцами отрицательные стороны русской жизни. Контраст культурных достижений на общем низком уровне цивилизационного развития – действительное противоречие русской жизни. «Те трудности и несчастья, которыми наполнена наша ежедневная жизнь, – писал историк, – складываются в одно колоссальное противоречие. Вместо единой цельной России весь мир считается с существованием двух глубоко различных Россий: с одной стороны – Россия Толстого и Достоевского, Глинки и Мусорского, Менделеева и Мечникова. Россия великих реформ и общественного прогресса, неистощимой народной выносливости и стихийной веры, с другой – Россия помпадуров и мародеров, чиновничьего произвола, разнузданного

хищничества, народного невежества. Эта двойственность – великий недуг, с которым необходимо всеми мерами бороться» [19, 202]. Итак, главная слабость России и причина ее неудач, в том числе и военных, в культурной отсталости. Эту точку зрения Виноградов развивал и отстаивая цивилизационную роль университетов в России. «Если что-либо должно быть бесспорным в России, – писал он в начале статьи “Учебное дело в наших университетах”, – так это – истина, что путь к благосостоянию и могуществу открывает народам просвещение: чтобы действовать, надо знать и уметь» [28, с. 537]. На этом пути у России много препятствий. Это и обширная территория при малочисленности населения, его отсталость, скудость средств.

Восприятие Европы в качестве образца исторического и культурного развития соответствовало мировоззрению русских западников, к числу которых принадлежал Виноградов. Его биограф отмечал несколько идей и убеждений, служивших Виноградову основой оценки той или иной исторической эпохи или народа: представление о ведущей роли западных наций в истории, парламентаризм как государственное устройство, гарантии безопасности и гражданских свобод, распространение образования и обеспечение академической свободы высшей школы, доступность образования, развитие местного самоуправления [14, p. 10]. Доказательством универсальности идеалов, выработанных западноевропейской культурой, могут служить успехи азиатских народов, вставших на западный путь развития. Поражение России в войне с Японией указывает не только на слабость русского самодержавия или бездарность генералов, но и на плодотворность заимствованного европеизма, перерождающегося в технически усиленный милитаризм. Оценка Виноградова звучит как приговор: «Как ни стараются наши самобытники уверить себя и других, что стадо есть общественная организация, наиболее соответствующая духу русского народа, что правовой порядок, гражданская обеспеченность, политическая свобода, — случайные и печальные особенности соседних стран, европейские идеи делают в России свое дело, особенно с тех пор, как их неожиданным союзником явились азиаты Дальнего Востока, опередившие, как оказывается и Китай, и Россию» [26]. То, что Россия, вступая в войну была

страной более европейской, чем ее восточный сосед, Виноградов не учитывает. Ему важно показать, что неудачи России вызваны незавершенностью процесса вестернизации, что России еще есть чему учиться у Европы. «Многие в России думают, – писал он, – что русским политическим деятелям предстояло просто схватить на лету последние слова передовых партий Европы. Откуда такая гордыня? Не мешало бы поучиться ходить, прежде чем собираться обгонять западную “буржуазию”, которая немало сделала для европейской цивилизации» [26]. Цивилизационный минимум европеизма составляют правовой порядок и политическая свобода. Универсальность западноевропейских цивилизационных стандартов позволяет Виноградову желать судить Россию по мерке Новой Зеландии; «по мерке, снятой с карлы», – как писал в XVIII в. И.Н. Болтин. «Но даже если и невозможно обратить Россию в своего рода Новую Зеландию, – несколько сожалел Виноградов, – зато необходимо усвоить основные начала правового порядка, гражданской обеспеченности и политической свободы, и для успешного их усвоения нельзя не справиться с уроками европейской истории» [26]. Однако, будучи либералом, видящем идеал цивилизационного развития на Западе, замечал Фишер, Виноградов оставался русским патриотом [14, p. 3]. Культивируемый на протяжении двух последних веков европеизм служит хорошим профилактическим средством против шовинизма. Доверие к чужой культуре, отказ от национальной исключительности и культурной самобытности делает, по мнению Виноградова, «маловероятными» претензии России на гегемонию в Европе. «Я, впрочем, думаю, – писал он, – что преобладающая масса русского общества далека от всякого шовинизма и отлично понимает выгоды совместной работы с западными державами» [29].

Однако положение России как европейского государства сопровождается культурным расколом, начавшимся в России еще в XVII в. и доведенном до крайности петровскими реформами. Именно этот, отмеченный еще славянофилами, историософский конфликт между европейской образованностью и народной верой и привел, по мнению Виноградова, к революции. «Нигде, кроме завоеванных стран вроде Индии или африканских колоний, – писал ученый в 1918 г., – дифференциация общественных классов не осложнена в такой степени культурными

разницами, как в России. Со времени Петра Великого и даже Никона в России соперничают две культурные стихии, глубоко различные и враждебные друг другу: люди западной выучки – интеллигенты всех категорий и люди старой веры – раскольники и православные. Сообщаются эти две группы друг с другом на общем, разговорном языке, но по духовной сущности их миросозерцание и понимание жизни прямо противоположны. Старый политический порядок был основан на этом дуализме. Бессознательно или сознательно он держался на обуздании темной массы при помощи немецких выучеников и на подавлении этих выучеников тяжестью темной массы» [27, с. 56]. Раскол разделил на культурные, непонимающие друг друга, миры народ и интеллигенцию, народ и правящий слой, интеллигенцию и бюрократический аппарат. «По воле истории, – рассуждал Виноградов о причинах революции 1905 г., – русская жизнь раскололась: меньшинство надело немецкий костюм и приблизилось к Европе по идеям и стремлениям, громадное большинство осталось на проторенной московской колее и по настоящее время живет особой, темной жизнью, молится своим богам и таит особые социальные и политические стремления. Народ не только воспитан в невежестве, он думает и чувствует иначе, чем интеллигенция, у него своя культура, и много времени пройдет, прежде чем устранится этот роковой раскол» [26]. О культурном расколе как причине революции 1917 г. Виноградов писал в статье «Ситуация в России» [24, p. 16]. Революционное разрешение событий неизбежно. Революция – результат культурного раскола, который, в свою очередь, следствие европеизации России. К такому выводу, возможно сам того не желая, приходил Виноградов. По его словам, «как велико озлобление и какие требования будут предъявлены “господам”, мы узнаем только тогда, когда наступит минута неизбежного расчета» [26]. «Главное надо помнить, – предостерегал историк об опасности новой революции, – что радикальное упразднение существующей администрации будет первым шагом к попыткам утверждения новых правительственных властей, – попыткам, которые не могут не сопровождаться кровопролитным истреблением непокорных и разномыслящих. Я не знаю, удастся ли еще России пройти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо

употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 г.

Сырому, дурно сплоченному, полному междоусобной злобы русскому обществу грозит на последнем пути неслыханные опасности, если не погибель» [26]. Помимо культурного раскола итогом реформы Петра I стало насаждение в России духа утилитаризма, способствовавшего технической модернизации страны, но дорого сказавшегося на ее культурном развитии. Именно лозунгами утилитаризма оправдывались в России нападки на науку, университетское образование, искусство. Первой попыткой преодоления утилитаристской установки стало увлечение философией Шеллинга и Гегеля, а ее выразителями выступили славянофилы.

Культурный раскол в русском обществе – не единственная причина революции. По словам Фишера, Виноградов еще в 1891 г. верил в неизбежность великой войны в Европе, но вот революции в России он не предвидел [14, p. 20]. В то же время следует заметить, что решение Виноградова эмигрировать, скорее всего, помимо личных причин и обид, сопровождалось пессимистическим взглядом на ближайшее будущее России. Революционные события 1905 и 1917 гг. заставили историка более определенно высказаться о причинах происходящего. Одна из них – деградация власти. «Поразительное отсутствие людей в его рядах, – писал Виноградов о царском правительстве в 1905 г., – может быть объяснено лишь долгим отбором неспособных и развращающим влиянием “высшей среды” даже на способных. Отсутствие убеждений и личного достоинства среди исполнителей предначертаний высшей власти сопровождалось циническим презрением к убеждениям и идеалам, где бы они ни обнаруживались, и растаптыванием малейших зачатков самостоятельности и личного достоинства. В погоне за призрачным могуществом государство оказалось несостоятельным в исполнении элементарных обязанностей по отношению к людям, которые имеют сомнительное преимущество состоять под охраной русских законов: мы дожили до назиданий султана русскому правительству на тему об охране жизни и имущества лиц, проживающих в России» [26]. Отсутствие достойных людей и отсутствие идей, т. е. в*и*дения перспективы развития страны, в правящем слое и

бюрократическом аппарате влечет закономерное недоверие к власти, дискредитирует ее в глазах населения. Отчуждение власти от народа заставляет народ желать поражения своего правительства как внутри страны, так и во вне. Это и стало одной из причин не только революции, но и неудач в русско-японской войне. Как писал Виноградов, «люди, которым так долго вменялась в преступление малейшая попытка политической деятельности, выработали прямо враждебное отношение ко всему, что сколько-нибудь связано с государственностью. Принципы власти, порядка, государственного интереса потеряли цену, потому что они воплощаются в конкретных формах данной власти, данного порядка, данного государства. Патриотизм в смысле чувства национальной солидарности по отношению к чужеземцам стал почти неприличным. Общественно настроение в течение настоящей войны едва ли имеет себе что-либо подобное в истории и до сих пор не совсем понятно за границей. Что русские люди примкнут к хору врагов, злорадно рукоплещущих японским победам, это кажется иностранцам противоестественным… В России общество принуждено боятся побед своих генералов более, чем национальных поражений» [26]. Ненормальность такой ситуации очевидна. Подавленный сообщениями из России, где осталась его мать, Виноградов после 1917 г. старался публично не обсуждать происходящие на родине события. «Это правление Антихриста», – приводил Фишер горькие слова историка [14, p. 74].

Свой вклад в дело подготовки революции внесла и русская интеллигенция, попутно кающаяся в грехах радикализма. Свою оценку роли русской интеллигенции Виноградов профессионально дополнял исторической аналогией. «Нельзя сказать, – писал он, – чтобы все обстояло благополучно в рядах нашей интеллигенции. Долгая неволя во многом испортила ей характер.

Читая знаменитые главы Токвиля о политическом воспитании французской интеллигенции перед революцией, можно думать, что читаешь характеристику современного образованного класса в России: та же наклонность к несбыточным фантазиям, прямолинейным шаблонам, отвлеченным построениям, та же вера во всемогущество формальных преобразований, та же желчная нетерпимость к разномыслящим. К этому надо прибавить некоторые местные психические черты, особенно сильно

освященные Достоевским и Чеховым – истерические “надрывы”, резкие колебания настроений от фанатизма к отчаянности и апатии, вялость, неряшливость в будничном труде» [26]. В то же время историк не был склонен бесконечно корить русскую интеллигенцию. Он видел и ее положительные черты, в частности, «ее роль в истории народного самосознания должна возрастать вместе с распространением образования. Русская интеллигенция проявляет на каждом шагу способность к самопожертвованию, идеализм, силу братского чувства, которым могли бы позавидовать соответствующие классы на Западе» [26].

Живя в России, Виноградов оценивал русскую историю и современное состояние страны с точки зрения европейских идеалов. Переселившись в Англию, он, напортив, сменил угол зрения, воспринимал европейские события с русской стороны. По крайней мере, так казалось его английским коллегам. Фишер делится своими наблюдениями о взглядах Виноградова на славянство и о том патриотическом воодушевлении, какое охватило историка с началом мировой войны. «Его взгляды на европейскую историю, – писал биограф, – были всецело русскими. Однажды, когда я процитировал ему лампрехтовский приговор, что величайший подвиг германской расы в Средние века состоял в экспансии на восток, он ответил со страстным выражением: “О! но правдиво о завоевании балтийских славян никогда не говорили”. В самом начале войны его славянский патриотизм разгорелся сильнее и как паломник он мечтал о Царьграде, вырванном из рук мусульман и отданном русскому орлу» [14, p. 74]. Желание воссоединения второго и третьего Рима усиливалось аналогией между «смыслом» происходящих событий и эпохой средневековья. «Уже и теперь слышаться иногда голоса, предупреждающие портив идеализма “крестовых походов”. Однако, – проводил Виноградов исторические параллели, – не лишено значение сознание, что в этом направлении происходит эволюция, обусловленная всей предшествующей историей и имеющая составить, по-видимому, содержание грядущей истории на многие годы» [29]. Революция в России придала виноградовскому восприятию апокалипсический оттенок. Вместе с этим и развитие современного общества не оправдывало прогрессистских ожиданий Виноградова. В последних статьях он отмечал усилившуюся борьбу интересов и классов в экономической сфере,

обострившийся конфликт между индивидуалистическими и коллективистическими идеями в государстве, потрясение моральных устоев и сомнение в их ценности, утрату христианством своего места в европейской цивилизации, трансформацию семейных основ, отношений между полами, ослабление безопасности в государствах.

И все же Виноградов не видел для России другого пути развития, кроме как приобщения к европейской культуре, воспринимаемой им в качестве культуры общечеловеческой. Правда, Виноградов писал об этом еще до, точнее, накануне революционных событий февраля 1917 г., но вряд ли кардинально пересмотрел свои взгляды после. Более того, в приобщении народа к ценностям более развитой культуры, он видел своеобразный закон исторического развития. «Прежде всего отметим, – писал Виноградов, – что заимствование одним народом у другого известных идей, приемов и учреждений не только не составляет родового явления, а, напротив, может быть признанным своего рода законом культурного развития» [19, с. 205]. Историческое развитие народа невозможно в изоляции, т. е. без влияния на него других народов. На конкретном историческом материале Виноградов неоднократно демонстрировал, как воздействие соседей стимулировало изменения в исторической жизни народа. Примером тому может служить восприятие германскими племенами римской культуры. Как писал Виноградов в курсе истории средних веков, «во всех случаях, где мы встречаемся с переходом от низшего уровня цивилизации к высшему, мы имеем такой процесс: племя не стоит в одиночестве, оно как бы оплодотворяется извне, получает первые толчки на пути цивилизации в борьбе с соседними племенами, преимущественно, высшими по культуре. Так было на нашей исторической памяти с Греками, Римлянами, Германцами, Славянами. Племя, совершенно обособленное, едва ли имеет возможность развить культуру исключительно из себя. Это развитие всегда обусловливается влиянием рядом стоящего культурного племени» [30, с. 48–49]. В то же время, ученый признавался, что б*о*льшая образованность народа еще не означает его б*о*льшую историческую значимость. Тем самым несколько реабилитировалась и очевидная культурная отсталость России. «Из того обстоятельства, что древние римляне были несравненно образованнее напиравших на них варваров, не следовало, что за первыми всегда

останется преимущество в мировой борьбе. Если бы дело решалось согласно мерилу школьного образования, то пруссаки и австрийцы до сих пор остались бы подвластны наполеоновской династии» [19, с. 204].

Жизнь заграницей только укрепила убеждение Виноградова в европеизме как исторической судьбе России. «Но все сильнее укореняется среди них (англичан. – *А.М.*) мысль, – писал Виноградов с того берега, – что народ русский в этой борьбе (Первой мировой войне. – *А.М.*) проявил свойства великого народа, что с мелкими невзгодами и препятствиями он справится и что, во всяком случае, он не откажется от дела Петра Великого и от места в семье европейских народов. Его будущее – в согласии и мирной, культурной работе вместе с западными братьями. На этом пути, несмотря на все различие учреждений и привычек, найдена общая почва в культе права во всех его явлениях – права международного, гражданского, государственного права, уже давно завоеванного англичанами и сияющего, как путеводная звезда, перед глазами России» [29]. Никакие исторические перипетии и разочарования не подорвали этой цивилизационной веры Виноградова.

Однако в полной мере возможность сближения русской культуры с европейской сложилась не в результате петровских преобразований, а только с отменой крепостного права. Лишь окончательное избавление от крепостного рабства позволяет России встать на западный путь развития. «Можно сказать, – развивал свою мысль Виноградов, – что лишь с отмены крепостного права в 1861 году можно начинать историю нового периода народного просвещения в России, потому что только с этого времени открылся путь для усвоения европейской образованности не только правящим классом, но и “народом”» [19, с. 207]. Этим объясняется и то значение, которое историк придавал эпохе реформ Александра II. Освобождение и просвещение народа, развитие земских учреждений – вот те мероприятия, которые помогут России вписаться в европейскую цивилизацию. Приобщение к ней не стоит воспринимать как замену самобытных народных ценностей заимствованными европейскими. В этом процессе Виноградов видел возможность решения тех задач, которые стоят перед человечеством, а, значит, и перед русским народом. «”Человеческое”, – разъяснял он, – это задачи науки и религии, политики, права, хозяйства, то, что вытекает из основных условий человеческой

природы и мирового развития. Ответы на них получаются не тождественные, в зависимости от тех национальных особенностей, которые должны сказаться сами собой. Но при всем разнообразии оттенков не следует терять из виду, что вопросы о власти и свободе, о преступлении и наказании, о человеческой душе и строении мира, поставлены не для немцев, англичан или русских, а для всех людей. Мало того, несмотря на всю разницу исторических положений, нас соединяет принадлежность к тому или другому кругу мирового развития. Первым и самым обширным кругом, возвышающимся над отдельными национальностями, является христианская культура, со всеми ее разветвлениями в религии, морали и быте. Другой, более тесный, круг возник вследствие возрождения наук и искусств, открывающего новую историю. Третий круг составился в 18 веке вследствие освободительного движения. Четвертый круг формируется в настоящее время в связи со стремлениями к социализации гражданского строя. Не касаясь разномнений и споров, которые возникают на почве каждого из этих кругов, необходимо признать, что историческая жизнь в их пределах настроена на известные гармонические лады, и что поэтому разграничения национальные и государственные не могут воспрепятствовать свободному движению мыслей на всем протяжении образованного мира» [19, с. 212]. Обозначенные Виноградовым общие основы европейской и русской культуры – христианство, цивилизационная парадигма Модерна и «социализация гражданского строя» – позволяют надеяться, что приобщение к западной культуре может пройти не слишком болезненно, тем более, что в них заложена и идея культурной открытости и восприимчивости.

Революционные события в России, конечно, заставили Виноградова несколько откорректировать свою точку зрения. Но и здесь европейская история могла бы послужить для объяснения происходящих в России процессов. Более того, революция могла выступить, пусть и негативным, но, по крайней мере, формальным подтверждением общности исторического пути России и Европы, уже пережившей в своей истории серию революций. В России, как, вероятно, и в Европе возрос спрос на ученых, изучающих революции. Медиевистские разыскания Виноградова не могли послужить в этом отношении хорошим примером для проведения широких исторических обобщений и аналогий. Другое дело, оставшийся в

России приятель Виноградова Н.И. Кареев. В целом ряде специальных работ Н.И. Кареев исследовал различные аспекты революционных событий во Франции в конце XVIII в. и их причин. Ученики Н.И. Кареева продолжали и развивали подход своего учителя. В 1918 г. по настоянию редакции журнала «Нива» Н.И. Кареев решился на популярное изложение истории Французской революции, вышедшей четырьмя небольшими выпусками с единой пагинацией под названием «Великая Французская революция». Это издание едва ли подняло научный рейтинг ученого или повысило котировки его съедаемых инфляцией гонораров, но, по крайней мере, оказалось востребованным. Занятия Виноградова Французской революцией ограничивались изучением А. де Токвиля, хотя в течении многих лет он и читал курс по истории Франции XVIII в. Тем интереснее выводы, сделанные Виноградовым и поясняющие его собственную политическую программу. В предисловии к переводу «Старого порядка и революции» Виноградов отмечал, что «политическая свобода – вносит необходимую примесь идеализма в демократическую жизнь, которая иначе легко может унизиться до грубого и мелочного себялюбия; лучшей опорой политической свободы в демократиях служит децентрализация и местное самоуправление» [31, с. 6]. «Революция, – писал он далее, – ломала историческую действительность в угоду отвлеченным теориям. Но могущество отвлеченных теорий сложилось задолго до революции, в ту эпоху, когда общество отвыкало от всякого участия в политической деятельности» [31, с. 7]. Отсутствие навыков политической свободы в России усугублялось культурной отсталостью и необразованностью населения.

Ко многим навалившимся на Россию несчастьям, последовавшим в ходе революции, добавился и распад страны. Виноградов остро реагировал на отторжение окраин некогда могучего государственного организма. Россия как историческое явление представляет собой живой организм, сложившийся естественным путем, распадение которого болезненно отзывается во всех отложившихся частях. «Было бы чудовищной нелепостью в результате тягостной, но победоносной войны вытолкать Россию в пределы древней Московии, как того желают немцы», – писал историк в 1916 г. о возможном отторжении Польши [29]. Для нормализации положения в России по окончании войны, полагал

Виноградов, необходимо решить, каким образом возможна мирная консолидация и как регулировать отношения между народами в многонациональном государстве. Россия – результат тысячелетнего органического развития, поэтому современные неурядицы, уверен ученый, явление временное. Россия сможет преодолеть смуту, пережить революционное лихолетье и восстановится в своих естественных пределах. «Как скоро мы обозрим события в достаточно широком масштабе, – убеждал Виноградов, – мы поймем однажды, что нынешние трудности и беспорядок есть только маленький затруднительный эпизод общего роста» [24, p. 14]. Из смеси патриотизма и исторических представлений ученого рождается не лишенный утопизма рецепт Виноградова. «Возрождение этого исторического целого, – писал он в 1918 г., – создание которого стоило таких усилий, таких потоков крови, должно, несомненно, составлять одну из главных задач русских патриотов. Обезображенное туловище России, сохранившееся после отпадения Украины, после Брест-Литовского мира, после бегства с Кавказа, не отвечает никаким географическим и историческим потребностям: оно не обеспечивает ни самодовлеющего хозяйственного круговорота, ни политической независимости, ни культурного прогресса… Чтобы воссоединить Украину, Крым, Дон, Кавказ – надо развернуть не знамя централизованной царской власти, от которой так тяжело терпели все народности, а знамя справедливого и великодушного идеализма, начало которого самоотверженно исповедовали лучшие люди России – Толстой, Владимир Соловьев. И это знамя под стать развернуть не монархической реставрации, а русскому народоправству» [27, с. 58]. «Виноградов до конца оставался *русским*, думавшим все время о России и болевшем за нее», – отмечал настроения историка революционной поры Дионео [32, с. 250]. Ориентиром для постреволюционного устройства России, согласно Виноградову, должны служить не стихийные инстинкты толпы или властные вожделения ее вождей, а лучшие достижения русской культуры, среди которых он усматривал и республиканские начала.

Идеалом политического устройства России Виноградов считал сильную центральную власть. Это необходимо для осуществления исторической миссии России: распространения начал европейской цивилизации на подвластные народы. Первоначально он считал, что

такому идеалу может соответствовать конституционная монархия, а ее образцом может служить современное государственное устройство Германии. Английский вариант конституционной монархии, очень желательный, пока недостижим в России. «По условиям исторического прошлого, громадности территории, сложных и опасных международных отношений, – расставался Виноградов со своими англофильскими симпатиями, – для России скорее подходит система, приближающаяся к германскому конституционному типу, т.е. допускающая значительную самодеятельность и влияние монархического фактора» [33]. Ориентация на Германию не была изменой европеизму, но лишь более соответствовало русским историческим реалиям. «Что же касается до русских, – продолжал ученый, – то, как бы они ни были враждебны завоеваниям и милитаризму, как бы ни были равнодушны к внешнему могуществу престижу родины, немногие захотят отречься от дела 1812 года и от наследия Петра Великого. И если в виду надвигающегося монгольского, балканского, австрийского и других вопросов нужна не разваливающаяся федерация, а сильная держава, то нужно и единство командования, нужна единоличная власть, воплощающая национальные интересы и могущество» [33]. Выход из революционного кризиса 1905 г. Виноградов видел в совокупной деятельности правительства, интеллигенции и народа. «История покажет, – предрекал он, – насколько осуществима в действительности попытка установить известное равновесие на этой почве между монархией и народовластием, но во всяком случае такого рода попытка и желательна, и неизбежна. Было бы наивно думать, что роль монархии в русской истории окончена или что она может быть сведена на исполнение церемониальных обязанностей; надо стремиться к тому, чтобы роль эта была благотворная, а не обструктивная» [33]. Народоправство может быть представлено не только парламентом, но и, что существеннее, местным самоуправлением. По словам Виноградова, «важно связать систему возникающего представительства с органическими и постоянно действующими общественными телами» [34], т. е. опереться на традиции земского и городского самоуправления. Парламенту должен принадлежать контроль над финансами, монарху – над армией.

Революция сделала невозможным возвращение России к монархической форме правления. В отличии от большинства эмигрантов

Виноградов не питал реставрационных иллюзий. Не мог он принять и «маниакальную тиранию большевиков» [24, p. 17]. Будущее России историк видел в конституционной форме правления, гарантирующей права и порядок. Благотворным для России может оказаться федерализм демократического толка, а не бюрократическая централизация.

Изменения затронули не только Россию; в результате войны в Европе трансформации подверглись политические организации и социальные условия, да и международные отношения в целом. Люди, пережившие мировую войну хотят гарантированного нормального развития, материального и духовного прогресса. Опасность исходит от противостояния двух идей, лежащих в основе современных международных отношений: требования международной справедливости и борьба наций за самоопределение. Мирным разрешением противоречий должна заняться Лига Наций. Ее руководящим принципом должно быть давно известное положение «*самосохранение и самосознание государств как исторических организмов*» [24, p., 9]. Бесполезно наделять Лигу Наций функциями единого федеративного правительства. Такое правительство не сможет гарантировать интересы конфликтующего человечества. В современном мире необходимо расовому сепаратизму и бесцветному интернационализму противопоставить историческую традицию. Здесь исторический пример обретает силу политического аргумента. «Лучшей иллюстрацией исторического государства может служить Великобритания», — констатировал Виноградов [24, p. 10]. России же, следуя примеру Англии, надо отказаться от идеализма «сентиментальных соображений» и «держаться политики ясно понятых целей». Общий принцип межгосударственных отношений должен быть таким: «Жить и давать жить другим» [29].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Малько А.В., Саломатин А.Ю. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 2 (283). С. 125-133.

2. Горбатюк Е.С. Идея народного представительства в политической истории России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные Отношения. 2013. № 2. С. 75-81.

3. Речкович С.А. Политико-правовые взгляды Павла Гавриловича Виноградова // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 44-51.
4. Шаляпин С.О., Михайлов С.В. Историко-правовое измерение творчества П.Г. Виноградова // Философия и методология истории. Сб. науч. ст. VI Всеросс. науч. конф. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015.
5. Погодин С.Н. Павел Гаврилович Виноградов (1854 – 1925) // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 174-197.
6. Егоров А.Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX века: дисс. … д-ра ист. наук. 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования. Московский государственный областной университет. Череповец, 2010. С. 879.
7. Никифоров Ю.С. Общественная деятельность историков «русской школы» в социокультурном пространстве российской империи конца XIX - начала XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 2. С. 33-38.
8. Повилайтис В.И. Что есть история? Версия русского зарубежья / моногр. Изд-во: Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2009. С. 184. ISBN: 978-5-9971-0030-8
9. Повилайтис В.И. Философско-историческая мысль русского зарубежья (20 - 50-е годы XX века): дисс.… д-ра филос. наук. 09.00.03 - История философии. Московский педагогический государственный университет. Калининград, 2011. С. 274.
10. Vinogradoff P. The Reforming Work of the Tzar Alexander II; The Meaning of the Present Development in Russia // Lectures on the History of the Nineteenth Century. Cambridge, 1902.
11. РО ИРЛИ РАН. Ф. 189. №. 71. Л. 11.
12. Виноградов П.Г. И.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11.
13. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1990. Т. IX. С. 398.
14. Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir // The Collected Papers of Paul Vinogradoff. Vol. I. Historical. Oxford, 1928.
15. Vinogradoff P. Prophetic Career // British Review. 1915. Vol. XII. № 1. P. 3–14;
16. Vinogradoff P. The Slavophil Creed // Hibbert Journal. 1915. P. 245–260;
17. Vinogradoff P. Western and Eastern Ideals in Russia // Fortnightly Review. 1919. № DCXXIX. P. 670–677.
18. Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). Т. VI. СПб., 1897–1904.
19. Виноградов П.Г. Россия и Европа // Исторический архив. 1997. № 1. С. 208.
20. Виноградов П.Г. История Греции. Лекции профессора Императорского Московского университета П.Г. Виноградова 188[?] г. Литография. Б. м., б. г.
21. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М., 1915.
22. Виноградов П.Г. Кальвин и Женева (Р. Виппер: «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма». Москва, 1894) // Русская мысль. 1894. Кн. IX
23. Vinogradoff P. The Russian Problem. London, 1915.

24. Vinogradoff P. The Situation in Russia // The Reconstruction of Russia. Oxford, 1919. P. 15.
25. Виноградов П.Г. Т.Н. Грановский // Русская мысль. 1893. Кн. IV.
26. Виноградов П.Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 210. 5 августа.
27. Виноградов П.Г. «За» и «против» республики // Исторический архив. 1997. № 2. С. 53-61.
28. Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Вестник Европы. 1901. Т. V. Октябрь.
29. Виноградов П.Г. Мечты о мире // Биржевые ведомости. 1916. 23 марта.
30. Виноградов П.Г. История средних веков. Лекции, читанные ординарным профессором П.Г. Виноградовым на филологическом факультете Московского университета в 1897/8 учебном году. Литография. Б. м., б. г.
31. Виноградов П.Г. Предисловие к русскому переводу // Токвиль. Старый порядок и революция. М., 1896.
32. Дионео. П.Г. Виноградов и революция // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2 / XV.
33. Виноградов П.Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 219. 14 августа.
34. Виноградов П.Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. № 224. 19 августа.

MALINOV, Alexei V. – Saint-Petersburg State University. 199034, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russia. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

RUSSIA IN HISTORIOSOPHICAL JOURNALISM P.G. VINOGRADOV.

The article discusses the the philosophical and philosophical and historical journalism medievalist Pavel Gavrilovich Vinogradov (1854-1925). In particular, it analyzes the evaluation Slavophile direction and teaching in Russian thought. The focus is on publicism of emigrant period (after 1901), when P.G. Vinogradov became much more to write on Russian issues. Living in the UK influenced the change in its attitude to Russia. Although he remained faithful to the ideals of liberal Westernism, but began to appreciate the views of Russian national thinkers. Publicistics of P.G. Vinogradov was focused primarily on the Europeans, whom he wanted to introduce the basic facts of Russian history and the basics of Russian philosophy.

PAVEL GAVRILOVICH VINOGRADOV; SLAVOPHILES; LIBERALISM; RUSSIA; THE WAR.

УДК I (091)

И. Д. Осипов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА В ЕЁ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И РАЗВИТИИ[1]

ОСИПОВ Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Институт философии;
Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: idosipov@mail.ru.

В статье анализируются некоторые вопросы проблемы концептуального развития русской философии XX века. В этой связи исследуются философские концепции начала XX века, философия русского зарубежья и советская философия. Делается вывод о единстве и преемстве некоторых ключевых проблем русской философии: антропологической, моральной, исторической и социокультурной.

ФИЛОСОФИЯ; КУЛЬТУРА; ЧЕЛОВЕК; ИСТОРИЯ; ОБЩЕСТВО; ДУХОВНОСТЬ; ЭТИКА.

Русская философия XX века развивалась в крайне сложных условиях. Это – время революции начала столетия, Гражданской войны и массовой эмиграции русской интеллигенции. Это также был период Великой Победы советского народа в Отечественной войне и перестройки, из которой выросла новая Россия. Теоретическое содержание русской философии XX века, её темы и проблематика выражают главные для русского общества ценности: патриотизма и гуманизма, интернационализма и коллективизма, духовности и нравственности. Эти ценности во многом проявляются не только в философии, но и в других

[1] Статья написана при поддержке Гранта РГНФ № 16-03-00623 (а) «Отечественная журналистика. 1917-1922 ».

социальных и гуманитарных науках. В своей капитальной монографии С.Н. Погодин пишет: «Научная школа является таким социальным феноменом, который позволяет рассматривать с единой точки зрения и гносеологические и социологические характеристики науки» [1]. Гуманитарная научная школа строится на основе определённых мировоззренческих предпосылок, которые исследуются в философии. Отсюда и тесная связь отечественной философии и социальной, а также гуманитарной науки, которая, в частности, проявлялась в формировании философских концепций не только профессионалами-философами, но и представителями гуманитарных наук. В этой связи следует подчеркнуть, что специфика отечественной философии XX века проявлена и в том, что в ней получили преимущественное развитие этические, философско-исторические и онтологические проблемы. Они могли получить религиозную или рационалистическую интерпретацию.

Рассматривая конкретно философских направления этого периода, следует назвать метафизику всеединства, которая получила своё отражение в концепциях Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского. Е.Н. Трубецкой разрабатывал философию всеединства в сочинениях: «Миросозерцание В.С. Соловьева», «Метафизические предположения познания» и «Смысл жизни». Он специфически интерпретировал философию всеединства, внося в неё момент противоречия как источника развития всего сущего. Философ стремился найти единство между интуицией времени, заключенной в восприятии связи между прошлым, настоящим и будущим и интуицией всеединства. Концепция всеединства была конкретизирована в историософии Трубецкого, где несовершенство мира, борьба в нём страстей осмысливались с точки зрения вечности и всеединства лишь как временный ряд, имеющий «отдельный», частичный характер. В своей теодицее–оправдании Бога Трубецкой определяет свободу как «внешнее проявление отдельной твари от Бога и ее самостоятельности». В любви человека к Богу слиты свобода и всеединство, и богочеловеческий процесс преображения человека представляется в виде свободного осуществления божественного замысла, который человек волен принять или отвергнуть. Главное, по Трубецкому – это стремление человечества к всеединству, которое проявляется в соборном сознании и диалоге, обеспечивающем сближение отдельных

человеческих истин. Философ считал, что творческий гений человека способен отличить добро от зла и действовать так, чтобы придти к всеединству и полноте Истины.

Принадлежал к направлению философии всеединства и С.Н. Булгаков. В 1922 г. был включен большевиками в списки деятелей науки и культуры, подлежащих высылке за рубеж. Его перу принадлежат работы: «Два града», «Философия хозяйства», «Свет невечерний. Созерцания и умозрение», «Агнец Божий». Рассматривая природу человека, он пишет о её двойственности. «Человек есть одновременно тварь и не-тварь, абсолютное в относительном и относительное в абсолютном. Он есть живая антиномия, непримиримая двойственность, воплощенное противоречие. И эту антиномичность находит человек в глубине своего сознания, как выражение подлинного своего существа» [2]. Человек творит свободно, но принципиально нового он ничего не создает: хозяйство есть функция жизни уже созданной Богом и данной человеку. Задача человека – внести свою лепту в процессе свободной деятельности в природно-космический мир, и София является символом тех возможных творческих усилий, которые могут быть предприняты человеком в процессе освоения мира. Для Булгакова общество существует как динамическая сумма индивидуальностей, и субъект хозяйства – Мировая душа проявляется в опыте, действуя в истории, как неопределённая множественность отдельных независимых центров–индивидуальных человеческих сознаний и воль. Раскрывая особенности христианского социального идеала, Булгаков подчеркивает то, что христианство воспитывает понимание общественной жизни как взаимного служения и приемлет мир как творение Божие.

Философия всеединства развивалась и в учении П.А. Флоренского. В 1914 г. защитил магистерскую диссертацию «О духовной истине. Опыт православной теодицеи». В том же году вышел самый известный труд Флоренского «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи». В 1933 г. он был осужден по ложному обвинению, а в 1934 г. отправлен в Соловецкий лагерь. В 1937 г. Флоренский был расстрелян. Свою жизненную задачу Флоренский понимал, как создание цельного мировоззрения, синтезирующего веру и разум, богословие, искусство и философию. Одно из основных понятий его философии – антиномичность.

Антиномично всякое действие разума, причина этого грех и зло. Путь теодицеи возможен не иначе как благодатной силой Божиею, подвигом любви и веры. В конечном счете, теодицея основана на «Столпе и утверждении Истины», то есть на Церкви. В основе антроподицеи, то есть оправдании человека по Флоренскому лежит идея очищения человека от греха и его спасения. Центральный вопрос антроподицеи – христологический то есть вопрос о воплощении Бога слова и соединении человека с Христом и таинствами церкви. Понимание Софии – премудрости Божией коренилось в характерном для русской мысли представлении о мире как органическом целом, имеющем основание в пронизанности мира Божиим Законом и Силой. Одновременно Флоренский стремился рассмотреть Софию как особый многозначный символ, позволяющий раскрыть связь всего бытия с Христом.

В философии русского зарубежья С.Л. Франк – один из наиболее глубоких интересных мыслителей. Перу Франка принадлежат работы «Предмет знания» (1915), «Введение в философию» и «Очерки методологии общественных наук» (1922), «Живое знание» (1923), «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» (1930), «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии» (1939), «Свет во тьме. Опыт христианской этики и социологии» (1949). Философию Франка можно характеризовать как экзистенциальную онтологию всеединства. Мысль о различении видимой (постижимой) и невидимой (непостижимой, или «трансрациональной») реальностей вошла в его гносеологию, онтологию и социальную философию. Последняя основывалась на дифференциации подлинного социального бытия– сверхличного единства и неподлинного (общественности)–механического соединения атомизированных индивидуумов. «Общество есть, таким образом, подлинная целостная реальность, а не производное объединение отдельных индивидов, более того, оно есть единственная реальность, в которой нам конкретно дан человек»,-пишет он [3]. Внутренняя цельность общества раскрывает себя уже в элементарном социальном факте: общении «я» и «ты», которое оказывается возможным лишь благодаря изначальному их единству – «Мы». Общество для Франка есть многообразное и противоречивое проявление онтологического всеединства бытия, сравнимого с внутренним единством, существующим у ствола

дерева с листьями, растущими на нем. Присущая жизни трагическая разорванность и внешняя бессмысленность, по Франку, есть результат онтологического разлада, дисгармонии между духовным, личным, и бездуховным, природным, космическим, началами. Согласно Франку, социальное явление не состоит из физических процессов, а только связано с ними и имеет их внешним следствием и спутником, поскольку не существует никакой «пропорциональности» между существом общественного явления и его физическими последствиями. Свобода, по его мнению, – единственная точка человеческого бытия, в которой только возможна непосредственная связь человеческого с божественным. Отказ от свободы – духовное самоубийство личности, всякое покушение на свободу другого есть покушение на убийство в нем человека. Высшая свобода как положительное начало исходит из бытия человека у самого себя, из осмысленного социального и нравственного самоопределения личности. Самоорганизация и служение обществу для Франка не противоречат друг другу, если они направлены на созидание, которое возможно только вне деспотизма.

Другим интересным направлением русской философии зарубежья был экзистенциализм. У истоков этого направления находится Н.А. Бердяев. В 1922 г. вместе с большой группой выдающихся философов, писателей, ученых он был выслан из страны. За рубежом вышли лучшие книги Бердяева: «О назначении человека», «Русская идея», «Философия неравенства» и др. Главные философские проблемы, которые всегда его волновали – свободы человека, смысла его существования и творчества. Согласно Бердяеву личность – есть реальность духовная. Проблема смысла существования человека заключается в том, что он находится на пересечении двух миров и сознает себя одновременно принадлежащим миру Божественному и природному. «Корни человеческого существа уходят в добытийственную бездну, в бездонную меоническую свободу, и в борьбе с за личность, за Божью идею человек должен вырабатывать сознание с его границами, освещать тьму, поводить через цензуру сознания подсознательные влечения и инстинкты» [4]. Задача религиозного сознания в том, чтобы раскрыть христологическое сознание человека. Личность уникальна, поэтому государство, наука, культура и даже общий нравственный закон могут стать препятствием для

формирования личностного сознания, только, преодолевая эти формы бытия человек, может обрести себя. Важнейшей характеристикой подлинного бытия человека является свобода как «безосновная» реальность. Конкретизируя, он разделяет свободу на негативную и позитивную. Первая свобода – свобода в грехе, это дьявольская свобода отрицания. Вторая – свобода божественная, которая проявляется в творчестве. Содержанием положительной свободы являются любовь и истина, воплощенные в образе Христа. Человек рассматривается Бердяевым не только как творец мира, но в известном смысле и как творец самого себя. Идеалом подлинного общества является духовный союз людей, где присутствуют индивидуализм и свобода, они утверждаются по словам философа в коммунитаризме, преодолевающем принудительно-тоталитарные режимы.

Бердяев предлагает своё понимание Русской идеи. Он убежден в том, что Россия предрасположена к решению эсхатологических задач, и она поставлена в мире как великий «Восток–Запад», составляющий узел всемирной истории, заключающий в себе возможность решения всех мировых проблем. Культура, по его мнению, перестает быть европейской и становится всемирной. Европа вынуждена отказаться от монополии своей культурной роли. Поэтому Россия получает свой шанс стать центром мировой культуры.

Необходимо среди концепций, созданных в русском зарубежье, назвать метафизический персонализм Н.О. Лосского. В 1922 г. он был выслан из России. Основные сочинения: «Обоснование интуитивизма», «Мир как органическое целое», «Введение в философию», «Свобода воли», «Условия абсолютного добра», «История русской философии». Раскрывая содержание своей философии, он пишет, что: «Тело человека состоит из множества субстанциальных деятелей, вступающих в более или менее тесный союз с человеком. Они находятся на крайне различных ступенях развития и образуют сложную систему, иерархически построенную. Во главе всего тела стоит «Я» человека» [5]. Субстанциальные деятели творят не только познавательные акты, но и всё реальное бытие, они бесконечно богаты по содержанию и являются конкретно-идеальными сущностями. Субстанциальный деятель может устанавливать соотношение между прошлым, настоящим и будущим.

Преодолевая возможное расхождение субстанциальных деятелей, Лосский подчеркивает, что они «консубстанциальны», поскольку как носители творческих сил они различны, но в качестве носителей абстрактных форм, они тождественны и образуют единство бытия. Субстанциальные деятели не обособлены друг от друга, но частично «единосущны» как носители творческих и деятельных сил, и это единство поддерживается тем, что во главе иерархии субстанциальных деятелей находится «высокоразвитый» субстанциальный деятель, то есть мировой дух. Весь мир согласно метафизическому персонализму состоит из существ, которые действительно или потенциально являются личностями.

Интересным направлением русской философии XX века было *евразийство*. В 1921 г. в Софии, а позже в Берлине, Праге и Париже евразийцами был опубликован первый сборник работ: «Исход к Востоку: предчувствия и свершения». В числе авторов были: Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский. Заметную роль в этом движении в последующем сыграли Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Г.П. Федотов, П.М. Бицилли. Для евразийцев Россия – это не Запад и не Восток, а именно Евразия – особый географический и культурный мир. В культуре евразийцы выделяли «два порядка» ценностей: одни связаны с установлением направления и целей народной жизни, другие – со средствами их достижения–техникой и эмпирическим знанием. Из этого следовал вывод о преимуществе духовной культуры России-Евразии. Её особое место среди славянских культур подчеркивалось указанием на то обстоятельство, что единственным звеном, связующим славянские и русские культуры, является язык. Россия–Евразия унаследовала не только византийские культурные традиции. Важным культурным фактором оказалась и «восточная волна» Монголии.

Евразийство ставило задачу выявить соотношение народности и территории, для решения которой должны были приниматься в расчет давление и сопротивление, оказываемые друг на друга субкультурами Евразии, а равно и степень вовлеченности каждой из них в сложный оборот европейской культурной, политической и экономической жизни при наличии, с одной стороны, сложных групповых и классовых противоречий, а с другой – «сил центростремительных и культурообразующих». На теоретическом уровне эта задача

формулировалась как проблема взаимодействия различных субкультур. Симфоническая личность культуры составляется из иерархически организованного комплекса личностей (класс, сословие, семья, человек и пр.), сосуществующих одновременно, но генетически связанных с другим предшествующим ему комплексом индивидуализации прошлого. Чтобы язык культуры стал доступным, в ней за внешними формами следует искать духовный стержень, каковым является господствующая в данной культуре «идея-правительница», определяющая, нормирующая различные модификации культуры. Согласно Трубецкому, идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою «идею – правительницу», носителем которой является правящий слой. «Под идеократией же разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице», – пишет он [6].

Концепция месторазвития евразийцев сочетается с признанием многовариантности человеческой истории и с выделением наряду с географическим, также и самобытного духовного начала жизни. С этой точки зрения Россия является единой во многом на всем ее пространстве и в то же время отличной от природы прилегающих стран, т.е. является «континентом в себе». Этот континент, предельный «Европе» и «Азии», и в то же время не похожий называется «Евразия». С этим связывалось видение особой роли России–Евразии в современном мире в самостоятельном развитии и в создании хозяйственно взаимодополняющих друг друга отдельных, пространственно соприкасающихся областей континентального мира.

В русской философии XX века значительный интерес вызывает философия права, представленная концепциями П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, Е.В. Спекторского, Б.П. Вышеславцева. «В отечественной философии политики и права ставились и решались различные экзистенциальные и онтологические проблемы развития личности и государства, общества и нации» [7]. Интересным её примером является концепция свободного универсализма П.И. Новгородцева. В 1920 г. эмигрировал за рубеж. Большая часть его работ посвящена изучению метафизических оснований права и морали, форм взаимосвязи и взаимопроникновения этических и юридических норм в духовной культуре и анализу особенностей реализации в социальной жизни

абсолютной этической ценности, из них особо значимы работы: «Об общественном идеале», «Кризис современного правосознания», «Лекции по истории философии права», «Право на достойное существование». В своих теоретических построениях Новгородцев исходил из кантовской метафизики нравов, различая и противопоставляя сущее должному, видя в этом специфику действия социальных законов. В этой связи выдвинул тезис, согласно которому познание общественных явлений требует учета интересов ценностей личности и ее духовных идеалов. Единственным истинным общественным идеалом, согласно Новгородцеву, может быть лишь идеал бесконечного развития личности. Из понятия личности, вытекают не только её права, но и ее обязанности. Однако в существе требований свободы и равенства, несмотря на их близость, особенно в политической жизни, заключено противоречие, так как «последовательно проведенное понятие индивидуальности сталкивается с принципом всеобщего уравнения, точно так же, как последовательное развитие понятия равенства встречает преграду в требовании индивидуализации. Безграничное развитие свободы привело бы к всеобщему неравенству: безусловное осуществление равенства имело бы своим последствием полное подавление свободы. Такое же противоречие возникает и между притязаниями личности и ее обязанностями по отношению к обществу, так как с развитием нравственного сознания усиливается чувство солидарности и единства между людьми, которые в свою очередь, наталкиваются на выдвигающийся в личности момент своеобразия и особенности, что осложняет задачу притирания интересов.

Философские воззрения И.А. Ильина содержательно развивают некоторые теоретические положения отечественной философии права. В 1922 г. был выслан в Германию. В 1938 г. был вынужден спасаться от нацистов в Швейцарии. Творческое наследие Ильина огромно и насчитывает более 40 книг и брошюр, несколько сот статей. Его философия во многом посвящена исследованию нравственно-религиозных оснований права. Осмысливая духовные и нравственные предпосылки права, Ильин ставил перед собой цель снять противоречие между государством и индивидом, частным и общественным интересом, естественным и положительным правом, внешней и внутренней свободой личности. В борьбе со злом нужно использовать, прежде всего, душевно-

духовное воздействие на человека. И, если этого воздействия недостаточно или оно неосуществимо, тогда можно прибегнуть к физическому воздействию. Цель его состоит в том, чтобы направить другого (себя) на путь истинный, искоренить в душе зло. Отсюда следует необходимость регулирующих и контролирующих правовых норм и государства, и здесь по Ильину очевидна тесная связь государства, права и нравственности. Поддержание правопорядка является задачей не только государства, а зависит от каждого человека. Важнейшая проблема, которую рассматривает Ильин – вопрос о формировании «нормального», зрелого правосознания. Исходным в данном случае является духовное понимание права. «Право, – писал Ильин, – прежде всего, право человека быть независимым духом, право бытия и право свободы, право самостоятельно обращаться к Богу, искать, находить, исследовать и осуществлять узренное и предпочтенное совершенство. Одним словом, право есть атрибут духа, его способ жизни, его необходимое проявление» [8]. Основа нормального правосознания – естественная реакция человека на совершение несправедливости, каждый человек духовно и религиозно самостоятелен и индивидуален, имеет в себе источник духовного опыта и является субъектом нормального правосознания. Философ подчеркивает, что бессознательного живее способность человека предпочитать лучшее в объективном художественном, нравственном, социальном и религиозном смыслах.

Философия истории в русском зарубежье представлена сочинениями Л.П. Карсавина, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, Н.С. Трубецкого [9].

Философия развивалась и в СССР. Она создавалась усилиями тех, кто писал свои работы, продолжая своё творчество, начатое еще до революции. К ним можно отнести творчество А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, Г.Г. Шпета, Л.П. Карсавина, П.А. Флоренского. Многие из них были репрессированы. В стране долгое время господствовало догматическое мышление, одномерная марксистская идеология, не позволяющая создавать оригинальные философские концепции.

В 60-х годы наступила «оттепель», которая на волне изучения творчества раннего Маркса, в котором на первый план выходят вопросы антропологии. В этот период в СССР разрабатываются:

Поблемы логики и философии науки. Наиболее значимый вклад в эту область внесли И.Я. Чупахин, П.В. Копнин, Б.Г. Кузнецов, И.Н. Бродский, О.Ф. Серебрянников, В.А. Штофф, В.И. Свидерский.

История философии концептуально исследовалась Т.И. Ойзерманом, И.С. Нарским, В.Ф. Асмусом, А.Ф.Лосевым, В.В. Соколовым, Ю.В. Перовым, М.Я. Корнеевым, В.Я. Комаровой, З.Н. Мелещенко. История русской философии в её разных направлениях и проблематике была предметом исследования Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, А.А. Галактионова, П.Ф. Никандрова.

Сочинения В.П. Тугаринова, Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили, М.С. Кагана, Г.С. Батищева, М.К. Петрова всесторонне раскрывали гуманистическое содержание марксизма.

Профессор Ленинградского университета В.П. Тугаринов сыграл важную роль в развитии теоретических принципов гуманистического марксизма. Предметом его исследований были теория познания и логика, общественное сознание и цивилизация, взаимоотношение личности и общества, аксиология и культура. В период, когда изучение концепций современных западных философов было затруднено, Тугаринов стремился выявить рациональное зерно в «буржуазных» концепциях для развития категорий марксистской философии. Его труды наряду ввели в философию экзистенциальную проблематику сочинений Маркса, сыграли важную роль в утверждении темы личности в советской философии, способствуя тем самым преодолению догматического марксизма. В философии Тугаринова глубоко исследована проблема смысла жизни. В своих работах он дает определение смысла жизни как «сознательно поставленной цели, имеющей общественное значение и составляющей главный и постоянный интерес человека». Он выделяет следующие признаки личности: разум–сознание, самосознание и свобода. Не существует единого для всех смысла жизни, и каждый должен приложить усилия для придания смысла своей жизни. Смысл жизни также проявляется в семье, труде, обществе в целом и является важнейшей предпосылкой личного счастья и социального оптимизма.

В работе «Коммунизм и личность» развиваются новые аксиологические исследования, которые синтезировали идеальные и материальные феномены бытия человека и общества, позволяли выявить

многообразные лично–общественные коммуникации в культуре как мире ценностей. В трудах ученого на смену человеку – представителю класса приходил советский человек, как актор культуры и политики, формировалась творческая личность, ответственная перед собой и людьми. Эта личность была образована, культурна и нравственна, обладала историческим сознанием, так хорошо понимала историю своего общества и государства. В «Философии сознания» исследуются проблемы онтологии и гносеологии сознания, проводится различие между индивидуальным и общественным сознанием, обыденным и научным сознанием, знанием и идеологией. Интерес вызывает предпринятый анализ понятий информации, знака, проблемы моделирования психических функций, соотношения социального и психологического в общественном сознании.

В контексте развития гуманистического марксизма необходимо назвать и творчество Э.В. Ильенкова. В концепции философа на первый план выходит практическая сторона марксизма, в котором утверждается, что мышление и объективный мир развиваются в диалектическом взаимодействии. Он конкретно исследовал проблему идеального, подчеркивая, что все без исключения общие образы формируются в процессе «практически-предметного её преобразования человеком-обществом». По его мнению, идеальное, то есть разумная форма мыслящего активности человека – это способность жить в «согласии с формой любого другого тела, а также в согласии с перспективой (логикой) изменения этого тела в ходе развития человеческой культуры». Основание процесса развития личности составляет его способность действовать в идеальном плане, то есть осваивать всеобщую меру вещей, идеальное есть необходимый момент человеческой деятельности, совокупность осознанных индивидом всеобщих форм человеческой деятельности, влияющих на его активность. Согласно Ильенкову, общая теория деятельности определяет то, что сознание выступает как продукт функционирования социальной системы, системы деятельности человека. Сознание является необходимым моментом развития материи от низших форм к высшим и носит целеполагающий характер, оно телеологично. Исследования Ильенковым категории деятельности–практики стали важной предпосылкой для создания общей теории деятельности, изучение увеличивающегося многообразия форм человеческой деятельности,

выявление их фундаментальных характеристики и проведение их типологизации. Ильенков подчеркивает: отдельный индивид лишь постольку является человеком в точном и строгом смысле слова, поскольку он реализует совокупность исторически развившихся способностей, специфических способов жизнедеятельности, развивает тот или иной элемент до и независимо от него сформировавшийся культуры. По Ильенкову личность при социализме и коммунизме воспитывается на основе общественной культуры, в которой отсутствует антагонизм производительных сил и производственных отношений. «Для человека самым высшим и самым интересным предметом в универсуме является все-таки Человек».

К интересным философским направлениям, которые развивались в СССР, относится и Московско-Тартуская семиотическая школа 60-х годов. В неё входили В.Н. Топоров, В.В. Иванов, А.А. Зализняк, И.И. Ревзин, Т.Н. Молошная, Т.М. Николаева, Т.В. Цивьян, З. М. Волоцкая. В 1962 г этой группой был проведен Симпозиум по структурному изучению знаковых система, на котором рассматривался не только естественный язык, но также семиотические аспекты искусства и литературы, семиотика невербальных знаков коммуникации, математические аспекты стиховедческого анализа. В 1964 г. под руководством Ю.М. Лотмана была организована Первая летняя школа по изучению знаковых систем, которые собирались каждые два года до 1986 г. в Кяэрику и Тарту. Сближение Москвы и Тарту также воплотилось в создание серии Трудов по знаковым системам, издававшимся в Тарту с 1964 г. В целом семиотика виделась участникам Московско-Тартуской школы как экстраполяция лингвистики на сопредельные гуманитарные сферы (в частности, на литературоведение). В последующем исследования московских исследователей переключились на семиотический анализ художественного текста и мифологии, что было названо «вторичными моделирующими системами». Особый интерес представляет творчество Ю.М. Лотмана. Его основные работы: «Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени», «Сотворение Карамзина», «Структура художественного текста», «Культура и Взрыв», «Статьи по типологии культуры». В системной и фундаментальной концепции Лотмана литература предстает как функциональная составная часть более обширного семотического единства-культуры. Его

исследования имеют несомненную значимость в контексте развития современной культурологии и семиотики культуры.

В советской философии следует выделить и космизм – течение, связанное с концепциями В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, К.Э. Циолковского. Для них в той или иной степени характерны космоцентризм, убежденность в наличии смысловой установленности космически целого и определённой космической миссии человека. В философии космизма поставлена ключевая проблема современной экософии – науки о гуманном отношении человека к окружающей экосистеме и её сохранении. В философии Л.Н. Гумилева мы находим синтез идей евразийства и космизма. Ученый окончил в 1946 г. исторический факультет Ленинградского государственного университета. В 1949 г. был выслан в лагерь, где провёл почти семь лет. Им написано более двухсот работ. Из них наиболее известные: «Древние тюрки», «Хунну», «Древняя Русь и Великая Степь», «Ритмы Евразии»: эпохи и цивилизации», «Этносфера: История людей и история природы». Построение им оригинальной научной теории начиналось с идеи «пассионарности» – феномена энергоизбыточности». У «пассионарий» отсутствует инстинкт самосохранения, они, побуждая людей личным примером, совершают «порыв в развитии общества» и этносов. Согласно Гумилеву, этнос–коллектив людей, характеризующийся внутренней структурой и общностью фундаментальных стереотипов поведения. Этнос представляет собой закономерно возникающую природную систему, которая противопоставляет себя всем прочим таким системам. Этносы – феномен не только социальной жизни, но также и природы – биосферы и космоса. Механизмы этногенеза и социогенеза различны, а сочетание всех этносов и их этногеноценозов –экосистем образует антропосферу. В этой связи Гумилев формулирует теорию гексафазного этногенеза (фаза подъема – стабильного роста пассионарного напряжения; фаза акматическая – максимального пассионарного напряжения этноса; фаза надлома – раскола этнического поля; фаза инерции-плавного уменьшения пассионарности; фаза обскурации –снижения пассионарного напряжения до уровня ниже гомеостатического; фаза мемориальная–знаменующая переход к этническому гомеостазу).

Особо следует отметить философию Н.К. Рериха. Хотя она во многом формировалась за рубежом, но он никогда не порывал связи с Россией, оставаясь её гражданином. И поэтому философия Рериха имеет по своему значению универсальный характер. Важнейшие сочинения: Цветы Мории. Берлин, 1921; Пути благословения. Рига, 1924; Нерушимое. Рига 1934; Врата в будущее. Рига, 1936; Согласно Рериху, важнейшим фактором проявления творческого начала человеческого духа является культура, которая является синонимом творчества и отличается от некультуры, тем, что она дает начало жизни, отодвигает пространство бездуховности, то есть смерти. «Культура не может быть чем-то необоснованным, отвлеченным. Если культура есть следствие лучших накопленных знаний, есть утверждение Примата Духа, есть стремление к Красоте, то она же будет утверждением и всех правильных расчетов построений» [10]. Культура для Рериха отражает многообразие национальных и универсальных форм, и основой духовной эволюции цивилизации должен, по его мнению, стать синтез западной и восточной культур, современного и древнего сокровенного знания, науки, искусства и религии. Рерих утверждает свободу каждого человека в деле собственного жизнеустроения; он – органическая часть бесконечной духовной иерархии космоса и ключевое звено в его общем совершенствовании. Пропаганда и защита культуры является по Рериху важнейшей задачей человечества, значительная роль в которой принадлежит интеллигенции. Он писал о необходимости укрепления межкультурных контактов народов мира, указывая, в частности, на богатые традиции, соединяющие Россию и Индию. Рерих глубоко изучил древнеиндийскую философию, буддизм, ламаизм, труды Е.П. Блаватской. Все эти исследования в последующем лягут в основу его философии культуры, в которой синтезированы культурные достижения Запада и Востока. Согласно Рериху, сама культура может стать фактором объединения народов, если она формируется в детства. Данная идея была реализована в Пакте Мира Рериха, первом международном документе, ставящем целью защиту объектов культуры в военное время.

Таким образом, в русской философии XX века решались различные теоретические проблемы, отражая взаимосвязь национального и универсального. В этот период русская философия оказывает всё большее

влияние на мировую духовную культуру и философию, и всё большую известность в мире приобретает литературное и философское творчество Н.А. Бердяева, Л.Н. Гумилёва, Ю.М. Лотмана, П.А. Сорокина, В.И. Вернадского, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.К. Рериха. Творчество отечественных мыслителей оказалось востребовано во многом в связи с формированием национальной идентичности и самосознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Погодин С.Н.** Русская школа историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский, СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 380 с.
2. **Булгаков С.Н.** Свет невечерний. М., Республика. 1994. 383 с.
3. **Франк С.Л.** Духовные основы общества. М., Республика, 1992. 511 с.
4. **Бердяев Н.А.** О назначении человека. М., Республика. 1993. 415 с.
5. **Лосский Н.О.** Условия абсолютного добра. М., Республика. 1991. 368 с.
6. **Трубецкой Н.С.** Наследие Чингисхана. М., Аграф. 2000. 560 с.
7. **Осипов И.Д.** Философия политики и прав в России. СПб. СПБГУ, 2014. 260 с.
8. **Ильин И.А.** О сущности правосознании // Ильин И.А. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1993. 235 с.
9. **Малинов А.В, Прохоренко А.В.** Философия истории в России. СПб., Изд-во «Европейский Дом». 2010. 256 с. ISBN: 978-5-8015-0260-1
10. **Рерих Н.К.** О вечном… М., Республика. 1994.462 с.

OSIPOV Igor D. – St. Petersburg State University. 199034, Mendeleevskaya Liniya 5, Saint- Petersburg, Russia. e-mail: idosipov@mail.ru.

NATIVE PHILOSOPHY OF THE TWENTIETH CENTURY IN ITS CONTINUITY AND DEVELOPMENT.

The article examines some of the issues of conceptual problems of Russian philosophy of the twentieth century. In this regard, explores the philosophical concept of the early twentieth century, the philosophy of Russian foreign and Soviet philosophy. The conclusion of the unity and succession of some of the key problems of Russian philosophy: anthropology, moral, historical and sociocultural.

PHILOSOPHY; CULTURE; PEOPLE; HISTORY; SOCIETY; SPIRITUALITY; ETHICS.

УДК 316.75:008

Е. А. Маковецкий

ПРАВО НА КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ*

МАКОВЕЦКИЙ Евгений Анатольевич – доктор философских наук, профессор. Кафедра музейного дела и охраны памятников, Институт философии, Санкт-Петербургский государственны университет.
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
E-mail: evmak@yandex.ru.

В статье генезис современной концепции культурного наследия (XVIII в. - начало XXI в.) рассматривается в качестве выражения одной из культурных доминант: деления мира на зримое и незримое (материальное и духовное). Новозаветная идея наследия рассматривается в качестве источника всех современных интуиций культурного наследия; принятое в наше время деление культурного наследия на области материального и нематериального наследия признаются удачной рекогносцировкой архетипической для культуры дихотомии, правда, с ещё не выраженным приоритетом духовного над материальным.

ИДЕЯ НАСЛЕДИЯ; КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ; АПОСТОЛ ПАВЕЛ; НОВЫЙ ЗАВЕТ; ВИДИМОЕ И НЕВИДИМОЕ; КУЛЬТУРА.

> *Что легче сказать: прощаются тебе грехи твои, или сказать: встань и ходи?*
>
> Лк. 5:23

Почему забота о памятниках старины является настолько насущной задачей современной культуры, что все шаги, сделанные в этом направлении, расцениваются как топтание на месте? Почему вопросы

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-03-00138 «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции».

сохранения культурного наследия не оставляют никого равнодушным, но, наоборот, выявляют в обществе самый широкий спектр заинтересованности в старине: от корысти туристического бизнеса до беззаветной преданности энузиастов-одиночек, от идеологической заинтересованности государств до сентиментальных прозрений одиноких душ? Есть, вероятно, некая характерная черта, которая только угадывается в нашей суетливой обеспокоенности прошлым, но, по существу, соединяет пену современности с самым сердцем исторически единой культуры: я в такой же степени обеспокоен вопросами сохранения старины, как современник Сократа вопросами пайдейи, а современник Григория Богослова – вопросами триадологии (пусть в этом и есть некоторое преувеличение). Если это хотя бы отчасти верно, то необходимым условием сохранения культурного наследия является умение отличить эту характерную черту. Это ещё и потому важно, что большие дела не делаются в одиночку: Сократ и Григорий Богослов – не посторонние там, где мы решаем ту же задачу, которую приходилось решать и им (пусть условия этой задачи мы по-разному формулируем).

Возможно, в случае с культурным наследием мы имеем дело с действием архетипического для культуры разделения мира на видимое и невидимое или на материальное и духовное. И только поняв, каким образом взаимодействуют видимое и невидимое в современной культуре, мы сможем ответить на вопрос, зачем нужно сохранять памятники? И нужно ли вообще это делать?

Видимое и невидимое

Исцеление расслабленного описано тремя Евангелистами: Матфеем (9:2-8), Лукой (5:18-26) и Марком (2:3-12). Иисусу Христу приносят расслабленного, Он прощает его грехи, что вызывает негодование у книжников, находящихся здесь же среди прочего народа. Их возмущает «богохульство» Иисуса, взявшего на себя дело Бога: прощать грехи. Это, возможно, молчаливое негодование и стало причиной второго действия Христа по отношению к расслабленному: Он излечивает его от телесной немощи, так что тот, взяв свою постель, самостоятельно уходит домой. И тогда уже все присутствующие, включая и книжников, славят Господа. Вероятно, власть над невидимым, самое, возможно, сильное её

проявление – способность прощать грехи – оказалась недостаточно подтверждённой в глазах присутствующих. Вероятно, они Ему не поверили, даже несмотря на то, что Его власть над хворями и бесами уже неоднократно проявлялась, (Матф. 4: 23-24; Матф. 8: 2-16; Матф. 8: 28-34; Мк. 1: 23-26; Мк. 1: 30-34; Мк. 1: 39-44; Лк. 4: 31-35; Лк. 4: 38-41; Лк. 5: 12-16). Но тогда эта власть над невидимым всё-таки имела и зримые очертания: больные выздоравливали, это становилось *очевидным*. Вероятно, такого рода очевидности и требуют книжники в своём негодовании от Христа, требуют и получают её. Мы можем предположить, что Христос мог исцелить расслабленного и как-то «проще», просто излечив его от телесного недуга, не смущая присутствующих, не вводя некоторых из них в соблазн осуждения. Ведь при этой сцене присутствовало настолько много людей, что пришлось даже разобрать крышу дома, чтобы через отверстие в кровле спустить расслабленного в комнату, где находился Иисус (Лк. 5:19, Мк. 2:4). Более того, сам Христос обращает внимание всех на это различие между прощением грехов и исцелением телесного недуга (Мф. 9:5, Мк. 2:9, Лк. 5:23). И далее у авторов трёх Евангелий: *Но, чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи...*, и описывается исцеление [ἵνα δὲ εἰδῆτε ὅτι ἐξουσίαν ἔχει ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἐπὶ τῆς γῆς ἀφιέναι ἁμαρτίας (Мф. 9:6, Мк. 2:10, Лк. 5:24). Единственное различие – это немного другой порядок слов у Луки (ἵνα δὲ εἰδῆτε ὅτι ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἐξουσίαν ἔχει ἐπὶ τῆς γῆς ἀφιέναι ἁμαρτίας), разумеется, смысл фразы от этого в греческом языке не меняется]. Чтоб вы знали (видели), если уж не можете верить – это укор в словах Христа, и так, наверное, он и был воспринят присутствующими, если следом за исцелением их сначала объял ужас [*И ужас объял всех, и славили Бога и, быв исполнены страха, говорили: чудные дела видели мы ныне* (Лк. 5:26)] и только после этого они восславили Бога, *давшего такую власть человекам* [Это пояснение причины восхваления есть только у Матфея: 9:8].

Чем был вызван этот ужас? – Пониманием немощи своей веры: как можно исповедовать невидимого Бога, опираясь только на то, что можешь увидеть, или на знание? Когда над Петром разверзаются небеса, когда женщины находят гроб, где был похоронен Иисус, пустым, – это тоже

вызывает ужас [Слово ἡ ἔκστᾶσις, в русском переводе – ужас, встречается в Новом Завете ещё, по крайней мере, дважды (кроме Лк. 5:26): во-первых, Мария Магдалина, Мария Иаковлева и Саломия были охвачены ужасом, когда нашли опустевший гроб и встретили там юношу, облечённого в белые одежды (Мк. 16:8). Во второй раз слово экстаз (здесь переведено как «исступление») употребляется при описании состояния Петра, когда трижды отверзалось небо и ему спускался сосуд с животными, гадами и птицами, предназначенными для еды (Деян. 10:10). Заметим, что ужасом были встречены два ключевых события: Воскресение (ужас перед опустевшим гробом) и начало проповеди среди язычников («Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян. 10:15) – было ответом Петру, когда он отказался принимать дарованное в пищу, это и подвигает Петра начать проповедь среди язычников)]. Не только книжники, но и самые близкие Иисусу люди могут испытывать ужас от разительного несоответствия между ничтожностью своей веры и величием Божественных действий, произведённых здесь и сейчас [А вообще можно ли сравнивать невидимого Бога с Его видимыми действиями? Быть может, в каждом из своих действий, как в каждой из своих энергий, Он пребывает во всём своём величии, пребывает целиком? Не об этом ли учит свт. Григорий Палама?]. Вот ты поражаешься исцелению тела, хотя только что были прощены паралитику все его грехи; вот ты видишь пустой гроб, хотя и так знал, что похороненный в нём – Сын Божий; вот над тобой разверзаются небеса и даются знаки того, что единство всех людей во Христе никак не связано с обрезанием, но ведь, вроде бы, это и так понятно? Каждый раз для укрепления слабой веры происходит ещё «необязательное» чудо в видимом мире, каждый раз люди ужасаются. Чему? Возможно, слабости своей веры; возможно, открывающейся в эти моменты бездне между видимым и невидимым мирами, заложником каковой и является человек после грехопадения; возможно, в эти минуты человек принимает трагическое величие собственной природы: величие, потому что только из него постигается Божественное присутствие, а трагическое, потому что в виду Божественного присутствия твоё собственное бытие становится для тебя неустранимым укором. Может быть, ещё чему-то ужасаются в такие минуты люди, но только всегда

после этого они славят Господа, значит не такими уж и необязательными и избыточными оказываются эти чудеса в видимом мире. Если ты ужаснулся, значит более страшный упрёк, или приговор, – ... *мы играли вам на свирели, и вы не плясали*... (Мф. 11:17. Лк. 7:32) или ... *много званых, но мало избранных*... (Мф. 22:14. Лк. 14:24) – уже относится не к тебе. Если ты ужаснулся, то крупица веры в тебе всё же есть, хотя она и неизмеримо меньше горчичного зерна, но всё-таки имеется. Эта микроскопическая вера, зато способна вырасти в Царствие Божие (Мк. 4:26-32), она сильнее бездны, вселившей в тебя ужас. [Эта микроскопическая вера не так уж и мала. Что-то похожее произошло, например, и в Гадаринской стране, когда Иисус изгнал из одержимого бесов в стадо свиней (Мк. 5:1-20. Лк. 8:26-39). Тогда после рассказа пастухов о случившемся, после исцеления бесноватого, местные жители «устрашились», «ужаснулись» (ἐφοβήθησαν) (Мк. 5:15. Лк. 8:35), но не восславили Господа, а начали просить Его, чтобы отошёл от пределов их (Мк. 5:17). Это был не ужас, не страх Божий, а только страх без веры].

Было бы слишком расточительно и не умно считать историю с исцелением расслабленного – *только* эпизодом земной жизни Христа; даже видеть в ней *только* иносказание, которое требуется «расшифровать» в нравственном ключе, было бы, пожалуй, тоже слишком мало. Если это история о страхе Божьем, тогда в ней содержится и рассказ о каждодневной работе человека в культуре. Потому что мы можем понимать культуру в качестве единства свободных действий человека. А ни одно действие не будет возможным без веры в то, что невидимое может стать видимым. Что происходит в культуре, когда человек действует, т.е. с большей или меньшей мерой свободы воплощает свою творческую способность? – Он обязательно соединяет видимое и невидимое, испытывает ужас или просто страх, восхваляет Господа или просит Его удалиться, и ему, почти наверняка, всегда не хватает веры. Это знание, а также оптимизм истории о расслабленном (ведь несмотря на маловерие исцеление всё-таки произошло!) позволяют по-новому взглянуть на актуальнейшую проблему современной культуры: вопрос о сохранения культурного наследия.

Из истории концепции культурного наследия

Проявление заботы о старине, равно как пренебрежительное отношение к прошлому, мешающему немедленному наступлению светлого будущего – черты в равной степени характерные для любого времени. Периоды исторического пессимизма, консервации прошлых неповторимых достижений, сменяются периодами безоглядной веры в исторический прогресс, но всегда остаётся очевидной неразрывная связь между прошлым и будущим, воплощённая в любой из тех вещей, которые – в зависимости от поветрия своего времени – либо всеми силами сохраняются, либо безжалостно уничтожаются. Эти вещи – наследие: то, самое настоящее, самое современное, что, принадлежа прошлому, оказывается единственным ключом к будущему. По сравнению с наследием мера остальных вещей призрачна: они либо уже ушли из бытия, либо ещё не стали существовать по-настоящему. Интересно, что напряжённость, противоречивость, актуальность мыслей и чувств, связанных с сохранением и утратами предметов старины, присуща подавляющему большинству наших современников. А если такая фундаментальная философская категория как наследие способна сейчас будоражить души, так же как современников Сократа беспокоила мысль о справедливости, а современников свт. Григория Богослова – о природе Троицы, то это (пусть и единственный!) повод гордиться своим временем.

Показательно, что актуальным для нас является не юридический дискурс о *наследстве*, а именно культурологический – о *наследии*: психологически очень понятно, что чем больше человек заинтересован в собственном наследстве, тем меньше его беспокоят вопросы общего наследия. Хотя, разумеется, далеко не всегда забота о наследии является бескорыстным служением и высокой теорией, но такими она *должна* быть. И это тоже очень существенно для нашего, корыстного во многих других смыслах, времени, что логика наследия – это логика не сущего, а именно должного. В этом состоит заслуживающий удивления и признания идеализм современности. По счастью, в русском языке существует два слова (наследство и наследие), чтобы обозначить свою корыстную или, наоборот, идеальную заинтересованность в прошлом. Что касается общемирового универсального дискурса, то для обозначения объекта этого

бескорыстного служения сейчас используется термин «культурное наследие» (Cultural Heritage). И хотя следы его употребления мы можем найти уже в конце XVII и в XVIII вв. [20, p. 39], однако у нас нет никаких оснований не доверять компетентному мнению исследователя истории законодательства в области охраны памятников, который утверждает, что появление термина культурное наследие непосредственно связано с процессом глобализации [см.: 14]. Стало быть, история регулярного использования термина в привычном нам смысле гораздо короче. Что, разумеется, никак не укорачивает историю концепции наследия, а только характеризует современное состояние заботы о нём.

Пожалуй, самыми выразительными примерами заботы о культурном наследии в истории средиземноморской культуры являются древнегреческий диортхозис [см.: 18] и средневековая христианская экзегетика [см., например: 7, 16, 19]. В первом случае на протяжении столетий отыскивается, реставрируется «оригинальный» текст гомеровского эпоса. Во втором, – в ходе толкования Священного Писания – христианами (в том числе и из язычников) как бы заново проживается, «обживается» история иудейского народа. Трудами александрийских филологов (в этой работе александрийские филологи (Зенодот Эфесский, Аристофан Византийский, Аристарх Самофракийский и др.) следовали традиции, начатой примерно в V в до н.э. ещё софистами) создаются окончательные экдосисы Иллиады и Одиссеи, использовавшиеся как тогда, так и теперь, как инструмент пайдейи. В трудах же христианских экзегетов, кроме их очевидного воспитательного смысла, вызревает ещё и новый тип восприятия времени в качестве линейного процесса, на горизонте нового христианского мира появляется будущее, древнее кольцо времени как бы размыкается. Показательно, что как для «пессимистичных» древних греков (о пессимизме греков писали, в частности, следующие авторы: Я. Буркхардт, Фр. Ницше, Э. Роде, А.И. Зайцев), так и для «оптимистичных» христиан ценность прошлого всегда понимается ввиду ценности будущего: древние греки используют записанный эпос в качестве учебников, т.е. смысл диортхозиса – в детях; христиане отыскивая доступную полноту Божественных глаголов в Заветах, исходят из правила: ветхое нужно понимать через Новое, но даже сама реальность Нового

Завета – преддверие будущего [*ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего* (Евр. 13:14)]. Т.о., «культурное наследие» – Ветхий и Новый Заветы, гомеровский эпос – всегда хранится ради будущего, это всегда забота: вроде бы о прошлом, но на самом деле – о будущем. Через эту неразрывную связь прошлого с будущим наследие и становиться единственной формой обнаружения настоящего.

Точно в таком виде парадигма культурного наследия существует и в позднем христианском средневековье. Начался, возможно, этот процесс с деятельности по изданию сочинений Отцов Церкви монахами-бенедиктинцами [2, с. 118 и далее]. Другой пример: важнейшим центром изучения и сохранения армянской культуры в Новое время стал монастырь, основанный Мхитаром Себастаци в 1717 г. в Венецианском заливе [15, с. 183-184]. В качестве примеров такого рода в русской культуре мы можем привести Православное Возрождение [см.: 13], а также главенствующую в средневековой культуре установку на необходимость оправдания традицией своей позиции, скажем, в догматических спорах [см.: 5, 12]. Последняя по времени волна интереса к старине, дошедшая до нас, возникает практически сразу после Петровских реформ [см.: 3], мы можем предположить, что она представляет собой, в частности, реакцию культуры, направленную на воссоздание условий существования доминант предшествующей эпохи, в частности, Православной Церкви. В этих примерах мы видим, что работа с прошлым представляет собой самоотверженное усилие, направленное в будущее.

Возможно, самой характерной чертой современного состояния заботы о старине является понимание того факта, что не только материальные элементы прошлого могут иметь значение для настоящего, но и нематериальный состав истории также необходим. Существенно то, что эта идея нашла законодательное и практическое воплощение в современной культуре. Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, принятая в 1972 г., и Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия, принятая в 2003 г., регламентируют доступные современному обществу практики отношения к старине [6]. Даже учитывая все более или менее очевидные недостатки сложившейся стратегии сохранения прошлого, нельзя забывать

о том, что сама эта схема складывалась достаточно долго и мучительно, также нужно помнить, что законодательно и практически закреплённая констатация различия между материальным и нематериальным сама по себе является за последние полвека наиболее выдающимся результатом в деле сохранения наследия. Дело в том, что в этой схеме воспроизводится одна из наиболее значимых для культуры констант: деление мира на зримое и незримое, на духовное и материальное [о значимости этого деления уже для античного и средневекового греческого мировоззрения см.: 21, p. 426]. Забота о культурном наследии вызвана не какими-то особенными, только сейчас возникшими обстоятельствами, которые могут привести к уничтожению памятников: памятники уничтожались всегда и не только людьми. Идеология культурного наследия появляется как выражение нужды в невидимом, тяги к утраченному. Она только на первый взгляд – забота о преходящем, по существу же – стремление разорвать горизонт этого преходящего, выйти за границы утомляющей предметности мира. Заботясь о конкретном памятнике, мы, в первую очередь, заботимся о памяти вообще, о своей возможности выйти из плена обстоятельств, реализовать свою свободу. Иначе говоря, концепция культурного наследия характеризует не только нашу заботу о материальном порядке вещей (о видимом), но, в первую очередь, именно современный способ восприятия прошлого, как, возможно, единственной доступной для современной культуры интуиции невидимого.

Что касается стратегических недостатков современной концепции охраны культурного наследия, то к ним, в первую очередь, следует отнести её неизбежную, но в то же время чрезмерную избирательность: предметы старины, не включённые во всевозможные охранные списки, как бы выводятся из-под опеки, их уничтожение, таким образом, как бы санкционируется культурой [9, с. 215-216]. С одной стороны, это вроде бы неизбежная ситуация: чем совершеннее орудие, тем *уже* область его применения. Но, с другой стороны, в этом же можно видеть генеральную линию развития культуры: современная культура, входящая в состояние *неотении*, избавляется от «культурного балласта», стремится забыть прошлое, собирая силы для перехода в принципиально новое состояние [4]. Не менее существенным недостатком современной концепции культурного

наследия является и её чрезмерная идеологичность [10, с. 199-207], и как следствие тот факт, что объекты культурного наследия попадают в пространство корыстных интересов. В самом деле, если речь идёт не о невидимом в принципе, а о не видимом большинством (а именно этим характеризуется идеологическая ситуация), то всегда найдётся предприимчивое меньшинство, которое углядит собственную корысть в сложившемся положении вещей. Так, например, возникают объекты культурного наследия в качестве туристического аттрактора, так же действует рынок антиквариата. Это уже не говоря о тысячелетиями проверенном способе прямо идеологического применения объектов культурного наследия в качестве трофеев и символов могущества.

Что нужно хранить?

Имея в виду эти, скорее всего неизбежные, недостатки концепции сохранения культурного наследия, рассмотрим подробнее такую её черту как универсальность, или «безразличие» средств и приёмов охраны памятника к той коренной традиции, которой этот памятник собственно и принадлежит. Сразу заметим, что, вероятно, иначе в эпоху глобализации охранять памятники и невозможно. Несмотря на то, что Конвенции 2003 г. принималась в условиях необходимости противостоять издержкам глобализации [см.: 11, Преамбула] избежать логики глобальной культуры было, разумеется, трудно. Конкретность каждого памятника растворяется в универсальности памятника вообще настолько, что уже можно говорить о некоем культурно-историческом тоталитаризме. Но совершенно в логике Гераклита («путь вверх и путь вниз – одно и то же») и Новалиса («где опасность, там и спасение») именно этот – вроде бы тупиковый – путь концептуализации культурного наследия и приводит современную культуру к пониманию важнейшей вещи: бытием обладают не те памятники, которые удалось «сохранить» (в нашем понимании этого слова), но те, которые удалось понять. Как и тысячу лет назад по-настоящему сохраняется не та книга, которая хранится за семью печатями, а та, которую зачитывают до дыр и переписывают из поколения в поколение. Но попытаемся рассмотреть подробнее эту диалектику актуализации старого знания о видимом и невидимом в современной культуре.

Умозрительность работы по сохранению прошлого, выражается, в частности, в стремлении к терминологической чистоте зачастую в ущерб практическим мерам. А также в связанной с этим «идеализацией» всей сферы работы по сохранению старины. Какими бы продуктивными ни были, например, такие понятия Конвенции 1972 г. как «памятник» и «достопримечательное место», всё-таки нельзя не отдавать себе отчёта в том, что в отрыве от той традиции, в которой существует каждый конкретный «памятник» ничего собственно памятного в нём не остаётся. Дело в том, что существование традиции обеспечивается не только и не столько совокупностью накопленного ей материального (и даже духовного) содержания, сколько теми целями, которые и определяют внутренний строй и жизнестойкость традиции. В случае же когда памятник конкретной традиции превращается в памятник вообще происходит подмена цели, стало быть меняется внутренний строй памятника, происходит его разрушение и утрата. Например, Успенское Четвероевангелие 835 г. в качестве памятника мировой культуры (памятника вообще) безусловно не может не вызывать интереса, пиетета перед историей христианской культуры как важной части общемировой культуры. Однако, переписано это Евангелие было отнюдь не для репрезентации значимых для современной культуры идей. В каких традициях существует Успенское Четвероевангелие? Например, оно является самой древней греческой датированной минускульной рукописью, кроме того книга происходит из Студийского монастыря, обнаружена рукопись была Порфирием Успенским в лавре Святого Саввы [описание рукописи в контексте истории минускульного письма с библиографией вопроса см. в кн.: 8, с. 162 и далее.] и т. д. Названные традиции – развития минускула, деятельности скриптория Студийского монастыря, достижения дореволюционной отечественной патрологической науки – составляют важные части христианской традиции учёности и образованности. Но, *во-первых,* это достаточно разрозненные части (минускул, возможно, был изобретён не в Студийском монастыре, рукопись была найдена не в Константинополе, а в Палестине; и вряд ли в патрологической науке есть такие законы, которыми обнаружение книги именно П. Успенским, а не каким-то другим исследователем является

строго детерминированным) этой большой традиции. *Во-вторых,* какие у нас есть основания считать целями традиции христианской учёности те цели, которые консолидируют современную общемировую культуру? В качестве последних мы можем указать, в частности, на те ценности, на которых базируется «Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия» 2003 г.: это «международно-правовые акты о правах человека». Так вот, можно ли считать представление современного общества о правах человека тем же самым, о чём проповедовал Христос? Может быть, чем-то похожим, генетически связанным с христианской проповедью, – но, очевидно, не тем же самым. Так же, как «свобода» в либерально-демократическом обществе – это не свобода в понимании Отцов Церкви; а «справедливость» в социалистическом обществе – это не справедливость платоновского «Государства».

В результате, превращая конкретное Четвероевангелие в «памятник», мы видим в нём то, что хотим и можем увидеть – сквозь смыслы, которые мы здесь и сейчас полагаем общемировыми и всеисторическими (права человека), но не само Четвероевангелие. Можно только предположить, что для того, чтобы получить возможность увидеть эту конкретную вещь адекватным образом потребуется быть включённым в литургическую и гражданскую жизнь средневекового Константинополя, принимать горячее участие в полемике о почитании икон и ещё воспроизвести столько условий адекватности, что окажется, что правильное восприятие Успенского Четвероевангелия доступно лишь ромею IX века. Значит ли это, что в любом случае мы имеем дело с дилеммой: древности воспринимаются либо неправильно, либо вообще скрыты от восприятия? Мы полагаем, что так дело и обстоит. Почему, собственно, мне труднее признать тот факт, что Успенское Четвероевангелие скрыто от моего восприятия, чем тот факт, что думы и чаяния идущего по тротуару прохожего совершенно мне неизвестны и непонятны? Нужно набраться решимости, чтобы признать: книга, которую я вижу и даже что-то о ней знаю, в своей сущности мне неизвестна; человек, встреченный и даже рассмотренный мной, в сущности мне неизвестен.

Древность невидима, – пусть признать это так же трудно, как согласиться с тем, что твой жизненный опыт оказывается недостаточным для понимания сущности первого встречного человека. Так, для определения своего рода узлов человеческих связей Альфред Щюц использует термин «конструкты первого порядка» [17], имея в виду некоторые установки, которые лежат в основании социальной жизни, но собственная достоверность которых не выдерживает никакой критики (проект, мотив, релевантность). Нечто подобное существует и в отношении к древности, суть моей «естественной установки» по отношению к ней можно выразить в формуле: представляя собой хронологическое завершение истории, современность никогда не отказывает себе в праве суда над прошлым, она никогда не признается в своей некомпетентности по отношению к прошлому. Это своего рода конструкт избыточной исторической компетентности, который и определяет характер наших явных и «официальных» взаимоотношений с прошлым. У того же А. Щюца есть описание «конструктов второго порядка», которыми должна определяться «естественная установка» учёного, изучающего общество, социолога. Можно предположить, что формулирование подобных установок для исследователей истории культуры смогло бы стать своеобразным кодексом отношения к старине. Однако, пожалуй, честнее будет отказаться от подобной иллюзии, поскольку конструкт, – каким бы он ни был и каким бы сиюминутным прагматическим потенциалам он не обладал, – всё-таки остаётся условностью, требованием времени, значит, иллюзией.

То, что древность невидима отнюдь не означает, что она лишена смысла. Вернёмся к примеру со случайным прохожим: он воспринимается мной только как представитель определённого человеческого типа (пол, возраст, национальность, положение в обществе и пр.) – ничего по существу его личности. Более того полноты его определений мне не достичь даже если я постараюсь понять его исходя из родовых для человека определений: понять его как представителя человеческого рода. То есть, я буду заранее знать, что он умеет отличать добро от зла, значит, что он разумен, что он свободен в выборе между добром и злом, что он способен творить и т. д. Это глубокое знание человеческой природы,

способное вызывать восторг и умиление или, наоборот, приводить в отчаяние, однако, не позволяет мне утверждать, что я знаю этого конкретного человека: его личность, совокупность ипостасных определений, остаётся от меня скрытой. Есть и третий путь: человек узнаётся в самых что ни на есть индивидуальных человеческих практиках – как муж, мать, друг, дочь... Кажется, этот факт не вызывает какого-то особенного возмущения, человек склонен, находясь в здравом уме, признавать ограниченность своих «компетенций» по отношению к другим людям. Почему бы часть этого великодушия не распространить и на древности? Ведь они не принадлежат мне, они не принадлежат даже моей эпохе, более того, не они от меня зависят, а, скорее, я и моя современность обязаны им своим происхождением. Почему бы не признать за ними права на владение их собственными, а не навязанными мною смыслами?

Итак, если я признаю, что Успенское Четвероевангелие, – по сути своей, вещь для меня невидимая, однако полная скрытых смыслов, то меняет ли это хотя бы отчасти характер моего отношения к древностям? Отчасти, вероятно, меняет, поскольку я получаю возможность производить важнейшую для культуры операцию: отличать видимое от невидимого. Я отличаю видимое в этой конкретной книге – весь материальный состав её исторического существования – от невидимого в ней – того, что никак этим материальным составом не мотивировано, однако неразрывно с ним связано. Иными словами, есть материал, на котором минускулом написан текст, а есть содержание этого текста – в принципе, связь их случайна, ведь содержание могло быть и иным. Но эта случайность произошла в IX веке, сохранилась во все последующие века, это и составляет уникальность нашей конкретной древности. Успенское Четвероевангелие не может содержать в себе писем Платона, точно также как оно не может быть написано унциалом, найдено не в Палестине, храниться не в Петербурге и пр. В этом его уникальность, особенность, подлинность или «аура», как говорил Вальтер Беньямин [1]. Только при этом, «владея» им, мы должны различать видимое в нём (его материальный строй) и невидимое (его содержание), отдавая себе отчёт в том, что в невидимом ценность этой книги не выше ценности любого современного издания четырёх Евангелий, правда, что ничуть и не ниже. Древность, красота и редкость не способны увеличить (или уменьшить)

ценность Евангелия. Законы у невидимого иные, чем у видимого (Второе, что остаётся научиться делать, уже отличив видимое от невидимого, — это понять, что невидимое важнее видимого).

Идея наследия у Апостола Павла

Идея наследства и наследия играет существенную роль в проповеди Апостола Павла. Очень важно при этом, что материальное наследство и духовное наследие не претерпевают разделения в словах Павла, более того, как раз единство этой концепции, возможно, и для современной культуры открывает прямой путь к сохранению памятников.

О каком наследстве идёт речь у Павла? Христиане наследуют собственное отечество (Евр. 11: 14), для них приготовлен небесный град (Евр. 11: 16). Но легко ли сынам Божиим вступить в свое наследие и каким образом это сделать? В сердцах людей есть залог Духа (2 Кор. 1:22, Ефес. 1:14, 2 Тим. 1:14 и др.), стало быть есть твёрдая гарантия грядущего и, вроде бы, можно не волноваться о будущем, спокойно его ожидать. Но ведь как сердца людей были запечатлены, какой ценой они были куплены у смерти (1 Кор. 6:20)? Как побеждается смерть, навсегда, после грехопадения, закрывшая врата Царствия Божьего? Бог становится человеком: рождается, живёт, умирает позорной смертью. Более того, обладая во всей полноте не только Божественной, но и человеческой природой, Он, воскресая как Бог, воскресает и как человек тоже, спасая, таким образом, из-под власти смерти всю человеческую природу, отныне люди вновь бессмертны, отныне врата Града Небесного распахнуты. Но ведь до них ещё нужно дойти – это и невыносимо тяжело, и смертельно опасно: рождение по-прежнему мучительно, тело тленно, хлеб горек от пота, душа подвержена соблазнам.

Смерть Христа может быть понята не только в этой логике победы над смертью, она оказывается необходимой ещё и в юридической логике. Апостол говорит евреям о Христе: *Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные к вечному наследию получили обетованное. Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, потому что завещание действительно после умерших: оно не имеет силы, когда завещатель жив.* (Евр.: 9: 15-17). Бог

сам искупает все преступления людей против Завета, принося в жертву собственного Сына, только теперь, искупленное этой кровью человечество, может вступить в свои наследственные права, вернуться в отечество. Эта жертва была не косвенной, не символической, а самой что ни на есть реальной: П*осему Христос, входя в мир, говорит: жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне.* (Евр. 10:5). Когда умирает Христос, в храме рвётся завеса (Матф. 27:51, Марк 15:38, Лк. 23:45), это означает конец ветхого человека и окончание косвенного и символического богослужения, – наступает реальность сыновства: *имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам через завесу, то есть плоть Свою, и имея великого Священника над домом Божиим, да приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистив сердца от порочной совести, и омыв тело водою чистою, будем держаться исповедания упования неуклонно, ибо верен Обещавший* (Евр. 10:19-23). Этот путь к наследию, требующий жертвы плотью и кровью, требующий смерти того, Кто оставляет наследство, является юридической транскрипцией Божественного дара и Его прощения, своего рода «правовым оформлением» сыновства. Это то, что следует помнить, если мы говорим в том числе и о культурном наследии.

Этот юридический язык, поскольку к нему прибегает Павел, был необходим его современникам, вероятно эта логика не чужда и ныне живущим людям. Расплата за долги ветхого мира должна была произойти по законам этого ветхого мира, – наверное, только так Новое может вступить в свои права. С одной стороны, видимые и самые что ни на есть реальные страдания плоти и даже смятение души Христа (Матф. 27:46, Марк 15:34), а с другой стороны – открываемое через это физическое страдание вплоть до смерти Царствие Божие и залог Духа, запечатлённый в человеческих сердцах. Может ли одно быть без другого – материальное без нематериального – в понимание наследства у Апостола Павла? Признаться, нам трудно представить, как можно не просто различить, но разделить духовное и материальное в том, что касается главного наследия человека –бессмертия и Рая. Однако, мы бы сильно ошиблись, предположив, что современники Павла легче нашего воспринимали

духовное и материальное в неразрывном единстве. Это антропологически невозможно – очень трудно допустить, что в истории было такое время, когда люди без разбору принимали, например, желаемое за действительное и легко этим желаемым обходились. Мечта о Царствии Божьем – это ведь всегда не только мечта, но реальность, запечатлённая в сердце Духом, та реальность, которая непременно осуществится. Тогда и теперь естественным было не просто единство материального и духовного, а именно трудность, мучительность достижения этого единства, необходимость чрезмерного напряжения всех человеческих сил (духовных и физических) для достижения этого естественного единства. Мы ведь знаем, что *От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Матф. 11:12), и что т*ерпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное* (Евр. 10:36). Соединение духовного и материального, это естественно, но очень непросто, – это не только исходный факт человеческого бытия, поскольку это уже было куплено дорогою ценою, но это ещё и задача, цель человека. (Предположим, есть прощение Отца, жертва Сына, залог Духа, но если любви в человеке нет, то слово не осуществится, никакого Царствия Небесного не будет).

Очень существенно здесь понимание христианского догмата о воскресении именно в собственном теле, но также существенно, что ипостасно осуществляется спасение именно Богом-словом, логосом. Для соединения видимого и невидимого, для полноты мира нужна вера, а верить нужно Слову и верить нужно «на слово». Бывают и чудеса, но не всегда можно понять истинное ли это чудо или наваждение. Слово же может быть только истинным, и уже сам человек должен отличить истинное слово от того, которое только кажется таким: истинное слово воплощено. Только на пути воплощения, от незримого к зримому возможна «верификация» души. Это та задача воплощения, единства духовного и материального, с которой человек должен справляться: так рождаются дети, пишутся стихи и трактаты, сочиняется музыка, строятся дома и выращиваются сады. Не то, чтобы человек на этом пути был предоставлен самому себе, – залог Духа проявляется в душе верой, которая как раз и есть *осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*

(Евр. 11:1). (Или: верой обещанный Дух стяжается (Гал. 3:14)). Разочарование Христа собравшимися людьми в случае с исцелением расслабленного, возможно, тем и объясняется, что они – ещё младенцы или слишком ленивы, чтобы верить в силу невидимого: им чудеса – по их немощи.

Стало быть, для наследия необходима жертва, вступление в наследие требует труда, терпения и смелости, главное же – нужна вера. В противном случае мы лишаемся сразу трёх вещей: сыновства как духовно-материальной идентификации, воплощения как единственного способа достижения действительного, а не призрачного существования, наконец, в-третьих, будущего. Мир без наследия, как мир без сыновства, воплощения и будущего – это невозможный мир. Как наследие Божие – печать бытия на возрождённом человеке, точно так же «культурное наследие» – возможно, единственный способ сохранения бытия человеком современной культуры. Потеря культурного наследия, разумеется, не так катастрофична, как того, о котором говорит Апостол Павел, тем не менее, грозящие в случае пренебрежения культурным прошлым потеря исторической идентификации, выпадение из истории и утрата всех шансов на будущее – тоже вполне достаточные поводы для беспокойства. Если так, то слова Павла относятся не только к каждому христианину, но ещё и к каждому историку, библиотекарю и музейщику: *Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха* (Евр.12:4).

Не стоит, пренебрегая современными культурными формами, или, наоборот, тщательно исследуя их, но только в узкопрофессиональном смысле, забывать о существовании в нашей культуре эталона соединения духовного и материального (или невидимого и видимого) миров, каким он был выработан в напряжённых практиках христианства. Мы, продолжая, по меньшей мере, логику христианской культуры, имеем возможность проверить правильность выбранного пути и в направлении охраны памятников. Здесь необходимо признать, что если рекогносцировка материального и нематериального (видимого и невидимого) уже произведена, то способов осуществления их единства мы пока не находим. На наш взгляд, понять заботу о старине как философскую (или даже богословскую) задачу, и является сейчас самым насущным делом по

охране культурного наследия. И если так, то, в первую очередь, нужно попытаться ответить на вопросы, которые очень похожи на те, что однажды уже были заданы, и на которые Апостолу Павлу однажды уже было, что ответить: Чем мы готовы пожертвовать ради сохранения старины? От кого ради этого мы готовы принять жертву, и кто готов её за нас принести? Во что мы верим, сберегая прошлое? Что мы наследуем из прошлого? Каким мы видим своё будущее? Что или кто является залогом нашей уверенности в будущем? В конечном счёте, все эти вопросы сводятся к одному: есть ли у нас право на наше культурное наследие?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Предисловие, составление, перевод и примечания С.А.Ромашко. М.: Культурный центр имени Гете; Медиум, 1996.
2. Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. Т.1. СПб., 1907.
3. Галкова О.В. Российские традиции охраны культурного наследия: дисс.… д-ра ист. наук. 24.00.01 – Теория и история культуры. Волгоград, 2012. С. 529.
4. Дриккер А.С. Физические аспекты метафизической трансформации. СПб.: РХГА, 2014.
5. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.-Л. 1955.
6. Климов Л.А. Музей в сохранении и презентации нематериального культурного наследия: дисс. … канд. культурологии. 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов СПб., 2012. С. 231.
7. Корсунский И. Новозаветное толкование Ветхого Завета. М., 1885.
8. Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. СПб., 2012.
9. Мадьяри-Бек, Иштван. Будущее как форма культурного наследия // Философия и образование в современном мире: Дни Философии в Санкт-Петербурге – 2012. Сб. ст. – СПб.: Владимир Даль, 2013.
10. Маковецкий Е.А. Подобие и подражание. Очерки по философии и истории культуры. (2-ое издание). СПб. Изд-во: РХГА, 2014. С. 219. ISBN 978-5-88812-616-5
11. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. – URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf (дата обращения: 14.02.2016).
12. Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. СПб., 2008.
13. Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. / Труды отдела древнерусской литературы, т. 23, Л. 1968.
14. Рыбак К.Е. Музей в нормативной системе (историко-культурологический анализ): дисс. … д-ра культурологии. 24.00.03 – Музееведение, консервация и

реставрация историко-культурных объектов. СПб., 2006. С. 287.
15. Саркисян Г., Худавердян К., Юзбашян К. Потомки Хайка: Очерк истории и культуры Армении. Ереван. 1998.
16. Светлов Р.В. Гнозис и экзегетика. СПб., 1998.
17. Щюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Щюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004.
18. Blum R. Kallimachos. The Alexandrian Library and the Origins of Bibliography. Translated from the German by Hans H. Wellisch. The University of Wisconsin Press. 1991.
19. Kannengiesser Ch. Handbook of Patristic Exegesis. The Bible in Ancient Christianity. Leiden, 2006.
20. Key Concepts of Museology. Ed. by **André Desvallées** and **François Mairesse**. Paris, 2010. URL: http://icom.museum/fileadmin/user_upload/pdf/Key_Concepts_of_Museology/Museologie_Anglais_BD.pdf (дата обращения: 14.02.2016).
21. Sheldon-Williams I.P. The Greek Christian Platonist Tradition from the Cappadocians to Maximus and Eriugena // The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy. Ed. by A.H. Armstrong. Cambridge, 1970.

MAKOVETSKY Eugene A. – doctor of Science in Philosopy, professor. Departmeny of Museum Stadies and Protection of Monuments, Institut of Philosophy, Saint-Petersburg State University. 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya naberezhnaya, 7/9. E-mail: evmak@yandex.ru.

THE RIGHT FOR CULTURAL HERITAGE.

The genesis of the modern concept of cultural heritage (XVIII century - the beginning of the XXI century) is considered as expression of one of cultural dominants: divisions of the world on visible and invisible (material and spiritual). The Christian idea of heritage is considered as a source of all modern intuitions of cultural heritage.

IDEA OF HERITAGE; CONCEPT OF CULTURAL HERITAGE; PAUL THE APOSTLE; NEW TESTAMENT; VISIBLE AND INVISIBLE; CULTURE.

СОДЕРЖАНИЕ

Никифоров В.М. Сергей Николаевич Погодин – ученый и университетский профессор. К 60-летию со дня рождения ……... 5

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ягья В.С. На повестке дня: G-3 ……... 26

Ерофеев Д.Р., Мукбиль М.Х. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в контексте межцивилизационного взаимодействия ……... 66

Демидова Е.Н. Брендинг страны как рекламная технология в эпоху информационного общества …….. 78

Болдырева Е.Л., Вопиловская Е.П. Политика и свобода печати в Швеции: законодательное регулирование ……... 85

Ягья Т.С. К вопросу о месте России в мировой экономике …….. 94

ИСТОРИЯ

Терехов А.Э. К проблеме персонификации совершенных мудрецов (*шэн*) в философской мысли Древнего Китая …… 106

Павлова О.К. История формирования и развития торговли и торгового сословия в средневековом Русском государстве ……. 134

Массов А.Я. Российский генеральный консул в Мельбурне М.М. Геденштром об изменении отношения Австралии к России и возможном развитии русско-австралийских связей …… 149

Мусаев В.И. Русская дачная жизнь на карельском перешейке в конце XIX – начале XX в. и финляндское общественное мнение …… 160

Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Физико-математический факультет Императорского Петербургского университета (1819-1917): опыт коллективной биографии ……... 177

Ярмолич Ф.К. Ленинград во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.: площадка международного диалога ……. 217

Сидорчук И.В. Биографика в контексте современных исследований по истории Петербургского университета …… 224

Булавенко О.А., Саблина М.А. Силой просвещения ……... 236

Колесников Д.Е. Художественное своеобразие романа А. Киви «Семеро братьев» ……... 253
Жуков А.Ф. Р.Б. Гуль – автор книги «Я унес Россию. Апология эмиграции» …….. 263
Гулева М.А. Рабочие, борцы и коммунисты: китайские друзья советских людей в журнале «Крокодил» (1922–1949 гг.) …… 277
Климин И.И. О численности и национальном составе трудовых мигрантов в современной России (2012–2015 гг.) …….. 287

ФИЛОСОФИЯ

Туровцев Т.А. Философское знание в школе. Абсурд или потребность …. 302
Соколова М.И. Образование и образ жизни: особенности интерпретации в мысли Климента Александрийского ……. 329
Каптен Г.Ю. На пути к отвержению оригенизма. Философские системы IV-VI веков …….. 337
Цыб А.В. «Неклассические» философско-платонические ренессансы Европы XVI-XVII веков: Испания и Англия. Постановка проблемы ……... 347
Безлепкин Н.И. Проблема единства и многообразия истории в отечественной философии истории второй половины XIX века ……... 360
Малинов А.В. Россия в историософской публицистике П.Г. Виноградова 369
Осипов И.Д. Отечественная философия XX века в её преемственности и развитии ……... 398
Маковецкий Е.А. Право на культурное наследие ……. 414

CONTENTS

Nikiforov, V.M. Sergey N. Pogodin, a scientist and University Professor. To the 60 Anniversary from the Birthday …….. 5

INTERNATIONAL RELATIONS

Yagya V.S. On the Agenda: G-3 …….. 26

Yerofeyev D.R., Mukbil, M.H. Russia's Foreign Policy in the Middle East in the Context of Intercivilizational Interaction ……... 66

Demidova E.N. Branding of the Country as Advertizing Technology During an Era of Information Society …….. 78

Boldyreva, E.L., Vopilovskaya, E.P. The Policy and the Freedom of Press in Sweden: Legislative Regulation ……... 85

Yagya T.S. The Question of Russia's Place in the Global Economy …….. 94

HISTORY

Terekhov A.E. On The Personification of The Sages (Sheng) in Ancient Chinese Thought ……... 106

Pavlova O.K. The Story of Trade and Trading Estate Formation and Development in Medieval Russia ……. 134

Massov A.Ya. Russian Consul General in Melbourne M.M. Hedenstrom Concerning the Changing in Australia's Perceptions of Russia and Possible Development of Russian-Australian Relations …… 149

Musaev V.I. Russian Country Life in the Karelian Isthmus in the Late 19th – Early 20th Century and the Finnish Public Opinion …… 160

Rostovtsev E.A., Barinov D.A. The Faculty of Physics and Math's of the St. Petersburg Emperor University (1819-1917): Studying the Collective Biography ……. 177

Yarmolich F.K. Leningrad in the Second Half of 1950 - Early 1960-ies.: Platform for International Dialogue ……. 217

Sidorchuk I.V. Biographical Studies and Contemporary Researches of the History of St. Petersburg University …… 224

Bulavenko O.A., Sablina M.A. THE Power of Enlightenment ……. 236

Kolesnikov D.E. Artistic Originality of the Novel by A. Kivi «Seven Brothers» …….. 253
Zhukov, A.F. Р.Б. R. B. Gul – Author of the Book «I Took the Russian. Apology Emigration» ……... 263
Guleva M.A. Workers, Fighters, Communists: Chinese Friends of Soviet People in Krokodil Magazine (1922–1949) ……. 277
Klimin I.I. On the Number and Ethnic Composition of Labour Migrants in Contemporary Russia (2012–2015) …….. 287

PHILOSOPHY

Turovtsev T.A. Philosophy at School. Absurd or Necessity ……... 302
Sokolova M.I. Clement of Alexandria of Education and the Way of Life …….. 329
Kapten G.Y. Ways to Rejection of the Origenism. Philosophical Systems of the 4-6th Centuries ……... 337
Tsyb A.V. "Unclassical" Philosophical Renaissance of Europe of the XVI-XVII Centuries: Spain and England. Designation of Problems ……... 347
Bezlepkin N.I. Problem of Unity and Variety of History in Domestic Philosophy of History of the Second Half of the 19th CENTURY ……. 360
Malinov A.V. Russia in Historiosophical Journalism P. G. Vinogradov …… 369
Osipov I.D. Native Philosophy of the Twentieth Century in its Continuity and Development ……. 398
Makovetsky E.A. The Right for Cultural Heritage ……. 414

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Сборник научных статей

№ 4 (2015)

Ежегодное издание

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52143 от 11 декабря 2012 г.

Сборник составлен под редакцией С.Н. Погодина

Редакция

Осипов И.Д. – научный редактор
Павлова О.К. – литературный редактор, корректор
Марченко М.А. – дизайнер обложки
Лютинская О.В. – компьютерная верстка
Гришина Н.Ю. – перевод на английский язык
Манцерова И.В. – выпускающий редактор

Тел. Редакции: 8(812) 329-47-42; 8(812) 606-62-42

Электронный адрес редакции: e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

Подписано в печать *Формат 60×84/16*
Усл. печ. л. *Тираж* *Заказ*

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного редакционной коллегией,
в типографии издательства Политехнического университета.
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Scientific articles selection

№ 4 (2015)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
"St. Petersburg State Polytechnic University"

Registration Certificate PI number FS77-52143 oa 11 December 2012

Chief Editor – Sergey N. Pogodin

Editorial Board of Almanac:

Osipov I.D. – Scientific editor
Pavlova O.K. – Literary editor, proofreader
Marchenko M. – cover design
Liutinskaia O.V. – DTP
Grishina Natalia Yu. – the English translation of
Mantcerova Irina V. – Managing Editor

Phone: 8(812) 329-47-42; 8(812) 606-62-42

E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

Signed for printing	*Format 60×84/16*	
Conventional Printed Sheet	*Circulation*	*Order*

Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251